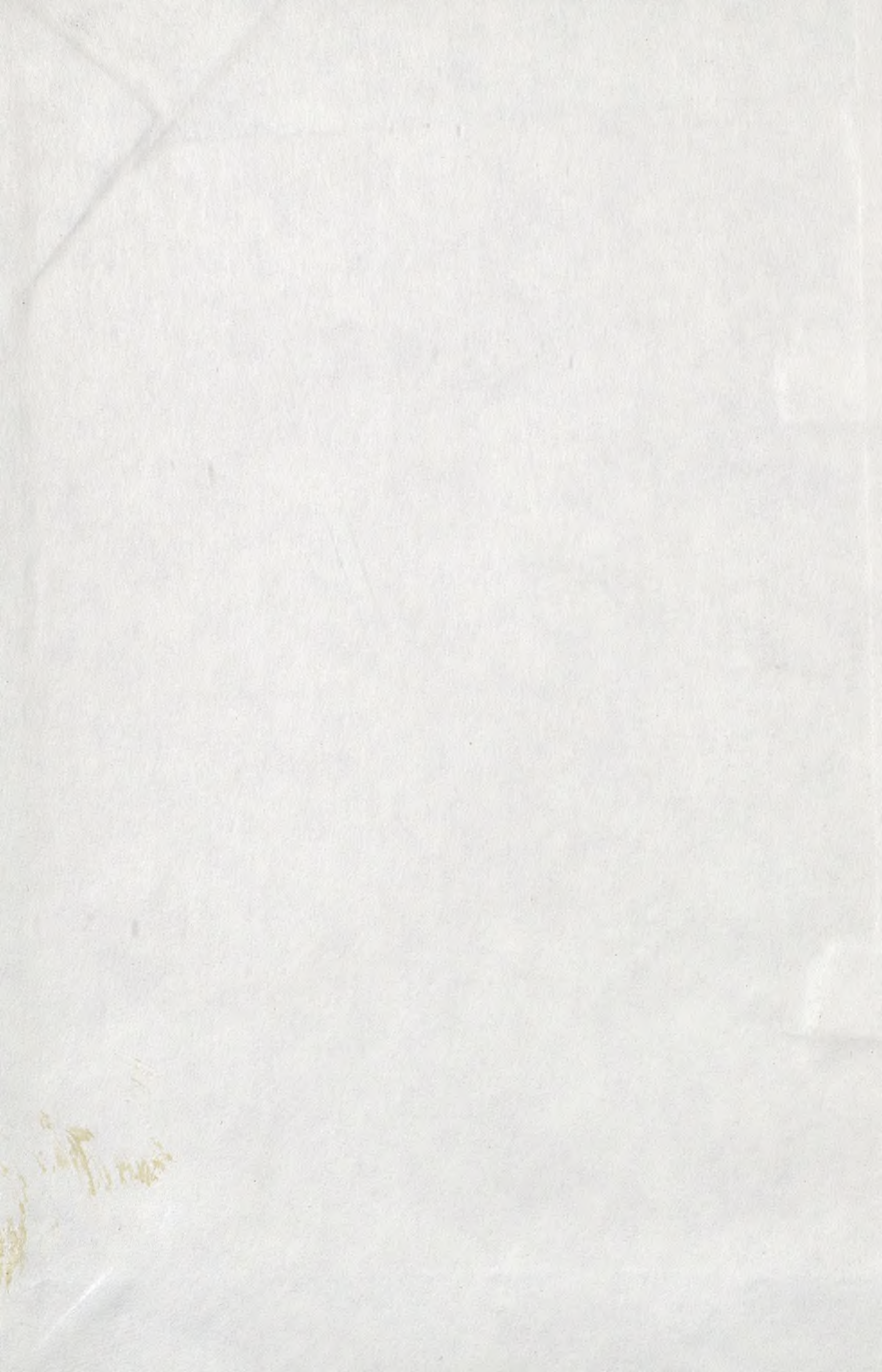

МЕМУАРЫ

КНЯЗЯ

АДАМА ЧАРТОРИЖСКАГО.

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. Ф. НЕКРАСОВА
1912

МЕМУАРЫ

князя

АДАМА ЧАРТОРИЖСКАГО

И ЕГО ПЕРЕПИСКА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

Переводъ съ французскаго А. Дмитріевой.

Редакція и вступительная статья

А. Кизеветтера.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. -2

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА
1912

12-8 Dr

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Мемуары кн. Адама Чарторижскаго являются однимъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи царствованія Александра I. Въ нихъ содержатся подробныя сообщенія о нѣкоторыхъ важныхъ моментахъ изъ жизни Александра Павловича, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ былъ только одинъ князь Адамъ. Уже это обстоятельство придаетъ мемуарамъ Чарторижскаго первостепенное значеніе. Но, кромѣ того, мы находимъ въ этихъ мемуарахъ немало интересныхъ характеристикъ и фактическихъ данныхъ, которыя въ своей совокупности слагаются въ обширную и яркую картину правительственной политики, придворныхъ отношеній и общественной жизни верхнихъ слоевъ столичной аристократіи въ Россіи первой четверти XIX столѣтія.

Личная судьба автора мемуаровъ, несомнѣнно наложившая глубокую печать на изложеніе его записокъ, была богата знаменательными перипетіями. И семейныя традиціи и непосредственныя впечатлѣнія молодыхъ лѣтъ рано сдѣлали изъ князя Адама сознательнаго послѣдователя польской патріотической идеи. Родъ Чарторижскихъ издавна игралъ выдающуюся роль въ политической жизни Рѣчи Посполитой. Въ XVIII столѣтіи Чарторижскіе заняли первостепенное положеніе въ своей странѣ и развернули энергическую дѣятельность, направленную на подготовку коренныхъ преобразованій въ государственномъ строѣ Польши. Они полагали при этомъ, что ихъ реформаторскія усилія всего вѣрнѣе достигнутъ цѣли при поддержкѣ Россіи, Австріи и Англіи, и въ этомъ отношеніи Чарторижскіе рѣзко расходились съ другой партіей, предводимой Потоцкими и опиравшейся на Францію, Швецію и Турцію.

тетѣ", въ которомъ обсуждались преобразовательные планы новаго правительства. Въ 1803 г. Александръ назначилъ кн. Адама попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Это назначеніе имѣло, конечно, весьма важное значеніе для князя въ связи съ его польскими планами. Вскорѣ князь Адамъ былъ поставленъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто ушедшаго на покой кн. Воронцова. Чарторижскій откровенно указалъ императору на то, что онъ можетъ направлять внѣшнюю политику Россіи не иначе, какъ въ согласіи съ интересами Польши, какъ онъ ихъ понимаетъ. Такимъ образомъ, Чарторижскій велъ свою линію открыто и начистоту. Императоръ Александръ тѣмъ не менѣе спокойно передалъ Чарторижскому министерскій портфель. Борьба съ Наполеономъ была уже рѣшена въ умѣ императора, и содѣйствіе Чарторижскаго было ему очень важно, такъ какъ послѣдній въ это время какъ разъ мечталъ о томъ, что Польша можетъ всего удобнѣе получить извѣстныя преимущества и выгоды именно подъ шумъ борьбы европейской коалиціи съ Наполеономъ. Но Александръ при этомъ былъ далекъ отъ того, чтобы поддаться вліянію Чарторижскаго. Наканунѣ борьбы съ Наполеономъ Александру нужно было заручиться сочувствіемъ Польши, и потому онъ поставилъ поляка во главѣ русской дипломатіи и еще болѣе подчеркнулъ свои симпатіи къ Польшѣ демонстративнымъ посѣщеніемъ Пулавъ—главной резиденціи семьи Чарторижскихъ. И, однако, тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ Александръ не менѣе демонстративно посѣтилъ прусскаго короля и высказалъ самое живое расположеніе къ сближенію съ Пруссіей, что совершенно уже не входило въ планы Чарторижскаго. Какъ бы то ни было, эпоха участія Россіи въ коалиціяхъ противъ Наполеона составила пору наиболѣе тѣсной близости Чарторижскаго къ русскому императору. Тильзитскій миръ рѣзко нарушилъ эту близость. Въ 1807 г. Чарторижскій оставилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, а въ 1810 г. навсегда покинулъ Петербургъ и сосредоточилъ свою дѣятель-

ность исключительно на управленіи виленскимъ учебнымъ округомъ. Однако, Александръ не упускалъ изъ виду князя Адама. Вѣдь, Александръ никогда не смотрѣлъ на тильзитскій договоръ съ Наполеономъ, какъ на прочное соглашеніе. То была лишь временная передышка передъ дальнѣйшей рѣшительной борьбой, и, готовясь къ этой борьбѣ, Александръ отлично понималъ, какую важную помощь можетъ еще оказать ему князь Адамъ по отношенію къ Польшѣ. Польскій вопросъ представлялъ въ это время одну изъ самыхъ тяжелыхъ гирь на вѣсахъ взаимныхъ отношеній Россіи и Франціи. Наполеонъ сталъ кумиромъ большей части польскаго общества. Отъ него ждали возрожденія Польши. Въ секретныхъ переговорахъ съ Наполеономъ Александръ усиленно настаивалъ, чтобы Наполеонъ обнародовалъ категорическое заявленіе о томъ, что Польша никогда не будетъ возстановлена. И въ то же время Александръ старался расположить поляковъ въ свою пользу, давая имъ подъ рукою заманчивыя обѣщанія. Для этой-то послѣдней цѣли ему и понадобился вновь князь Чарторижскій. Изъ этихъ проектовъ, въ обсужденіи которыхъ князь Адамъ не замедлилъ принять дѣятельное участіе, ничего не вышло. Наполеонъ двинулся на Россію, и Польша восторженно встрѣтила его армію. Въ эпоху Вѣнскаго конгресса князь Адамъ снова появляется на политической сценѣ въ качествѣ совѣтника Александра по дѣламъ Польши. Дѣло шло о созданіи Царства Польскаго, связаннаго съ Россіей персональной уніей и получающаго самостоятельную конституцію. Князь Адамъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ этого важнаго дѣла, столь отвѣчавшаго основамъ его программы: онъ все еще вѣрилъ въ возможность создать самостоятельную Польшу при помощи и подъ эгидой Россіи. Въ устроеніе Царства Польскаго онъ вложилъ много заботливаго и настойчиваго труда. Въ Польшѣ считалось уже почти рѣшеннымъ, что ему будетъ предоставленъ постъ намѣстника въ Царствѣ. Онъ самъ лелѣялъ эту надежду. Но ей не суждено было сбыться,

Онъ получилъ лишь мѣсто сенатора и члена административнаго совѣта. Съ этого момента наступаетъ окончательное охлажденіе между Александромъ и княземъ Чарторижскимъ. Въ 1823 г. князь былъ освобожденъ отъ должности попечителя виленскаго учебнаго округа. Онъ замкнулся въ своихъ Пулавахъ и предался научно-литературнымъ занятіямъ. Послѣдующія событія нѣсколько разъ еще вызывали его изъ кабинетнаго уединенія на политическую арену. Но теперь онъ выступалъ на этой аренѣ уже въ иной роли: не въ качествѣ посредника между польской націей и русскимъ престоломъ,—для такого посредничества не было болѣе почвы,—а въ качествѣ одного изъ организаторовъ направленныхъ противъ русскаго владычества польскихъ движеній.

Въ 1825 г. князь Адамъ по званію сенатора принялъ участіе въ судѣ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ, судѣ, который окончился полнымъ оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ. Когда въ 1830 г. вспыхнуло польское возстаніе, князь Адамъ, хотя и не вѣрилъ въ возможность какого-либо успѣха, тѣмъ не менѣе принялъ постъ президента сената и національнаго правительства. Послѣ подавленія возстанія князь Чарторижскій эмигрировалъ сначала въ Англію, а затѣмъ поселился на весь остатокъ жизни въ Парижѣ. Онъ прожилъ еще около 30 лѣтъ. Всѣ эти годы онъ посвятилъ заботамъ о польскихъ эмигрантахъ: оказывалъ нуждающимся изъ ихъ среды широкую матеріальную помощь, основывалъ школы и пріюты для ихъ дѣтей и т. п. Въ то же время онъ зорко слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій, подстерегая удобный моментъ для новаго возбужденія вопроса о возстановленіи самостоятельности Польши. Особенно воспрянулъ онъ духомъ въ 1855—56 годахъ, когда въ связи съ восточной войной, по его мнѣнію, создавалось политическое положеніе, благопріятное для видовъ Польши. Онъ мечталъ о томъ, чтобы добиться для Польши самостоятельнаго представительства на парижскомъ конгрессѣ, на тѣхъ же правахъ, на которыхъ туда былъ допущенъ пред-

ставитель Сардиніи. Былъ моментъ, когда эта мечта, казалось, уже готова была осуществиться. Но, въ концѣ концовъ, этотъ планъ не увѣнчался успѣхомъ.

Чарторижскому было уже за девяносто лѣтъ, когда разразилось польское возстаніе 1861—62 гг. Несмотря на глубокую старость, онъ снова обнаружилъ энергическую дѣятельность. Теперь она была направлена на то, чтобы подготовить вмѣшательство европейскихъ державъ въ русско-польскую распрю. Среди этихъ новыхъ тревогъ и заботъ, князя Адама Чарторижскаго не стало.

Этотъ бѣглый очеркъ политической карьеры Чарторижскаго достаточно указываетъ на то, какой богатый матеріалъ для историческихъ мемуаровъ долженъ былъ накопиться у него въ теченіе его долгой и многосодержательной жизни. Оставленныя имъ записки доведены лишь до 1823 года. Онѣ разбиваются на два тома. Первый томъ, издаваемый нынѣ въ русскомъ переводѣ, *) обнимаетъ время съ ранняго дѣтства автора мемуаровъ и кончая Аустерлицкой битвой. Первыя двѣ главы посвящены дѣтству и отрочеству автора. Начиная съ третьей главы, записки пріобрѣтаютъ первостепенное значеніе для новѣйшей исторіи Россіи. Въ главахъ III и V дается любопытная картина двора Екатерины и жизни главнѣйшихъ вельможъ того времени. Глава IV особенно драгоцѣнна. Здѣсь подробно передана первая бесѣда князя Адама съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. То была политическая исповѣдь Александра въ его затаенныхъ и завѣтныхъ помыслахъ и стремленіяхъ. Бесѣда происходила съ глазу на глазъ, и потому свидѣтельство о ней Чарторижскаго остается единственнымъ и незамѣнимымъ. Главы VI, VII и VIII посвящены царствованію Павла. Помимо описанія общихъ особенностей этого царствованія, здѣсь важны сообщенія Чарторижскаго о возникновеніи при великомъ князѣ Александрѣ тѣснаго кружка

---

*) Переводъ второго тома подготовляется къ печати.

интимныхъ друзей—изъ Новосильцова, Строганова и самого Чарторижскаго,—которые съиграли затѣмъ такую важную роль въ началѣ царствованія Александра. Исторія образованія этого кружка передана авторомъ со многими живыми подробностями, которыя могли быть извѣстны только участнику этихъ тайныхъ совѣщаній. Слѣдующія четыре главы (IX, X, XI и XII) обнимаютъ первые пять лѣтъ царствованія Александра. Здѣсь прежде всего интересны указанія на то, какъ постепенно измѣнялось настроеніе и обращеніе съ окружающими Александра, по мѣрѣ того, какъ онъ входилъ въ роль носителя верховной власти. Большое значеніе имѣетъ данный Чарторижскимъ очеркъ дѣятельности неоффиціальнаго комитета. Показанія Чарторижскаго не утрачиваютъ историческаго интереса и послѣ опубликованія подлиннаго текста тѣхъ протокольныхъ записей, которыя велъ въ этомъ комитетѣ графъ Строгановъ и которыя опубликованы въ приложеніи къ труду великаго князя Николая Михайловича: „Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ.“ Фактическая исторія этого комитета почти цѣликомъ вскрыта въ записяхъ Строганова, но показанія Чарторижскаго важны для насъ, какъ свидѣтельство о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя выносилъ изъ засѣданій комитета одинъ изъ видныхъ его участниковъ. Далѣе, Чарторижскимъ хорошо очерчена та промежуточная роль, которую играли въ это время такіе вельможи, какъ Воронцовы, занявшіе среднее положеніе между членами неоффиціальнаго комитета и партіей старыхъ сенаторовъ. Особенный интересъ представляютъ, наконецъ, тѣ страницы этого тома мемуаровъ Чарторижскаго, которыя посвящены очерку внѣшней политики России за первые годы царствованія Александра. Вѣдь, руководство внѣшней политикой России въ значительной мѣрѣ, если не всецѣло, сосредоточивалось въ это время какъ разъ въ рукахъ Чарторижскаго, и потому его признанія въ этой области бросаютъ свѣтъ на дѣйствительные мотивы и цѣли тогдашнихъ дѣйствій нашей дипломатіи. Чарторижскій вполнѣ откровененъ въ этихъ при-

знаніяхъ: онъ прямо указываетъ на то, что при выработкѣ программы внѣшней политики Россіи первостепенное значеніе имѣли для него интересы Польши.

Такова историческая цѣнность издаваемыхъ мемуаровъ. Конечно, изложеніе Чарторижскаго не лишено личной окраски: Кое о чемъ онъ дипломатично умалчиваетъ. Такъ, напримѣръ, мы не находимъ въ этихъ мемуарахъ ни малѣйшаго намека на романическій характеръ отношеній Чарторижскаго къ великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, супругѣ Александра Павловича. Эти отношенія обрисованы въ нѣкоторыхъ другихъ мемуарахъ той эпохи и отчасти въ письмахъ самой Елизаветы Алексѣевны, изданныхъ недавно великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Живя при дворѣ Екатерины въ Царскомъ Селѣ, Чарторижскій былъ очарованъ молодой великой княгиней и не скрывалъ своего обожанія, а великій князь Александръ, казалось, поощрялъ своего друга на этомъ пути. Великая княгиня чрезвычайно тяготилась этимъ ухаживаніемъ, не находя въ немъ ничего пріятнаго для себя.

Обо всемъ этомъ въ мемуарахъ Чарторижскаго нѣтъ ни слова, ни намека. Итакъ, мемуары Чарторижскаго не являются полной и безхитростной лѣтописью его жизни. Онъ выбираетъ факты, ретушируетъ дѣйствительность.

Его отзывы о лицахъ и событіяхъ носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ его политическихъ симпатій и антипатій. При оцѣнкѣ его показаній необходимо учитывать тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ наблюдалъ окружающую жизнь. Однако, читатель его мемуаровъ поставленъ при этомъ въ благопріятныя условія въ томъ смыслѣ, что Чарторижскій нисколько не старается затушевать своего личнаго отношенія къ описываемымъ явленіямъ, но, наоборотъ, съ полной откровенностью и усиленно подчеркиваетъ особенности своей точки зрѣнія. Это значительно облегчаетъ пользованіе мемуарами Чарторижскаго, какъ историческимъ источникомъ. Притомъ же та оцѣнка, которую Чарторижскій даетъ событіямъ и ли-

цамъ, сама по себѣ является для насъ цѣннымъ историческимъ фактомъ, хотя бы мы и не всегда были съ нею согласны по существу. Мемуары Чарторижскаго—не только собраніе различныхъ историческихъ эпизодовъ; это—исповѣдь польскаго патріота, проведшаго всю жизнь въ мечтахъ и заботахъ о возстановленіи политической самостоятельности своего отечества; и мемуары, вышедшіе изъ-подъ его пера, показываютъ намъ, въ какихъ краскахъ представлялись настроенному такимъ образомъ человѣку русская жизнь и люди, стоявшіе во главѣ ея, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Въ этой книгѣ все интересно и важно для историка,—и сообщаемые авторомъ факты и самъ авторъ въ его сужденіяхъ объ этихъ фактахъ. Среди мемуарной литературы, относящейся къ началу XIX столѣтія, эта книга занимаетъ, безспорно, видное мѣсто.

А. Кизеветтеръ.

ГЛАВА I.

1776—1787. *)

Первые годы дѣтства. Семейныя воспоминанія.

Воспоминанія самыхъ раннихъ лѣтъ моего дѣтства не совсѣмъ ясно встаютъ въ моей памяти; какъ въ пейзажѣ, въ нихъ есть мѣста яркія, есть и теряющіяся въ туманной дали. Всего яснѣе вспоминаю я изъ этого времени Розанку на Бугѣ, ея старый каменный домъ, въ которомъ когда-то жили Потѣи и подъ которымъ было множество разныхъ подземныхъ ходовъ, гдѣ они устроили погреба съ превосходными старыми винами.

Это было въ 1776 году. Мой отецъ, тогда командиръ гвардейскаго литовскаго полка, привелъ свой полкъ на лѣто въ Розанку, чтобы подготовить его тамъ къ военнымъ маневрамъ, которые онъ хотѣлъ ввести въ Польшѣ. Для этой цѣли онъ выписывалъ хорошихъ солдатъ изъ Пруссіи, а также посылалъ туда нашихъ молодыхъ людей на выучку.

---

*) Князь Адамъ-Георгъ Чарторижскій родился 14 января 1770 года въ Варшавѣ. Его отецъ, князь Адамъ-Казиміръ Чарторижскій, генеральный староста Подоліи, родился 1734 г. въ Данцигѣ, во время осады этого города, въ царствованіе короля Лещинскаго, приверженцами котораго были его родители. Онъ умеръ въ 1823 году. Мать князя Адама, княгиня Изабелла Чарторижская, была дочь саксонскаго графа Флемминга, родомъ изъ Голландіи. Ея семья, въ царствованіе Августа II-го, переѣхала въ Польшу. Графиня Изабелла родилась въ 1746 году, а умерла въ 1835. У князя Адама былъ братъ, князь Константинъ, родившійся 1773 г. и умершій 1860 г. и пять сестеръ, изъ которыхъ

Я помню палатки, разбитыя на зеленомъ газонѣ двора, и офицеровъ гвардіи, собиравшихся въ нихъ къ обѣду. Помню также полкового священника, бернардинца. Это былъ человѣкъ высокаго роста, умѣвшій вызывать къ себѣ расположеніе офицеровъ, которые любили шутить съ нимъ.

Гетманъ Браницкій, давнишній близкій другъ моего отца, посѣтилъ Розанку. Въ то время гетманы снова пользовались всѣмъ своимъ прежнимъ значеніемъ, и Браницкій былъ принятъ со всѣми оффиціальными почестями, не говоря уже о гостепріимствѣ, оказанномъ ему въ нашемъ домѣ.

Весь полкъ былъ одѣтъ въ парадную форму и казался мнѣ цѣлой арміей, несмотря на то, что состоялъ всего изъ двухъ батальоновъ.

Ко мнѣ былъ приставленъ тогда камердинеръ моего отца, французъ Буасси, уроженецъ города Понтуазъ, близъ Парижа, добрый и умный человѣкъ, который своимъ демократизмомъ съ раннихъ лѣтъ предохранилъ меня отъ вліянія довольно распространенныхъ въ то время въ Польшѣ идей и привычекъ величія и барства и рано пробудилъ во мнѣ наклонность къ независимой и полезной дѣятельности.

Среди разныхъ мелкихъ происшествій того періода моего дѣтства, мнѣ вспоминается одна прогулка по холму, на которомъ стоялъ нашъ домъ. Спускъ съ него былъ довольно крутой и шелъ къ самому городу, расположенному у подошвы холма. Буасси уговорилъ меня сбѣжать съ холма, но я не могъ добѣжать до конца, упалъ лицомъ ό земь и покатился внизъ. Мнѣ

нѣкоторыя умерли молодыми. Изъ оставшихся въ живыхъ, княжна Марія, родившаяся въ 1766 году и умершая въ 1854, была замужемъ за принцемъ Людвигомъ Вюртембергскимъ, братомъ русской императрицы. Княжна Софья, родившаяся въ 1776 году и умершая въ 1836, была замужемъ за графомъ Станиславомъ Замойскимъ. Изъ двухъ князей Чарторижскихъ, о смерти которыхъ говорится дальше, одинъ— князь Михаилъ-Фридрихъ, литовскій канцлеръ, родился въ 1696 и умеръ въ 1775 году, другой—Августъ, воевода русскій, дѣдъ князя

было очень совѣстно моей неловкости, тѣмъ болѣе, что находившіяся внизу еврейскія дѣти начали смѣяться надо мной. Это меня страшно разсердило и мнѣ стоило большого труда успокоиться послѣ этой неудачи.

Въ то время мои родители обыкновенно проводили лѣто въ Вольчинѣ, находившемся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Розанки. Съ этимъ мѣстомъ связаны мои дальнѣйшія воспоминанія. Тамъ былъ обширный дворецъ, въ которомъ жилъ канцлеръ, князь Михаилъ Чарторижскій, дядя моего отца. Въ этомъ дворцѣ подъ наблюденіемъ княгини, супруги дяди, воспитывалась моя мать, тамъ же вышедшая замужъ за своего дядю по матери, князя Чарторижскаго, сына воеводы.

Оба старыхъ князя очень желали этого брака, но ему сильно противилась княгиня Любомірская, сестра отца. Ея противодѣйствіе возрасло еще благодаря слѣдующему обстоятельству. Незадолго до замужества мать, зайдя въ избушку какого-то крестьянина, нашла тамъ въ люлькѣ ребенка въ оспѣ, въ самый разгаръ болѣзни. Потрясенная видѣннымъ, такъ какъ нѣсколько ея сестеръ умерли отъ этой болѣзни, она сама заболѣла оспой и такъ сильно, что отчаивались ее спасти. Какъ только она немного оправилась, родные поспѣшили съ этимъ бракомъ. Ее одѣли къ вѣнцу. Она вышла съ лицомъ, покрытымъ струпьями и большими красными пятнами, и въ парикѣ на головѣ, такъ какъ у нея совершенно выпали волосы. Съ княгиней Любомірской сдѣлалось дурно отъ отчаянья, что ея брату доставалась такая уродливая жена. Но какъ ни велико

Адама, родился въ 1697 и умеръ въ 1782 году. Оба брата были вождями партіи реформы, которая старалась спасти Польшу отъ грозившихъ ей разоренія и паденія. Программа реформы сводилась, какъ это извѣстно, къ замѣнѣ системы избранія короля наслѣдственной системой, уничтоженію гибельнаго Liberum veto, возсозданію финансовъ, постоянной арміи и проч. Главныя препятствія заключались во внутренней анархіи и въ алчныхъ вожделеніяхъ, идущихъ извнѣ.

было ея вліяніе на отца, она не могла помѣшать этому браку, который считался всей семьей очень выгоднымъ.

Спустя нѣкоторое время мать совершенно оправилась отъ этой болѣзни и вскорѣ сдѣлалась замѣчательной красавицей.

Главное зданіе въ Вольчинѣ было деревянное, другія же постройки каменныя. Я вспоминаю тамъ портреты Карла XII, Августа II, Понятовскаго, отца короля. Былъ тамъ и огромный садъ, раздѣленный длиннымъ, широкимъ каналомъ, въ концѣ котораго стояла статуя Нептуна со всей его свитой, во французскомъ стилѣ, столь модномъ въ то время, въ подражаніе версальскимъ садамъ.

Въ Вольчинѣ бывали блестящія собранія, играли и ставили разныя пьесы. Однажды были устроены гонки на водѣ. Мужчины, въ подходящихъ къ этому случаю костюмахъ тритоновъ, бросались въ каналъ; среди нихъ особенно выдѣлялся генералъ, графъ Брюль.

Мать учила меня французскому языку. Какъ-то разъ задала она мнѣ выучить наизусть прочитанный мною вмѣстѣ съ ней отрывокъ изъ Расина, въ которомъ Митридатъ открываетъ своимъ дѣтямъ свой замыселъ противъ римлянъ. О, эти стихи! Никогда я не могъ забыть ихъ и вотъ почему. Мы часто предпринимали шумныя, веселыя и очень пріятныя прогулки въ Рымчай. То была деревня, лежавшая въ окрестностяхъ нашего имѣнія, съ чрезвычайно живописнымъ источникомъ. Мать любила украшать это мѣстечко. Такъ какъ я не выучилъ заданнаго урока, то меня оставили дома, къ большому моему огорченію.

Въ обширныхъ садахъ Вольчина водилось много ланей. Когда однажды я гулялъ по саду съ Буасси, на меня набросился олень, повалилъ на землю и готовился было ударить рогами, но Буасси прибѣжалъ на помощь и палкой отогналъ животное.

Мнѣ припоминается также докторъ Гольцъ, не разлучавшійся никогда съ моимъ отцомъ, и одинъ молодой женевецъ,

по имени Люиллье, учитель математики, дававшій мнѣ уроки безпрерывно въ теченіе десяти лѣтъ.

Въ моей памяти встаетъ также Нѣмцевичъ, уже тогда посѣщавшій нашъ домъ, и мнѣ помнится, какъ танцуя съ моей старшей сестрой, онъ поскользнулся и упалъ во время мазурки. Мои сестры, бывшія старше меня, казались мнѣ тогда уже совсѣмъ взрослыми дѣвицами; онѣ играли на роялѣ и должны были принимать гостей.

Самымъ близкимъ нашимъ сосѣдомъ былъ Клокоцкій, жившій въ Сычикахъ, къ которому мы часто ѣздили въ гости по вечерамъ. У него былъ огромный прудъ; въ прудѣ водилось много рыбы; на звонъ колокольчика рыбы выплывали, и мы бросали имъ хлѣбъ въ воду. Княжнинъ упоминаетъ объ этомъ въ своихъ стихахъ.

Войскій Клокоцкій и его жена были настоящіе представители польскаго общества старыхъ временъ,—онъ съ его закрученными вверхъ усами, она,—съ лицомъ сплошь покрытымъ мушками. Сынъ ихъ впослѣдствіи очень долгое время постоянно бывалъ и обѣдалъ въ нашемъ домѣ.

Мои первыя воспоминанія о Варшавѣ представляются мнѣ какъ-то смутно.

Меня сильно поразила смерть князя канцлера, повлекшая за собой трауръ всего Голубого дворца *). Мое вниманіе въ особенности было привлечено тѣмъ, что всѣ во дворцѣ одѣлись въ черное.

Я помню также стыдъ и огорченіе, которое я испыталъ однажды, когда, желая оправдаться въ одномъ какомъ-то проступкѣ, я свалилъ свою вину на прислугу, курьера, которыхъ тогда обыкновенно держали во дворцахъ. Курьеръ этотъ, по имени Антонъ, былъ слишкомъ толстъ и негоденъ для своей службы. Его привели ко мнѣ, одѣтаго въ овечью шкуру, и онъ сталъ упрекать меня, что изъ-за меня его выгнали со

---

*) Резиденція Чарторижскихъ въ Варшавѣ.

службы. Я сознался въ своей винѣ, и только позже мнѣ пришла въ голову мысль, что это была простая комедія. Тѣмъ не менѣе случай этотъ былъ для меня очень полезенъ.

Въ это время я сильно заболѣлъ. У моего дѣда было нѣсколько врачей, между ними одинъ, по имени Бартъ; всѣ они приговорили меня къ смерти.

Мать бросилась передъ ними на колѣни, умоляя ихъ продолжать леченіе, но ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственность за примѣненіе крайнихъ средствъ. Тогда маршалъ Ржевускій, другъ моихъ родителей, привезъ доктора Беклэра, придворнаго врача короля Станислава-Августа, и онъ спасъ меня.

Новая жизнь началась для меня съ этого времени. Мнѣ дали въ руководители полковника Цесельскаго, начали очень заботиться о моемъ здоровьѣ, и я сталъ проводить столько же времени въ Повонзкахъ, *) сколько и въ Варшавѣ. Въ Голубомъ дворцѣ устраивались празднества, въ которыхъ участвовалъ и я вмѣстѣ съ сестрами, ставшими уже взрослыми дѣвицами. У насъ во дворцѣ проживало тогда нѣсколько французовъ, которые принимали очень большое участіе въ устройствѣ этихъ удовольствій. То были—Дариньи, учитель танцевъ, очень способный человѣкъ, служившій раньше въ Парижской оперѣ и балетмейстеромъ въ Штутгартѣ, гдѣ герцогъ Вюртембергскій разорялся на театральныя представленія, затѣмъ Патонаръ, взявшій на себя завѣдываніе музыкальной частью, и Норблэнъ, занимавшійся декораціями.

Какъ-то разъ, послѣ одного изъ такихъ представленій, когда уже всѣ разъѣхались, вспыхнулъ пожаръ. Огонь показался въ боковомъ крылѣ дома, гдѣ жили мои сестры. Первыми бросились на помощь наши французы, еще не успѣвшіе снять своихъ театральныхъ костюмовъ. На одномъ изъ нихъ были шелковые чулки краснаго цвѣта; въ то время, какъ онъ по-

*) Вилла въ окрестностяхъ Варшавы.

могалъ тушить огонь, одинъ изъ слугъ вылилъ на него огромный ушатъ воды, думая, что горятъ его ноги. Сестры съ гувернанткой, мадемуазель Пти, и съ ихъ подругами, дѣвицами Нарбутъ, спасаясь, должны были бѣжать на другой конецъ двора.

Въ ужасѣ смотрѣли мы на пламя, которое распространялось все больше и охватывало весь флигель.

Александрина, старшая изъ сестеръ Нарбутъ, была въ отчаяньи и, думая, что мы лишаемся всего нашего состоянія, хотѣла, чтобы мои родители переѣхали въ деревню ея родителей Sukurcze, въ Лидскомъ округѣ. Мои сестры поселились послѣ того въ главномъ зданіи. Въ эго время родилась моя младшая сестра Софья. Меня, ради здоровья нашли полезнымъ учить верховой ѣздѣ, что доставило мнѣ огромное удовольствіе. Чаще всего я совершалъ свои прогулки въ Повонзки.

Когда я спрашиваю себя — какое время въ моей жизни было самое счастливое, мнѣ кажется, что это были минуты, проведенныя мною въ Повонзкахъ. Это помѣстье представляло изъ себя нѣчто вродѣ оазиса, окруженнаго цѣлымъ моремъ песковъ. Само же оно было все въ зелени. Каждый изъ дѣтей имѣлъ хижинку съ садомъ, а посерединѣ, на возвышеніи, надъ прудомъ, вода котораго, стекая въ маленькую рѣченку, орошала всѣ посадки, стоялъ домъ матери, болѣе обширный, окруженный лѣсомъ.

Чтобы украсить это помѣстье, моя мать устроила въ немъ искусственныя развалины. Вообще тамъ было все, что угодно. Былъ островъ, былъ гротъ на островѣ, была мельница, конюшня, въ видѣ стариннаго амфитеатра и обширный дворъ, съ множествомъ куръ и голубей, которыхъ мы часто кормили.

Мы рѣдко принимали въ Повонзкахъ гостей, а жили только своимъ кружкомъ, мы для матери, мать для насъ; однако, и эта жизнь могла дать много интереснаго для наблюдателя. Это была безпрерывная пастораль, картина настоящей деревенской поэзіи.

Каждая изъ хижинъ повонзковской колоніи имѣла свою особую эмблему. У сестры Маріи эмблемой былъ зябликъ съ надписью: „веселость“. Мнѣ дали вѣтку дуба съ надписью: „твердость“. Надъ домомъ матери была изображена курица съ цыплятами. Надъ хижиной сестры Терезы—корзина съ бѣлыми розами и надписью: „доброта“. У управляющаго имѣніемъ, г-на Войскаго, эмблемой былъ улей съ пчелами и съ надписью: „дѣятельность“. Дѣвицы Нарбутъ имѣли также свои домики въ Повонзкахъ. Все это было придумано и устроено моей матерью.

Вставали всѣ рано, завтракали у матери, а иногда у жены Войскаго, которая угощала насъ великолѣпнымъ кофе. Затѣмъ расходились, чтобы работать въ саду. Къ обѣду являлся изъ Варшавы одинъ изъ нашихъ слугъ, по имени Мартынъ, съ осликомъ, нагруженнымъ двумя корзинами съ ѣдой. Этого ослика ожидали съ нетерпѣніемъ и встрѣчали съ радостью. Каждый разъ столъ накрывался въ какомъ-нибудь иномъ мѣстѣ. Китайскій колоколъ сзывалъ всѣхъ къ обѣду.

Иногда мы совершали прогулки на ослахъ, а по воскресеньямъ отправлялись къ обѣднѣ въ Вавнишевъ, одни верхомъ на ослахъ, другіе пѣшкомъ.

Время отъ времени устраивали торжественныя празднества, на которыхъ иногда присутствовалъ и король. Однажды на широкой полянѣ, окруженной небольшимъ ольховымъ лѣскомъ, выбранной нарочно для театральныхъ представленій, изображали картину подписанія Хотинскаго мира. Любомірскій, принявшій командованіе арміей послѣ Ходкевича, и турецкій паша подходили по очереди каждый съ своей свитой поляковъ и турокъ. Эти торжественныя празднества были наименѣе пріятными.

Между тѣмъ, въ варшавскомъ Голубомъ дворцѣ не забывали о моемъ образованіи, и Цесельскій, иногда противился моимъ слишкомъ частымъ поѣздкамъ въ Повонзки. Однако, было очень трудно устоять передъ обаятельностью Повонзокъ, а также не подчиниться желанію моей матери, да и самъ Це-

сельскій такъ былъ очарованъ этимъ уголкомъ, что въ концѣ концовъ устроилъ тамъ и себѣ шатеръ подлѣ моего домика.

Эта счастливая жизнь, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, была прервана страшнымъ несчастьемъ. Мы лишились старшей сестры, ставшей жертвой ужаснаго случая. На эту сестру мы смотрѣли какъ на взрослую и очень ее любили, такъ какъ она всегда заботилась о младшихъ сестрахъ и братьяхъ.

Однажды, когда она стояла подлѣ камина, на ней загорѣлось платье. Въ ужасѣ она бросилась бѣжать; Констанція Нарбутъ хотѣла ее остановить, чтобы затушить горящее платье, но не могла ее поймать. Въ сосѣдней комнатѣ гувернантка дѣтей, мадемуазель Пти, играла свою обычную партію въ пикетъ съ г-номъ Норблэнъ. Норблэнъ прибѣжалъ на крикъ дѣтей, схватилъ несчастную и кое-какъ потушилъ огонь, набросивъ на нее случившееся у него подъ руками пальто. Но сестра получила страшные ожоги. Вначалѣ думали, что можно будетъ залечить ея раны, и нѣсколько дней питали эту дорогую надежду. Но къ несчастью сестра была слишкомъ нѣжна и хрупка, чтобы перенесть такое потрясеніе и умерла черезъ нѣсколько дней.

Мать была больна въ это время. Она родила сестру Габріэль, которая прожила всего нѣсколько дней.

Пришлось скрыть отъ нея смерть старшей дочери. Мать постоянно звала ее къ себѣ, но докторъ Іонъ, бывшій ея домашнимъ врачемъ, не позволялъ ей встать съ постели. Ежедневно писала она дочери письма и настаивала, чтобы ее впустили къ ней, такъ что, въ концѣ концовъ, докторъ былъ вынужденъ открыть правду. При этомъ извѣстіи одну половину ея тѣла разбилъ параличъ, и она долгое время должна была ходить на костыляхъ. Только при помощи электричества удалось вылечить ея ногу.

Я также только что оправился тогда отъ серьезной болѣзни, причинившей много безпокойствъ. Долго скрывали и отъ меня смерть сестры, и прислуживавшій намъ камердинеръ дѣлалъ

видъ, что ходитъ справляться о ея здоровьѣ и приноситъ отвѣтъ, что она все въ томъ же положеніи. Я былъ очень привязанъ къ сестрѣ, и слезы о ней были моими первыми слезами, вызванными острымъ горемъ. И теперь еще я думаю объ этой сестрѣ, которая была такъ добра, такъ ласкова, душа которой была такъ прекрасна, что и родители и мы дѣти, горячо любили ее.

Отецъ въ это время находился въ Вильно. Онъ занималъ тамъ мѣсто предсѣдателя суда.

Возвращаясь на каникулярное время въ Варшаву, онъ еще ничего не зналъ о случившемся. Переправляясь на паромѣ черезъ Вислу, между Прагой и Варшавой, онъ спросилъ у паромщика, нѣтъ ли чего-нибудь новаго, и тотъ разсказалъ ему о смерти сестры.

Отецъ не хотѣлъ вѣрить разсказу, и уже потомъ воевода сообщилъ ему всѣ остальныя подробности этого несчастья. Онъ упалъ на полъ въ залѣ, и я видѣлъ, какъ слезы хлынули у него изъ глазъ.

Домикъ моей сестры былъ перенесенъ въ лѣсъ и сохраненъ, какъ реликвія. День ея смерти, четвергъ, былъ долго для насъ днемъ траура, и мы проводили его въ религіозныхъ размышленіяхъ, а мать всегда посвящала этотъ день какому-нибудь доброму дѣлу.

Княгиня Анна Сангушко, дочь княгини Сапѣги, жены литовскаго канцлера, также принадлежала къ числу обитателей Повонзковъ. Позже тамъ поселилась и жена Северина Потоцкаго.

Мать часто бывала у нихъ въ домѣ, гдѣ устраивались всякаго рода развлеченія. Между прочими у нихъ ставили оперу подъ названіемъ „Земира и Азоръ“.

Въ одномъ изъ актовъ этой оперы на сценѣ появлялись и двѣ изъ моихъ сестеръ съ дѣвицей Нарбутъ. Сцена представляла заколдованный замокъ, гдѣ сестры должны были утѣшать горюющую Земиру.

Послѣ смерти сестры эту оперу поставили въ варшавскомъ театрѣ. Мать пожелала посмотрѣть ее, но во время того дѣйствія, о которомъ я только что сказалъ, она не могла сдержать себя, съ ней случился припадокъ такого отчаянья, что она должна была уѣхать изъ театра, несмотря на всѣ старанія княгини Сангушко ее успокоить. Я присутствовалъ при этой тяжелой сценѣ. Спустя нѣкоторое время все вошло въ свою колею, какъ обыкновенно и бываетъ на свѣтѣ, снова начали собираться въ Повонзкахъ. Опять пошли празднества, и колонія увеличилась новыми членами. Графиня Тышкевичъ, дочь княгини Понятовской, урожденной Кинской, племянницы короля, была принята нами очень торжественно. Она была большая пріятельница матери; объ этомъ я скажу послѣ.

Въ молодости она лишилась вслѣдствіе какой-то болѣзни одного глаза, и ей вставили стеклянный, тѣмъ не менѣе она была очень красива и любила мужскія удовольствія (охоту, верховую ѣзду). Желая выказать чѣмъ-нибудь свою признательность моей матери, г-жа Тышкевичъ придумала поставить въ Повонзкахъ комедію, подъ названіемъ „Пятнадцатилѣтній влюбленный“. Она одѣла мужской костюмъ и играла роль этого влюбленнаго, а моя вторая сестра изображала предметъ его страсти. Театръ былъ устроенъ въ овчарнѣ. Госпожа Тышкевичъ, уже переодѣтая въ мужской костюмъ, пріѣхала туда верхомъ. Послѣ представленія былъ устроенъ легкій ужинъ.

Ставили пьесы также и у княгини Сапѣги, жены канцлера. Однажды у нихъ поставили оперу „Колонія“, и роли исполнялись княгиней Радзивиллъ, урожденной Пшечдецкой, часто пріѣзжавшей къ намъ въ Повонзки и обладавшей между прочимъ прекраснымъ голосомъ, затѣмъ моей матерью, господиномъ Война, который впослѣдствіи былъ посломъ въ Римѣ, и артиллерійскимъ генераломъ Брюлемъ.

Другой разъ была поставлена „Андромаха“. Роль Андромахи играла молодая княгиня Сангушко, только что вышедшая замужъ; она была очень пріятной и доброй, но немного

легкомысленной и брала уроки у одной знаменитой парижской драматической актрисы. Роль Герміоны исполняла другая княжна Сангушко, впослѣдствіи княгиня Нассау. Ореста игралъ князь Казиміръ Сапѣга, бывшій потомъ маршаломъ Конфедераціи 3 мая. Пира игралъ швейцарецъ, по имени Глэзъ, его довѣреннаго—князь Каликстъ Понинскій. Трагедія эта не произвела на меня никакого впечатлѣнія. Помню только, что князь Сапѣга былъ одѣтъ грекомъ, а Глэзъ—римляниномъ.

Въ Варшавѣ меня часто посылали къ воеводѣ для присутствованія при совершеніи его туалета, какъ было принято въ то время. Когда я отправлялся къ нему, меня напомаживали, напудривали, завивали; все это было очень непріятно моей матери, не любившей видѣть меня въ такомъ обезображенномъ видѣ. Однажды, въ день праздника Тѣла Господня, я отправился къ дѣду. Во дворѣ у него былъ устроенъ временный алтарь, обычно сооружаемый для процессіи этого дня. Епископъ Нарушевичъ, любимецъ воеводы, несъ подъ балдахиномъ Святые Дары. Воевода вышелъ на крыльцо и присутствовалъ при благословеніи Святыми Дарами.

Новый трауръ омрачилъ эти годы. Едва только мы стали оправляться отъ нашей первой тяжелой утраты, какъ умеръ мой дѣдъ, и всѣ удовольствія прекратились. Онъ былъ похороненъ въ церкви Святого Креста.

Смерть его вызвала всеобщее сожалѣніе. Въ особенности горевала его дочь, княгиня Любомірская, которая, проживая въ Варшавѣ, не покидала его до послѣдней минуты. Князь Михаилъ и князь Августъ, воевода Рутеніи, были два брата, полвѣка игравшіе большую роль въ нашей странѣ.

Смерть князя Михаила, о которой я упомянулъ выше, была, по мнѣнію всѣхъ, достойна человѣка его качествъ. Я не увѣренъ, однако, не играло ли тутъ нѣкоторую роль его тщеславіе. Онъ обратился съ прощальнымъ словомъ ко всѣмъ домашнимъ и до послѣдней минуты старался показать, что не испытываетъ ни страха, ни безпокойства.

Воевода же умеръ просто и естественно. Ежедневно, послѣ обѣда, онъ игралъ партію въ „triset“, игру, очень похожую на вистъ, которую играли всегда вчетверомъ. Обыкновенно приходилъ принимать въ ней участіе и папскій нунцій. До послѣдней минуты князь оставался вѣренъ этой своей привычкѣ и даже, уже очень ослабѣвъ, все же заставлялъ одѣвать себя, чтобы идти играть. Въ самый день смерти онъ, какъ всегда, поздоровался съ епископомъ Аргетти, который былъ впослѣдствіи кардиналомъ, и извинился, что немного опоздалъ.

Такъ какъ у него уже начинало темнѣть въ глазахъ, то онъ спросилъ, почему не зажгли свѣчъ, хотя залъ и былъ освѣщенъ, какъ всегда. Въ это время княгиня Любомірская находилась въ своихъ покояхъ во дворцѣ, въ припадкѣ ужаснаго отчаянья, и не могла сойти въ залъ, гдѣ была моя мать со всей семьей. Всѣ въ домѣ, до послѣдняго слуги, собрались въ глубокомъ молчаніи. Князь, сидѣвшій въ креслѣ для больныхъ, повернулся къ доктору Барту, который никогда не отходилъ отъ него и спросилъ по нѣмецки: Wie lange wird's daüern? *)

Докторъ прощупалъ у него пульсъ и отвѣчалъ:

— Я думаю, еще полчаса.

Князь извинился тогда, что не можетъ долѣе составлять партію нунцію, и велѣлъ перенести себя въ свою спальню, куда за нимъ послѣдовалъ и прелатъ, который тутъ же, взявъ руку князя, сталъ читать отходную надъ умирающимъ. Когда онъ произнесъ слова псалма: „Боже мой, Тебѣ отдаю духъ мой“, князь сжалъ его руку и испустилъ послѣднее дыханіе. Тутъ поднялись долго сдерживаемыя плачъ и рыданія въ толпѣ, проникнувшей во дворецъ и окружавшей его.

Затѣмъ были приняты мѣры относительно раздѣла огромнаго состоянія дѣда, которое должно было быть раздѣлено на двѣ части. Князь Любомірскій, мужъ дочери воеводы, на-

---

*) Долго ли это будетъ продолжаться?

значить кого-то съ своей стороны, чтобы составить этотъ семейный договоръ, а мой отецъ уполномочилъ отъ себя для этой цѣли Іосифа Шимановскаго, и все прекрасно устроилось.

Въ то время, когда умеръ воевода, отецъ мой былъ еще въ Вильно, исправляя вторично обязанности предсѣдателя суда въ Литвѣ. Онъ горячо отдавался исполненію своихъ обязанностей. Многихъ судей упрекали тогда въ томъ, что они неправильно постановляютъ обвинительные приговоры, либо ради поблажки другимъ, либо изъ чувства личной мести. Вице-президентами суда были тогда, въ Гродно Швейковскій, весьма замѣчательный человѣкъ, а въ Вильно—Нарбутъ, отецъ дѣвицъ, воспитывавшихся въ домѣ моихъ родителей. Я слышалъ, что въ то время, когда отецъ служилъ въ судѣ, возникъ процессъ между однимъ дворяниномъ и администраціей надъ имѣніями моего дѣда, и дворянинъ выигралъ дѣло, а князь былъ признанъ неправымъ.

Много говорили тогда еще объ одномъ преступленіи, совершенномъ нѣсколько лѣтъ раньше, виновника котораго никакъ не могли открыть. Одинъ совсѣмъ особый случай, въ 1781 году, навелъ на нужный слѣдъ. Подозрѣнія пали на нѣкоего Огановскаго, который принялъ священническій санъ и находился подъ покровительствомъ виленскаго епископа Масальскаго, хорошо извѣстнаго своимъ распутнымъ нравомъ. Мой отецъ, бывшій тогда предсѣдателемъ, употребилъ все свое вліяніе, чтобы привлечь виновнаго къ суду.

Огановскій, быстро прошедшій всѣ ступени, ведущія къ священническому сану, узнавъ, что ему грозитъ опасность, скрылся въ одномъ изъ монастырей, подъ покровительство епископа Масальскаго. Отрядъ солдатъ, подъ начальствомъ маіора Орловскаго, служившаго въ литовской гвардіи, шефомъ которой былъ мой отецъ, получилъ приказъ ночью окружить монастырь. Орловскому удалось добиться, чтобы открыли двери, несмотря на отказы монаховъ. Огановскій, котораго нигдѣ вначалѣ не могли отыскать, былъ, наконецъ, найденъ въ одной

изъ келій и заключенъ въ тюрьму, несмотря на протесты его и монаховъ. Судъ, послѣ весьма долгаго и тщательнаго разбора дѣла, призналъ его виновнымъ въ убійствѣ и еще въ нѣсколькихъ другихъ преступленіяхъ, и онъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ.

Во время службы отца было закончено нѣсколько запущенныхъ старыхъ дѣлъ и вообще въ судопроизводствѣ былъ введенъ гораздо бо́льшій порядокъ.

Въ 1782 году отецъ оставилъ эту службу и поспѣшилъ возвратиться въ Варшаву для участія въ сеймѣ, открывшемся подъ предсѣдательствомъ воеводы Красинскаго. Это былъ первый сеймъ, на которомъ я присутствовалъ.

Вмѣстѣ съ Цесельскимъ я усердно посѣщалъ засѣданія Сената и Палаты пословъ. Меня поразилъ серьезный видъ князя Любомірскаго, коронпаго гетмана, который, какъ мнѣ говорили другіе, обладалъ большимъ умѣніемъ поддерживать порядокъ въ засѣданіяхъ обѣихъ Палатъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ дѣлъ этого сейма было дѣло о насиліи, совершенномъ надъ краковскимъ епископомъ Солтыкомъ, у котораго капитулъ, поддерживаемый княземъ Понятовскимъ, епископомъ плоцкимъ, отнялъ управленіе епархіей, подъ предлогомъ его слабоумія.

Противомосковская партія защищала епископа, бывшаго самымъ ревностнымъ сторонникомъ Барской конфедераціи.

Партія короля и Россіи старалась поддержать и оправдать сдѣланное насиліе. Оказавшись наиболѣе многочисленной, она одержала побѣду, собравъ большинство голосовъ.

Представители противоположныхъ партій въ очень страстныхъ рѣчахъ старались доказать, одни—ясность ума краковскаго епископа, другіе—очевидность потери имъ умственныхъ способностей. Самую краснорѣчивую и сильную рѣчь произнесъ каштелянъ Анквичъ, считавшійся въ то время образцовымъ патріотомъ и перешедшій, нѣкоторое время спустя, въ московскую партію. Онъ палъ потомъ жертвой революціи Костюшко; въ Варшавѣ самъ народъ исполнилъ приговоръ, произнесенный надъ нимъ.

Отецъ, проведшій цѣлый годъ въ Литвѣ и расположившій къ себѣ населеніе этой провинціи, разсчитывалъ получить въ сеймѣ большинство литовскихъ голосовъ въ пользу той партіи, къ вождямъ которой онъ принадлежалъ, но страхъ передъ Россіей и подарки короля побудили литовцевъ поступить иначе. Большая часть литовскихъ депутатовъ нашла поводы для того, чтобы избѣжать неудобнаго для нихъ по своимъ послѣдствіямъ открытаго разрыва съ московской и королевской партіей.

Послѣ такого неблагопріятнаго для нашей партіи исхода сейма, мой отецъ рѣшилъ уѣхать для осмотра полученныхъ имъ только что въ наслѣдство имѣній въ Подоліи и Волыни.

Въ этомъ путешествіи принялъ участіе и я вмѣстѣ съ братомъ, Цесельскимъ и Люиллье. Передъ нашимъ отъѣздомъ мы съ Цесельскимъ отправились съ прощальнымъ визитомъ къ князю Любомірскому. Это было мое послѣднее свиданіе съ нимъ; онъ недолго пользовался наслѣдствомъ, полученнымъ его женой, и умеръ въ томъ же году. Смерть его вызвала всеобщее сожалѣніе. Любомірскій занималъ дворецъ, который впослѣдствіи перешелъ къ Тарновскому и который когда-то принадлежалъ Чарторижскимъ. Въ немъ жила и умерла наша прабабка, Елизавета Чарторижская, урожденная Морштинъ, которую любила и уважала вся наша семья, воевода и канцлеръ.

Княгиня и ея мужъ были очень разсудительные люди, но, какъ это часто случается въ знатныхъ семьяхъ, характерами они не подходили другъ къ другу. Послѣ князя остались большіе долги, которые его жена признала и выплатила всѣ чрезвычайно добросовѣстно. Князь обладалъ чисто польскимъ умомъ, живымъ и острымъ. Моя мать очень уважала его. Это былъ ея искренній другъ.

Не знаю, по какому случаю, онъ сказалъ ей однажды, что послѣ своей смерти явится еще повидать ее. Мать моя долго боялась, чтобы онъ не сдержалъ своего слова. Ея опасенія возобновлялись каждый вечеръ, когда всѣ укладывались спать.

При малѣйшемъ шумѣ она начинала думать объ этомъ обѣщаніи своего покойнаго друга.

Наконецъ, мы отправились въ подольскія имѣнія, въ сопровожденіи огромнаго поѣзда. Отецъ имѣлъ тогда очень большой дворъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ дворянскихъ сыновей, изъ которыхъ нѣкоторые пріѣзжали даже изъ Литвы. Сборнымъ пунктомъ для всѣхъ назначены были Пулавы, откуда мы и отправились въ наше путешествіе. Нѣсколько десятковъ экипажей слѣдовали вереницей другъ за другомъ, и мы проѣзжали, самое большое, по 6 миль въ день. Позавтракавъ, мы доѣзжали до станціи, гдѣ мѣняли лошадей. Тамъ обѣдали. Кухня и напитки всегда ѣхали впереди. Съ нами шло много верховыхъ лошадей, и мы часто дѣлали нѣкоторые переѣзды верхомъ. Одинъ фурьеръ всегда отправлялся впередъ, для заготовки помѣщеній. Это было одно изъ главныхъ должностныхъ лицъ при дворѣ. Обязанность фурьера поочередно исполнялась господами Сорока и Сигэнъ, двумя чистокровными литовцами, еще довольно молодыми. Въ свитѣ было также нѣсколько пажей, одѣтыхъ въ польскіе костюмы. Старшимъ берейторомъ былъ Пашковскій, а дворецкимъ Борзецкій, игравшій большую роль у насъ при дворѣ. Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Варшавы онъ счелъ нужнымъ, въ видѣ мѣры предосторожности, наказать нѣкоторыхъ молодыхъ пажей. Отецъ, выйдя изъ дому, замѣтилъ слезы и огорченіе на лицахъ этихъ молодыхъ людей и освѣдомился, въ чемъ дѣло: „Ахъ, посмотрите, какъ наказалъ насъ господинъ дворецкій,“ отвѣтили они. На вопросъ отца, въ чемъ они провинились, Борзецкій отвѣтилъ: „Не мѣшаетъ приготовить ихъ къ путешествію“.

Во время путешествія мы останавливались у разныхъ помѣщиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые присоединялись къ намъ, и продолжали путь съ нами. Это увеличило количество верховыхъ лошадей и разныхъ экипажей. Съ нами шли еще верблюды, пользованіе которыми отецъ хотѣлъ привить въ Поль-

шѣ. Весь этотъ караванъ остановился въ Клеванѣ, первомъ имѣніи моего отца на Волыни. Затѣмъ мы прибыли во владѣнія князя Сапѣги, гдѣ намъ оказали самое широкое гостепріимство. Князь сильно страдалъ отъ подагры. Болѣзнь эту приписывали распространенной тогда привычкѣ принимать гостей съ бокаломъ вина въ рукахъ. Опираясь на палку, князь Сапѣга каждый вечеръ выходилъ посмотрѣть на великолѣпно освѣщенный садъ. Затѣмъ мы пріѣхали въ Николаевъ, въ Подоліи. Тамъ не хватило комнатъ, и намъ устроили шатры, такъ какъ насъ было очень много.

Среди многочисленныхъ друзей, сопровождавшихъ насъ въ этомъ путешествіи, находились Михаилъ и Ксаверій Бржостовскіе, Нѣмцевичъ, адъютантъ моего отца, и Княжнинъ, бывшій въ нашей свитѣ. Конечно, не упускали случая для разныхъ свѣтскихъ похожденій. Были и любовныя исторіи, по поводу которыхъ Княжнинъ сочинилъ пѣсню; вотъ первый куплетъ ея:

„Прекрасная Томира, уже конецъ нашимъ пріятнымъ вечерамъ. Сегодня я еще съ тобой, завтра буду одинъ. Рѣки и лѣса лягутъ между нами. Но когда меня не будетъ больше подлѣ тебя, помни, что я первый полюбилъ тебя“.

Что касается Нѣмцевича, то прекрасный полъ былъ предметомъ его усерднаго ухаживанія.

Всего долѣе гостили мы у Онуфрія Морского. Этотъ дворянинъ, занимавшій очень высокое положеніе въ Подоліи, былъ большимъ другомъ моего отца и былъ къ нему очень привязанъ. Онъ имѣлъ чрезвычайно красивую жену, которую ревновалъ, и не довѣрялъ дружбѣ Нѣмцевича. Его имѣніе называлось Райковца. Въ ихъ домѣ играли комедію подъ названіемъ Игрокъ, переведенную отцомъ съ французскаго. Хозяйка дома принимала участіе въ спектаклѣ, мужъ ея, исполнявшій роль Игрока, декламировалъ передъ ней тираду, полную объясненій въ горячей любви, которую она выслушивала съ большой холодностью. Я замѣтилъ, что это повторялось на каждой

репетиціи. Младшій брать Морского быль впослѣдствіи въ Мадридѣ посломъ саксонскаго короля, великаго князя Варшавскаго. Его старшій брать, каноникъ, страстно любилъ танцы. Я еще до сихъ поръ помню, съ какимъ увлеченіемъ онъ танцоваль мазурку на одномъ костюмированномъ балу въ Сѣдлицѣ. Во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ не очень строгихъ правилъ. Маіоръ Орловскій также принималъ участіе въ спектаклѣ въ Райковцѣ и прекрасно, съ большимъ комизмомъ провелъ роль слуги Игрока.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей дома моего отца былъ полковникъ Мольскій, шутникъ, балагуръ и гастрономъ, чрезвычайно любившій покушать.

Однажды онъ держалъ пари, что съѣстъ одинъ огромное блюдо пироговъ, безъ всякаго вреда для себя. Онъ выигралъ пари и еще запилъ его пуншемъ.

Въ Менджибожѣ мы встрѣтили большой отрядъ казаковъ изъ Гранова. Это дало мысль соорудить нѣчто въ родѣ крѣпости и устроить примѣрныя атаки.

Цесельскій и мой братъ заперлись въ крѣпости. Осаждавшіе были подъ командой полковника Мольскаго, при которомъ я состоялъ адъютантомъ. Когда наступилъ день нападенія, было много шума, суматохи, сражались на лошадяхъ, и даже произошелъ несчастный случай. Сигенъ, имѣвшій чрезвычайно горячую лошадь, пустилъ ее во весь карьеръ и столкнулся съ казакомъ Михаила Бржостовскаго. Столкновеніе было такъ сильно, что Сигенъ упалъ съ лошади и долго оставался безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то не помнилъ ничего изъ того, что произошло, такъ какъ совершенно потерялъ память. Только черезъ нѣсколько дней къ нему вернулась ясность мысли. Казакъ же отдѣлался лишь нѣсколькими ушибами. Наконецъ, дѣло дошло почти до настоящаго сраженія между казаками и мѣстными жителями, отрядъ которыхъ заперся въ крѣпости, гдѣ мы должны были завтракать. Осажденные съѣли нашъ завтракъ. Въ концѣ концовъ рѣшили пойти на пере-

миріе, чтобы избѣжать синяковъ, шишекъ и всякихъ другихъ злоключеній. Что касается меня, я очень интересовался этимъ сраженіемъ, въ которомъ принималъ участіе верхомъ на лошади.

Довольно драматическая сцена произошла въ домѣ судьи Л., отца г-жи Литославской, жены воеводы. Ея вторая дочь вышла замужъ противъ воли отца за дворянина, котораго ея родные не хотѣли принять въ свою семью. Во время пребыванія моего отца хотѣли положить конецъ этому семейному разладу, и молодые условились просить прощенія у своего отца. Я присутствовалъ при этой сценѣ. Дочь и зять бросились на колѣни, но не могли побѣдить непоколебимость отца, который ихъ оттолкнулъ и выгналъ изъ дому. Всѣ просьбы не привели ни къ чему, и пришлось оставить это дѣло до другого случая.

Подкоморія изъ Латычева, Борейко, мы знали ближе другихъ. Онъ превосходно умѣлъ носить польскій костюмъ. У него были черные усы и бритая голова. Его жена была очень красива, и Нѣмцевичъ строилъ ей глазки, противъ чего Борейко возставалъ, полушутя, полусерьезно, принимая видъ настоящаго Сармата.

Изъ Менджибожа мы поѣхали въ Каменецъ, гдѣ находился старикъ Виттъ, отецъ того, который былъ женатъ на прекрасной гречанкѣ, ставшей впослѣдствіи женой Феликса Потоцкаго. Въ то время она была въ полномъ расцвѣтѣ красоты. Вскорѣ послѣ нашего посѣщенія она совершила путешествіе по Европѣ, и вездѣ ея обаяніе вызывало всеобщій восторгъ. Возгордившись ея красотой, генералъ Виттъ повезъ ее по разнымъ странамъ. Въ Каменцѣ, гдѣ она принимала насъ, ее окружали всѣ, кто только выдавался молодостью, происхожденіемъ или образованіемъ. Всѣ толпились вокругъ нея и исполняли ея приказанія. Къ ея красотѣ примѣшивалось еще нѣчто оригинальное, происходившее или отъ ея кажущейся наивности, или отъ незнанія языка. Мнѣ разсказывали,

что когда любовались ея красивыми глазами, или когда она сама заговаривала о нихъ, то по-французски она говорила: „mes beaux yeux“, думая, что это было одно слово.

Старикъ Виттъ повелъ меня и Цесельскаго по всѣмъ укрѣпленіямъ крѣпости, показывая намъ ея неприступность. Дѣйствительно, скала, на которой стояла крѣпость, была окружена рвомъ, а съ другой стороны рва возвышалась вторая скала, и въ ней были устроены обширные казематы, въ которыхъ могли скрываться солдаты при оборонѣ. Въ одномъ только мѣстѣ внутренняя скала соединялась съ наружной, и этотъ проходъ былъ чрезвычайно узокъ и защищенъ солидными укрѣпленіями.

Изъ Каменца мы ѣздили въ Хотинъ, тогда еще принадлежавшій Турціи и бывшій подъ командой одного турецкаго паши, который принялъ моего отца съ большою пышностью и предупредительностью, какъ генерала подольскихъ земель. Въ этомъ путешествіи насъ сопровождалъ аббатъ Пирамовичъ и галичанинъ Дрогоевскій. Послѣ того, какъ подали кофе и чубуки, молодой человѣкъ, сынъ паши, подошелъ ко мнѣ и моему брату и пригласилъ насъ, съ разрѣшенія своего отца, осмотрѣть гаремъ. Мы пошли за нимъ. Передъ нами поднялась и тотчасъ же вслѣдъ за нами опустилась портьера и мы вошли въ сераль.

Черезъ двери, выходившія изъ комнатъ въ корридоръ, я видѣлъ очень удивленныхъ и испуганныхъ нашимъ присутствіемъ женщинъ. Мы прошли въ помѣщеніе, занимаемое матерью молодого человѣка, женою паши, и нѣсколькими женщинами, находящимися при ней. Помѣщеніе это представляло изъ себя нѣчто вродѣ кіоска, сооруженнаго въ одномъ изъ угловъ прямоугольно распланированнаго садика. Женщины намъ не понравились; ихъ костюмы мы также нашли неизящными. Насъ онѣ приняли очень любезно, съ любопытствомъ разсматривали и задали намъ нѣсколько вопросовъ, но разговоръ не былъ ни оживленнымъ, ни продолжительнымъ.

По возвращеніи въ Каменецъ, я описалъ сестрѣ этотъ нашъ визитъ. Въ этомъ письмѣ можно найти всѣ подробности, которыхъ я теперь уже не помню.

Мы возвратились въ Менджибожъ, который, собственно говоря, былъ конечнымъ пунктомъ нашего путешествія, такъ какъ, къ моему большому сожалѣнію, мы не поѣхали до Гранова.

Мой отецъ отстранилъ отъ управленія своими имѣніями Ивановскаго, дѣти котораго сдѣлались вскорѣ сами крупными землевладѣльцами, и назначилъ управляющимъ подольскихъ земель Бернатовича, бывшаго воспитанника кадетскаго корпуса, котораго онъ послалъ за границу для изученія постановки сельскаго хозяйства въ другихъ странахъ.

Проѣхавъ черезъ Галицію, послѣ нѣсколькихъ остановокъ, мы прибыли въ Пулавы, гдѣ съ того времени и поселились.

ГЛАВА II.

Пулавы. Воспитаніе и обученіе. Путешествіе въ Германію.

Въ Пулавахъ началась для насъ совершенно новая жизнь. Мы принялись за ученіе систематически и серьезно. До сихъ поръ наше ученье было элементарно и шло съ частыми перерывами, но съ пріѣздомъ въ Пулавы ученье сдѣлалось почти единственнымъ нашимъ занятіемъ.

Люиллье, о которомъ я уже упоминалъ, преподавалъ намъ математику и всеобщую исторію; Цесельскій—исторію Польши, Княжнинъ—литературу и латинскій языкъ. Для преподаванія древнихъ языковъ у насъ былъ вначалѣ одинъ датчанинъ, по фамиліи Шоу, а затѣмъ Гроддекъ, сдѣлавшійся позже профессоромъ университета въ Вильно.

Я теперь точно не помню, въ то ли время или позже, отецъ взялъ намъ въ гувернеры Дюпонъ де Немура, члена національнаго собранія, пріобрѣвшаго нѣкоторую извѣстность во Франціи, гдѣ его уважали за его характеръ и нравственныя качества.

Съ нимъ пріѣхалъ въ качествѣ секретаря нѣкто де Нуаье, оказавшійся чрезвычайно надоѣдливымъ человѣкомъ. Нуаье постоянно ухаживалъ за г-жею Пти. Однажды, когда онъ постучалъ къ ней въ дверь, она, не зная, какъ отъ него избавиться, отвѣтила ему: „Милостивый государь, меня нѣтъ дома“.

Дюпонъ не долго оставался у насъ. Онъ возвратился во Францію. Я встрѣтился потомъ съ нимъ въ Парижѣ во время

реставраціи. Онъ явился ко мнѣ въ качествѣ моего бывшаго гувернера, но я совершенно его не помнилъ.

Въ Пулавахъ у насъ былъ учитель фехтованія. Каждое утро, какъ только мы вставали, — а вставали мы очень рано, — онъ давалъ намъ урокъ въ саду, затѣмъ уже мы переходили къ другимъ занятіямъ.

За столомъ у насъ всегда бывало очень многолюдно, такъ какъ собирались всѣ, кто жилъ въ домѣ.

На ряду съ ученьемъ мы пользовались также и удовольствіями какъ, напр., охотой, поѣздками въ Конску Волю къ Филипповичу, управляющему имѣніями Пулавы, прогулками верхомъ, а въ особенности охотой по холмамъ съ борзыми собаками. Мы называли эту охоту „идти на холмы“ или „идти за холмы въ можжевельникъ“.

Я страстно любилъ охотиться, въ особенности съ борзыми собаками.

Въ лѣсу, подлѣ Яновицъ, было лисье логовище, и намъ доставляло огромное удовольствіе выгонять оттуда лисицъ гончими собаками.

Мы бывали также у г-жи Пясковской, мужъ которой, по прозванію Паралюшъ, реставрировалъ дворецъ Фирлеевъ въ Яновицахъ и украсилъ его прекрасной живописью.

Я его очень хорошо помню: онъ былъ большого роста, говорилъ присвистывая, славился своею расточительностью и поэтому нѣсколько разъ разорялся, но ему всегда удавалось снова разбогатѣть.

Одной изъ особенностей его любви къ роскоши была страсть дѣлать себѣ множество вышитаго платья, какое носили въ то время; онъ придумалъ вышивать платья съ двухъ сторонъ разными цвѣтами, чтобы ихъ можно было надѣвать, выворачивая наизнанку.

Я могу сказать, что годъ нашего возвращенія въ Пулавы былъ для насъ, дѣтей, началомъ второго періода нашей жизни, періода, который я могъ бы назвать „пулавскимъ“.

Пребываніе моего отца въ Литвѣ привлекло къ намъ большое количество уроженцевъ этой провинціи. Между ними были: Тышкевичъ, Вешгердъ, Скуцевичъ, который впослѣдствіи велъ дѣла моего отца, Гребницкій, Сигенъ, сопровождавшій насъ въ Подолію, и Сорока, который во время революціи 1830 года, несмотря на свои преклонные года, отличился сопротивленіемъ русскимъ и твердостью передъ ихъ невѣроятной жестокостью. Онъ умеръ вскорѣ послѣ этого.

Изъ Литвы пріѣхало также нѣсколько молодыхъ людей, чтобы получить у насъ свое воспитаніе. Ихъ присутствіе оживляло Пулавы въ свободные отъ занятій часы. Назову изъ нихъ Кинбара и Шпинека, которые прожили у насъ нѣсколько лѣтъ и получили воспитаніе въ нашемъ обществѣ.

Вмѣстѣ съ нами учились Франциск Сапѣга, сынъ Литовскаго канцлера, порученный моей матери ея сестрой, княгиней Сангушко, женой волынскаго воеводы, и затѣмъ молодой Шимановскій. При князѣ Францискѣ находился нѣкто Сиплинскій, бывшій воспитанникъ кадетскаго корпуса. Сиплинскій походилъ на Цесельскаго, но былъ менѣе способенъ. Это былъ очень добрый и очень религіозный человѣкъ. Къ намъ также, въ помощь Цесельскому, прикомандировали еще одного молодого офицера, только что окончившаго кадетскій корпусъ, по фамиліи Рембелинскаго. Это былъ веселый, остроумный человѣкъ, довольно свѣдущій въ математикѣ и могъ бы быть намъ очень полезенъ, если бы мы умѣли воспользоваться его добрымъ желаніемъ и готовностью. Но мы пользовались его обществомъ гораздо больше для развлеченій и удовольствій, чѣмъ для пріобрѣтенія необходимыхъ знаній.

Какъ я уже сказалъ, мы ежедневно брали уроки фехтованія. Лѣтомъ мы фехтовали въ саду. Хотя Рембелинскій и привыкъ управлять шпагой еще въ кадетскомъ корпусѣ, все же съ нимъ случилось несчастье; ему повредили глазъ.

Въ другой разъ, когда онъ фехтовалъ со мной, моя шпага пробила его маску на лицѣ и ранила его въ ротъ. Онъ былъ

ужасно испуганъ и первой его мыслью было удостовѣриться, не пострадалъ ли и второй глазъ.

Я не находилъ словъ, чтобы высказать ему свое сожалѣніе по поводу случившагося и всегда чувствовалъ себя виноватымъ передъ нимъ, и благодарилъ Бога, что моя неловкость не имѣла другихъ болѣе серьезныхъ послѣдствій.

Мы устраивали у себя собранія, въ родѣ сеймовъ, гдѣ обсуждали разные политическіе вопросы. Я помню, что на одномъ изъ такихъ собраній поднятъ былъ вопросъ о томъ, какой образъ правленія слѣдуетъ признать предпочтительнымъ: свободное ли правленіе страной, какъ этого желали тогда, или централизацію власти. Что касается меня, то я былъ сторонникъ наибольшей свободы.

Къ моему великому удивленію Рембелинскій высказался въ пользу усиленія верховной власти. Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво, что я не былъ въ состояніи ему отвѣтить. Это было мнѣ очень непріятно. Онъ меня не убѣдилъ, но я былъ какъ бы подавленъ его доводами.

Я не могу обойти молчаніемъ, что по смерти матери Франциска Сапѣги, его отецъ не хотѣлъ признать его своимъ сыномъ. Княгиня Сангушко на колѣняхъ умоляла его не поступать такимъ образомъ. Это былъ прекрасный поступокъ съ ея стороны, но позднѣе она не получила за него награды.

Я уже говорилъ, что молодой Шимановскій, племянникъ Шимановскаго, стараго друга моихъ родителей, былъ также нашимъ сотоварищемъ по ученію въ Пулавахъ. По натурѣ онъ былъ человѣкъ мягкій, даже немного „банальный". Съ нимъ произошло нѣсколько довольно забавныхъ приключеній. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ сталъ часто бывать въ обществѣ, и ему удалось получить руку дѣвицы Потоцкой отъ которой у него родился сынъ, но затѣмъ она развелась съ нимъ и вышла замужъ за Тадеуша Мостовскаго.

1786 г.

Въ 1786 году состоялось мое первое путешествіе за границу съ Цесельскимъ, которому отецъ поручилъ наше воспитаніе. Цесельскому было предписано леченіе карлсбадскими водами. Жена гетмана, Огинская, двоюродная сестра моего отца и тетка моей матери, также отправлялась въ то время въ Карлсбадъ; ее сопровождала по тогдашней модѣ многочисленная свита. По дорогѣ мы посѣтили нѣсколько нѣмецкихъ городовъ, гдѣ я встрѣтился съ многими выдающимися людьми. Я не могу сказать, что я съ ними „познакомился“, такъ какъ мой умъ тогда еще былъ слишкомъ мало развитъ, но воспоминаніе о встрѣчѣ съ ними не изгладилось еще и до сихъ поръ изъ моей памяти.

Отецъ пригласилъ въ Пулавы учителя латинскаго и греческаго языковъ, котораго ему порекомендовалъ знаменитый гетингенскій профессоръ Штейнъ. Это былъ молодой датчанинъ, восхищавшійся, какъ всѣ тѣ, кто выходитъ изъ этого университета, красотами древней литературы. Что касается меня, то, поощряемый Княжнинымъ, преподававшимъ намъ польскую и латинскую литературу, я раздѣлялъ этотъ энтузіазмъ, хотя и немного по-дѣтски, но все же очень искренно. Относясь небрежно къ скучному, но необходимому изученію грамматики, я старался понять древнихъ поэтовъ и потому производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто знаю больше, чѣмъ зналъ на самомъ дѣлѣ. Всѣ эти познанія я выставлялъ на показъ передъ нѣмецкими учеными, которыхъ встрѣчалъ во время путешествія. Въ Прагѣ я познакомился съ Мейснеромъ, профессоромъ греческой литературы и авторомъ нѣсколькихъ произведеній на нѣмецкомъ явыкѣ. Его извѣстность, въ то время очень большая, вѣроятно, не пережила его.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю наши бесѣды съ нимъ, во время которыхъ я, къ великому его удивленію, цитировалъ нѣкоторые отрывки изъ греческихъ поэтовъ.

Проѣздомъ черезъ Готу, благодаря рекомендательному письму отца, мы познакомились съ барономъ Франкенбургомъ, министромъ готскаго герцога. Это былъ умный, образованный и любезный человѣкъ, познакомившій насъ съ другими знаменитыми и интересными лицами. Снабженные письмомъ отъ него, мы отправились въ Веймаръ, на который тогда уже указывали, какъ на Аѳины Германіи.

Въ Веймарѣ я видѣлся съ Виландомъ и Гердеромъ, съ которыми мой отецъ былъ въ перепискѣ. Меня поразила фигура Виланда, такъ какъ въ ней не было ничего поэтическаго: маленькаго роста, немного толстый, уже пожилой, съ лицомъ покрытымъ морщинами, въ какой-то шапочкѣ, похожей на ночной колпакъ, которую онъ рѣдко снималъ.

Министръ Франкенбургъ помогъ нашему знакомству съ знаменитымъ Гете. Мы съ Цесельскимъ были даже приглашены на собраніе, въ которомъ Гете, въ кругу нѣсколькихъ друзей, читалъ только что оконченную имъ и не появившуюся еще въ печати драму „Ифигенія въ Тавридѣ". Я съ большимъ восторгомъ слушалъ его чтеніе. Гете былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ молодости; онъ былъ высокаго роста, съ лицомъ столь же прекраснымъ, какъ и величественнымъ, съ пронизывающимъ взглядомъ, иногда немного презрительнымъ, смотрѣвшимъ на міръ съ высоты своего величія, что вызывало улыбку на его красивыхъ губахъ. Восторгъ такого молодого человѣка, какимъ былъ я, былъ имъ едва замѣченъ; это была дань, къ которой онъ привыкъ. Позже Гете сдѣлался министромъ великаго герцога Веймарскаго и не выказывалъ такого же презрѣнія къ разнымъ оффиціальнымъ милостямъ и полученію орденовъ, но онъ всегда сохранилъ въ выраженіи своего лица и всей своей фигурѣ нѣкоторое величіе, что заставляло сравнивать его съ Фидіевой статуей Юпитера Олимпійскаго.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Карлсбадъ, гдѣ застали уже Огинскую, присутствіе которой очень сильно скрашивало наше пребываніе въ этомъ городѣ. Она привезла съ собой дѣвицъ

Сѣдлецкихъ, дочерей ея управляющаго, и молодого и очень красиваго доктора Киттеля. Ему то и были поручены заботы о здоровьѣ нашихъ многочисленныхъ дамъ.

Въ Карлсбадѣ было тогда роскошное казино, гдѣ собиралось все общество и гдѣ устраивались танцы, почти каждый вечеръ. Эти собранія посѣщала одна очень красивая дама; имени ея я теперь не припомню. Говорили, что она съумѣла привлечь вниманіе императора Леопольда, который былъ извѣстенъ своею слабостью къ прекрасному полу, и который взошелъ на престолъ нѣсколько лѣтъ спустя. Я былъ пораженъ красивыми чертами ея лица, а въ особенности ея необычайной подвижностью.

Наконецъ, мы возвратились домой и провели зиму 1786 - 1787 года частью въ Пулавахъ, частью въ Сѣдльцѣ. Занятія въ Пулавахъ шли не очень систематично, но все же мы занимались съ большимъ рвеніемъ. Люилльe давалъ намъ уроки математики и всеобщей исторіи; Шоу—уроки греческаго языка. Княжнинъ—польскаго и латыни. Цисельскій взялъ на себя польскую исторію и преподавалъ ее намъ по книгамъ, составленнымъ аббатомъ Вага; наконецъ, уроки фехтованія мы брали у одного француза. Такимъ образомъ были заняты всѣ наши дни.

Каникулы во время карнавала, мы провели въ Сѣдльцѣ, гдѣ въ ту зиму собралось многочисленное и блестящее общество. Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о дворѣ жены гетмана, Огинской, и о ея образѣ жизни. Она была очень набожной, но между тѣмъ ея единственной заботой было занимать и развлекать своихъ гостей. При ней было много прелестныхъ молодыхъ дѣвушекъ, принадлежавшихъ къ дворянскимъ семьямъ. Къ концу ея туалета гости допускались въ ея комнату, гдѣ встрѣчались со всѣми этими дѣвицами, по очереди приносившими каждая какую-нибудь принадлежность туалета: цвѣтокъ или ленту, вуаль или чепецъ, которыя могли понадобиться въ этотъ день. Затѣмъ всѣ спускались въ залы, гдѣ не переставая развлекались.

Огинская очень любила играть въ карты, поэтому самые извѣстные игроки собрались въ Сѣдльцѣ. Нельзя сказать, чтобы это было похвально, но это служило намъ развлеченіемъ на нѣкоторую часть дня. Я назову, между прочимъ, изъ ихъ числа нѣкоего Дз..., бывшаго довольно забавнымъ человѣкомъ, а также Влодека, семья котораго устроилась въ Петербургѣ. Сынъ его выгодно женился тамъ и сдѣлался генераломъ; дочь вышла замужъ за весьма извѣстнаго французскаго дипломата де-Рейневаль. По вечерамъ танцевали и играли въ игры съ фантами. Лѣтомъ гуляли въ обширномъ саду, который назывался Александріей; Огинская устроила его на англійскій ладъ; осенью отправлялись на охоту; хозяйка сама принимала въ ней участіе и стрѣляла въ дичь, пролетавшую мимо нея.

Итакъ, въ Сѣдльцѣ было очень трудно соскучиться. Въ результатѣ, конечно, была масса романическихъ приключеній всякаго рода, которыхъ не избѣжалъ и я.

Мнѣ попались книжки, вскружившія мнѣ голову, и я цѣлыми ночами зачитывался ими, тогда какъ гораздо лучше было бы посвятить это время серьезнымъ занятіямъ.

Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, Марія Незабитовская, сдѣлалась предметомъ моихъ воздыханій, о чемъ я рѣшился дать ей понять, съ большой робостью. Войти въ комнату дѣвицъ было свыше моихъ силъ, и я часто простаивалъ у дверей, не смѣя перешагнуть порога. Наконецъ, мы познакомились ближе, и сундукъ въ комнатѣ дѣвицъ сдѣлался обычнымъ мѣстомъ, на которомъ я устраивался.

Было очень трудно, будучи въ Сѣдльцѣ, избѣгнуть царившей тамъ моды, и каждый долженъ былъ, волей-неволей, или „ухаживать“ или „влюбиться“. У меня было нѣсколько соперниковъ, между прочимъ Дз...., о которомъ я уже упоминалъ, затѣмъ Нѣмцевичъ, а позже еще Бржостовскій.

Незабитовская была одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвицъ; природа надѣлила ее качествами, которыми она выдѣлялась

среди другихъ во все время своей долгой жизни. Въ честь ея писали стихи. Мнѣ помнятся одни стихи, въ которыхъ описывали ея характеръ и которые кончались словами, изображавшими ея строгое отношеніе къ окружавшимъ. Дѣйствительно, было трудно снискать ея расположеніе, и съ своими поклонниками она обращалась съ большой суровостью.

Дѣвица Кильчевская также принадлежала къ числу красавицъ въ Сѣдльцѣ; неразлучная подруга Незабитовской, она была болѣе представительной, но менѣе привлекательной.

Нѣсколько случаевъ заболѣванія скарлатиной среди дѣвицъ заставили мою мать отослать меня изъ Сѣдльца.

Примѣчаніе французскаго издателя:

Отмѣтимъ вкратцѣ, что произошло за время 1787-1795 г.г., о которомъ князь Адамъ не оставилъ воспоминаній.

Въ 1788 г. должны были собраться сеймики для избранія великаго сейма, которому приписывали чрезвычайную важность въ дѣлѣ государственныхъ преобразованій. Князю Адаму, избранному предсѣдателемъ или маршаломъ подольскаго сеймика, удалось провести въ члены сейма четырехъ своихъ кандидатовъ изъ числа шести. Остальную часть года онъ провелъ въ Варшавѣ, слѣдя внимательно за засѣданіями первой сессіи Сейма.

Въ 1789 г. князь Адамъ посѣтилъ своихъ родителей въ Пулавахъ. Онъ выѣхалъ оттуда въ сентябрѣ и отправился къ сестрѣ, принцессѣ Вюртембергской, въ Бельгардъ, въ Помераніи, и оттуда вмѣстѣ съ матерью поѣхалъ въ Англію, гдѣ и пробылъ нѣсколько недѣль у лорда-канцлера, маркиза Лендсдоуна, пополняя свое политическое образованіе изученіемъ англійской конституціи. Въ Лондонѣ ему довелось присутствовать при процессѣ Варренъ-Гастингса. Затѣмъ онъ посѣтилъ Шотландію и промышленные города Англіи. Цѣлый годъ онъ провелъ внѣ родины.

По возвращеніи въ Польшу, въ 1791 г., князь Адамъ вступилъ въ военную службу подъ начальство своего зятя, принца Вюртембергскаго. То былъ годъ провозглашенія обновительной конституціи 1791 г., противъ которой составилась роковая Торговицкая конфедерація и которая послужила поводомъ для новаго вторженія русскихъ,

приведшаго ко второму раздѣлу. Въ 1792 г., когда русское вторженіе уже было объявлено, князь Адамъ, назначенный на высшую офицерскую должность, принялъ участіе въ кампаніи противъ Россіи. Онъ присутствовалъ въ сраженіи при Полоннѣ и получилъ орденъ изъ рукъ короля.

Въ 1793 г. князь Адамъ Чарторижскій снова пріѣхалъ въ Англію, гдѣ онъ завязалъ многочисленныя и важныя связи со всѣми общественными дѣятелями. Онъ оставался тамъ и въ 1794 г., когда вспыхнуло возстаніе Костюшки. Получивъ извѣстіе объ этомъ возстаніи, онъ тотчасъ покинулъ Англію и поспѣшилъ на родину, чтобы принять участіе въ борьбѣ. На пути въ Польшу, при проѣздѣ черезъ Брюссель онъ былъ арестованъ и задержанъ, по распоряженію австрійскаго правительства. Между тѣмъ возстаніе было потоплено въ крови, и послѣдовалъ третій раздѣлъ Польши. Послѣ этихъ событій, въ которыхъ князь Адамъ не могъ принять участія, онъ присоединился къ родителямъ въ Вѣнѣ, гдѣ при посредствѣ императора Франца начались переговоры съ императрицей Екатериной II объ отмѣнѣ конфискаціи имѣній Чарторижскихъ, наложенной по приказанію царицы. Екатерина потребовала тогда вступленія на русскую службу молодыхъ князей Чарторижскихъ Адама и Константина и ихъ переселенія въ Петербургъ. Начались долгія обсужденія въ семьѣ Чарторижскихъ. Наконецъ, рѣшено было уступить волѣ императрицы. Два молодыхъ князя отправились въ Петербургъ, и съ этого то момента возобновляются *Воспоминанія* князя Адама.

ГЛАВА III.

Пріѣздъ въ Петербургъ. Пріемъ въ обществѣ. Яковъ Горскій. Хлопоты о снятіи секвестра. Зубовы. Екатерина. Ея дворъ. Представленіе Екатеринѣ. Зачисленіе на службу. Отношенія съ великимъ княземъ Александромъ.

Въ 1795 году 12 мая мы съ братомъ пріѣхали въ Петербургъ.

Чтобы имѣть представленіе о томъ, что мы могли чувствовать, переселяясь въ эту столицу, нужно знать принципы, въ которыхъ мы были воспитаны. Наше воспитаніе было чисто польское и чисто республиканское. Наши отроческіе годы были посвящены изученію исторіи и литературы, древней и польской. Мы только и грезили, что о грекахъ и римлянахъ, и мечтали лишь о томъ, чтобы по примѣру нашихъ предковъ возрождать доблести древнихъ въ нашемъ отечествѣ.

Что касается свободы, то болѣе близкіе къ намъ примѣры, почерпнутые изъ исторіи Англіи и Франціи, дали нѣсколько другое, болѣе правильное, направленіе нашимъ взглядамъ на нее, сохранивъ, однако, всю ихъ внутреннюю силу.

Любовь къ отечеству, къ его славѣ, къ его учрежденіямъ и вольностямъ была привита намъ и ученіемъ и всѣмъ тѣмъ, что мы видѣли и слышали вокругъ себя. Къ этому же надо прибавить, что чувство это, впитанное всѣмъ нашимъ моральнымъ существомъ, сопровождалось непреодолимымъ отвращеніемъ, ненавистью ко всѣмъ тѣмъ, кто способствовалъ гибели нашего возлюбленнаго отечества.

Я былъ до такой степени подъ властью этого двойного чувства любви и ненависти, что при каждой встрѣчѣ съ русскимъ, въ Польшѣ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кровь бросалась мнѣ въ голову, я блѣднѣлъ и краснѣлъ, такъ какъ каждый русскій казался мнѣ виновникомъ несчастій моей родины.

Дѣла моего отца прежде всего требовали какъ можно болѣе быстраго приведенія ихъ въ порядокъ. Три четверти его состоянія, заключавшагося въ помѣстьяхъ, расположенныхъ въ тѣхъ провинціяхъ, которыя были захвачены русскими, находились подъ секвестромъ. Земли эти были заложены; такимъ же образомъ пришло въ разстройство состояніе многихъ нашихъ соотечественниковъ. Ходатайства австрійскаго двора за моего отца остались безъ результата. Екатерина не могла простить моимъ родителямъ ихъ патріотизма и ихъ причастности къ возстанію Костюшко. „Пусть оба ихъ сына, заявила она, явятся ко мнѣ, и тогда мы посмотримъ". Она хотѣла держать насъ въ качествѣ заложниковъ.

Итакъ, нашъ отъѣздъ въ Петербургъ являлся необходимостью. Отецъ, такой добрый, такой деликатный, не рѣшался прямо требовать отъ насъ этой жертвы, но именно эта неоцѣнимая его доброта взяла верхъ надъ всѣми нашими соображеніями.

Можно ли было нашихъ родителей, лишившихся родины, приговаривать еще и къ нищетѣ и отнять у нихъ возможность выполнить свои обязательства передъ кредиторами? И мы не колебались ни минуты. Но, разумѣется, рѣшеніе отправиться въ Петербургъ, такъ далеко отъ всѣхъ близкихъ, сдѣлаться, въ нѣкоторомъ родѣ, плѣнниками въ рукахъ самыхъ ненавистныхъ изъ нашихъ враговъ, палачей нашего отечества, было въ нашемъ положеніи самой тяжелой жертвой, которую мы считали себя обязанными принести родительской любви, потому что ради этого намъ приходилось порвать со всѣми нашими

чувствами, убѣжденіями, планами, однимъ словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что мы лелѣяли въ нашихъ завѣтныхъ мечтахъ.

Со всѣмъ пыломъ поэтически настроенной молодости я излилъ мое душевное состояніе въ стихахъ, написанныхъ во время пребыванія въ Гродно и названныхъ мною „Пѣснь Барда“. Уѣзжая изъ этого города, я отослалъ рукопись нашему другу Княжнину, и въ продолженіе многихъ лѣтъ стихи эти перечитывались въ моей семьѣ, со слезами умиленія. Впослѣдствіи я ихъ передѣлалъ немного, но ихъ время прошло, и они потеряли свою цѣну.

Мы распрощались съ родителями, жившими въ то время въ Вѣнѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1794 года. Грустно проведя нѣсколько дней въ Сенявѣ, мы пустились въ путь, въ началѣ января направившись въ Гродно, къ королю Станиславу-Августу, который находился тамъ подъ надзоромъ князя Рѣпнина. Тамъ мы до весны ожидали разрѣшенія ѣхать въ Петербургъ. Императрица отказывала намъ въ этомъ разрѣшеніи; намъ показывали сдѣланную ея рукой приписку, въ которой она объясняла свой отказъ тѣмъ, что мать наша яко-бы заставила насъ, какъ нѣкогда Амилькаръ молодого Аннибала, дать клятву въ вѣчной ненависти къ Московскому государству и его государынѣ. Въ тѣ мѣсяцы, что мы провели въ Гродно, мы часто бывали у короля и были свидѣтелями его скорби и горькихъ упрековъ, которые онъ дѣлалъ себѣ въ томъ, что не съумѣлъ ни спасти отечество, ни пасть, сражаясь за него.

Льстивымъ рѣчамъ камергера Вольскаго не удавалось заглушить этотъ крикъ совѣсти. На Пасхѣ король очень сердечно принялъ довольно большое количество вѣрныхъ литовцевъ, явившихся привѣтствовать его по случаю праздника.

Чувства, которыя мы пережили въ это время, остались навсегда неизмѣнными въ глубинѣ нашей души; только внѣшнее ихъ проявленіе должно было подвергнуться измѣненіямъ, диктовавшимся неизбѣжной силой событій. Тотъ же юношескій пылъ, который заставлялъ насъ смотрѣть на жертву, приносимую ро-

дительской любви, какъ на нѣчто героическое, помогалъ намъ легче переносить то справедливо ненавидимое положеніе, въ которое мы были поставлены. О, Боже мой, чего не перенесешь, когда молодъ! Тогда есть сила для борьбы со всѣми превратностями судьбы, даже со всѣми несчастьями. Новая жизнь, новыя впечатлѣнія, какъ бы тяжелы они ни были, именно въ силу своей новизны и непривычности, хотя и не мѣняютъ ничего въ глубинѣ вашей души, въ концѣ концовъ, все же помогаютъ ей развлечься.

Мы были приняты петербургскимъ обществомъ съ большимъ вниманіемъ и благорасположеніемъ. Люди пожилые знали и уважали нашего отца, бывавшаго въ этой столицѣ во времена Елизаветы, Петра II и при восшествіи на престолъ Екатерины. Благодаря его рекомендательнымъ письмамъ, мы встрѣтили благосклонный пріемъ. Несправедливость, причиненная намъ распоряженіями правительства, вызывала къ намъ симпатію, которая не должна была оставаться безплодной, ибо ее проявляли безъ всякихъ опасеній. Вспоминая теперь предупредительность и вниманіе, оказанныя намъ, я нисколько не сомнѣваюсь, что придворные, которые, собственно говоря, составляли тогда все петербургское общество, были заранѣе увѣрены, что оказываемый ими хорошій пріемъ къ этимъ обездоленнымъ полякамъ, этимъ питомцамъ свободы, совершенно не скомпрометируетъ ихъ при дворѣ. Кто знаетъ? Быть можетъ, это поведеніе было имъ даже предписано.

Черезъ нѣсколько недѣль мы пріобрѣли много знакомствъ и ежедневно получали приглашенія отъ представителей высшей аристократіи. Обѣды, балы, концерты, вечера, любительскіе спектакли безпрерывно слѣдовали другъ за другомъ. Насъ всюду сопровождалъ Яковъ Горскій, которому нашъ отецъ поручилъ быть нашимъ другомъ и руководителемъ и помогать намъ своими совѣтами.

Нельзя было удачнѣе выбрать ментора. Беззаботный, услужливый, балагуръ, веселый, терпимый, любящій пожить и вмѣстѣ

съ этимъ испытанной честности, не стѣснявшійся сказать въ глаза самую горькую правду, —это былъ именно такой человѣкъ, который нуженъ былъ, чтобы держать молодыхъ людей безъ особенной строгости, но вмѣстѣ съ тѣмъ не давая имъ уклониться отъ прямого пути. Мы чувствовали себя какъ нельзя лучше въ обществѣ этого уважаемаго человѣка, и я исполняю только долгъ совѣсти, выражая ему здѣсь нашу признательность и нашу скорбь по его неожиданной утратѣ. Дѣйствительно, онъ очень поощрялъ насъ воспользоваться оказываемымъ намъ пріемомъ, чтобы войти въ сношенія съ лицами, которыя могли устроить окончательный возвратъ нашего имущества. При разговорѣ на французскомъ языкѣ Горскій обнаруживалъ совсѣмъ не французскій акцентъ, но это нисколько не смущало его. Все, что онъ говорилъ, и все, что онъ дѣлалъ, носило печать лаконической точности, которая превосходно шла къ нему. Всегда съ высоко поднятой головой, гордой походкой, рѣшительной краткой рѣчью, никогда не выходящей, однако, изъ границъ вѣжливости—таковъ былъ Горскій. Несмотря на то, что многимъ изъ тѣхъ, кого онъ посѣщалъ, онъ выказывалъ очень мало уваженія, онъ все же пользовался ихъ расположеніемъ, и это, между прочимъ, казалось ему самому страннымъ и забавнымъ. Любитель хорошо покушать и развлечься, онъ почти принуждалъ насъ бывать въ этомъ обществѣ, отъ котораго насъ нѣсколько отдаляли наши тяжелыя переживанья, а можетъ быть отчасти и лѣность. Онъ никогда не терялъ изъ виду цѣли путешествія, самоотверженно предпринятаго нами, и никогда не пренебрегалъ средствомъ, могущимъ увѣнчать его успѣхомъ. Онъ всегда побуждалъ насъ дѣлать визиты, предпринимать шаги, удручавшіе насъ и возбуждавшіе въ насъ отвращеніе, однимъ словомъ, именно ему, главнымъ образомъ, мы обязаны тѣмъ, что дѣло наше удалось и что средства, къ которымъ мы прибѣгали, получили одобреніе.

Этотъ періодъ нашей молодости имѣлъ важное и рѣши-

тельное значеніе для всей послѣдующей нашей жизни, потому что перенесенные внезапно въ чужую во всѣхъ отношеніяхъ среду, противную нашимъ чувствамъ, мы видѣли всѣ наши планы разрушенными, все наше будущее измѣненнымъ, разбитымъ, задушеннымъ, вопреки всѣмъ нашимъ желаніямъ и нашимъ убѣжденіямъ.

Лично для меня это время моей жизни дало глубокіе и тяжелые результаты. Несчастья моей родины, моихъ родныхъ и многихъ моихъ соотечественниковъ, проигрышъ праваго дѣла, торжество жестокости и преступленія, все это совершенно смѣшало всѣ мои воззрѣнія. Я началъ сомнѣваться въ благости Провидѣнія.

Я видѣлъ вездѣ только противорѣчія, отсутствіе смысла; ничто въ мірѣ не казалось мнѣ заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Я былъ охваченъ полнымъ скептицизмомъ и холоднымъ, до отчаянія, равнодушіемъ ко всему. Со мной не одинъ разъ и впослѣдствіи повторялись эти припадки отчаянья.

Однако, среди этихъ тяжелыхъ переживаній, когда, не находя ни въ чемъ точки опоры, во всемъ сомнѣваясь, я относился ко всему съ неизмѣннымъ презрѣніемъ, я помню, какой-то внутренній голосъ указывалъ моему разсудку на добродѣтель и милосердіе, какъ на нѣчто реальное, въ чемъ невозможно сомнѣваться, чему присущи реальныя достоинства. Я чувствовалъ, что если бы это было и не такъ, все же лучше было предпочесть эти высокія начала. Эта добросовѣстная внутренняя борьба спасла меня тогда отъ пагубнаго дѣйствія безпредѣльныхъ сомнѣній. По особой какой-то милости, зародыши вѣры, хотя и очень ослабѣвшіе, все еще коренились въ моей душѣ.

Оказываемое намъ вниманіе и наши развлеченія не могли не вліять на умы молодыхъ людей. Развлеченія не мѣшаютъ внутрененему скептицизму, напротивъ они могутъ еще помогать его развитію. Душевныя раны не закрывались, но на поверхности нашей душевной жизни кое-что стало измѣняться. Мы убѣди-

дились въ справедливости пословицы „чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ“, въ особенности тогда, когда онъ захочетъ быть любезнымъ; мы поняли, что несправедливо, несмотря на ужасы, продѣланные съ нами, винить въ этомъ всю націю, смѣшивать въ одной ненависти всѣхъ людей, которые часто не имѣютъ съ правительствомъ ничего общаго; что суть дѣла мѣняется, смотря по положенію и условіямъ, въ которыхъ оказываются люди и, чтобы здраво судить объ ихъ поведеніи въ частной жизни, а тѣмъ болѣе въ жизни общественной, нужно поставить себя на ихъ мѣсто и принять во вниманіе обстоятельства, въ которыхъ они находились. Мало по малу мы пришли къ убѣжденію, что эти русскіе, которыхъ мы научились инстинктивно ненавидѣть, которыхъ мы причисляли, всѣхъ безъ исключенія, къ числу существъ зловредныхъ и кровожадныхъ, съ которыми мы готовились избѣгать всякаго общенія, съ которыми не могли даже встрѣчаться безъ отвращенія,—что эти русскіе болѣе или менѣе такіе же люди, какъ и всѣ прочіе, что между ними есть умные молодые люди, люди вѣжливые, привѣтливые, на словахъ, по крайней мѣрѣ, что въ ихъ кружкахъ можно встрѣтить дамъ очень любезныхъ и пріятныхъ, что въ общемъ, можно жить въ ихъ обществѣ, не испытывая чувства отвращенія, что даже можно иногда считать себя обязаннымъ питать къ нимъ дружбу и чувство благодарности.

Всѣ эти мои наблюденія надъ русскими, не представляющія, конечно, ни для кого ничего новаго, я привожу здѣсь лишь какъ бы въ объясненіе того, что мы совершенно не были подготовлены къ такому переходу; что, бросаясь такъ быстро изъ одной крайности въ другую, мы очутились словно въ какой-то пропасти, или среди моря, гдѣ, ввиду невозможности вернуться назадъ, намъ приходилось плыть помимо нашей воли; что, будучи молоды, мы нападали на опасныя знакомства и не избѣгали сомнительныхъ развлеченій.

Петербургское общество было въ общемъ блестяще, ожи-

вленно и полно разнообразныхъ оттѣнковъ. Во многихъ домахъ были пріемы; иностранныхъ гостей всюду перебивали другъ у друга. Дипломатическій корпусъ и французскіе эмигранты вносили оживленіе и задавали тонъ.

Салоны впослѣдствіи очень хорошо извѣстныхъ въ Парижѣ княгини Долгоруковой, жены князя Василія Долгорукова, и княгини Голицыной, жены князя Михаила Голицына, выдѣлялись своею элегантностью. Эти двѣ дамы соперничали умомъ, красотой и обаятельностью. Ходили слухи, что онѣ обѣ были предметомъ страсти князя Потемкина. Несчастнымъ поклонникомъ первой былъ въ это время графъ Кобенцель, австрійскій посолъ. Другая держала въ своихъ цѣпяхъ графа Шуазель-Гуфье, извѣстнаго въ свѣтѣ по дипломатической миссіи въ Константинополѣ и по написанной имъ книгѣ о путешествіи въ Грецію. Онъ превратилъ домъ княгини Голицыной въ музей изящныхъ искусствъ, къ которымъ, однако, сама владѣлица обнаруживала мало вкуса.

Домъ Нарышкиныхъ былъ совершенно въ другомъ родѣ. Отсутствіемъ порядка и выдержки онъ походилъ на старый московско-азіатскій дворецъ. Будучи подъ не такимъ строгимъ надзоромъ, какъ въ другихъ домахъ, дѣвицы Нарышкины, какъ говорили, принимали ухаживанья князя Потемкина. Двери дома были открыты для всѣхъ,—бывалъ кто хотѣлъ. Тамъ можно было встрѣтить казаковъ, татаръ, черкесовъ и всякаго рода азіатовъ. Хозяинъ дома, Левъ Нарышкинъ, веселый, привѣтливый, добродушный, бывшій фаворитъ Петра III, а послѣ того придворный Екатерины, услуживавшій всѣмъ ея любимцамъ и пользовавшійся ихъ расположеніемъ, въ качествѣ ея оберъ-шталмейстера, десятки лѣтъ разорялся на балы и пріемы, но, несмотря на всѣ усилія разориться, никакъ не могъ достигнуть этой цѣли. Я не знаю, удалось ли это его наслѣдникамъ, у которыхъ были точно такія же наклонности.

Домъ Головиныхъ ничѣмъ не походилъ на тѣхъ, о которыхъ я только что упомянулъ. У нихъ не было ежеднев-

ныхъ вечеровъ, но вмѣсто этого собирались маленькіе кружки избраннаго общества на подобіе тѣхъ, которые существовали когда-то въ Парижѣ, продолжавшемъ старыя традиціи Версаля.

Хозяйка дома, дочери которой позже вышли замужъ, одна за Фредро, другая за Потоцкаго, умная, чуткая, восторженная, была очень талантлива и любила искусства.

Домъ Строгановыхъ имѣлъ опять таки свои особенности. Графъ, жившій долгое время въ Парижѣ, усвоилъ тамъ навыки, которые представляли рѣзкую противоположность съ его старыми московскими привычками. Въ его домѣ говорили о Вольтерѣ, о Дидро, о парижскомъ театрѣ, обсуждали достоинства картинъ великихъ мастеровъ, собранныхъ графомъ въ своемъ домѣ, въ большомъ количествѣ—и наряду съ этимъ, здѣсь же накрывался огромный столъ, и къ обѣду являлись гости безъ всякаго приглашенія, прислуживала цѣлая вереница рабовъ, а безпорядокъ въ дѣлахъ выдавалъ происхожденіе этихъ сибирскихъ богатствъ.

Куракины, Гурьевы и многіе другіе подражали княгинѣ Долгоруковой; исключеніе составлялъ домъ княгини Вяземской, который былъ устроенъ на собственный образецъ и принадлежалъ къ особой категоріи. Эта престарѣлая дама, вдова генералъ-прокурора, высшаго государственнаго сановника въ то время,—выдала замужъ одну изъ своихъ дочерей за герцога Серра Капріола, посла въ Неаполѣ, другую—за датскаго министра и третью за одного изъ графовъ Зубовыхъ.

Среди видной молодежи двое Голицыныхъ, получившихъ воспитаніе въ Парижѣ, особенно выдѣлялись тѣмъ саркастическимъ умомъ, который всегда забавляетъ и привлекаетъ. Къ нимъ можно еще прибавить и князя Барятинскаго воспитывавшагося такъ же, какъ и они, за границей. Это тріо было ареопагомъ гостинныхъ. Горе было тому, кто попадалъ имъ на зубокъ. Бѣдный простачекъ, на котораго они обрушивались, скоро становился въ глазахъ всѣхъ полнымъ глуп-

цомъ. Къ нимъ иногда присоединялся и графъ Татищевъ, бывшій позднѣе посломъ въ Вѣнѣ, немного старше ихъ.

Я не хочу останавливаться на подробномъ описаніи петербургскаго общества. Мнѣ предстоитъ говорить о болѣе серьезныхъ вещахъ. Чтобы покончить съ этой темой, я прибавлю только, что тогдашнее общество, какъ, вѣроятно, это продолжается и въ настоящее время, представляло не что иное, какъ отраженіе Двора. Его можно было бы сравнить съ преддверіемъ храма, гдѣ всѣ присутствующіе не слышатъ и не видятъ ничего, кромѣ того божества, передъ которымъ воскуряется ѳиміамъ.

Всякій разговоръ,—я могу сказать, почти всякая фраза,—кончались всегда новостями, касающимися Двора. Что тамъ сказали? Что тамъ сдѣлали? Что думаютъ дѣлать? Вся жизненная импульсія шла только оттуда. Это, конечно, лишало общество его собственной жизни. Все же оно казалось оживленнымъ и радостнымъ.

Императрица Екатерина, непосредственная виновница гибели Польши, одно имя которой приводило насъ въ ужасъ, проклинаемая всякимъ, у кого только въ груди билось польское сердце,—Екатерина, которая за предѣлами своей столицы почиталась лишенной всякихъ добродѣтелей и даже подобающей женщинѣ скромности, съумѣла завоевать себѣ въ своей странѣ и, въ особенности, въ своей столицѣ, почтеніе, уваженіе, даже любовь своихъ слугъ и подданныхъ. Въ долгіе годы ея царствованія армія, привилегированные классы, чиновники переживали свои счастливые и блестящіе дни. Нѣтъ сомнѣнія, что со времени ея восшествія на престолъ Московская имперія поднялась значительно выше, чѣмъ въ предыдущія царствованія Анны и Елизаветы, какъ въ смыслѣ улучшенія порядка во внутреннемъ управленіи, такъ и въ смыслѣ уваженія за границей.

Въ то время умы были еще полны стараго фанатизма и рабскаго поклоненія самодержцамъ. Благоденственное царствованіе Екатерины еще больше утвердило русскихъ въ ихъ ра-

болѣпіи, хотя проблески европейской цивилизаціи уже проникали въ ихъ среду. Поэтому вся нація, не исключая ни великихъ, ни малыхъ, совершенно не была смущена недостатками и пороками своей государыни. Все ей было позволено. Ея сластолюбіе было свято. Никогда никому не приходило на мысль порицать ея увлеченія. Такъ язычники относились къ преступленіямъ и порокамъ олимпійскихъ боговъ и римскихъ цезарей.

Что касается Олимпа московскаго, то онъ состоялъ какъ бы изъ трехъ ярусовъ: первый былъ занятъ молодымъ Дворомъ, т. е. молодыми князьями и княжнами, которые, благодаря своей привлекательности, подавали надежды на самое лучшее будущее. Второй ярусъ имѣлъ жильцомъ только одного великаго князя Павла, мрачный характеръ котораго и фанатическій нравъ внушали ужасъ, а иногда и презрѣніе. На вершинѣ зданія находилась Екатерина, со всѣмъ обаяніемъ своихъ побѣдъ, своихъ удачъ и съ вѣрой въ любовь своихъ подданныхъ, которыхъ она умѣла направлять сообразно со своими капризами.

Всѣ надежды, которыя можно было питать, глядя на молодой Дворъ, относились лишь къ далекому будущему и ничѣмъ не уменьшали общей преданности высшему авторитету царицы, тѣмъ болѣе, что на этотъ молодой Дворъ смотрѣли какъ на созданіе той же царившей власти. Дѣйствительно, Екатерина оставила за собой исключительное право на воспитаніе своихъ внуковъ. Всякое вліяніе въ этомъ направленіи отца или матери было запрещено. Всѣхъ новорожденныхъ князей и княженъ забирали отъ родителей, они росли подъ наблюденіемъ Екатерины и какъ будто принадлежали исключительно ей.

Великій князь Павелъ служилъ тѣнью къ картинѣ и усиливалъ впечатлѣніе. Ужасъ, внушаемый имъ, особенно способствовалъ укрѣпленію общей привязанности къ правленію Екатерины; всѣ желали, чтобы бразды правленія еще долго держались въ ея сильной рукѣ и, такъ какъ всѣ боялись Павла, то поэтому еще больше восторгались могуществомъ и выда-

ющимися способностями его матери, державшей его вдали отъ трона, принадлежавшаго ему по праву.

Такое стеченіе обстоятельствъ и все то, о чемъ я бѣгло упомянулъ здѣсь, легко объясняетъ то увлеченіе и преклоненіе, которое петербуржцы проявляли по отношенію къ своему Юпитеру въ образѣ женщины. Это было, въ нѣкоторомъ родѣ, воспроизведеніе величія Людовика XIV въ то время, когда смерть не унесла еще его многочисленнаго потомства.

Иностранцу, пріѣхавшему въ Петербургъ, было очень трудно, почти даже невозможно, не испытать на себѣ и не подпасть подъ вліяніе столь глубоко вкоренившихся предразсудковъ.

Попавъ однажды въ атмосферу Двора и общества, принадлежавшаго къ нему, онъ незамѣтно былъ увлекаемъ водоворотомъ ихъ идей и чаще всего кончалъ тѣмъ, что присоединялъ и свой голосъ къ хору похвалъ, звучавшему постоянно вокругъ трона. Примѣрами могутъ служить знаменитые путешественники въ родѣ князя де-Линя, лорда де-Сентъ-Эллена, графовъ де-Сегюра и де-Шуазеля, такъ же, какъ и многихъ другихъ.

Въ кругу иностранцевъ и русскихъ, любившихъ посплетничать и позлословить, не щадившихъ ничего и никого для краснаго словца и не имѣвшихъ никакихъ основаній остерегаться насъ, насколько я знаю, не находилось ни одного, кто посмѣлъ бы позволить себѣ какую-нибудь шутку на счетъ Екатерины. Ничего не уважали, все критиковали, презрительная и насмѣшливая улыбка часто сопровождала и имя великаго князя Павла, но какъ только произносилось имя Екатерины, всѣ лица принимали тотчасъ же серьезный и покорный видъ. Исчезали улыбки и шуточки. Никто не смѣлъ даже прошептать какую-нибудь жалобу, упрекъ, какъ будто ея поступки, даже наиболѣе несправедливые, наиболѣе оскорбительные, и все зло, причиненное ею, были вмѣстѣ съ тѣмъ и приговорами рока, которые должны были быть принимаемы съ почтительной покорностью.

Екатерина была честолюбива, способна къ ненависти, мстительна, самовольна, безъ всякаго стыда; но къ ея честолюбію присоединялась любовь къ славѣ и, несмотря на то, что когда дѣло касалось ея личныхъ интересовъ или ея страстей, все должно было преклониться передъ ними, ея деспотизмъ все же былъ чуждъ капризныхъ порывовъ. Какъ ни были необузданны ея страсти, онѣ все же подчинялись вліянію ея разсудка. Ея тираннія зиждилась на разсчетѣ. Она не совершала безполезныхъ преступленій, не приносившихъ ей выгоды, порою она даже готова была проявлять справедливость въ дѣлахъ, которыя сами по себѣ не имѣли большого значенія, но могли увеличить сіяніе ея трона блескомъ правосудія. Даже больше того: ревнивая ко всякаго рода славѣ, она стремилась къ званію законодательницы, чтобы прослыть справедливой въ глазахъ Европы и исторіи. Она слишкомъ хорошо знала, что монархи, если даже и не могутъ стать справедливыми, должны, во всякомъ случаѣ, казаться таковыми. Она интересовалась общественнымъ мнѣніемъ и старалась завоевать его въ свою пользу, если только оно не противорѣчило ея намѣреніямъ; въ противномъ случаѣ, она имъ пренебрегала. Ея преступная политика по отношенію къ Польшѣ выдавалась за плодъ государственной мудрости и путь къ военной славѣ. Она завладѣла имѣніями тѣхъ поляковъ, которые проявили наибольшее рвеніе въ защитѣ независимости своего отечества, но, раздавая эти имѣнія, она привлекала къ себѣ именитыя русскія семьи, а приманка незаконной выгоды побуждала окружавшихъ ее хвалить ея вкусъ къ преступной, безжалостной и завоевательной политикѣ.

Называютъ только одного генерала Ферзена, побѣдителя при Мацѣевицахъ, который отказался отъ конфискованныхъ имѣній семьи Чацкаго и попросилъ наградить его пожалованіемъ изъ государственныхъ земель. Никто больше не осмѣлился на подобный, столь справедливый поступокъ, на томъ основаніи, что всякій приказъ императрицы требуетъ слѣпого

повиновенія. Воля императрицы, будь это самая вопіющая несправедливость, не могла быть подвергнута критикѣ, обсужденію. Никто не могъ и помыслить о томъ, чтобы позволить себѣ такую смѣлость. По общему убѣжденію, ея дѣйствія не могли быть подчиняемы общимъ законамъ, и самые принципы справедливости зависѣли отъ ея рѣшеній.

Мнѣ хочется привести по этому поводу одинъ примѣръ, надѣлавшій тогда много шуму. Княгиня Шаховская, обладавшая колоссальнымъ состояніемъ, выдала свою дочь замужъ за герцога д'Арембергъ. Это было за границей. Екатерина, возмущенная тѣмъ, что не испросили ея согласія, велѣла наложить арестъ на всѣ имѣнія княгини. Мать и дочь явились къ ней и умоляли о милости, но Екатерина, глухая къ ихъ мольбамъ, расторгла этотъ бракъ, считая его недѣйствительнымъ, потому что онъ былъ заключенъ безъ ея согласія. Это былъ возмутительный по своей несправедливости приговоръ, но мать и дочь подчинились ему, а общество отнеслось къ этому происшествію, какъ къ самому обыкновенному обстоятельству. По крайней мѣрѣ, никто объ этомъ не проронилъ ни слова. Нѣкоторое время спустя, молодая княгиня вышла вторично замужъ; но будучи искренно привязанной къ своему первому мужу, мучимая угрызеніями совѣсти, лишила себя жизни.

Если бы мы не боялись погрѣшить противъ Людовика XIV, мы сказали бы еще, что дворъ Екатерины имѣлъ нѣкоторое сходство съ дворомъ великаго короля. Сказать, что любовницы короля играли совершенно ту же роль въ Версалѣ, какую играли фавориты Екатерины въ Петербургѣ, не будетъ грѣхомъ противъ его памяти. Что же касается безнравственности, распущенности, интригъ и низостей петербургскихъ куртизановъ, то въ этомъ отношеніи петербургскій дворъ мы могли бы сравнить съ дворомъ византійскимъ. Въ смыслѣ же подчиненія, преданности и уваженія народа, мы не найдемъ, кажется, подобнаго примѣра нигдѣ, кромѣ Англіи, зачарованной Елизаветой, такой же жестокой и честолюбивой, но одаренной большими талантами и мужской энергіей.

Даже распущенность Екатерины, часто прибѣгавшей для удовлетворенія своей чувственности къ мимолетнымъ связямъ, служила въ ея пользу, въ ея сношеніяхъ съ народомъ, т.-е. съ арміей, придворными и привилегированными классами. Всякій нижній офицерскій чинъ, всякій молодой человѣкъ, лишь бы только онъ былъ одаренъ хорошими физическими качествами, мечталъ о милостяхъ своей властительницы, которую онъ возносилъ до небесъ.

И хотя она, подобно языческимъ богамъ, болѣе чѣмъ часто спускалась съ своего Олимпа, чтобы вступить въ связи съ простыми смертными, уваженіе ея подданныхъ къ ея авторитету и власти не уменьшалось отъ этого; напротивъ, всѣ восхищались ея выдержанностью и умомъ. Тѣ, которые стояли къ ней ближе и которые, независимо отъ своего пола, пользовались ея милостями, не могли достаточно нахвалиться ея добротой и привѣтливостью и были дѣйствительно ей преданы.

Нѣкоторое время намъ было запрещено приближаться къ этому очагу милостей и могущества, лучи котораго ослѣпляли взгляды всѣхъ. Другими словами, мы не получили разрѣшенія представиться ко Двору, который, по обыкновенію, съ первыхъ весеннихъ дней, переѣхалъ въ Таврическій дворецъ. И только въ день нашего пріѣзда, перваго мая, по русскому календарю, – день, когда весь народъ отправляется на гулянье въ Екатериненгофъ, мы встрѣтили въ толпѣ гуляющихъ молодыхъ великихъ князей съ ихъ свитой, которые нѣсколько разъ прошлись взадъ и впередъ.

Нѣкоторое время спустя мы уже пріобрѣли обширныя знакомства и получили приглашеніе присутствовать на одномъ празднествѣ, которое должно было длиться приблизительно около двадцати четырехъ часовъ, такъ какъ, начавъ съ завтрака, должны были перейти къ танцамъ, затѣмъ къ прогулкамъ, затѣмъ къ спектаклю и окончить ужиномъ. Празднество это устраивалось въ честь молодого Двора княгиней Голицыной, дочерью придворной дамы съ портретомъ, оберъ-гофмейстерины

и гувернантки великой княгини Александры. Мы тогда еще не были представлены ко Двору, но княгиня Голицына пригласила насъ, сообразно инструкціямъ, которыя она имѣла отъ своей матери, графини Шуваловой, получившей это разрѣшеніе свыше; это придало намъ нѣкоторое значеніе въ обществѣ. Трудно было встрѣтить болѣе прекрасную пару, чѣмъ та, которую представляли изъ себя великій князь Александръ, имѣвшій тогда всего восемнадцать лѣтъ и его шестнадцатилѣтняя жена. Оба блистали изяществомъ, молодостью и были очень добры.

Вечера, какъ я только что сказалъ, проходили у насъ въ развлеченіяхъ, въ удовольствіяхъ, но въ длинные лѣтніе петербургскіе дни выдавалось не мало часовъ, когда намъ ясно представлялась вся горечь нашего положенія.

Надо было дѣлать визиты, просить, гнуть спину. Это было унизительно и очень тяжело, и вотъ тутъ сказывалось все вліяніе на насъ Горскаго. Онъ дѣйствовалъ на насъ всей силой своего авторитета, не давалъ намъ ни минуты отдыха, постоянно повторяя, что послѣдствія нашего нерадѣнія падутъ на нашихъ родителей, что мы здѣсь только для того, чтобы вернуть имъ ихъ имѣнія. Любимымъ фаворитомъ Екатерины былъ тогда Платонъ Зубовъ, поэтому прежде всего мы должны были отправиться къ нему. Въ означенный часъ явились мы въ его аппартаменты, въ Таврическомъ дворцѣ. Онъ принялъ насъ стоя, облокотившись на какую-то мебель, одѣтый въ коричневый сюртукъ. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, стройный, пріятной наружности, брюнетъ, на лбу его хохолокъ былъ зачесанъ вверхъ, завитъ и немного всклокоченъ. Голосъ онъ имѣлъ звонкій, пріятный. Принялъ онъ насъ весьма благосклонно, съ покровительственнымъ видомъ. Горскій взялся быть на этотъ разъ истолкователемъ нашей просьбы и торопился отвѣчать на вопросы, задаваемые намъ Зубовымъ. Онъ говорилъ по-французски неправильно, но импонировалъ всегда своимъ видомъ. Зубовъ сказалъ, что сдѣлаетъ все отъ него

зависящее, чтобы быть намъ полезнымъ, но что мы не должны обманываться, такъ какъ все зависитъ отъ милости ея величества, и ни онъ, ни кто другой не имѣетъ достаточно вліянія, чтобы подѣйствовать на ея рѣшенія и что, впрочемъ, мы скоро будемъ ей представлены.

Князь Куракинъ, братъ будущаго посла, взявшійся намъ покровительствовать, пріѣхалъ съ нами къ Зубову, но въ ту минуту, когда надо было войти, если моя память мнѣ не измѣняетъ, онъ скрылся, или, чтобы назвать вещи ихъ собственными именами, скажу, остался въ передней. Онъ присоединился къ намъ вновь при выходѣ и съ улыбкой любопытства освѣдомился обо всемъ, что и какъ было, и всѣ его вопросы доказывали его убѣжденіе въ томъ, что человѣкъ, съ которымъ мы только что разстались, былъ самымъ могущественнымъ въ имперіи.

Однако, былъ еще и другой человѣкъ, обладавшій такимъ же могуществомъ—это Валеріанъ Зубовъ, братъ Платона. Лицомъ и всѣмъ своимъ болѣе мужественнымъ видомъ онъ былъ даже лучше своего брата; говорятъ также, что и императрица относилась къ нему очень благосклонно и что, если бы онъ явился къ ней первымъ, то безъ сомнѣнія занялъ бы мѣсто фаворита. Въ настоящее время благодаря тому, что онъ былъ братомъ графа Платона, а также благодаря и его личнымъ качествамъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на образъ мыслей старой царицы. Стало быть, мы должны были обратиться и къ нему. По странному стеченію обстоятельствъ, Валерьянъ Зубовъ былъ начальникомъ того самого отряда, который годъ тому назадъ разгромилъ Пулавы. Всѣ знаютъ объ ужасахъ, ознаменовавшихъ походъ русскихъ войскъ въ Польшѣ. Хотя Зубовъ лично и не руководилъ разгромомъ Пулавъ, но трудно допустить, чтобы солдаты, какъ бы они распущены ни были, дѣйствовали бы такъ дико, если бы не имѣли разрѣшенія своего начальника. А если, что весьма возможно, приказаніе и было дано свыше, благородный и честный человѣкъ счелъ бы

своимъ долгомъ дать понять, что онъ исполняетъ подобную миссію противъ своей воли и въ исполненіи ея придерживался бы извѣстной мѣры. Но въ данномъ случаѣ мѣра не была вовсе соблюдена. Теперь же раззоренные, обокраденные шли выпрашивать милости у похитителя (у насъ его считали таковымъ) и искать его покровительства. Больше того: мы были принуждены просить его посредничества, чтобы быть принятыми лично самимъ фаворитомъ, и именно ему мы были обязаны полученіемъ особой милости—частной аудіенціи у его брата Платона. Однако, этотъ самый Валеріанъ, во мнѣніи русскихъ считался честнымъ и благороднымъ молодымъ человѣкомъ. Говорили, что хотя онъ и предавался удовольствіямъ, но такимъ, которыя не порочили его чести. Въ то время у него какъ разъ была любовная интрига съ Протъ-Потоцкой, послѣдовавшей за нимъ въ Петербургъ и не бывавшей нигдѣ, что, однако, не мѣшало ей заводить и другія связи.

Въ какой-то стычкѣ, предшествовавшей штурму Праги, онъ потерялъ одну ногу и его костыли, кажется, придавали ему еще больше обаянія въ глазахъ императрицы, такъ же и другихъ дамъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, въ немъ чувствовалась безпечность, небрежность и непринужденность молодого человѣка, избалованнаго судьбой и женщинами. Его салоны всегда были полны льстецами всякаго рода. Нашъ вѣрный Горскій, въ интересахъ нашихъ родителей, тащилъ насъ тоже туда, какъ говорится, съ арканомъ на шеѣ.

Когда, благодаря постояннымъ визитамъ, между нами установилось нѣчто вродѣ близости, мы задыхались отъ скуки, такъ какъ у насъ не было совершенно никакихъ общихъ точекъ соприкосновенія и было почти невозможно завязать какой-нибудь разговоръ. Въ заключеніе рѣчи, графъ Валеріанъ обыкновенно утверждалъ, что онъ и его братъ имѣютъ далеко не такое вліяніе на образъ мыслей Екатерины, какъ имъ приписываютъ, и что очень часто она дѣлала обратное тому, чего

они желали. Тѣмъ не менѣе, я думаю, можно безошибочно утверждать, что графъ Валеріанъ Зубовъ былъ единственнымъ человѣкомъ, принявшимъ къ сердцу наше дѣло. Заговорила ли въ немъ совѣсть? Было ли это желаніе возстановить свою репутацію? Фактъ тотъ, что онъ побуждалъ своего брата и горячо ходатайствовалъ за насъ передъ самой императрицей. Совсѣмъ иначе шло дѣло у главнаго фаворита. Графъ Платонъ Зубовъ, какъ я уже говорилъ раньше, сдѣлалъ намъ высокую честь, принявъ насъ въ особой аудіенціи. Какъ и другіе, мы ежедневно отправлялись къ его сіятельству, чтобы напомнить о себѣ и добиться его протекціи.

Ежедневно, около одиннадцати часовъ утра, происходилъ „выходъ“ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Огромная толпа просителей и придворныхъ, всѣхъ ранговъ, собиралась, чтобы присутствовать при туалетѣ графа. Улица запруживалась, совершенно такъ, какъ передъ театромъ, экипажами, запряженными по четыре или по шести лошадей. Иногда, послѣ долгаго ожиданія, приходили объявить, что графъ не выйдетъ и, каждый уходилъ, говоря: „до завтра“.

Когда же выходъ начинался, обѣ половины дверей отворялись, къ нимъ бросались наперерывъ всѣ: генералы, кавалеры въ лентахъ, черкесы, вплоть до длиннобородыхъ купцовъ.

Въ числѣ просителей тогда встрѣчалось очень много поляковъ, являвшихся ходатайствовать о возвращеніи имъ ихъ имѣній, или объ исправленіи какой-нибудь учиненной по отношенію къ нимъ несправедливости. Между другими можно было встрѣтить и князя Александра Любомірскаго, который хотѣлъ продать свои имѣнія, чтобы спасти остатки своего имущества, погибшаго при разгромѣ отечества. Появлялся и уніатскій митрополитъ Сосновскій, гнувшій свою почтенную голову, чтобы добиться возврата своихъ имѣній и спасти свои уніатскіе обряды, которые Московское государство уже жестоко преслѣдовало. Очень интересный молодой человѣкъ, Оскіерко, являлся туда также, чтобы просить о помилованіи своего отца, насиль-

ственно отправленнаго въ Сибирь и о возвратѣ ихъ конфискованнаго имущества. Число потерпѣвшихъ такимъ образомъ было несмѣтно, но весьма немногіе имѣли возможность попытать счастья добиться „прощенія", впрочемъ, съ очень сомнительной надеждой на успѣхъ.

Одни изъ нихъ стонали въ кандалахъ, другіе томились въ Сибири. Къ тому же не всѣ желающіе получали позволеніе явиться въ Петербургъ. Всѣ жалобы подавлялись. Правительственные чиновники, іерархическій списокъ которыхъ былъ баснословно громаденъ, давали разрѣшеніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлась въ виду какая-нибудь отъ этого выгода. И еще каковы были результаты этихъ разрѣшеній! Вотъ напримѣръ, митрополитъ, о которомъ я только что упомянулъ, всѣми отталкиваемый и презираемый, не добился въ общемъ ничего, кромѣ жалкаго отвѣта, что декреты императрицы, справедливые или несправедливые, не отмѣняемы, что жалобы и просьбы безполезны, что то, что сдѣлано, сдѣлано безвозвратно, —тѣмъ болѣе, что алчность закрывала ходъ всякимъ протестамъ.

Возвращаясь къ пріемной фаворита, скажу, что на лицѣ каждаго, находившагося тамъ просителя, можно было прочесть то, что его привело сюда. Лица нѣкоторыхъ выражали огорченіе и простое желаніе защитить свое имущество, свою честь, свое существованіе другія, наоборотъ, выдавали желаніе завладѣть имуществомъ другого или удержать то, что они уже присвоили. Такимъ образомъ, однихъ приводило туда несчастье, другихъ алчность. Были и такіе, которыхъ приводила только низость. Казалось почти невозможнымъ считать для себя унизительнымъ находиться среди этой толпы, видя тамъ первыхъ сановниковъ имперіи, людей съ извѣстнѣйшими именами, генераловъ, управлявшихъ нашими провинціями, передъ которыми всѣ дрожали и изъ которыхъ каждый былъ вымогателемъ, а сюда они являлись униженно гнуть шею передъ фаворитомъ и уходили, не получивъ даже ни одного его взгляда, или стояли

передъ нимъ, какъ часовые, въ то время, какъ онъ переодѣвался разлегшись въ креслѣ.

Это торжество происходило всегда слѣдующимъ образомъ: обѣ половины дверей растворялись. Зубовъ входилъ въ халатѣ, едва одѣтый въ нижнее бѣлье. Легкимъ кивкомъ головы привѣтствовалъ онъ просителей и придворныхъ, стоявшихъ почтительно вокругъ, и принимался за совершеніе туалета. Камердинеры подходили къ нему, чтобы зачесать и напудрить волосы. Въ это время появлялись все новые и новые просители. Они также удостаивались чести получить кивокъ головы, когда графъ замѣчалъ кого-нибудь изъ нихъ. Всѣ со вниманіемъ слѣдили за мгновеніемъ, когда взглядъ ихъ встрѣтится съ его взглядомъ. Мы принадлежали къ числу тѣхъ, которые встрѣчались всегда благосклонной улыбкой. Всѣ стояли, никто не смѣлъ произнести ни одного слова. Каждый вручалъ свои интересы всемогущему фавориту въ нѣмой сценѣ, краснорѣчивымъ молчаніемъ. Никто, повторяю, не раскрывалъ рта, развѣ что самъ графъ обращался къ кому-нибудь съ какимъ-либо словомъ, но никогда по поводу просьбы. Часто графъ не произносилъ ни одного слова, и я не помню, чтобы когда-нибудь онъ предложилъ кому-либо сѣсть, исключая фельдмаршала Салтыкова, который былъ первымъ лицомъ при Дворѣ и, какъ говорятъ, устроилъ карьеру Зубовыхъ. Именно благодаря его посредничеству, графъ Платонъ заступилъ мѣсто Мамонова. Деспотичный проконсулъ Тутулминъ, наводившій въ это время ужасъ на Подолію и Волынь, будучи приглашеннымъ сѣсть, не посмѣлъ сдѣлать это, а лишь присѣлъ на кончикъ стула и то всего лишь на минуту.

Обыкновенно, въ то время, когда Зубова причесывали, секретарь его, Грибовскій, подавалъ ему бумаги для подписи. Просители говорили другъ другу на ухо, сколько нужно было заплатить этому секретарю, чтобы имѣть успѣхъ у его начальника. Подобно Жиль-Блазу, онъ принималъ этихъ просителей съ такой же гордостью, какъ и его хозяинъ.

По окончаніи прически, подписавъ нѣсколько бумагъ, графъ одѣвалъ мундиръ или сюртукъ и удалялся въ свои покои. Все это продѣлывалось съ нѣкоторой небрежностью, чтобы придать всему больше важности и величія; въ этомъ не было ничего естественнаго, все дѣлалось по извѣстной системѣ. Послѣ ухода графа каждый бѣжалъ къ своему экипажу, довольный или разочарованный аудіенціей.

Мы не обращались по своему дѣлу ни къ одному изъ министровъ, потому что, по мнѣнію Горскаго и другихъ, питавшихъ къ намъ расположеніе людей, лучше всего было держаться только протекціи Зубовыхъ. Все же мы не упускали случая быть представленными и другимъ лицамъ, имѣвшимъ вліяніе.

Наиболѣе значительнымъ изъ нихъ былъ, несомнѣнно, графъ Безбородко. Родомъ изъ Малороссіи, Безбородко началъ свою карьеру подъ начальствомъ маршала Румянцева. Представленный имъ императрицѣ, онъ, благодаря своему таланту, большой способности къ работѣ и огромнѣйшей памяти, быстро добился высокихъ чиновъ и богатства. Екатерина назначила его членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и поручала ему веденіе самыхъ секретныхъ переговоровъ. Съ наружностью медвѣдя онъ соединялъ тонкій проницательный умъ и рѣдкую сообразительность. Лѣнивый до послѣдней степени, любившій предаваться удовольствіямъ, онъ брался за работу только въ случаяхъ крайней необходимости, но взявшись, работалъ очень быстро безъ перерывовъ. Поэтому императрица очень цѣнила его и осыпала милостями. Это былъ единственный изъ знатныхъ людей, не льстившій Зубовымъ и совершенно не посѣщавшій ихъ. Всѣ восхищались такимъ мужествомъ, но никто не подражалъ ему.

Старый графъ Остерманъ, вице-канцлеръ, стоявшій во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ походилъ на копію со старыхъ вышитыхъ картинъ. Длинный, худой, блѣдный, одѣтый въ старинный костюмъ, въ суконныхъ сапогахъ, въ платьѣ коричневаго цвѣта съ золотыми пуговицами и съ черной повязкой на шеѣ, онъ являлся представителемъ эпохи Елизаветы.

Преемникъ Панина, человѣкъ прошлыхъ временъ, Остерманъ былъ извѣстенъ своею честностью; его манеры носили величественный характеръ. Молча, какъ автоматъ, онъ дѣлалъ привѣтственный знакъ своей длинной рукой. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и приглашеніемъ садиться. Онъ выступалъ теперь только лишь на высокоторжественныхъ обѣдахъ, и въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, когда нужно было постановить окончательное рѣшеніе или выпустить какую-либо декларацію, гдѣ его подпись должна была стоять на первомъ мѣстѣ. Уже преклонныхъ лѣтъ и не обладавшій большими способностями, графъ Остерманъ все же былъ цѣненъ своей долголѣтней практикой, своею опытностью, честностью и здравымъ смысломъ. Онъ одинъ возсталъ въ совѣтѣ противъ раздѣла Польши, высказавъ мнѣніе, что этотъ раздѣлъ послужитъ больше всего интересамъ Австріи и Пруссіи. Это замѣчаніе не было принято во вниманіе.

Пусть же за нимъ останется хотя бы честь этого выступленія. Послѣ того его значеніе падало съ каждымъ днемъ и, хотя онъ сохранялъ свою должность во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ дѣйствительности его роль была кончена. Впрочемъ, это не мѣшало Екатеринѣ относиться къ нему со вниманіемъ и уваженіемъ.

При восшествіи на престолъ императора Павла, Остерманъ удалился въ Москву, получивъ титулъ канцлера. Его старшій братъ, сенаторъ, извѣстный своею разсѣянностью, жилъ также въ Москвѣ. Оба старца были еще живы во время коронаціи императора Александра. Такъ какъ у нихъ не было прямого наслѣдника, то они избрали наслѣдникомъ графа Толстого, принявшаго фамилію Толстой-Остерманъ. Это тотъ самый Толстой, который позднѣе отличился въ сраженіи при Кульмѣ, гдѣ онъ лишился ноги.

Графъ Самойловъ, генералъ-прокуроръ,—эта должность совмѣщала тогда обязанности министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ,—хотя и былъ племянникомъ Потемкина, являлся однимъ изъ наиболѣе усердныхъ льстецовъ Зубо-

выхъ, бывшихъ, какъ всѣ это знали, открытыми врагами его покойнаго дяди. Самойловъ не блисталъ умомъ, онъ даже былъ смѣшонъ своей глупой гордостью. Въ сущности, онъ не былъ злымъ, но, по очень вѣрной характеристикѣ Нѣмцевича, дѣлалъ зло, благодаря отсутствію способности разбираться въ вещахъ, низости и трусливости скорѣе, чѣмъ злобѣ. Оставляя его у дѣлъ, Екатерина хотѣла доказать міру, что даже и съ такимъ тупоумнымъ министромъ она можетъ управлять огромнымъ государствомъ. Самолюбіе побуждало ее утверждать въ общемъ мнѣніи, что она въ совершенствѣ постигла законодательство и все, что касалось управленія дѣлами страны и, надо сказать правду, что въ ея царствованіе, внутренняя организація государства была значительно улучшена. Самойловъ не имѣлъ никакого значенія въ дѣлахъ, и горе было тому, у кого было къ нему какое-нибудь дѣло, не потому, повторяю, чтобы онъ хотѣлъ сдѣлать зло, но въ силу его неспособности разобраться въ чемъ бы то ни было, а также изъ-за его гордости и недомыслія.

Князь Александръ Любомірскій, имѣвшій съ нимъ дѣло, по поводу продажи его земель, такъ же, какъ и наши несчастные соотечественники, содержавшіеся въ тюрьмахъ, слишкомъ хорошо испытали это на своихъ собственныхъ плечахъ.

Такъ проходили дни и недѣли, всегда въ движеніи, въ новыхъ впечатлѣніяхъ, то непріятныхъ, то безразличныхъ, хотя всегда развлекавшихъ насъ. Но ни постоянная забота вернуть имущество родигелей, ни великолѣпіе общества, въ которое мы были брошены, не заглушало въ насъ другихъ чувствъ, пустившихъ глубокіе корни въ нашихъ душахъ.

Возвращаясь къ себѣ, домой, мы принимались думать о родителяхъ, о сестрахъ, объ отечествѣ, о самихъ себѣ и о томъ грустномъ положеніи, въ которомъ мы находились. Самой горькой была для насъ мысль, что въ то время, когда мы развлекались на балахъ и пользовались разными удовольствіями, рядомъ съ нами лучшіе изъ нашихъ соотечественниковъ сидѣли подъ замками.

Было очень трудно и очень опасно пытаться получить извѣстіе о нихъ. Однако, случай сослужилъ намъ службу въ этомъ дѣлѣ. Послѣ второго раздѣла, когда часть польской арміи, въ Украйнѣ и Подоліи, въ силу необходимости, перешла на службу въ русскую армію, два молодыхъ человѣка, мало извѣстныхъ, одѣли русскій мундиръ и съумѣли проложить себѣ дорогу къ службѣ при Платонѣ Зубовѣ. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Комаръ, теперешній милліонеръ Подоліи, былъ намъ немного знакомъ, такъ какъ его отецъ управлялъ дѣлами моего дѣда. Фамилія другого была Порадовскій. Впослѣдствіи онъ достигъ чина генерала, отличался храбростью и умеръ на войнѣ въ 1812 году.

Порадовскій служилъ офицеромъ въ полку моего зятя, князя Вюртембергскаго. Такимъ образомъ мы были старыми знакомыми. Эти два господина, главнымъ образомъ Порадовскій, нашли возможность добыть кое-какія свѣдѣнія о нашихъ заключенныхъ. Черезъ нихъ мы узнали, что изъ военныхъ одинъ только Нѣмцевичъ и затѣмъ Конопка и Килинскій, всего три человѣка, сидѣли еще въ крѣпости; что Костюшко переведенъ оттуда въ какое-то другое мѣсто и что къ нему относятся со вниманіемъ и уваженіемъ. Костюшко находился подъ надзоромъ маіора Титова, очень привязавшагося къ нему. Титовъ разсказывалъ про него нѣкоторыя подробности, не имѣвшія въ общемъ никакого значенія (бѣдняга маіоръ былъ чисто русскій человѣкъ, очень мало образованный), но потому, что онѣ относились къ такому человѣку, ихъ съ интересомъ слушали даже въ Петербургѣ и передавали другъ другу на ухо. Потоцкій, Закржевскій, Мостовскій и Сокольницкій были заключены отдѣльно, въ домѣ на Литейномъ. Не имѣя возможности сдѣлать что-либо для нихъ, мы любили всетаки проходить или проѣзжать по этой улицѣ, въ надеждѣ хоть мелькомъ взглянуть на нихъ. Иногда, дѣйствительно, намъ удавалось видѣть, какъ они проскальзывали, какъ тѣни, передъ нашими глазами, Но, по всей вѣроятности,

насъ то они никогда не видѣли, такъ какъ домъ былъ очень охраняемъ и внутри и снаружи. Какъ бы тамъ ни было, сердце сильно билось у насъ каждый разъ, когда наши взоры обращались къ окнамъ, за которыми были заперты люди, за исключеніемъ маршала Потоцкаго лично мало извѣстные намъ, молодымъ, но которые своими великими дѣлами, искупаемыми ими теперь такъ же жестоко, какъ и несправедливо, стали дороги каждому истинному поляку.

Вечеромъ, вернувшись домой, мы отдавали себѣ отчетъ въ нашихъ впечатлѣніяхъ за день. Нашъ вѣрный Горскій не скупился на прозвища для тѣхъ, къ которымъ онъ въ обществѣ вынужденъ былъ относиться со вниманіемъ. Исключая только нѣсколькихъ человѣкъ, дѣйствительно заслуживающихъ уваженія, всѣхъ остальныхъ онъ отдѣлывалъ по-своему. Лишь только произносили имя кого-нибудь изъ нихъ, онъ тотчасъ же добавлялъ: „да, да, этотъ плутъ, негодяй...“ Эти выраженія примѣнялись имъ, главнымъ, образомъ къ полякамъ, съ двусмысленной или запятнанной репутаціей. Къ несчастью, ежедневно являлись такіе, которые думали, что насталъ удобный моментъ равнодушіемъ къ судьбѣ родины и измѣной пріобрѣсть милости министровъ и Двора. Ихъ старыя заслуги казались имъ недостаточно вознагражденными, и они удваивали свои подлости, чтобы добиться большаго. Намъ не разъ приходилось краснѣть за такое недостойное поведеніе нѣкоторыхъ изъ соотечественниковъ. Но насъ съ ними не смѣшивали. Находившихся въ Петербургѣ поляковъ дѣлили на двѣ различныя категоріи, по ихъ свойствамъ, настроенію и образу дѣйствій.

Къ тѣмъ полякамъ, общество которыхъ доставляло намъ удовольствіе, принадлежалъ князь Александръ Любомірскій. Славный патріотъ, человѣкъ достойный и разумный, онъ обладалъ складомъ ума, спокойнымъ и въ то же время веселымъ, благодаря чему могъ иногда развеселить при самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ. Мы часто отправлялись вчетверомъ

отбывать тяжелую визитную повинность. Въ промежуткахъ между визитами мы давали свободу нашимъ замѣчаніямъ и критикѣ, какъ это часто бываетъ съ просителями, когда усталые, принужденные скрывать свой образъ мыслей и, хотя бы какимъ-нибудь жестомъ, но все же присоединяться къ тому, чего они въ сущности не раздѣляютъ, они, наконецъ, остаются наединѣ и въ интимномъ кругу получаютъ возможность выразить свободно свои мысли и сужденія и этимъ вознаградить себя за все принужденіе за все униженія, которыя они были обязаны перенесть. Князь Александръ, будучи бригадиромъ французской арміи, долго жилъ въ Парижѣ. Онъ не питалъ большого довѣрія къ постоянству прекраснаго пола, и это еще болѣе оттѣняло живость его мысли.

Но несмотря на эти минуты, въ которыя мы могли довѣряться другъ другу и высказывать откровенно свой образъ мыслей, грустная необходимость все же постоянно скрывать наши настоящія чувства, наши страданія и все то, что мы думаемъ, невозможность громко заявить о томъ, что ты изъ себя представляешь, все это страшно тяготило насъ. И что касается меня, то на мой характеръ и на мои умственныя силы все это подѣйствовало самымъ гибельнымъ образомъ. Этотъ гнетъ, наложенный на мою откровенность, сдѣлалъ меня мрачнымъ, молчаливымъ сверхъ мѣры, ушедшимъ въ самого себя, не дѣлившимся своими мыслями ни съ кѣмъ, кромѣ какъ съ самимъ собою. Весьма возможно, что я по натурѣ своей былъ предрасположенъ къ этому недугу. Болѣе счастливыя обстоятельства, быть можетъ, совершенно разсѣяли бы или, по крайней мѣрѣ, ослабили его, но противоположныя условія моей жизни только еще больше его увеличили. Я сталъ слишкомъ осторожнымъ, осмотрительнымъ, слишкомъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не высказать ни одного мнѣнія, ни одного слова, не взвѣсивъ ихъ. Всю жизнь потомъ я не могъ побороть, измѣнить въ себѣ этого настроенія ума, насильно навязаннаго мнѣ въ молодости роковыми обстоятельствами.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія, насъ увѣдомили, что мы должны быть представлены Екатеринѣ въ Царскомъ Селѣ, лѣтней резиденціи Двора. Это была для насъ рѣшительная минута, такъ какъ до тѣхъ поръ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія о судьбѣ, предназначенной прошенію отца, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что посылаетъ насъ въ Петербургъ, и испрашивалъ возврата его имѣній.

Намъ посовѣтовали пріѣхать пораньше: представленіе наше должно было состояться по выходѣ изъ церкви. Въ ожиданіи мы отправились къ извѣстному генералу Браницкому. Онъ былъ женатъ на племянницѣ Потемкина и оказалъ Екатеринѣ важныя услуги въ польскихъ дѣлахъ. Онъ жилъ во дворцѣ, гдѣ его всѣ любили. Очень жаль, что этотъ человѣкъ лишилъ себя общаго уваженія, помогая гибели своего отечества. Придворный, погрязшій въ проступкахъ, честолюбецъ безъ принциповъ, жадный къ богатству, онъ все же, несмотря на свои семейныя связи съ русскими, въ глубинѣ сердца оставался полякомъ и предпочелъ бы удовлетворить свои вкусы и честолюбіе скорѣе въ Польшѣ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ все еще гордился той Польшей, которую погубилъ; онъ сожалѣлъ о ней и страдалъ отъ ея униженія. Онъ ненавидѣлъ русскихъ, которыхъ хорошо зналъ, и мстилъ имъ за ихъ господство молчаливымъ презрѣніемъ и насмѣшками надъ ихъ недостатками. Съ другой стороны, онъ былъ расположенъ отъ всего сердца къ тѣмъ, кого зналъ съ давнихъ поръ и кому онъ могъ безбоязненно открывать душу. Его живой, вполнѣ польскій умъ, его тонкія замѣчанія дѣлали его рѣчь интересной и веселой. У него всегда былъ большой запасъ польскихъ анекдотовъ и разныхъ шутокъ, и онъ разсказывалъ ихъ очень своеобразно, но всегда избѣгалъ малѣйшаго намека на злосчастную Торговицкую конфедерацію. За то онъ любилъ вспоминать доброе старое время и тогда принималъ тотъ видъ важнаго вельможи, который совершенно исчезалъ въ немъ, когда онъ находился среди толпы придворныхъ, гдѣ чувство-

валъ все свое ничтожество, или же въ присутствіи Екатерины, часто приглашавшей его составить ей партію.

Онъ, казалось, былъ дѣйствительно привязанъ къ нашимъ родителямъ, съ которыми онъ провелъ долгіе, полные событій, годы. Но онъ ничѣмъ не могъ помочь намъ, кромѣ совѣтовъ, которые заключались въ словахъ; „терпѣніе и покорность“. Онъ держалъ насъ въ курсѣ всего, что происходило, и предлагалъ намъ свое гостепріимство въ дни аудіенціи, когда нужно было долго ожидать. Итакъ, прибывши въ Царское Село, мы отправились къ нему, чтобы у него дождаться часа нашего представленія Екатеринѣ. Онъ далъ намъ свои наставленія. На нашъ вопросъ, должны ли мы поцѣловать руку императрицѣ, онъ отвѣтилъ: „Цѣлуйте ее куда она захочетъ, лишь бы она вернула вамъ ваше состояніе“. Онъ также училъ насъ, какъ преклонять колѣна передъ императрицей.

Императрица была еще въ церкви, когда всѣ, кто должны были бы ей представиться, отправились въ залъ. Прежде всего мы были представлены оберъ-камергеру, бывшему фавориту Елизаветы, графу Шувалову, всемогущему въ то время и весьма извѣстному по его перепискѣ съ учеными, домогавшимися его протекціи, какъ напр. Даламберомъ, Дидро и Вольтеромъ. Кажется, это онъ, по приказанію Елизаветы, предложилъ Вольтеру написать исторію Петра, ея отца. Сама Екатерина въ молодые годы старалась снискать его расположеніе. Уже старикъ, но еще весьма сохранившійся, графъ Шуваловъ старался удержать прежнюю роль при Дворѣ. Онъ поставилъ насъ въ рядъ (у входа), гдѣ должна была проходить императрица. Когда окончилась обѣдня, стали выходить парами камеръ-юнкеры, камергеры и знатные сановники. Наконецъ, появилась сама императрица, въ сопровожденіи князей, княгинь и придворныхъ дамъ. Мы не имѣли времени разсмотрѣть ее, такъ какъ нужно было преклонить колѣна, поцѣловать ея руку, въ то время какъ ей называли нашу фа-

милію. Затѣмъ мы стали въ кружокъ со всей этой массой дамъ и вельможъ, и императрица начала обходить всѣхъ, обращаясь къ каждому съ какимъ-нибудь словомъ.

Это была уже пожилая, но очень еще сохранившаяся женщина, скорѣе низкаго, чѣмъ высокаго роста, очень полная. Ея походка, ея осанка и вся она носили печать достоинства и изящества. У нея не было рѣзкихъ движеній, все въ ней было величественно и благородно. Но это была сильная рѣка, все уносившая на своемъ пути. Ея лицо, уже покрытое морщинами, но очень выразительное свидѣтельствовало о гордости и наклонности къ властолюбію. На ея губахъ постоянно блуждала улыбка, но для того, кто помнилъ ея дѣянія, это выработанное въ себѣ спокойствіе скрывало за собою самыя бурныя, неистовыя страсти и непреклонную волю. Когда она подошла къ намъ, ея лицо просвѣтлѣло и, глядя на насъ тѣмъ ласковымъ взглядомъ, который такъ восхваляли, она сказала: „Ваши годы напоминаютъ мнѣ годы вашего отца въ то время, когда я увидѣла его въ первый разъ. Надѣюсь, вы здѣсь хорошо себя чувствуете. Этихъ немногихъ словъ было достаточно, чтобы привлечь къ намъ цѣлую толпу придворныхъ, которые стали льстить намъ еще больше, чѣмъ дѣлали это до сихъ поръ. Насъ пригласили къ столу, накрытому подъ колоннадой. Это было высокой честью, такъ какъ императрица приглашала къ этому столу только особенно приближенныхъ къ себѣ лицъ.

Если принять во вниманіе нашъ возрастъ, и въ особенности наши тогдашнія обстоятельства, то станетъ очевиднымъ, что пріемъ, встрѣченный нами въ Петербургѣ, и затѣмъ, оказанный намъ самой Екатериной, могъ быть объясненъ лишь какъ послѣдній отголосокъ старинныхъ взглядовъ на Польшу и того высокаго мнѣнія которое еще сохранялось у русскихъ о нашихъ знатныхъ вельможахъ.

Наша семья, вынужденная, къ несчастью, входитъ въ частыя сношенія съ Россіей, въ теченіе послѣдняго столѣтія была

извѣстна тамъ болѣе другихъ. Къ моему дѣду и къ моему отцу всегда въ Россіи относились съ уваженіемъ. Мы познакомились въ Петербургѣ съ двумя стариками Нарышкиными и ихъ женами, знавшими моего отца, когда онъ былъ еще въ большой милости у Петра III-го, а также и Екатерины, во время восшествія ея на престолъ. Они разсказывали то, чему сами были тогда свидѣтелями, и ихъ разсказы повторялись другими. Въ тотъ же день мы были представлены и великокняжеской семьѣ. Павелъ принялъ насъ холодно, но хорошо, супруга же его, великая княгиня Марія, отнеслась къ намъ съ большимъ вниманіемъ, въ виду желанія примирить своего брата съ нашей сестрой. Что касается молодыхъ великихъ князей, то они обошлись съ нами мило и искренно.

Петербургское общество проводитъ лѣто на дачахъ, въ окрестностяхъ Петербурга. Каждый вельможа имѣетъ свой загородный домъ и переноситъ туда всю пышность своей городской жизни. Такъ какъ хорошій сезонъ проходитъ въ Петербургѣ быстро, каждый старается воспользоваться имъ, поэтому въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ городъ остается совершенно пустымъ. Такимъ образомъ наши визиты перенеслись теперь за городъ. Все время проходило въ этихъ поѣздкахъ, и часто мы возвращались къ себѣ очень поздно. Въ Петербургѣ лѣтомъ почти нѣтъ ночей, и мы грустили по луннымъ ночамъ нашей родины. Горскій не давалъ намъ передохнуть. Ежедневно приходилось возобновлять бѣготню, не упуская случая расширять кругъ знакомства. Это было, дѣйствительно, единственнымъ средствомъ достичь нашей цѣли, такъ какъ, несмотря ни на лестный пріемъ при Дворѣ, ни на многократно выраженное вниманіе людей, имѣвшихъ власть, наше дѣло все еще оставалось безъ движенія. Екатерина, распрашивавшая всегда обо всемъ, знала объ успѣхѣ, которымъ мы пользовались въ городѣ. Похвалы, расточаемыя по нашему адресу, не могли не произвести на нее впечатлѣнія.

Независимо отъ этихъ дачныхъ поѣздокъ, которыя уже

сами по себѣ были такъ утомительны, нельзя было еще забывать и Царское Село, его воскресенья, черезъ каждыя двѣ недѣли, и праздничные дни, когда надо было присутствовать при туалетѣ Зубова. Послѣ представленія императрицѣ мы получили право бывать также и во дворцѣ. Насъ обыкновенно приглашали туда къ обѣду, къ большому столу, за которымъ присутствовала и императрица со всей императорской фамиліей и къ которому допускались всѣ лица, до извѣстнаго ранга. Намъ было приказано присутствовать также и при вечернихъ развлеченіяхъ, устраивавшихся въ саду, если позволяла погода. Тамъ императрица прогуливалась, сопровождаемая всей свитой, или же сидѣла на скамьѣ, окруженная болѣе пожилыми, молодежь же вмѣстѣ съ великими князьями и княжнами тутъ же передъ нею бѣгала взапуски по травѣ. Великій князь Павелъ не присутствовалъ на этихъ играхъ, такъ какъ тотчасъ по окончаніи обѣдни, или самое позднее послѣ обѣда, уѣзжалъ въ Павловскъ, служившій ему резиденціей. Благодаря играмъ, мы ближе познакомились съ великими князьями, явно удостаивавшими насъ своимъ расположеніемъ.

У нѣкоторыхъ изъ избранныхъ, къ числу которыхъ принадлежали и мы, было въ обычаѣ отправляться послѣ обѣда къ графу Платону. Это уже не былъ оффиціальный визитъ. Это было какъ бы собраніе друзей, съ которыми онъ допускалъ извѣстную короткость. Фаворитъ появлялся одѣтый въ сюртукѣ, съ болѣе небрежнымъ видомъ, чѣмъ всегда, приглашалъ посѣтителей, которыхъ, обыкновенно, было немного, сѣсть, а самъ растягивался въ креслѣ или на диванѣ.

Разговоры отражали характеръ гостей. Иногда они оживлялись графомъ Кобенцелемъ, австрійскимъ посломъ, или же графомъ Валентиномъ Эстергази, ставшимъ позднѣе церемоніймейстеромъ при дворѣ въ Вѣнѣ; онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ Царскаго Села; своей болтовней и придворной угодливостью, которая какъ нельзя лучше подходила ко всякаго рода льстивымъ рѣчамъ, онъ умѣлъ такъ ловко пріобрѣсть

расположеніе Зубова и императрицы, что получилъ довольно значительныя земельныя владѣнія на Волыни. Этотъ господинъ не имѣлъ въ себѣ ничего благороднаго, точно также, какъ и его супруга, принадлежавшая, однако, къ интимному кружку Екатерины. Ихъ сынъ, избалованный мальчишка, воспитанный во дворцѣ на рукахъ калмычки, забавный своими проказами, много способствовалъ удачамъ своихъ родителей. Его младшій братъ, Владиславъ, живущій теперь на Волыни, былъ уважаемый и достойный человѣкъ.

Передавали другъ другу на ухо, что въ то время какъ императрица осыпала Платона Зубова своими милостями, его желанія устремлялись къ великой княгинѣ Елизаветѣ, женѣ великаго князя Александра, которой было тогда всего шестнадцать лѣтъ. Это заносчивое и химерическое притязаніе дѣлало графа смѣшнымъ, и всѣ удивлялись, что онъ имѣлъ смѣлость строить такіе планы на глазахъ Екатерины. Что касается молодой великой княгини, то она не обращала на него никакого вниманія. Кажется, припадки любви овладѣвали имъ большею частью послѣ обѣда, въ часы, когда мы являлись къ нему съ визитомъ, потому что онъ тогда только и дѣлалъ, что вздыхалъ, растягивался на длинномъ диванѣ съ грустнымъ видомъ и, казалось, погибалъ отъ тяжести, обременявшей его сердце. Его могли утѣшить и развлечь лишь меланхолическіе и сладострастные звуки флейты. Однимъ словомъ, у него были всѣ признаки человѣка, серьезно влюбленнаго.

Кажется, кое-кто изъ его наперсниковъ зналъ объ этой его тайнѣ; во всякомъ случаѣ, не подавая виду, что догадываются о причинѣ его огорченій, они сочувствовали его печали. Находящіеся у него въ услуженіи люди говорили, будто послѣ обѣда онъ отправлялся къ Екатеринѣ и выходилъ отъ нея удрученный скукой и такой грустный, что становилось его жаль. Онъ обрызгивалъ себя духами и принималъ своихъ интимныхъ гостей съ тѣмъ грустнымъ видомъ, который пора-

жалъ всѣхъ. Но отдыхать онъ не желалъ, говоря, что сонъ лишаетъ насъ доброй части нашего существованія.

Такъ прошелъ лѣтній сезонъ 1795 года. Съ наступленіемъ осени дворъ переселился въ Таврическій дворецъ, и наши утренніе визиты къ фавориту участились, такъ какъ приближалось время, когда наше дѣло должно было быть, наконецъ, рѣшено. Зубовы продолжали твердить, что одной ихъ доброй воли недостаточно, что они не въ силахъ добиваться всего ими желаемаго. Такія слова не предвѣщали ничего хорошаго. Между тѣмъ разгоралась борьба притязаній: на ряду съ лицами, хлопотавшими о возвратѣ ихъ имѣній, явилось множество другихъ, пускавшихъ въ ходъ всѣ средства, чтобы воспользоваться секвестрированнымъ имуществомъ. Всѣ, начиная отъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ и до самыхъ послѣднихъ, всѣ хотѣли урвать свою часть изъ добычи, такъ какъ Екатерина до сихъ поръ не сообщала еще своего рѣшенія ни относительно судьбы огромнаго количества конфискованныхъ частныхъ имуществъ, ни относительно имуществъ, отобранныхъ ею у церквей и у государства.

То былъ очень интересный моментъ въ государственной жизни Россіи, и всѣ съ трепетомъ ожидали его разрѣшенія. Сколько людей строили на этомъ надежды расширить свои владѣнія и увеличить число рабовъ или душъ, какъ говорится въ Россіи. Поэтому раболѣпство и низкое угодничество развернулись съ новой силой не только въ салонахъ самого фаворита, но и вокругъ его секретарей, которые подобно Жиль-Блазу (какъ я уже говорилъ объ этомъ выше) подражали графу, какъ обезьяны, даже въ его смѣхотворныхъ пріемахъ при утреннемъ туалетѣ, чтобы показать свою спѣсь передъ презрѣнной толпой, набивавшейся въ ихъ переднія. Среди спекулянтовъ, искавшихъ, какъ грабители на полѣ битвы, обогащенія за счетъ побѣжденныхъ, нашлись, къ несчастью, на ряду съ русскими, и нѣкоторые поляки, недостойные носимаго ими имени. Во имя прежнихъ заслугъ, во имя своей

измѣны отечеству, выбирали они жертвы между тѣми, кто былъ изобличенъ или даже только подозрѣваемъ въ патріотизмѣ. Чѣмъ больше они разсыпали подозрѣній, тѣмъ болѣе подымались ихъ шансы на то, чтобы поживиться на счетъ грабежа.

Наши родители, осаждаемые кредиторами и озабоченные своей будущностью, еще болѣе безпокоились о нашей судьбѣ, потому что въ то самое время, когда мы сообщали имъ о благосклонномъ пріемѣ, встрѣченномъ нами въ Петербургѣ, мать получила анонимное письмо, на прекрасномъ французскомъ языкѣ, въ которомъ ее увѣдомляли, съ утрированнымъ преувеличеніемъ, о впечатлѣніи, произведенномъ нами въ обществѣ, и о благосклонномъ пріемѣ при Дворѣ. Затѣмъ въ письмѣ было сказано, что наша мать будетъ особенно счастлива узнать, что мы, вопреки всѣмъ любезностямъ и ласкамъ, остались въ глубинѣ души твердыми въ любви къ родинѣ и въ ненависти къ Екатеринѣ и т. д. Тамъ говорилось, что объ этомъ сообщается нашей матери, такъ какъ она такъ сильно желала укрѣпить насъ въ нашемъ образѣ мыслей и проч. Можно себѣ представить, какъ испугалась наша мать, получивъ такое письмо, -вѣдь, было общеизвѣстно, что всѣ письма на почтѣ вскрывались. Было очевидно, что письмо писалось съ намѣреніемъ возбудить подозрѣнія Екатерины и разрушить нашъ планъ возвращенія нашихъ имѣній. Припомнимъ, что во время нашего пребыванія въ Гродно, князь Рѣпнинъ показывалъ намъ оригиналъ одной приписки императрицы по поводу будто бы данной мною матери клятвы въ ненависти къ Россіи и къ императрицѣ. Эта сказка, должно быть, также была сфабрикована однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, какъ будто бы нужно было прибѣгать къ такой торжественной клятвѣ, чтобы внушить намъ вѣчную ненависть къ столь злымъ врагамъ.

Намъ не оставалось ничего другого, чтобы добиться возвращенія имѣній нашихъ родителей, какъ, скрѣпя сердце, рѣшиться поступить на службу. Это было условіе sine qua non, допол-

нявшее нашу жертву, неизбѣжное слѣдствіе нашего пріѣзда въ Петербургъ. Въ одинъ изъ нашихъ вечернихъ визитовъ въ Царское Село, графъ Зубовъ уже тогда объявилъ намъ, что у императрицы было намѣреніе назначить насъ офицерами въ ея гвардію и что стать членомъ такой доблестной арміи, передъ которой ничто не можетъ устоять и которая могла бы безпрепятственно пройти весь свѣтъ, было наибольшимъ счастьемъ, какое только могло выпасть на нашу долю. Дѣйствительно, такое мнѣніе было господствующимъ среди офицеровъ русской арміи, и они не могли отъ него отказаться. Хотя мы и были приготовлены къ этому удару, все же наше сердце сжалось, когда мы оффиціально получили это предложеніе. Отступать не было возможности. Къ тому же, разъ мы уже рѣшили отдать себя въ руки русскихъ, не все ли равно намъ было, въ какую форму выльется приносимая нами жертва. Гражданская ли служба, или военная, въ томъ или другомъ чинѣ,—все это намъ было безразлично. Мы считали недостойнымъ себя входить въ какіе-либо переговоры, показывать малѣйшую заботу о полученіи болѣе высокаго положенія. И самое высокое положеніе и самое низкое были намъ въ одинаковой степени нестерпимы. Даже говорить объ этомъ значило бы придавать этому какое-нибудь значеніе, тогда какъ мы не придавали никакого.

Итакъ, съ опущенной головой, какъ настоящія жертвы, приготовились мы принять всякое предложеніе, не справляясь даже о томъ, что насъ ожидало. Можетъ ли путешественникъ, случайно заброшенный судьбою въ Японію, въ Борнео, или Яву, или куда-нибудь въ центральную Африку, придавать хоть малѣйшее значеніе формамъ, отличіямъ, или почестямъ, которыя присущи обычаямъ этихъ варваровъ? Совершенно тоже было и съ нами въ данномъ случаѣ. И мы, очутившіеся внѣ нашей сферы, вынужденные къ тому несчастьемъ, не видѣвшіе кругомъ ничего, кромѣ жестокости и насилія, полные отвращенія, унынія и отчаянія, считали, что

намъ не слѣдуетъ санкціонировать добровольнымъ рѣшеніемъ какое бы то ни было назначеніе.

Скоро, наконецъ, появился такъ долго ожидаемый указъ, рѣшавшій участь всего конфискованнаго правительствомъ имущества. Екатерина раздала массу имѣній фаворитамъ, министрамъ, генераламъ, губернаторамъ, даже низшимъ служащимъ, а также и нѣкоторымъ полякамъ, измѣнникамъ отечества. Она не возвратила конфискованныхъ имѣній моимъ родителямъ, но нарушая всѣ права, даже не упоминая о нихъ, подарила мнѣ и моему брату, изъ принадлежавшаго имъ имущества, сорокъ двѣ тысячи душъ (такимъ способомъ въ Россіи оцѣниваютъ имущество. Въ счетъ входятъ лишь лица мужского пола).

Староства, Латичевъ и Каменецъ, принадлежавшія моему отцу, достались на долю графа Моркова. Указъ совершенно не упоминалъ о нашихъ сестрахъ. Но это произвольное и незаконное рѣшеніе, считавшееся всегда въ моей семьѣ недѣйствительнымъ, не повліяло на судьбу нашихъ сестеръ, а тѣмъ болѣе нашихъ родителей. Въ сущности, это былъ настоящій возвратъ имущества. Намъ пришлось только послать отцу полныя и неограниченныя довѣренности, чтобы этимъ дать ему возможность распоряжаться своимъ же имуществомъ.

Всѣ такъ долго были не увѣрены въ томъ, каково будетъ послѣднее слово Екатерины о нашемъ дѣлѣ, что ея окончательный приговоръ вызвалъ въ обществѣ общее удовлетвореніе.

Намъ говорили, что на потерю Латичева и Каменца надо было смотрѣть, какъ на штрафъ, и что намъ не было основаній жаловаться. Мы отправились благодарить Екатерину, съ колѣнопреклоненіемъ, какъ этого требовала принятая при Дворѣ форма, и почти тотчасъ послѣ этого меня облекли въ форму конногвардейца, а моего брата въ форму гвардейскаго Измайловскаго пѣхотнаго полка.

Было неудобно вдругъ сразу прекратить визиты къ фаво-

риту. Къ тому же Горскій слишкомъ хорошо зналъ обычаи свѣтской жизни, чтобы позволить намъ сдѣлать это.

Мы нѣсколько разъ получали приглашенія на концерты въ Таврическомъ дворцѣ, и это считалось необычайной милостью для офицеровъ гвардіи, не причисленныхъ ко Двору. Это были еще знаки благорасположенія къ намъ со стороны императрицы. Но всѣ эти милости исчезли съ переходомъ Двора въ Зимній дворецъ.

Мы были зачислены въ разрядъ офицеровъ гвардіи, отправлявшихся во дворецъ только лишь по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ, чтобы стоять на караулѣ у входа, гдѣ помѣщался дипломатическій корпусъ и гдѣ проходила императрица. Она довольствовалась тѣмъ, что бросала намъ милостивый взглядъ, отправляясь въ церковь и возвращаясь оттуда. Великіе же князья кланялись намъ всегда очень любезно.

Къ этимъ-то именно парадамъ, повторявшимся каждое воскресенье и каждый праздникъ, такъ называемые франты и молодцы казармъ приготовлялись, затягивались, напомаживались, душились и, одѣтые въ лучшіе свои мундиры, выстраивались въ рядъ, въ надеждѣ привлечь взглядъ императрицы, понравиться ей своимъ ростомъ и тѣлосложеніемъ. Говорили, что нѣкоторымъ это удавалось. Но въ наше время Екатерина была уже въ слишкомъ преклонныхъ годахъ, и такіе случаи болѣе не повторялись.

Военная служба въ этихъ гвардейскихъ полкахъ была въ большомъ пренебреженіи въ то время. Все же, надо было явиться на службу хоть одинъ разъ. Находились офицеры, исполнявшіе добросовѣстно свои обязанности, но это дѣлалось ими по собственному желанію, усердіе же ихъ, въ глазахъ знатной молодежи являлось скорѣе чѣмъ-то смѣшнымъ, чѣмъ дѣйствительной заслугой. Наши генералы совершенно не заставляли насъ работать. Дежурить во дворцѣ приходилось рѣдко, и намъ очередь вышла всего одинъ разъ. Со мной не случилось тогда ничего особеннаго; я былъ подъ начальствомъ

Ханыкова, впослѣдствіи посла въ Дрезденѣ. Входя съ моимъ взводомъ въ конно-гвардейскія казармы, я встрѣтилъ тамъ генерала отъ инфантеріи, адъютанта теперешняго государя, князя Трубецкого, который тоже былъ назначенъ во дворецъ, на караулъ, въ первый разъ. Что касается моего брата, офицера пѣхотнаго полка, онъ всегда находился въ томъ отрядѣ своего полка, который назначался каждую ночь на караулъ во дворецъ. Замѣтивъ его, императрица сказала ему, что идетъ спать спокойно подъ его защитой.

Смѣшная исторія приключилась однажды съ нашимъ другомъ Горскимъ. Указъ относительно нашего семейства былъ опубликованъ, но съ приказомъ о снятіи секвестра и объ отдачѣ намъ имѣній, медлили. Хотя Платонъ Зубовъ и былъ уполномоченъ передать эти распоряженія генералъ-губернатору Тутулмину, находившемуся тогда въ Петербургѣ, въ цѣляхъ принять участіе въ этомъ актѣ грабежа и противозаконія, но графъ Платонъ не спѣшилъ. Волей-неволей, мы были вынуждены присутствовать при его туалетѣ. Однажды фаворитъ, одѣтый въ бѣлоснѣжный халатъ, замѣтилъ Горскаго и сдѣлалъ ему знакъ подойти. Тотъ тотчасъ же исполнилъ его приказаніе. Но поглощенный всецѣло тѣмъ, что говоритъ ему Зубовъ, онъ не заботился совершенно о своемъ носѣ, поэтому огромное табачное пятно очутилось на дѣвственной бѣлизнѣ графскаго халата. Присутствовавшіе ожидали трагической развязки, но Горскій, никогда не терявшійся, окончилъ то, что ему надо было сказать, и съ видомъ побѣдителя возвратился на свое мѣсто.

Въ день Новаго года мы были произведены въ камеръ-юнкеры. Въ то время въ Россіи на придворные чины смотрѣли иначе, чѣмъ теперь. Придворный чинъ, равнявшійся чину военному, былъ выше чиновъ гражданскихъ. Поэтому тѣ семьи, у которыхъ было знатное имя, или большая протекція, спѣшили помѣстить своихъ сыновей въ гвардію и въ то же время добиться полученія ими какой-нибудь должности при Дворѣ.

Включенные, такимъ образомъ, въ іерархію чиновъ, они переходили затѣмъ на военную или гражданскую службу. Это было средствомъ для быстраго повышенія.

Екатерина хотѣла женить великаго князя Константина при своей жизни. Уже заранѣе занимались составленіемъ его будущаго двора, интриговали за себя, или за кого-нибудь изъ своихъ, составляли списки камеръ-юнкеровъ и камергеровъ; первые равнялись по чину —бригадирамъ, вторые генералъ-маіорамъ.

Въ Петербургѣ появилась какъ разъ въ это время герцогиня Кобургская въ сопровожденіи трехъ дочерей, и съ этихъ поръ началось возвышеніе этого дома. Всякій разъ, когда въ Москвѣ нуждались въ принцессѣ, дипломатическій агентъ объѣзжалъ столицы мелкихъ германскихъ принцевъ, имѣвшихъ красивыхъ дочерей-невѣстъ, и затѣмъ подробно докладывалъ о предполагаемыхъ качествахъ и родственныхъ связяхъ ихъ родителей. Руководясь этими данными, императрица выбирала принцессъ, которыхъ хотѣла видѣть у себя, въ Петербургѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ выборъ. Въ свое время она сама подверглась такому же экзамену, а поэтому не считала такой образъ дѣйствій оскорбительнымъ для подобныхъ себѣ. Дѣйствительно, всѣ нѣмецкія принцессы были очень счастливы, когда ихъ дочери получали такое приглашеніе, и онѣ могли льстить себя надеждой, что одна изъ нихъ выйдетъ замужъ за великаго князя. Это можно объяснить тѣмъ, что въ XVIII столѣтіи, Россія, можетъ быть, пользовалась большею славою и значеніемъ, чѣмъ въ настоящее время, въ особенности, во мнѣніи Германіи. Молодыя принцессы, предназначенныя для Россіи, видѣли предъ собою богатое событіями будущее, которое особенно прельщало ихъ старыхъ матерей. Такъ прекрасныя черкешенки предаются лишь грезамъ о счастьѣ, когда ихъ уводятъ рабынями въ гаремы турецкихъ пашей. Любящее сердце матерей склонно было видѣть въ блестящей судьбѣ Екатерины предзнаменованіе и для своихъ дочерей такой же

жизненной дороги, усѣянной цвѣтами и безконечными радостями. Онѣ не останавливались передъ мыслью о жертвахъ, которыхъ это могло стоить, или же въ ихъ глазахъ эти жертвы были ничѣмъ инымъ, какъ простыми затрудненіями, изъ которыхъ молодыя княгини съумѣютъ прекрасно выйти, слѣдовательно, незачѣмъ было передъ ними останавливаться. Будбергъ, дипломатическій агентъ, впослѣдствіи управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, къ великому счастью герцогини Кобургской привезъ трехъ ея дочерей въ Петербургъ.

Герцогиня Кобургская была умна, всѣ три дочери ея были красивы. Тяжело было видѣть эту мать, предлагающую своихъ дочерей, какъ товаръ для продажи, подстерегающую, на которую изъ нихъ упадетъ взглядъ императрицы, или платокъ великаго князя Константина. Въ этомъ поведеніи было нѣчто столь унизительное, что намъ было противно на это смотрѣть, въ особенности, принимая во вниманіе то, что лица, которыя подвергались этому, были очень хорошими и достойными уваженія. Насчетъ великаго князя Константина ходили анекдоты, которые далеко не подтверждали надеждъ на счастливое супружество и которые должны были открыть глаза молодымъ принцессамъ и ихъ матери на проектируемое ими будущее; но, пріѣхавъ такъ издалека, онѣ считали, быть можетъ, что раздумывать уже было поздно. Быть можетъ также ихъ взоръ, ослѣпленный блескомъ величія, уже не различалъ дѣйствительнаго положенія вещей.

Екатерина приняла и мать и дочерей съ распростертыми объятіями. Она безпрестанно занималась ими и во время ея бесѣдъ съ матерью, ея внуки имѣли достаточно времени, чтобы вступить въ разговоръ съ дочерьми.

Ежедневно устраивались празднества, вечера, балы, прогулки, такъ что не могло быть недостатка въ удобныхъ случаяхъ для короткаго знакомства. Великій князь Константинъ получилъ отъ своей бабушки приказъ жениться на одной изъ принцессъ, за нимъ оставляли только право выбора одной изъ

трехъ. Императрица не терпѣла отказа въ исполненіи своихъ приказаній. Константину было тогда всего семнадцать лѣтъ. Позже и въ теченіе всей своей дѣятельности, онъ всегда доказывалъ своими поступками, что у него не было ни способности разсуждать, ни способности управлять своими страстями. Что же онъ могъ представлять изъ себя въ эти годы? Конечно, невозможно было допустить, чтобы въ данномъ случаѣ онъ посовѣтовался со своимъ разсудкомъ или со своими чувствами. Онъ просто ограничился тѣмъ, что исполнилъ приказаніе своей всемогущей бабки.

Въ городѣ предвидѣли (мы еще не были зачислены въ члены Двора), что великій князь выберетъ себѣ въ супруги самую младшую изъ трехъ сестеръ. Старшая съумѣла выпутаться изъ бѣды, объявивъ вполнѣ откровенно, что ея сердце не свободно. Она одна изъ всѣхъ могла похвалиться смѣлостью. Она полюбила молодого австрійскаго офицера (впослѣдствіи генерала); родители ея, не желая ей противорѣчить, дали въ концѣ концовъ согласіе, и только она одна изъ всѣхъ сестеръ и была счастлива въ своемъ выборѣ. Всѣ остальныя вышли замужъ за принцевъ и князей, которыхъ не любили; судьба двухъ изъ нихъ была въ особенности чрезвычайно несчастлива.

Въ день Новаго года (1796) было безчисленное множество производствъ и назначеній, какъ по случаю торжественнаго дня, такъ и по случаю приближающагося бракосочетанія великаго князя Константина, для котораго нужно было составить Дворъ. Въ это же время и мы, за одно съ другими, были произведены въ камеръ-юнкеры при императрицѣ.

Это былъ, какъ я уже упомянулъ выше, обычный путь для полученія повышеній по службѣ молодыми людьми, имѣвшими сильныя протекціи. Къ тому же, гвардейскій офицеръ, получая чинъ камергера, или камеръ-юнкера, тѣмъ самымъ получалъ право на полное бездѣлье. Но надо признаться, что это совмѣстительство должностей—военной въ гвардейскихъ полкахъ (которая ни къ чему не обязывала) и почетной должности

при Дворѣ, имѣло свои прелести для честолюбивой и богатой молодежи, жадной до удовольствій, открывая ей поприще авантюръ и разнообразныхъ впечатлѣній. Она допускалась на вечера, танцы, игры, придворные спектакли, въ эту „святая святыхъ“, куда люди, дѣйствительно преданные службѣ, не могли попасть иначе, какъ при условіи достиженія самаго высокаго чина. Это, въ самомъ дѣлѣ, кажется удивительнымъ: люди безъ всякихъ личныхъ заслугъ находили широко открытыми для себя двери дворца, тогда какъ старые генералы, смѣшиваясь съ толпой, напрасно томились въ передней, ожидая милостей. Что касается насъ лично, то намъ было отъ чего чувствовать себя удовлетворенными, видя ужаснаго генералъ-губернатора нашего края, затерявшимся въ столицѣ, едва привлекающимъ на себя взглядъ фаворита и не смѣющимъ показаться ни въ какомъ высшемъ обществѣ. Это была маленькая месть, которую пріятно было чувствовать. Но кромѣ этого сознанія преимущества нашего общественнаго положенія, все прочее оставалось по-прежнему, такъ какъ этотъ губернаторъ, съ которымъ обращались съ презрѣніемъ въ столицѣ, возвратившись въ свою провинцію, совершалъ тамъ тѣ же злоупотребленія, что и раньше: онъ втройнѣ вымещалъ на бѣдныхъ жителяхъ своихъ провинцій презрѣніе, которое ему приходилось сносить въ Петербургѣ и, увѣренный въ своей безнаказанности, грабилъ и преслѣдовалъ людей тѣхъ семей, къ которымъ не смѣлъ подходить въ Петербургѣ. Трудно или почти невозможно было добиться правосудія при постоянныхъ злоупотребленіяхъ произвольной власти; самое большее, чего можно было желать,—чтобы эти злоупотребленія не были слишкомъ возмутительны (возмутительны въ странѣ, гдѣ ничто не оскорбляетъ), чтобы соблюдалась хоть какая-нибудь пристойная форма. Все вершилось канцеляристами и секретарями, не имѣвшими совершенно доступа въ салоны, а тѣмъ болѣе ко Двору и рѣшавшими всякое дѣло отъ имени своихъ начальниковъ, большею частью безпечныхъ, лѣнивыхъ или глупыхъ.

Имѣть на своей сторонѣ чиновниковъ канцелярій было вѣрнымъ средствомъ успѣха, такъ какъ угнетатели и грабители провинцій всегда были заодно съ разной ничтожной мелюзгой сената и министерствъ, и благодаря этому правда нигдѣ не могла пробиться наружу.

Наше назначеніе придворными кавалерами дало намъ возможность узнать интимныя привычки Двора, ближе познакомиться съ нѣкоторыми важными сановниками и съ нѣкоторыми молодыми людьми, съ которыми мы встрѣчались въ салонахъ и съ которыми подружились. Въ довершеніе всего, оно приблизило насъ къ молодымъ великимъ князьямъ.

Но скажемъ прежде о празднествахъ и церемоніи бракосочетанія великаго князя Константина.

Выборъ великаго князя сталъ скоро извѣстенъ публикѣ. Молодая принцесса Юлія, которая, сдѣлавшись великой княгиней, должна была получить имя Анны, учила уже, подъ руководствомъ священниковъ, греческій катехизисъ и готовилась перемѣнить вѣру. Говорятъ, что нѣмецкія принцессы, имѣющія кое-какіе шансы выйти замужъ за русскаго князя, не получаютъ, благодаря осторожности своихъ родителей, тщательнаго религіознаго воспитанія, или, по крайней мѣрѣ, не изучаютъ глубоко тѣхъ догматовъ, въ которыхъ состоитъ различіе между христіанскими исповѣданіями. Благодаря этой мѣрѣ предосторожности, нѣмецкія принцессы легко мѣняютъ вѣру. Вѣрно ли это утвержденіе, или нѣтъ, но легкая склонность къ перемѣнѣ религіи, обнаруженная столькими принцессами, даетъ право на такое предположеніе; во всякомъ случаѣ, оно не говоритъ ничего въ пользу ихъ религіозныхъ принциповъ. Онѣ, большею частью, или совершенно равнодушны къ религіознымъ догматамъ или же, въ душѣ, остаются тѣми же, что были и до своего обращенія. Можно было бы долго спорить на эту тему. Честолюбивый разсчетъ родителей можетъ легко взять верхъ надъ убѣжденіями молодежи, но чувство долга не мирится съ такими хитростями. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, уни-

зительно отказываться отъ своей вѣры, хотя бы и по принужденію, а тѣмъ болѣе изъ разсчетовъ свѣтской жизни, вопреки совѣсти и убѣжденіямъ.

Насталъ день обращенія и крещенія, ибо всѣхъ, принимающихъ православіе, хотя бы и христіанъ, непремѣнно вновь крестятъ. Императорская фамилія и всѣ придворные, одѣтые въ великолѣпные костюмы, направились въ церковь, уже занятую епископами и прочимъ духовенствомъ. Началось пѣніе и приступили къ обряду. Тяжело было видѣть молодую принцессу, окутанную платьемъ изъ золотой парчи, въ массѣ бриллiантовъ, идущую, какъ жертва, убранная цвѣтами, чтобы поклониться иконамъ, которыя не имѣли въ ея глазахъ никакой святости, чтобы подчиниться требованіямъ исполненія обрядовъ, которые не раздѣлялись ни ея убѣжденіями, ни чувствами. И это было въ ней очень хорошо замѣтно. Она исполняла все это изъ почтительности, изъ угожденія, не имѣя другого выхода, не придавая этому никакого значенія.

Нѣсколько дней спустя совершилось бракосочетаніе, и молодая принцесса была отдана молодому князю, едва вышедшему изъ дѣтства, неистовый характеръ котораго и какія-то странныя, жестокія наклонности—уже дали пищу не одному разговору.

Парадные обѣды, балы, пиршества, фейерверки—продолжались нѣсколько недѣль. Но какъ и всегда, всѣ эти развлеченія, такія шумныя, такія прекрасныя, не возбуждали веселья. Обрядъ бракосочетанія имѣетъ въ себѣ всегда что-то умиляющее и меланхолическое, это торжественная минута, предрѣшающая всю будущность лицъ, связывающихъ свою жизнь; присутствуя при этомъ, нельзя не думать, что счастье двухъ существъ ставится въ эту минуту на карту. Что касается брака, о которомъ идетъ рѣчь, и сопровождавшихъ его празднествъ, то среди всѣхъ этихъ увеселеній на нихъ какъ будто былъ наброшенъ покровъ какой-то зловѣщей грусти. Тяжелую картину представлялъ видъ принцессы, такой прекрасной, пріѣхав-

шей издалека для того, чтобы на чужой сторонѣ принять чужую вѣру и чтобы быть отданной своенравному человѣку, который, какъ это можно было хорошо предвидѣть, никогда не будетъ заботиться о ея счастьѣ. Эти мрачныя предчувствія скоро подтвердились признаніями самого великаго князя. То, что онъ разсказывалъ своимъ близкимъ о своемъ медовомъ мѣсяцѣ, носило отпечатокъ ни съ чѣмъ несравнимаго неуваженія къ своей супругѣ и самыхъ странныхъ причудъ. Стали замѣчать, что обѣ великія княгини сдружились. Обѣ были нѣмки, обѣ вдали отъ семьи, обѣ въ одинаковомъ положеніи. Вполнѣ естественно, что это побуждало ихъ къ взаимному довѣрію, которое могло служить имъ утѣшеніемъ въ превратностяхъ судьбы и удвоить ихъ счастье, въ случаѣ жизненнаго успѣха. Великая княгиня Елизавета, которой предназначено было болѣе высокое положеніе, несравненно болѣе счастливая, въ виду достоинствъ своего мужа, была, казалось, поддержкой и покровительницей своей belle soeur, которой она должна была замѣнить уѣзжавшихъ вскорѣ мать и сестеръ. Неравенство въ ихъ положеніяхъ еще болѣе укрѣпляло ихъ связь.

Празднества окончились, Кобурги уѣхали, и жизнь Двора вошла въ обычную колею. Устроили прогулки на саняхъ. Екатерина любила иногда кататься по утрамъ. Дежурные въ эти дни камеръ-юнкеры получали приказъ сопровождать ее въ своихъ саняхъ. Однажды, при подобныхъ обстоятельствахъ мнѣ пришлось увидѣть Екатерину въ утреннемъ дезабилье и Зубова, безъ стѣсненія уходящаго изъ комнатъ императрицы, въ шубѣ и въ сафьяновыхъ сапогахъ. Это совершенно никого не смутило, дѣйствующихъ лицъ ничуть не больше, чѣмъ свидѣтелей.

Въ Зимнемъ дворцѣ (онъ назывался такъ потому, что Дворъ помѣщался тамъ зимой) по вечерамъ собирались въ такъ называемомъ „Брилліантовомъ“ залѣ, потому что тамъ въ шкапахъ, подъ стекломъ, хранились имперскіе брилліанты. Зала эта, съ одной стороны сообщалась со спальней императрицы

съ ея кабинетами и туалетной комнатой, съ другой съ залами, предназначенными для дежурныхъ. Тронная зала, которая также причислялась къ частнымъ аппартаментамъ императрицы, отдѣляла комнаты дежурныхъ отъ парадныхъ салоновъ.

При входѣ въ тронный залъ не стояли, а сидѣли кавалергарды. Это былъ отрядъ сформированный изъ офицеровъ, выдѣлявшихся своими заслугами и ростомъ. Они нисходили по прямой линіи отъ знаменитой роты тѣхъ гренадеръ, которые, въ одно мгновеніе ока, возвели на тронъ императрицу Елизавету. Императрица Елизавета произвела всѣхъ солдатъ этой роты въ офицеры и сдѣлала изъ нихъ свою личную стражу. Эта стража существовала до смерти Екатерины на томъ же положеніи и всегда сохраняла свою роскошную форму. „Пройти за кавалергардами“ означало имѣть свободный доступъ въ частные покои. Въ царствованіе Екатерины меблировка дворца, конечно, могла быть перемѣнена, но распредѣленіе аппартаментовъ оставалось такое же, какъ во времена Анны и Елизаветы. Павелъ затѣмъ уже все перевернулъ вверхъ дномъ.

Мнѣ часто разсказывали (за достовѣрность этого не ручаюсь), что будто бы императрица Анна видѣла въ тронной залѣ свой собственный призракъ-двойникъ, съ короной на головѣ и со скипетромъ въ рукахъ. Встревоженная среди ночи она велѣла стрѣлять по этому призраку, который тотчасъ же исчезъ. Это было незадолго до ея смерти.

Въ „Бриллiантовомъ залѣ“ Дворъ обыкновенно собирался по вечерамъ. Тамъ бывало только самое интимное общество и придворные кавалеры, которыхъ къ этому обязывала служба. Императрица играла въ карты съ Зубовымъ и двумя другими сановниками. Замѣчали, что Зубовъ мало обращалъ вниманія на игру и на свою властительницу. Постоянно разсѣянный, онъ то и дѣло бросалъ взгляды въ сторону стола, за которымъ играли съ мужьями обѣ молодыя великія княгини. Удивлялись, что императрица не замѣчала этихъ пріемовъ, которые всѣхъ поражали. Играли также за другими столами. Всюду, кромѣ

салоновъ императрицы, эти вечера казались бы убійственно скучными, даже и здѣсь всѣ были рады, что они не затягивались. Императрица не дожидалась ужина; она рано оставляла игру и удалялась въ свои аппартаменты. Она важно раскланивалась съ княгинями и всѣми присутствующими; обѣ половины дверей, ведущихъ въ ея покои, затворялись. Великіе князья и великія княгини, въ свою очередь, удалялись къ себѣ. Тогда Зубовъ, также раскланявшись, направлялся въ покои импратрицы, и двери закрывались за нимъ, что нѣкоторымъ казалось довольно таки страннымъ.

Иногда вблизи Таврическаго дворца устраивали двѣ ледяныя горы. Великія княгини, княжны и всѣ придворные отправлялись туда кататься съ горъ на саняхъ, какъ это дѣлается въ Россіи. Искреннее веселье царило на этихъ катаньяхъ, въ которыхъ участвовали молодыя, красивыя дѣвушки, принятыя ко Двору. Случилось, что во время одного изъ такихъ катаній молодой Строгановъ далъ пощечину полицейскому офицеру, который не хотѣлъ его пропустить. Строгановъ получилъ въ отвѣтъ русскую брань; тѣмъ все и кончилось. Лучше всего были концерты, которые давались у великой княгини. Въ Эрмитажѣ французская комедія и итальянская опера представляли двойное преимущество: пьесы великолѣпно исполнялись, а публика имѣла великолѣпныя мѣста. Австрійскій посолъ, графъ Кобенцель обыкновенно разговаривалъ съ императрицей. Никого, кромѣ великихъ князей, великихъ княгинь и придворнаго персонала, на этихъ спектакляхъ не бывало. Они устраивались два раза въ недѣлю. Все здѣсь было безъ стѣсненій, непринужденно и очень пріятно. Я, какъ сейчасъ, вижу передъ собою партеръ, какимъ онъ былъ тогда. По серединѣ передъ сценой императрица, благодаря своей полнотѣ, занимала двойное мѣсто; подлѣ нея графъ Кобенцель, съ своими косыми глазами, съ плѣшивой головой, покрытой толстымъ слоемъ пудры, поддакивающій каждому слову своей собесѣдницы. Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ, императорская фами-

лія, за исключеніемъ великаго князя Константина, все свѣжія, красивыя лица. Далѣе слѣдовало остальное общество, размѣщенное амфитеатромъ. Здѣсь ставились лучшія оперы; нѣкоторыя изъ нихъ долгое время потомъ еще звучали у меня въ ушахъ. Кромѣ этого въ Эрмитажѣ было множество великолѣпныхъ картинъ; онъ очень измѣнилъ свой видъ при Павлѣ и при Александрѣ.

Довольная бракомъ своего второго внука, Екатерина, казалось, наслаждалась своими досугами, предоставляемыми ей тогдашними политическими обстоятельствами. Все улыбалось ей: дѣла несчастной Польши закончились такъ, какъ она этого хотѣла; король Пруссіи, по ея приказу, уступилъ Австріи городъ Краковъ. Она видѣла, что всѣ государства склонялись къ ея ногамъ, потворствуя всѣмъ ея желаніямъ и одобряя ихъ; Англія и Австрія старались добиться ея активной помощи въ ихъ борьбѣ съ Франціей. Неаполь, Римъ и Сардинія, дрожа передъ республиканцами, стремились къ той же цѣли. Король прусскій усиленно старался ничѣмъ не оскорбить ее; однако, Екатерина, выступая съ самыми рѣзкими дипломатическими нотами противъ революціи и французской республики и возбуждая противъ нихъ всю Европу, осторожно держалась въ сторонѣ отъ войны; наблюдала разныя превратности судьбы своихъ союзниковъ, очень остерегаясь посылать туда свои войска. И въ то время, когда другіе истощались въ кровопролитной войнѣ, она предосудительнымъ образомъ, въ два пріема овладѣла Польшей и раздала ея остатки; она властвовала надъ всѣмъ сѣверомъ; передъ ней дрожали турки, и гордясь этой всемірной данью, сидя спокойно у себя дома, она слала войска въ Персію, подъ начальствомъ Валеріана Зубова: инстинкты женщины всегда примѣшивались къ предпріятіямъ мужского характера, вѣрнѣе, къ маккіавелизму ея политики. Это были ея послѣдніе хорошіе дни. Побѣды Бонапарта въ Италіи, поступки молодого шведскаго короля, скоро должны были наполнить горестью послѣдній годъ ея жизни.

Спектакли, прогулки и балы при Дворѣ еще болѣе сблизили насъ, меня и моего брата, съ молодыми великими князьями, которые всегда относились къ намъ съ замѣтной предупредительностью.

Я занимался въ то время рисованіемъ. Узнавъ объ этомъ, великій князь Александръ заставилъ меня принести нѣкоторые мои рисунки, которые онъ, вмѣстѣ съ великой княгиней, очень благосклонно разсматривалъ.

ГЛАВА IV.

1796 г.

Разговоръ, имѣвшій рѣшающее значеніе. Пребываніе въ Царскомъ Селѣ. Близость великаго князя Павла съ его сыновьями.

Передъ вскрытіемъ Ладожскаго озера, когда ледъ, принесенный оттуда Невой, навѣваетъ на Петербургъ рѣзкій холодъ,—что случается, обыкновенно, въ концѣ апрѣля,—въ столицѣ наслаждаются нѣсколькими днями хорошей погоды, съ яркимъ солнцемъ; морозъ въ эти дни едва чувствуется, и набережныя бываютъ усѣяны гуляющими. Туда устремляется все общество, дамы въ изящныхъ утреннихъ туалетахъ и элегантно одѣтые мужчины.

Великій князь Александръ также часто показывался на прогулкѣ, иногда одинъ, иногда съ великой княгиней. Это обстоятельство еще болѣе привлекало туда избранное общество. Мы съ братомъ также бывали среди гуляющихъ и всякій разъ, встрѣчая кого-нибудь изъ насъ, великій князь останавливался, чтобы поговорить, и выказывалъ намъ особое расположеніе.

Эти утреннія встрѣчи составляли, въ нѣкоторомъ родѣ, продолженіе придворныхъ вечеровъ. Отношенія наши съ великимъ княземъ принимали съ каждымъ днемъ характеръ все болѣе скрѣпляющагося знакомства. Весной Дворъ переѣхалъ, какъ всегда, въ Таврическій дворецъ, гдѣ императрица Екатерина хотѣла жить болѣе уединенно и принимала по вече-

рамъ только самое отборное общество, въ которомъ большая часть придворныхъ кавалеровъ не принимала участія, если не считать концертовъ, дававшихся при Дворѣ, на которые являлись по особому приглашенію. Великій князь продолжалъ еще, время отъ времени, гулять по набережной. Однажды, при встрѣчѣ со мной, онъ выразилъ сожалѣніе, что мы видимся такъ рѣдко, и приказалъ мнѣ придти къ нему, въ Таврическій дворецъ, предлагая погулять по саду, который онъ хотѣлъ показать мнѣ. Онъ назначилъ мнѣ день и часъ.

Установилась уже настоящая весна; какъ бываетъ обыкновенно въ этомъ климатѣ, природа спѣшила наверстать потерянное время, и растительность быстро стала распускаться. Все было покрыто зеленью и цвѣтами.

Въ назначенный день и часъ я отправился въ Таврическій дворецъ. Мнѣ очень жаль, что я не записалъ точное число этого дня, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на большую часть моей жизни и на судьбы моего отечества. Съ этого дня и послѣ этого разговора, который я хочу передать, началась моя преданность великому князю, я могу сказать, наша дружба, породившая рядъ событій, счастливыхъ и несчастныхъ, цѣпь которыхъ тянется еще и сейчасъ и будетъ давать знать о себѣ въ продолженіе еще многихъ лѣтъ.

Какъ только я явился, великій князь взялъ меня подъ руку и предложилъ пройти въ садъ, желая, какъ онъ выразился, услышать мое мнѣніе объ искусствѣ англичанина-садовника, который съумѣлъ убрать садъ съ большимъ разнообразіемъ и притомъ такъ, что ни откуда нельзя было видѣть конца сада, несмотря на то, что онъ былъ невеликъ.

Мы обошли садъ во всѣхъ направленіяхъ, за три часа очень оживленнаго, безпрерывнаго разговора.

Великій князь сказалъ мнѣ, что поведеніе мое и моего брата, наша покорность въ столь тяжеломъ положеніи, спокойствіе и безразличіе, съ которымъ мы все приняли, не при-

давая ничему никакого значенія и не уклонившись отъ непріятныхъ намъ милостей,—все это возбудило его уваженіе и довѣріе къ намъ; что онъ сочувствовалъ намъ, угадывалъ наши чувства и одобрялъ ихъ, что онъ испытывалъ потребность разъяснить свой дѣйствительный образъ мыслей; что ему было невыносимо думать, что мы считаемъ его не тѣмъ, чѣмъ онъ является на самомъ дѣлѣ. Онъ сказалъ мнѣ тогда, что совершенно не раздѣляетъ воззрѣній и принциповъ правительства и Двора, что онъ далеко не оправдываетъ политики и поведенія своей бабки и порицаетъ ея принципы; что его симпатіи были на сторонѣ Польши и ея славной борьбы; что онъ оплакивалъ ея паденіе; что, въ его глазахъ, Костюшко былъ великимъ человѣкомъ по своимъ доблестнымъ качествамъ и по тому дѣлу, которое онъ защищалъ и которое было также дѣломъ человѣчности и справедливости. Онъ признался мнѣ, что ненавидитъ деспотизмъ вездѣ, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, что любитъ свободу, которая, по его мнѣнію, равно должна принадлежать всѣмъ людямъ; что онъ чрезвычайно интересовался французской революціей; что не одобряя этихъ ужасныхъ заблужденій, онъ все же желаетъ успѣха республикѣ и радуется ему. Онъ съ большимъ уваженіемъ говорилъ о своемъ воспитателѣ Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высоко добродѣтельномъ, истинно мудромъ, со строгими принципами и рѣшительнымъ характеромъ. Именно Лагарпу онъ былъ обязанъ всѣмъ тѣмъ, что было въ немъ хорошаго, всѣмъ, что онъ зналъ, и въ особенности — тѣми принципами правды и справедливости, которые онъ счастливъ носить въ своемъ сердцѣ и которые были внушены ему Лагарпомъ.

Обходя садъ вдоль и поперекъ, мы нѣсколько разъ встрѣтили великую княгиню, которая также прогуливалась. Великій князь сказалъ мнѣ, что его жена была повѣренной его мыслей, что она одна знала и раздѣляла его чувства, но что, кромѣ нея, я былъ первымъ и единственнымъ лицомъ, послѣ отъѣзда его воспитателя, съ кѣмъ онъ осмѣлился говорить объ этомъ;

что чувства эти онъ не можетъ довѣрить никому безъ исключенія, такъ какъ въ Россіи никто еще не былъ способенъ раздѣлить или даже понять ихъ; что я долженъ былъ чувствовать, какъ ему будетъ теперь пріятно имѣть кого-нибудь, съ кѣмъ онъ получитъ возможность говорить откровенно, съ полнымъ довѣріемъ.

Разговоръ этотъ, какъ легко можно себѣ представить, былъ полонъ изліяніями дружбы съ его стороны, выраженіемъ удивленія, благодарности и увѣреніями въ преданности,— съ моей.

Онъ отпустилъ меня, говоря, что будетъ стараться видѣться со мной насколько возможно чаще, и совѣтовалъ мнѣ быть чрезвычайно осторожнымъ и хранить во всемъ безусловную тайну, разрѣшивъ, однако, довѣрить ее моему брату.

Сознаюсь, я уходилъ пораженный, глубоко взволнованный, не зная -- былъ ли это сонъ или дѣйствительность. Какъ! русскій князь, будущій преемникъ Екатерины, ея внукъ и любимый ученикъ, котораго она хотѣла бы, отстранивъ своего сына, видѣть у власти послѣ себя, о которомъ говорили, что онъ наслѣдуетъ Екатеринѣ, этотъ князь отрицалъ и ненавидѣлъ убѣжденія своей бабки, отвергалъ недостойную политику Россіи, страстно любилъ справедливость и свободу, жалѣлъ Польшу и хотѣлъ бы видѣть ее счастливой.—Не чудо ли это было, что въ такой атмосферѣ и средѣ могли зародиться столь благородныя мысли, столь высокая добродѣтель?

Я былъ молодъ, полонъ экзальтированныхъ мыслей и чувствъ; необычайныя вещи удивляли меня не надолго, я охотно вѣрилъ въ то, что мнѣ казалось великимъ и добродѣтельнымъ. Я былъ во власти легко понятнаго обаянія; было столько чистоты, столько невинности, рѣшимости, казавшейся непоколебимой, самоотверженности и возвышенности души въ словахъ и поведеніи этого молодого князя, что онъ казался мнѣ какимъ-то высшимъ существомъ, посланнымъ на землю

Провидѣніемъ для счастья человѣчества и моей родины. Я далъ себѣ обѣтъ безграничной привязанности къ нему, и чувство, вызванное во мнѣ въ эту первую минуту, продолжалось даже и въ то время, когда породившія его иллюзіи стали исчезать одна за другой; позднѣе это чувство устояло передъ всѣми ударами, которые самъ Александръ нанесъ ему, и не погасло никогда, несмотря на множество причинъ и грустныхъ разочарованій, которыя могли бы его искоренить.—Я разсказалъ моему брату о происшедшемъ разговорѣ, и мы оба, давъ волю изумленію и восхищенію, пустились мечтать о лучезарномъ будущемъ, которое, казалось, открывалось передъ нами. Нужно вспомнить, что въ то время такъ называемыя либеральныя идеи были распространены въ гораздо меньшей степени, чѣмъ теперь; что онѣ не проникли еще во всѣ классы общества и въ кабинеты государей; что, наоборотъ, всякіе намеки на нихъ считались чѣмъ-то позорнымъ и предавались анаѳемѣ при дворахъ и въ салонахъ большей части европейскихъ столицъ, а въ особенности въ Россіи, въ Петербургѣ, гдѣ всѣ идеи стараго французскаго порядка въ своемъ наиболѣе крайнемъ видѣ такъ привились на почвѣ русскаго деспотизма и раболѣпія.

Встрѣтить въ такой средѣ князя, призваннаго управлять этимъ народомъ и пользоваться огромнымъ вліяніемъ въ Европѣ, съ такими рѣшительными, смѣлыми мнѣніями, съ такими противоположными существующему строю взглядами,—не было ли это великимъ и чрезвычайно знаменательнымъ событіемъ? Когда, спустя сорокъ лѣтъ, разбираешься въ событіяхъ, совершившихся со времени этого разговора, слишкомъ хорошо видишь, какъ мало соотвѣтствовали они тому, что сулило намъ наше воображеніе.

Вѣдь, сорокъ лѣтъ тому назадъ либеральныя идеи были еще окружены для насъ ореоломъ, который поблѣднѣлъ при послѣдующихъ опытахъ ихъ примѣненія; и жизнь еще не доставила намъ тогда тѣхъ жестокихъ разочарованій, которыя впослѣдствіи повторялись слишкомъ часто.

Оправившаяся отъ террора французская республика, казалось, побѣдоносно шла къ удивительной будущности, полной благоденствія и славы. Въ 1796 и 1797 годахъ она переживала свои лучшіе дни. Имперія еще не охладила и не совратила съ прежняго пути наиболѣе горячихъ приверженцевъ революціи.

Представьте же себѣ наши польскія чувства и желанія, нашу неопытность, нашу вѣру въ конечный успѣхъ справедливости и свободы, и тогда станетъ понятнымъ, что въ тѣ минуты мы, въ порывѣ счастья, отдались самымъ обольстительнымъ иллюзіямъ. Въ слѣдующіе за этимъ замѣчательнымъ разговоромъ дни мы не имѣли случая говорить съ великимъ княземъ, но каждый разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, мы обмѣнивались дружескими словами и знаками взаимнаго пониманія.

Вскорѣ Дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Было установлено, что всѣ придворные кавалеры будутъ отправляться туда по праздникамъ и воскресеньямъ, чтобы присутствовать въ церкви, на обѣдѣ и вечернемъ собраніи. Туда ѣздили и ночевать и даже поселялись тамъ для продолжительнаго пребыванія или въ очень неудобныхъ небольшихъ флигеляхъ, которые окружали дворецъ, или же въ предмѣстьѣ, гдѣ также было плохо, но немножко свободнѣе, въ домахъ, гдѣ не было ничего, кромѣ стѣнъ, оконъ и дверей.

Вначалѣ великій князь приглашалъ насъ пріѣзжать почаще, затѣмъ предложилъ намъ и совсѣмъ остаться жить въ Царскомъ Селѣ, чтобы, какъ онъ говорилъ, имѣть возможность больше времени проводить вмѣстѣ. Ему нравилось наше общество, и онъ искалъ его, такъ какъ только съ нами онъ могъ говорить безъ утайки и высказывать свои истинныя мысли.

По вечерамъ намъ разрѣшалось являться въ аппартаменты дворца, когда тамъ находилась императрица, участвовать въ прогулкахъ и въ игрѣ въ горѣлки, повторявшейся каждый день въ хорошую погоду, или же присоединяться къ обществу придворныхъ, отправлявшихся подъ колоннаду (часть дворца,

смежная съ внутренними комнатами императрицы, которую она больше всего любила). Въ будни, за общимъ столомъ съ императрицей обѣдали только тѣ, кто былъ на дежурствѣ. Мнѣ пришлось дежурить одинъ разъ. Меня посадили противъ Екатерины, и я долженъ былъ прислуживать ей, съ чѣмъ справился довольно неловко.

Мы часто возвращались въ Царское Село и скоро основались тамъ совсѣмъ, на весь сезонъ.

Наши отношенія съ великимъ княземъ могли только привязывать насъ другъ къ другу и возбуждать самый живой интересъ: это было нѣчто вродѣ франкъ-масонскаго союза, котораго не чуждалась и великая княгиня. Интимность нашихъ отношеній, столь для насъ новая и дававшая поводъ къ горячимъ обсужденіямъ, вызывала безконечные разговоры, которые постоянно возобновлялись. Политическіе идеи и вопросы, которые показались бы теперь избитыми и привычными общими мѣстами,—тогда имѣли для насъ всю прелесть животрепещущей новизны, а необходимость хранить ихъ втайнѣ и мысль о томъ, что все это происходитъ на глазахъ Двора, зараженнаго предубѣжденіями абсолютизма, подъ носомъ у всѣхъ этихъ министровъ, преисполненныхъ сознаніемъ своей непогрѣшимости, прибавляла еще больше интереса и пикантности этимъ сношеніямъ, которыя становились все болѣе и болѣе частыми и интимными.

Императрица Екатерина смотрѣла благосклонно на установившуюся близость между ея внукомъ и нами обоими. Она одобряла это сближеніе, конечно, не угадывая его истинныхъ причинъ и возможныхъ послѣдствій. Мнѣ кажется, что она слѣдовала старымъ традиціоннымъ представленіямъ о блескѣ польской аристократіи, и считала полезнымъ привлечь на сторону своего внука вліятельную семью. Она и не подозрѣвала, что эта дружба утвердитъ его въ чувствахъ, которыя ей были ненавистны и которыхъ она опасалась, и послужитъ однимъ изъ многочисленныхъ толчковъ къ развитію въ Европѣ идей

свободы и къ новому—увы, эфемерному—появленію на политической сценѣ той Польши, которую Екатерина уже считала на вѣки похороненной.

Одобреніе императрицей явнаго преимущества, оказываемаго намъ великимъ княземъ, закрыло рты всѣмъ любителямъ пересудовъ и придало намъ смѣлости продолжать наши отношенія, которыя къ тому же были такъ привлекательны. Великій князь Константинъ, изъ чувства подражанія и въ виду того, что это нравилось императрицѣ, сталъ выказывать дружбу къ моему брату, звать его къ себѣ, заставлялъ его играть роль друга своей семьи; но между ними не было и рѣчи о политикѣ. Въ этомъ отношеніи моему брату выпалъ плохой удѣлъ. Ни одно изъ тѣхъ побужденій, которыя связывали насъ съ Александромъ не существовало для Константина, и его характеръ, своевольный, вспыльчивый, не признающій никакихъ внушеній кромѣ устрашенія, не сообщалъ никакой привлекательности тѣсному сближенію съ нимъ. Великій князь Александръ просилъ моего брата, изъ дружбы къ нему, согласиться на это сближеніе съ Константиномъ, но съ условіемъ, чтобы интимныя признанія Александра не передавались Константину, къ которому Александръ питалъ тѣмъ не менѣе братскія чувства.

Великій князь въ началѣ этого года помѣщался въ большомъ дворцѣ и не занималъ еще отдѣльнаго дворца, выстроеннаго для него императрицей въ паркѣ и только что оконченнаго. Осмотръ этого дворца былъ нѣкоторое время цѣлью прогулокъ послѣ обѣда. Наконецъ, великій князь перебрался туда, и у него явилась возможность свободнѣе видѣться съ нами. Часто онъ оставлялъ меня или брата обѣдать у себя, и когда аппартаменты его дворца были уже окончательно устроены, рѣдко проходилъ день, чтобы кто-нибудь изъ насъ не приходилъ къ нему ужинать. По утрамъ мы гуляли пѣшкомъ, дѣлая прогулки иногда по нѣскольку верстъ. Великій князь любилъ ходить, обозрѣвая окрестныя деревни,

и тогда въ особенности отдавался своимъ любимымъ разговорамъ. Онъ находился подъ обаяніемъ начавшейся молодости, которая сама создаетъ себѣ привлекательныя картины, тѣшится ими, не останавливаясь передъ невозможностями, и строитъ безконечные планы на будущее, которому, какъ будто, не предвидится конца.

По своимъ воззрѣніямъ онъ являлся выученикомъ 1789 года; онъ всюду хотѣлъ бы видѣть республики и считалъ эту форму правленія единственной, отвѣчающей желаніямъ и правамъ человѣчества. Хотя я и самъ находился тогда во власти экзальтаціи, хотя я былъ рожденъ и воспитанъ въ республикѣ, гдѣ принципы французской революціи были встрѣчены и восприняты съ энтузіазмомъ, тѣмъ не менѣе, въ нашихъ бесѣдахъ я обнаруживалъ болѣе разсудительности и умѣрялъ крайнія мнѣнія великаго князя. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что наслѣдственность престола была несправедливымъ и безсмысленнымъ установленіемъ, что передача верховной власти должна зависѣть не отъ случайностей рожденія, а отъ голосованія народа, который съумѣетъ выбрать наиболѣе способнаго правителя. Я представлялъ ему то, что можно было сказать противъ этого мнѣнія трудность и случайность избранія, я указывалъ на то, какъ страдала отъ этого Польша и какъ мало Россія была способна и подготовлена къ установленію такого порядка. Я добавлялъ, что, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ Россія ничего бы не выиграла, такъ какъ она могла бы потерять того, кто былъ наиболѣе достоинъ стать у власти, кто питалъ самыя благодѣтельныя, самыя чистыя намѣренія. На эту тему разговоры возобновлялись между нами безпрерывно. Иногда, во время нашихъ продолжительныхъ прогулокъ, разговоръ переходилъ на другіе предметы, касался уже не политики, а природы, и молодой великій князь восхищался ея красотами. Надо было быть очень расположеннымъ къ такого рода наслажденіямъ, чтобы находить ихъ въ мѣстности, гдѣ мы гуляли; но, въ концѣ концовъ, все въ мірѣ относительно, и

великій князь восхищался цвѣткомъ, листвой деревьевъ, скромнымъ пейзажемъ, который открывался съ какого-нибудь незначительнаго холма, ибо ничего нѣтъ менѣе живописнаго, болѣе некрасиваго, чѣмъ окрестности Петербурга. Александръ любилъ сады и видъ деревень, любовался видомъ работающихъ крестьянъ и деревенской красотой крестьянокъ. Сельскія занятія, полевыя работы, простая, спокойная, уединенная жизнь, на какой-нибудь фермѣ, въ пріятномъ далекомъ уголкѣ, —такова была мечта, которую онъ хотѣлъ бы осуществить и къ которой онъ со вздохомъ безпрестанно возвращался.

Я хорошо чувствовалъ, что это не то, что ему было бы нужно; что для его высокаго назначенія, для совершенія удачныхъ и крупныхъ преобразованій въ соціальномъ строѣ, надо было бы имѣть больше подъема, силы, огня, вѣры въ самого себя, чего незамѣтно было у великаго князя; что въ его положеніи желаніе избавиться отъ ожидавшаго его огромнаго бремени и наклонность къ вздохамъ по досугамъ спокойной жизни были достойны порицанія; что недостаточно было разсуждать о трудностяхъ своего положенія и страшиться ихъ, но надо было бы зажечься страстнымъ желаніемъ ихъ превозмочь.

Эти размышленія приходили мнѣ на мысль лишь временами, и даже, когда я сознавалъ ихъ справедливость, они не уменьшали во мнѣ чувства восхищенія и преданности по отношенію къ великому князю. Его искренность, прямота, способность увлекаться прекрасными иллюзіями придавали ему обаятельность, передъ которой невозможно было устоять. Къ тому же, въ виду своей молодости, онъ могъ еще пріобрѣсть то, чего ему недоставало. Обстоятельства, необходимость—могли развить въ немъ способности, которыя еще не успѣли проявиться; но его взгляды, его намѣренія оставались драгоцѣнными, какъ самое чистое золото и, хотя онъ и очень измѣнился впослѣдствіи, онъ все же сохранилъ до конца своихъ дней часть наклонностей и взглядовъ своей молодости.

Многіе, въ особенности изъ числа моихъ соотечественниковъ, позже упрекали меня въ томъ, что я слишкомъ повѣрилъ увѣреніямъ Александра. Я часто доказывалъ его хулителямъ, что убѣжденія его были искренними, а не напускными. Впечатлѣніе отъ первыхъ лѣтъ нашихъ отношеній не могло изгладиться изъ моихъ мыслей. Конечно, если Александръ въ девятнадцать лѣтъ говорилъ мнѣ, въ строжайшей тайнѣ, съ откровенностью, облегчавшей его, о своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, которыя онъ скрывалъ отъ всѣхъ, то значитъ, онъ ихъ испытывалъ на самомъ дѣлѣ и чувствовалъ потребность кому-нибудь ихъ довѣрить. Какой иной мотивъ могъ онъ имѣть тогда? Кого хотѣлъ обмануть? Безъ сомнѣнія, онъ слѣдовалъ лишь наклонностямъ своего сердца и высказывалъ свои истинныя мысли. Мнѣ придется еще возвратиться къ этому вопросу, когда я буду говорить о перемѣнахъ, происшедшихъ въ характерѣ Александра.

Помимо разглагольствованій о политикѣ, помимо всегда охотно поддерживаемой темы о красотахъ природы и о мечтѣ предаться спокойно деревенской жизни, послѣ того, какъ судьбы свободной Россіи будутъ обезпечены, у великаго князя былъ еще третій предметъ для разговора, которому онъ горячо отдавался и который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ предыдущимъ, даже казалось, наоборотъ, былъ имъ прямо противоположенъ: то были бесѣды о войскѣ на манеръ его отца, великаго князя Павла.

Великій князь Павелъ жилъ лѣтомъ въ своемъ загородномъ домѣ, въ Павловскѣ, находившемся въ полумилѣ отъ Царскаго Села. Императрица Екатерина разрѣшила ему сформировать для своего удовольствія нѣсколько морскихъ батальоновъ. Онъ былъ генералъ-адмираломъ, и эта почетная должность давала ему нѣкоторыя привиллегіи. Императрица дѣлала видъ, что не замѣчаетъ, что Павелъ пользовался этими привиллегіями слишкомъ широко, и что, по примѣру Петра III, своего несчастнаго отца, онъ создалъ себѣ нѣчто вродѣ маленькой арміи, кото-

рую одѣвалъ и старался обучать на подобіе того, что видѣлъ въ Пруссіи при Фридрихѣ Великомъ, когда ѣздилъ въ Берлинъ къ этому монарху. Войско великаго князя Павла, въ полномъ его комплектѣ, состояло, кажется, изъ двѣнадцати баталіоновъ, незначительныхъ по количеству солдатъ, сформированныхъ по образцамъ кирасирскихъ, драгунскихъ и гусарскихъ полковъ и изъ нѣсколькихъ артиллерійскихъ орудій. Великій князь раздавалъ дипломы и чины, имѣвшіе значеніе только въ его маленькой арміи. Покрой форменнаго платья былъ совсѣмъ странный и совершенно не походилъ на форму русской арміи; это было утрированное подражаніе старой формѣ полковъ Фридриха.

Нѣсколько лицъ изъ общества и нѣсколько придворныхъ получили разрѣшеніе носить такую форму; это были недовольные главнымъ Дворомъ, примкнувшіе къ Павлу; только имъ онъ разрѣшалъ пріѣзжать въ его загородные дворцы для исполненія служебныхъ обязанностей. Къ ихъ числу принадлежалъ и Растопчинъ, игравшій въ царствованіе Павла выдающуюся роль и впослѣдствіи заставившій такъ много говорить о себѣ по случаю пожара Москвы. Форму эту надѣвали не только на службу, но и вообще, когда являлись въ Павловскъ или Гатчину —другой загородный дворецъ великаго князя,— и даже при посѣщеніи его вечеровъ въ Зимнемъ дворцѣ, такъ какъ по вечерамъ великій князь Павелъ никогда не приходилъ къ своей матери. Никто не носилъ этой формы нигдѣ, кромѣ аппартаментовъ великаго князя. При жизни Екатерины эта форма вездѣ, кромѣ покоевъ великаго князя, считалась контрабандой и надъ ней насмѣхались безъ всякаго стѣсненія..

Оба молодые великіе князя числились командирами въ составѣ этихъ войскъ. Они отдались обязанностямъ своей службы съ неутомимымъ рвеніемъ молодыхъ людей, которымъ въ первый разъ даютъ какое-нибудь дѣловое занятіе, и съ серьезнымъ сознаніемъ важности исполняемаго дѣла. Дворъ и общество видѣли въ

этомъ только карикатуру, безплодную и не имѣвшую значенія, которая ставила въ смѣшное положеніе тѣхъ, кто въ ней участвовалъ. Великіе князья, въ особенности, подвергались насмѣшливымъ осужденіямъ за то, что они, не разсуждая, такъ горячо пристрастились къ этимъ причудамъ. Ихъ сравнивали съ дѣтьми, играющими въ деревянные солдатики. Но молодые великіе князья, не останавливаясь передъ порицаніемъ большинства, стремились лишь къ точному повиновенію желаніямъ и даже эксцентричнымъ капризамъ своего отца. Они входили въ мельчайшія подробности военной службы и исполняли ихъ съ безпримѣрнымъ усердіемъ.

Въ этомъ замкнутомъ и обособленномъ мірѣ были свои шутки, свое злословіе, заключались дружественныя связи, были свои признанные герои фронта, изъ которыхъ ни одинъ не оправдалъ этого имени въ настоящей службѣ. На парадахъ и маневрахъ этой арміи въ миніатюрѣ развертывались важныя событія, возвышенія и паденія фортуны, неудачи и успѣхи, которые приносили людямъ то ужасъ, то несказанную радость. Я узнавалъ объ этомъ изъ разговоровъ обоихъ братьевъ, любившихъ разсказывать о всѣхъ превратностяхъ придворной жизни въ Павловскѣ.—Для молодыхъ великихъ князей тамъ все-таки была активная жизнь, придававшая имъ значеніе, хотя, правда, въ кругу очень тѣсномъ, но гдѣ они играли роль, льстившую ихъ самолюбію, удовлетворявшую ихъ юношеское стремленіе къ активной дѣятельности, безъ необходимости предаваться умственной работѣ, тогда какъ строгое однообразіе, установленное при Дворѣ ихъ бабки, гдѣ они не имѣли никакихъ серьезныхъ занятій, слишкомъ часто казалось имъ скучнымъ. Ихъ капральскія обязанности, физическое утомленіе, необходимость таиться отъ бабушки и избѣгать ея, когда они возвращались съ ученія, измученные, въ своемъ смѣшномъ нарядѣ, отъ котораго надо было поскорѣе освободиться, все это, кончая причудами отца, котораго они страшно боялись, дѣлало для нихъ привлекательной эту карьеру, не имѣвшую

отношенія къ той, которую намѣчали для нихъ и петербургское общество и виды Екатерины.

Императрица не съумѣла ни овладѣть воображеніемъ своихъ внуковъ, ни занять ихъ какой-нибудь работой, ни разнообразить ихъ время. Отцу ихъ это удалось, что было большимъ зломъ, имѣвшимъ печальныя послѣдствія. Молодые великіе князья считали себя въ глубинѣ души, и вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, въ гораздо большей степени членами такъ называемой гатчинской, нежели русской арміи. Гатчина была любимымъ дворцомъ Павла, его осенней резиденціей, гдѣ онъ, вдали отъ Петербурга, могъ еще болѣе непринужденно отдаваться своимъ причудамъ. Великіе князья жалѣли, что не могли переселиться туда, и говоря о томъ, что дѣлалось въ маленькой арміи Павла, принимали видъ павловскихъ солдатъ и самодовольно повторяли: „Это по-нашему, по-гатчински".

Помню, какъ однажды императрица задумала было послать Александра съ генераломъ Кутузовымъ осмотрѣть крѣпости на шведской границѣ. Молодой князь безразлично отнесся къ этому порученію, не обнаружилъ никакого рвенія къ его выполненію, и болѣе объ этомъ рѣчи не поднималось.

Мелочныя формальности военной службы и привычка приписывать имъ чрезвычайно большое значеніе извратили умъ великаго князя Александра. У него выработалось пристрастіе къ мелочамъ, отъ котораго онъ не могъ избавиться и въ послѣдующее время, когда ему уже стала понятна абсурдность этой системы. Въ продолженіе всего своего царствованія онъ страдалъ парадоманіей, этой специфической болѣзнью государей, благодаря которой, будучи на тронѣ, онъ терялъ много драгоцѣннаго времени, и которая мѣшала ему въ его юные годы плодотворно работать и пріобрѣтать необходимыя знанія. Парадоманія, привитая Павломъ, послужила также звеномъ болѣе тѣснаго единенія Александра и Константина и часто давала этому послѣднему возможность оказывать слиш-

комъ большое вліяніе на своего брата, потому что Константинъ былъ превосходный знатокъ военнаго искусства, въ предѣлахъ усовершенствованія парадовъ, и Александръ не могъ отрѣшиться отъ очень высокаго мнѣнія о своемъ братѣ въ этомъ отношеніи. Къ тому же это было постояннымъ предметомъ ихъ самыхъ оживленныхъ разговоровъ.

Императрица Екатерина смотрѣла съ неудовольствіемъ на сближеніе отца съ сыновьями, не предвидя тѣмъ не менѣе всѣхъ его послѣдствій, такъ какъ въ противномъ случаѣ она, вѣроятно, наложила бы на это свой запретъ. Однажды, вернувшись изъ Павловска, великій князь Александръ сказалъ мнѣ: „намъ дѣлаютъ честь, насъ боятся". Онъ хотѣлъ дать этимъ понять, что Екатерину начало тревожить это сосредоточеніе войскъ, военныя упражненія въ Павловскѣ и характеръ установившагося согласія между отцомъ и сыновьями. Александръ былъ польщенъ тѣмъ, что они заставили Екатерину испытать нѣкотораго рода страхъ, но я сомнѣваюсь, чтобы это было такъ въ дѣйствительности, а если такого рода безпокойство и посѣщало Екатерину, то, во всякомъ случаѣ, оно было слишкомъ слабо и очень мимолетно. Екатерина слишкомъ хорошо знала недостатокъ личнаго мужества въ своемъ сынѣ, несерьезный характеръ его войскъ, отсутствіе расположенія къ этимъ войскамъ въ обществѣ и въ остальной арміи, чтобы дать себѣ трудъ ихъ бояться. Поэтому она спокойно спала, подъ охраной одной только роты гренадеръ, въ то время, какъ Павелъ маневрировалъ съ своей маленькой арміей на разстояніи полу-мили отъ мѣста ея пребыванія.

Императрица Елизавета поступала точно такъ же въ Петергофѣ по отношенію къ Петру III, который жилъ въ Ораніенбаумѣ, окруженный отрядомъ преданныхъ голштинцевъ. Она такъ же хорошо знала чрезвычайное малодушіе своего наслѣдника, а быть можетъ, и доброту его сердца. Разные слухи носились по поводу законности рожденія Павла I-го, но въ виду чрезвычайнаго сходства этого князя съ Петромъ III,

и въ личномъ характерѣ и въ поведеніи, нельзя сомнѣваться, что онъ дѣйствительно былъ сыномъ Петра.

Въ этомъ же году произошло событіе, имѣвшее огромныя послѣдствія для Европы и ужасныя для Польши. Была объявлена беременность великой княгини Маріи. Вскорѣ послѣ этого она родила сына. Обрядъ крещенія былъ совершенъ въ Царскомъ Селѣ; весь Дворъ присутствовалъ при этомъ, въ полномъ парадѣ, въ обширной залѣ передъ церковью. Обрядъ былъ совершенъ, какъ и можно было ожидать, при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи пословъ. Я не знаю, кто изъ нихъ были воспріемниками отъ имени своихъ государей. Новорожденный былъ названъ НИКОЛАЕМЪ. Смотря тогда на него, какъ онъ лежалъ въ пеленкахъ и кричалъ, утомленный обрядомъ крещенія, весьма продолжительнымъ въ русской церкви, я не предвидѣлъ, что это слабое, миловидное существо, красивое, какъ и всякій здоровый ребенокъ, станетъ со временемъ бичемъ моего отечества.

Среди побужденій, привязывавшихъ молодыхъ великихъ князей къ ихъ отцу, было одно, болѣе возвышенное и основательное, нежели упомянутыя выше. Они были поражены чрезвычайной черствостью Екатерины, которая не разрѣшала своему сыну и великой княгинѣ, его женѣ, держать своихъ дѣтей при себѣ, даже въ маломъ возрастѣ. Какъ только княгиня оправлялась послѣ родовъ, у нея отбирали новорожденнаго, чтобы смотрѣть за нимъ и воспитывать вмѣстѣ съ его сестрами и братьями, на глазахъ у ихъ бабки. Ни одинъ изъ нихъ, при жизни Екатерины, не былъ предоставленъ родительскимъ ласкамъ. Такая несправедливость возмущала молодыхъ великихъ князей и отдаляла ихъ отъ Екатерины. Къ тому же взгляды великаго князя Александра на политику бабки мало располагали его къ исполненію ея желаній, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не былъ къ этому вынуждаемъ необходимостью. Онъ всегда находилъ въ ея дѣйствіяхъ какіе-нибудь недостатки и не выказывалъ ни усердія, ни добраго желанія, вы-

ражалъ только скуку и безразличіе каждый разъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы принять малѣйшее участіе въ дѣлахъ управленія, духъ котораго не былъ ему симпатиченъ. Великій князь Константинъ, не раздѣлявшій либеральныхъ воззрѣній своего брата, сходился съ нимъ во мнѣніяхъ на счетъ образа жизни и характера императрицы Екатерины. Я нѣсколько разъ слышалъ, какъ онъ отзывался о своей бабкѣ и при ея жизни и позже, когда ея не стало, съ безмѣрной рѣзкостью и въ грубыхъ выраженіяхъ.

Пребываніе въ Царскомъ Селѣ приближалось къ концу. Нашъ интимный кружокъ грустилъ и сожалѣлъ объ этомъ. Каждому изъ насъ предстояло какое-нибудь лишеніе. Намъ было жаль нашихъ свободныхъ встрѣчъ, ежедневныхъ бесѣдъ, продолжительныхъ прогулокъ, то въ обширныхъ садахъ, то въ полѣ. Здѣсь мы сорвали первые цвѣты молодой, довѣрчивой дружбы, наслаждались грезами, которыми она себя убаюкиваетъ.

Такія чувства никогда не переживаются вторично съ прежней силой, свѣжестью, одушевленіемъ. Чѣмъ дольше живешь, тѣмъ рѣже испытываешь ихъ отголоски.

Дворъ, слѣдуя обычному правилу, переѣхалъ сперва въ Таврическій дворецъ, на предзимній сезонъ. Тамъ рѣже удавалось видѣть великаго князя, и онъ не могъ такъ часто приглашать насъ къ себѣ на ужинъ. Хотя, къ нашему великому сожалѣнію, наши отношенія такимъ образомъ пооослабли, мы все же продолжали настойчиво и непрерывно заботиться о ихъ поддержаніи.

ГЛАВА V.

1796 г.

Судьба узниковъ. Размышленія о воспитаніи великаго князя. Пребываніе Двора въ Таврическомъ дворцѣ. Пріѣздъ шведскаго короля. Неудавшееся сватовство. Смерть Екатерины II.

Наши отношенія съ великимъ княземъ нисколько не повліяли на смягченіе участи нашихъ соотечественниковъ, отбывавшихъ заключеніе въ городѣ, или въ подземельяхъ крѣпости. Мы часто говорили о нихъ и о Костюшко. Великій князь всегда съ одинаковымъ энтузіазмомъ отзывался о самоотверженной дѣятельности этихъ мучениковъ любви къ родинѣ и возмущался несправедливой тиранніей, жертвами которой они были. Но, связанный своимъ положеніемъ и робкій отъ сознанія своей молодости и неопытности, великій князь не принималъ никакого участія въ дѣлахъ государства, не считалъ даже, что долженъ добиваться разрѣшенія въ нихъ участвовать. Поэтому онъ не имѣлъ никакого вліянія и совершенно не касался хода государственныхъ дѣлъ.

Конечно, можно удивляться тому, что императрица Екатерина, лелѣявшая мысль, что Александръ явится продолжателемъ ея царствованія и ея славы, не заботилась подготовить его къ выполненію этой задачи, заранѣе ознакомивъ его съ различными отраслями государственнаго управленія. Не было сдѣлано никакой попытки въ этомъ направленіи. Быть можетъ,

онъ не пріобрѣлъ бы очень точныхъ знаній о многихъ вещахъ, но это спасло бы его отъ праздности. Повидимому, ни императрицѣ и никому изъ членовъ ея совѣта не пришла въ голову такая естественная мысль, или, во всякомъ случаѣ, императрица не настаивала на ея выполненіи.

Образованіе молодого князя осталось незаконченнымъ со времени его женитьбы, благодаря отъѣзду Лагарпа, когда Александру было восемнадцать лѣтъ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ чуждъ какихъ-либо правильныхъ занятій; никто не посовѣтовалъ ему взяться за какую-либо работу, и въ ожиданіи принятія на себя дѣловыхъ обязанностей, онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакого плана для чтенія, которое могло бы облегчить ему подготовку къ предстоявшей ему трудной дѣятельности. Я часто говорилъ ему объ этомъ и въ то время, и позже. Я предлагалъ ему для чтенія разныя книги по исторіи, по законовѣдѣнію, политикѣ. Онъ сознавалъ пользу, которую онѣ могли принести ему, и желалъ бы отдаться этому чтенію, но придворная жизнь не давала возможности вести послѣдовательныя занятія. Александръ за все время, пока былъ великимъ княземъ, не прочелъ до конца ни одной серьезной книги. Не думаю, чтобы ему удавалось дѣлать это впослѣдствіи, когда на него пало все бремя самодержавной власти. Придворная жизнь утомительна и праздна. Она порождаетъ тысячу предлоговъ для лѣности, и время проходитъ въ полномъ бездѣльѣ. Великій князь возвращался къ себѣ лишь на отдыхъ, а не для работы. Онъ читалъ урывками, безплодно, безъ увлеченія. Стремленіе къ пріобрѣтенію знаній не слишкомъ сильно владѣло имъ, и послѣ черезчуръ ранней женитьбы онъ не считалъ нужнымъ поддерживать въ себѣ эту наклонность. Между тѣмъ, онъ сознавалъ важное значеніе серьезныхъ занятій и хотѣлъ бы приступить къ нимъ, но усилій его воли не хватало на то, чтобы преодолѣвать тѣ препятствія для подобныхъ занятій, которыя ежедневно выдвигались передъ нимъ въ связи съ его обязанностями и другими скучными сторонами

его жизни. Такъ прошли пять лѣтъ его ранней молодости. Онъ упустилъ драгоцѣнное время, въ которомъ, при жизни Екатерины, у него отнюдь не было недостатка и которое онъ могъ бы себѣ обезпечить даже и въ царствованіе Павла.

Александръ, будучи великимъ княземъ и даже въ первые годы своего царствованія, сохранилъ качества, образовавшіяся подъ вліяніемъ воспитанія, и не походилъ на то, чѣмъ онъ сталъ позже, предоставленный самому себѣ. Изъ этого можно заключить, что природа наградила его рѣдкими свойствами, потому что, несмотря на полученное имъ воспитаніе, онъ сталъ однимъ изъ наиболѣе достойныхъ любви государей своего вѣка и съумѣлъ даже взять верхъ въ борьбѣ съ великимъ Наполеономъ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ царствованія, запасшись опытностью, которая дается необходимостью безотлагательно рѣшать важныя дѣла и постояннымъ общеніемъ съ должностными лицами, Александръ удивилъ всѣхъ, доказавъ, что онъ можетъ быть не только утонченнымъ и превосходно воспитаннымъ кавалеромъ, но также и искуснымъ политикомъ, съ проницательнымъ и тонкимъ умомъ, съ умѣньемъ самостоятельно составлять превосходныя бумаги по самымъ сложнымъ и труднымъ дѣламъ и производить на всѣхъ обаятельное впечатлѣніе, даже въ самыхъ серьезныхъ разговорахъ. Что бы вышло изъ него, если бы онъ былъ воспитанъ болѣе заботливо и предусмотрительно, и если бы его воспитаніе было болѣе приспособлено къ тѣмъ трудамъ, которые должны были наполнить его жизнь? Изъ всѣхъ воспитателей обоихъ великихъ князей только о Лагарпѣ можно отозваться съ похвалой. Я не знаю точно, кому поручила Екатерина сдѣлать столь важный выборъ. Думаю, что это былъ кто-нибудь изъ энциклопедистовъ, окружавшихъ Гримма или барона Гольбаха.

Повидимому, Лагарпъ не велъ съ великимъ княземъ серьезныхъ занятій. Съ тѣмъ вліяніемъ, какое онъ пріобрѣлъ на умъ и сердце своего воспитанника, Лагарпъ могъ бы, я ду-

маю, сдѣлать изъ него все, что угодно. Великій князь вынесъ изъ его преподаванія лишь самыя поверхностныя, неглубокія знанія и не усвоилъ ничего положительнаго и законченнаго. Лагарпъ внушилъ ему любовь къ человѣчеству, къ справедливости и даже къ равенству и всеобщей свободѣ. Благодаря Лагарпу, свойственные великому князю благородные инстинкты не были задавлены окружающими предразсудками, дурными примѣрами, лестью и предубѣжденіями. Заслуга Лагарпа заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ внушить эти благородныя чувства русскому великому князю и развить ихъ. Но они запечатлѣлись въ умѣ Александра лишь въ видѣ общихъ фразъ. Не видно было, чтобы Лагарпъ пріучалъ его задумываться надъ тѣмъ, какъ громадны затрудненія при осуществленіи благихъ идей и какъ важно нелегкое искусство выбирать средства, нужныя для достиженія возможныхъ результатовъ.

Выборъ другихъ лицъ, которымъ было поручено руководство воспитаніемъ Александра, въ точномъ смыслѣ этого слова (такъ какъ на обязанности Лагарпа лежало только обученіе великаго князя), былъ таковъ, что могъ удивить всѣхъ понимающихъ людей.

Главный надзоръ за воспитаніемъ великихъ князей былъ возложенъ на графа Николая Салтыкова. Во время семилѣтней войны онъ занималъ второстепенныя должности и послѣ этого не состоялъ на дѣйствительной службѣ, что не помѣшало ему достичь высокихъ чиновъ въ арміи. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, съ большой головой, гримасникъ, съ разстроенными нервами, съ здоровьемъ, требовавшимъ постояннаго ухода, не носившій подтяжекъ и потому безпрестанно поддергивавшій одну изъ частей своего костюма. Онъ считался самымъ прозорливымъ изъ русскихъ придворныхъ вельможъ. Послѣ паденія фаворита Мамонова (Екатерина узнала, что Мамоновъ былъ въ связи съ одной изъ фрейлинъ; она позвала ихъ къ себѣ, тотчасъ же велѣла ихъ обвѣнчать и приказала имъ оставить дворъ) онъ съумѣлъ представить императрицѣ Платона

Зубова и заставить ее принять его благосклонно. Это обстоятельство и смерть князя Потемкина, очень разсерженнаго такимъ оборотомъ дѣла и говорившаго, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ вырвать этотъ „зубъ“ (зубъ -часть фамиліи Зубова), утвердили графа Салтыкова въ той силѣ, въ томъ вліяніи, какими онъ пользовался.

Черезъ графа Н. Салтыкова императрица Екатерина передавала свои порученія и дѣлала выговоры не только молодымъ великимъ князьямъ,—онъ являлся передатчикомъ словъ Екатерины и въ тѣхъ случаяхъ, когда она имѣла что-нибудь сказать великому князю Павлу. Графъ Салтыковъ иногда пропускалъ или смягчалъ особенно непріятныя или слишкомъ строгія слова въ приказахъ или выговорахъ императрицы своему сыну; точно такъ же поступалъ онъ и съ отвѣтами, которые приносилъ, замалчивая половину сказанныхъ ему вещей и смягчая остальное такимъ образомъ, что обѣ стороны оставались, насколько возможно, удовлетворенными взаимнымъ объясненіемъ. Хитрый посредникъ одинъ зналъ правду и хорошо остерегался, чтобы не проговориться. Быть можетъ, способность къ успѣшному выполненію такой роли и составляла достоинство графа, но все же слѣдуетъ признать, что человѣкъ, съ его замашками и характеромъ, очень мало подходилъ къ тому, чтобы руководить воспитаніемъ молодого наслѣдника престола и оказывать благотворное воздѣйствіе на его характеръ.

Графъ Н. Салтыковъ былъ главнымъ руководителемъ воспитанія обоихъ великихъ князей, но кромѣ того каждый изъ нихъ имѣлъ еще особаго воспитателя и приставленныхъ къ нему дядекъ. Выборъ обоихъ воспитателей былъ еще болѣе необычайнымъ, чѣмъ выборъ главнаго руководителя.

Великій князь Александръ былъ порученъ спеціальному наблюденію графа Протасова, у котораго не было иныхъ заслугъ, кромѣ того, что онъ былъ братомъ заслуженной фрейлины, старой фаворитки императрицы, въ сущности доброй особы, но объ обязанностяхъ которой позволяли себѣ раз-

сказывать тысячи необычайныхъ анекдотовъ. Воспитаніе великаго князя Константина было довѣрено графу Сакену. Это былъ человѣкъ небольшого ума, не умѣвшій заставить себя уважать; онъ служилъ предметомъ вѣчныхъ шутокъ и язвительныхъ насмѣшекъ своего ученика. Что касается графа Протасова, то я думаю, что не совершу несправедливости, оцѣнивая его, какъ полнѣйшую тупицу. Великій князь, не будучи насмѣшникомъ, не высмѣивалъ его, но никогда не питалъ къ нему ни малѣйшаго уваженія.

Что касается дядекъ, то выборъ ихъ опредѣлялся только фаворомъ. Исключеніе составилъ лишь Муравьевъ, котораго Александръ, по восшествіи на престолъ, хотѣлъ сдѣлать своимъ секретаремъ по пріему прошеній, а впослѣдствіи назначилъ попечителемъ московскаго учебнаго округа. Это былъ благородный человѣкъ и, какъ говорили, образованный, но такой необычной робости, что совершенно былъ неспособенъ вести дѣла. Я долженъ упомянуть еще о Будбергѣ, который нѣсколькими годами позже смѣнилъ меня въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Подобная среда могла привить только недостатки, и обнаруженныя Александромъ хорошія качества достойны тѣмъ большаго удивленія и похвалы, что онъ развилъ ихъ въ себѣ, несмотря на полученное воспитаніе и примѣры, которые были у него передъ глазами.

Къ концу пребыванія въ Таврическомъ дворцѣ, въ 1796 году,—то былъ послѣдній годъ жизни Екатерины и существованія ея Двора,—только и было разговоровъ, что о предстоящемъ вскорѣ пріѣздѣ молодого шведскаго короля, который долженъ былъ прибыть для вступленія въ бракъ со старшей изъ великихъ княженъ. Императрица приказала великимъ княжнамъ и фрейлинамъ усовершенствоваться во французской кадрили, которая была тогда въ большой модѣ при стокгольмскомъ дворѣ. Всѣ участвовавшіе въ придворныхъ танцахъ занимались этимъ дѣломъ цѣлыми днями.

Шведскій король былъ принятъ съ изысканной любезностью. Онъ пріѣхалъ съ своимъ дядей, регентомъ, герцогомъ Зюдерманландскимъ и съ многочисленной свитой. Шведскіе костюмы, походившіе на древне-испанскіе, производили красивое впечатлѣніе на пріемахъ, балахъ и празднествахъ, дававшихся въ честь молодого короля и его свиты; все дѣлалось только для нихъ; все вниманіе, вся любезность были устремлены на нихъ. Великія княжны танцевали только со шведами; никогда никакой дворъ не выказывалъ столько вниманія иностранцамъ.

Все это время, пока въ Зимнемъ дворцѣ шли празднества, а въ Таврическомъ ежедневно повторялись элегантно обставленные балы, концерты и катанія съ русскихъ горъ, шведскій король былъ принятъ великой княжной Александрой, какъ ея будущій женихъ. Она была рѣдкой красоты и чарующей доброты; знать ее—значило восхищаться ею, и ежедневныя бесѣды съ нею могли только усилить побужденія шведскаго короля соединиться семейными узами съ династіей Романовыхъ. Герцогъ Зюдерманландскій былъ того же мнѣнія и способствовалъ рѣшенію своего племянника пріѣхать въ Петербургъ. Пріѣздъ этотъ уничтожилъ всякія сомнѣнія насчетъ намѣреній короля. Оставалось только установить различныя формальности, условиться въ статьяхъ договора, заключеніе котораго, казалось, не представляло больше никакихъ затрудненій. Выполненіе этой работы,—которую уже и не называли негоціаціей, такъ какъ обѣ стороны были во всемъ согласны,—было возложено на Моркова. Зубовы выдвигали этого Моркова, чтобы имѣть возможность обойтись безъ графа Безбородко, не пожелавшаго склонить голову передъ Зубовыми и, несмотря на это, сохранившаго свое мѣсто и свое вліяніе у императрицы.

Спустя нѣсколько недѣль, проведенныхъ очень весело и съ большимъ блескомъ, день обрученія былъ назначенъ.

на..... *), оно должно было состояться вечеромъ. Архіепископы петербургскій и новгородскій, съ многочисленнымъ духовенствомъ, направились въ церковь, гдѣ долженъ бытъ происходить обрядъ. Придворныя дамы съ портретами, фрейлины, весь дворъ, министры, сенатъ, множество генераловъ были собраны и выстроены въ пріемномъ салонѣ. Нѣсколько часовъ длилось общее ожиданіе... Было уже поздно, когда стали замѣчать перешептыванія между тѣми, кто имѣлъ возможность узнать, въ чемъ было дѣло, и бѣготню взадъ и впередъ лицъ, торопливо входившихъ во внутренніе покои императрицы и возвращавшихся оттуда. Тамъ чувствовалось сильное волненіе. Наконецъ, послѣ четырехъ часовъ томительнаго ожиданія, намъ объявили, что обрядъ не состоится; императрица прислала просить у архіепископовъ извиненія въ томъ, что ихъ напрасно заставили явиться въ облаченіи; дамамъ, въ пышныхъ фижмахъ, и всѣмъ собравшимся, въ богатыхъ парадныхъ костюмахъ, было сказано, что они могутъ удалиться, ибо обрядъ отложенъ по причинѣ нѣкоторыхъ неожиданныхъ незначительныхъ препятствій. Но скоро стало извѣстно, что все было порвано. Графъ Морковъ, легкомысленный по своей самонадѣянности, невнимательный благодаря гордости и презрѣнію ко всему, что непосредственно его не касалось, былъ увѣренъ, что все устроится, и не позаботился о томъ, чтобы условія брака были выражены въ письменной формѣ и своевременно подписаны. Лишь только дѣло дошло до подписи, возникли препятствія.

Король Густавъ IV желалъ, чтобы русская княжна, будущая королева Швеціи, была ограничена въ свободѣ исполненія обрядовъ ея религіи въ Стокгольмѣ. Шведы, страстные протестанты, также подымали разсужденія по этому вопросу. Графъ Морковъ не обратилъ на это обстоятельство особаго вниманія и рѣшилъ, что нужно двигать дѣло и поступать

*) Точки въ подлинникѣ. Слѣдуетъ разумѣть 11 сентября.

такъ, какъ будто бы все уже было обсуждено, не давая шведамъ времени для размышленій, въ томъ разсчетѣ, что они не осмѣлятся отказаться отъ дѣла, которое зашло уже слишкомъ далеко; онъ полагалъ далѣе, что прекрасная наружность великой княжны довершитъ все то, чего не могла достичь ловкость русскаго министра. Но дѣла приняли не тотъ оборотъ, на какой разсчитывалъ Морковъ, полагаясь на свою прозорливость. Молодой король былъ самымъ ревностнымъ протестантомъ во всей Швеціи. Онъ никакъ не хотѣлъ дать своего согласія на то, чтобы у его жены была въ Стокгольмѣ православная церковь. Его министры, совѣтники, самъ регентъ, боясь послѣдствій оскорбленія, наносимаго Екатеринѣ, совѣтовали ему уступить ея желаніямъ и изыскать какое-нибудь среднее примирительное рѣшеніе, но все было напрасно. Вмѣсто того, чтобы поддаться этимъ убѣжденіямъ, Густавъ IV въ продолжительныхъ бесѣдахъ съ молодой великой княжной старался склонить ее на свою сторону и почти заставилъ ее дать обѣщаніе принять религію своего будущаго мужа и той страны, въ которой ей предстояло поселиться. Король отвергалъ всѣ предложенія графа Моркова, клонившіяся къ тому, чтобы уладить препятствія. Напрасно ему говорили, что онъ подвергаетъ Швецію опасности войны съ Россіей, если, зайдя уже такъ далеко, откажется отъ брачнаго союза передъ самымъ его совершеніемъ. Все было тщетно. Напрасно назначили день обрученія; напрасно ожидала торжества парадно одѣтая императрица, духовенство и весь собравшійся дворъ; ничто не тронуло Густава IV.

Это упорство молодого короля по отношенію къ требованіямъ Россіи и ея могущественной властительницы вначалѣ обезпокоило, затѣмъ испугало шведовъ, но, въ концѣ концовъ, понравилось имъ; ихъ тщеславію льстило, что король выказалъ столько характера. Оживленіе, вызванное въ Петербургѣ появленіемъ шведовъ, съ ихъ королемъ во главѣ, на слѣдующій же день послѣ описаннаго событія смѣнилось мрачнымъ

безмолвіемъ, разочарованіемъ, неудовольствіемъ. То былъ день рожденія одной изъ младшихъ великихъ княженъ (въ настоящее время вдовствующей королевы Голландіи). При дворѣ, слѣдовательно, былъ балъ. Императрица явилась съ своей вѣчной улыбкой на устахъ, но въ ея взглядѣ можно было замѣтить выраженіе глубокой грусти и негодованія; восторгались невозмутимой твердостью, съ которою она приняла своихъ гостей. Шведскій король и его свита имѣли натянутый, но не смущенный видъ. Съ обѣихъ сторонъ чувствовалась принужденность; все общество раздѣляло это настроеніе. Великій князь Павелъ принялъ раздраженный видъ, хотя я подозрѣваю, что ему не такъ ужъ былъ непріятенъ этотъ тяжелый промахъ правящихъ лицъ. Великій князь Александръ возмущался нанесеннымъ его сестрѣ оскорбленіемъ, но порицалъ во всемъ только графа Моркова. Императрица была очень довольна, видя, что внукъ раздѣляетъ ея негодованіе.

Теперь костюмы шведовъ и ихъ шляпы, украшенныя перьями, казалось, уже не плѣняли своей граціозностью и словно раздѣляли общую натянутость. Слава этихъ господъ померкла. На балу протанцевали нѣсколько менуэтовъ, показавшихся еще болѣе тяжеловѣсными, чѣмъ обыкновенно. Мой братъ былъ въ числѣ танцующихъ и танцевалъ очень хорошо. Черезъ два дня король со свитой уѣхалъ, и Петербургъ сталъ угрюмымъ и молчаливымъ. Всѣ были изумлены тѣмъ, что произошло; не могли себѣ представить, что „маленькій королекъ“ осмѣлился поступить такъ неуважительно съ самодержавной государыней всея Россіи. Какъ поступитъ она теперь? Немыслимо, чтобы Екатерина II проглотила нанесенную ей обиду и не захотѣла бы отомстить! Таковъ былъ общій голосъ. Это былъ предметъ всѣхъ салонныхъ разговоровъ въ городѣ.

При Дворѣ не было собраній. Великій князь Павелъ возвратился въ Гатчину, императрица не появлялась, оставаясь въ своихъ аппартаментахъ, и всѣ ожидали, что въ результатѣ этого уединенія будетъ принято какое-нибудь рѣ-

щеніе, которое заставить шведскаго короля раскаяться въ своемъ упрямствѣ. Ничего подобнаго не случилось, и побѣжденной оказалась сама императрица.

Былъ ноябрь, погода стояла туманная и холодная, вполнѣ соотвѣтствующая тому виду, какой приняли Дворъ и Зимній дворецъ послѣ недавно оживлявшихъ его празднествъ.

Великій князь Александръ продолжалъ совершать свои прогулки по набережной. Какъ-то разъ, въ ноябрѣ, онъ встрѣтилъ моего брата. Прогуливаясь, они остановились у дверей нашей квартиры. Я только что спустился внизъ, и мы всѣ трое разговаривали, какъ вдругъ явился придворный курьеръ, искавшій великаго князя, и сказалъ, что графъ Салтыковъ зоветъ его какъ можно скорѣе. Великій князь тотчасъ же послѣдовалъ за нимъ, не будучи въ состояніи отгадать, почему его вызвали такъ спѣшно. Скоро стало извѣстно, что съ императрицей случился апоплексическій ударъ. У нея давно уже сильно опухали ноги, но она не исполняла ни одного изъ предписаній врачей, которымъ она не вѣрила. Она употребляла народныя средства, которыя ей хвалили ея служанки. Перенесенное ею униженіе передъ шведскимъ королемъ было слишкомъ чувствительнымъ ударомъ для такой гордой женщины, какъ она. Можно сказать, что Густавъ IV сократилъ ея жизнь на нѣсколько лѣтъ. Въ этотъ день она встала по виду здоровой, пошла въ уборную и оставалась тамъ одна дольше, чѣмъ обыкновенно. Дежурный камердинеръ, видя, что она не возвращается, подошелъ къ двери, тихонько пріотворилъ ее и съ ужасомъ увидѣлъ императрицу, лежавшую безъ чувствъ. При приближеніи своего вѣрнаго Захара, она открыла глаза, поднесла руку къ сердцу, съ выраженіемъ страшной боли, и закрыла ихъ снова, уже навѣки. Это былъ единственный и послѣдній признакъ жизни и сознанія, проявившійся въ ней. Примчались врачи, въ продолженіе трехъ дней употреблялись всѣ средства, какія только были въ распоряженіи медицины, но все было безполезно.

На слѣдующій день извѣстіе о смертельной болѣзни императрицы распространилось по городу.

Тѣ, кто имѣлъ доступъ ко Двору, отправлялись туда, побуждаемые ужасомъ, страхомъ, взволнованные догадками о томъ, что будетъ. Городъ и Дворъ были въ смятеніи и тревогѣ. Большая часть присутствующихъ выражала искреннюю печаль. Было много и такихъ, блѣдныя и взволнованныя лица которыхъ выдавали страхъ передъ потерею преимуществъ, которыми они пользовались и, можетъ быть, передъ необходимостью дать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Мы съ братомъ вмѣстѣ съ прочими были свидѣтелями этой картины сожалѣній и паническаго страха. Князь Платонъ, съ взъерошенными волосами, полный ужаса, привлекалъ къ себѣ взоры всѣхъ. Онъ могъ испытывать только отчаяніе, какъ и всѣ тѣ, чью карьеру онъ устроилъ. Онъ то жегъ бумаги, могущія его скомпрометировать, то являлся узнавать, не подаютъ ли надежды употребленныя средства.

При Дворѣ былъ полный безпорядокъ, этикетъ больше не соблюдался. Мы проникли до той самой комнаты, въ которой на полу, на матрацахъ, лежала императрица, съ слабыми признаками жизни; ея грудь хрипѣла, какъ останавливающаяся машина.

Когда Зубовъ получилъ отъ врачей отвѣтъ, что нѣтъ больше ни надежды, ни возможности вернуть ее къ жизни, то, уничтоживъ раньше кучу бумагъ, онъ отправилъ графа Николая, своего брата, гонцомъ въ Гатчину, къ императору Павлу, чтобы увѣдомить его о положеніи, въ которомъ находилась императрица, его мать. Хотя Павла давно уже занимала мысль о тѣхъ счастливыхъ перемѣнахъ, какія повлечетъ за собой то событіе, о которомъ его теперь увѣдомили, все же онъ былъ пораженъ и пріѣхалъ въ Петербургъ сильно взволнованный, не зная, что его ожидаетъ, предполагая, что его мать еще можетъ выздоровѣть.

Пока Екатерина проявляла еще признаки жизни, хотя и находилась уже въ полномъ безпамятствѣ, Павелъ не пользовался властью, уже принадлежавшей ему, не показывался и сидѣлъ то близъ умирающей, то въ своихъ аппартаментахъ. Онъ являлся къ тѣлу, почти уже бездыханному, со всѣмъ своимъ семействомъ и повторялъ этотъ печальный визитъ по два раза въ день.

ГЛАВА VI.

1796—1797—1798.

Восшествіе на престолъ Павла I. Пріѣздъ Станислава-Августа. 1797 г. Коронація. Отношенія съ великимъ княземъ. Новосильцовъ и графъ Строгановъ принимаютъ участіе въ этихъ отношеніяхъ. Нашъ отъѣздъ въ отпускъ къ родителямъ. Возвращеніе въ Петербургъ. Смерть Станислава-Августа. 1798 г. Путешествіе въ Казань. Полная перемѣна при Дворѣ. Опала. Время страха и неувѣренности. Бракъ великой княгини Александры. Мой братъ уѣзжаетъ изъ Петербурга. Меня отсылаютъ къ сардинскому королю.

Никогда еще по сигналу свистка не бывало такой быстрой смѣны всѣхъ декорацій, какъ это произошло при восшествіи на престолъ Павла I. Все измѣнилось быстрѣе, чѣмъ въ одинъ день: костюмы, прически, наружность, манеры, занятія Воротники и галстухи носили до тѣхъ поръ довольно пышные, такъ что они, можетъ быть, черезчуръ уже закрывали нижнюю часть лица; теперь ихъ моментально уменьшили и укоротили, обнаживъ тонкія шеи и выдающіяся впередъ челюсти, которыхъ не было видно прежде. Передъ тѣмъ въ модѣ была элегантная прическа на французскій ладъ: волосы завивались и

закалывались сзади низко опущенными. Теперь ихъ стали зачесывать прямо и гладко, съ двумя туго завитыми локонами надъ ушами, на прусскій манеръ, съ завязаннымъ назадъ у самаго корня пучкомъ волосъ; все это было обильно напомажено, напудрено и напоминало наштукатуренную стѣну. До сихъ поръ щеголи старались придать болѣе изящный видъ своимъ мундирамъ и охотно носили ихъ разстегнутыми. Теперь же съ неумолимой строгостью вводилось платье прусскаго покроя, временъ стараго Фридриха, которое носила гатчинская армія. Парадъ сдѣлался главнымъ занятіемъ каждаго дня, и на этихъ парадахъ разыгрывались самыя важныя событія, подъ вліяніемъ которыхъ императоръ на всю остальную часть дня становился довольнымъ, или раздраженнымъ, снисходительнымъ и расточавшимъ милости, или строгимъ и даже ужаснымъ.

Вскорѣ гатчинская миніатюрная армія торжественно вступила въ Петербургъ. Она должна была служить образцомъ для гвардейцевъ и всей русской арміи. То былъ день волненій и безпокойствъ для обоихъ великихъ князей. Они получили приказъ стать во главѣ этого войска и вести его въ столицу. Предстояло явиться передъ публикой, плохо расположенной къ этому войску и, что было еще труднѣе,—угодить императору. Все обошлось благополучно.

Гатчинцы, предметъ особенной любви императора, выстроились въ боевомъ порядкѣ на большой площади передъ Зимнимъ дворцомъ, среди боязливо настроенной толпы народа, изумленной новымъ зрѣлищемъ и видомъ солдатъ, совершенно отличавшихся отъ тѣхъ, которыхъ всѣ привыкли видѣть. Войска хорошо продефилировали передъ императоромъ, который выразилъ сыновьямъ удовольствіе по поводу удачнаго выполненія этого перваго публичнаго акта его царствованія. Они были внѣ себя отъ радости. Вновь прибывшіе военные были вначалѣ размѣщены по домамъ петербургскихъ жителей, которые постарались хорошо принять ихъ. На улицахъ можно было встрѣтить гренадеръ въ остроконечныхъ

каскахъ прусскаго образца, мертвецки-пьяныхъ, падавшихъ въ канавы, такъ какъ ихъ хозяева не пожалѣли для нихъ вина. . . . .

Павелъ въ долгіе годы своего уединенія и ожиданія обдумалъ все, что былъ намѣренъ сдѣлать, какъ только власть окажется въ его рукахъ. Поэтому перемѣны и новости слѣдовали одна за другой съ невѣроятной быстротой. Гатчинцы были распредѣлены по тремъ полкамъ гвардейской пѣхоты и въ конной гвардіи; былъ сформированъ полкъ кавалергардовъ, получившій наскоро изготовленныя каски и кирасы. Эти защитные уборы были передъ тѣмъ упразднены въ русской арміи. Гатчинскіе офицеры быстро повышались въ чинахъ, и скоро старые военные были вынуждены или выходить въ отставку, или (такъ же, какъ и тѣ, которые блистали при Дворѣ) подчиниться командованію мало-образованныхъ, грубыхъ людей, совершенно неизвѣстныхъ, имена которыхъ упоминались въ разговорѣ только для того, чтобы надъ ними посмѣяться.

Во всемъ томъ странномъ и даже смѣшномъ, что примѣшивалось къ этимъ первымъ актамъ новаго царствованія, въ сущности, все же была и сторона серьезная и полезная; такъ, императоръ приказалъ, чтобы молодые придворные выбирали себѣ какой-нибудь родъ службы и отдавались ей. Вышло запрещеніе служить въ гвардіи кое-какъ, по-любительски. Съ этихъ поръ гвардейская служба приняла очень серьезный и даже тяжелый характеръ, и большая часть молодыхъ людей стала предпочитать гражданскую службу.

Какъ только Павелъ получилъ власть, первой его мыслью было оказать блестящія почести памяти своего отца, почести, которыя въ то же время служили какъ бы объявленіемъ обвинительнаго приговора надъ тѣми, кто былъ виноватъ въ его смерти.

Въ первые дни послѣ кончины императрицы и во все время, которое нужно было для бальзамированія ея тѣла, всѣ принадлежавшіе ко Двору,—дамы, дѣвицы, высшія должност-

ныя лица и кавалеры,—получили приказъ дежурить день и ночь во внутреннихъ покояхъ, у тѣла. Императоръ, императрица и вся семья являлись два раза въ день, чтобы помолиться и поцѣловать руку умершей.

Вскорѣ императоръ приказалъ вынуть изъ могилы останки своего отца, съ большой пышностью перенести ихъ изъ Невскаго монастыря въ Зимній дворецъ и поставить подлѣ тѣла императрицы Екатерины.

Еще оставалось въ живыхъ трое или четверо изъ тѣхъ, кого обвиняли въ соучастіи въ убійствѣ Петра III. Тогда они были солдатами или унтеръ-офицерами гвардіи, теперь стали уже знатными вельможами и занимали значительные посты.

То были, между прочимъ, маршалъ двора, князь Барятинскій, не пользовавшійся любовью, потому что онъ былъ глупъ, грубъ и ворчливъ, и генералъ-губернаторъ Бѣлоруссіи Пассекъ, адъютантъ императрицы. Этотъ титулъ въ предыдущее царствованіе считался очень высокимъ и давалъ большія преимущества; лицъ съ этимъ титуломъ было очень мало. Адъютантъ императрицы одинъ имѣлъ право носить трость, распоряжался во дворцѣ и охранялъ безопасность государыни. Пассекъ исчезъ въ день смерти Екатерины, а князь Барятинскій былъ совершенно уничтоженъ и умиралъ отъ страха. Онъ долженъ былъ, такъ же, какъ и другіе соучастники, дежурить у гроба Петра III и занимать назначенное ему мѣсто въ похоронной процессіи. Только графъ Алексѣй Орловъ, главный изъ дѣйствующихъ лицъ переворота, уложившаго Петра III въ могилу, ходилъ твердой поступью и старался имѣть спокойный видъ.

Императоръ Павелъ велѣлъ помѣстить оба гроба вмѣстѣ на парадное ложе, на которомъ они и были выставлены. Гробъ Екатерины былъ открытъ для поклоненія публики. Высшія должностныя лица, дамы съ портретами, фрейлины, придворные кавалеры, несли свою службу у параднаго ложа въ продолженіе шести недѣль, день и ночь. Это вызвало

много неожиданныхъ встрѣчъ и породило, благодаря такимъ необычайнымъ условіямъ, дружескія отношенія между тѣми лицами, которыя почти никогда ранѣе не встрѣчались, тогда какъ другіе, встрѣтившись здѣсь и проведя вмѣстѣ въ пріятной компаніи кряду двадцать четыре часа, никогда больше потомъ не видались.

По истеченіи шести недѣль состоялось погребеніе Екатерины и Петра, которыхъ везли вмѣстѣ и вмѣстѣ похоронили, въ одномъ склепѣ. Войска петербургскаго и окрестныхъ гарнизоновъ сопровождали похоронную процессію, и всѣ, кто принадлежалъ ко Двору и къ правительству, шли въ два ряда пѣшкомъ, на другой конецъ города, до Невскаго монастыря.*) Всѣмъ было строго предписано явиться въ траурныхъ костюмахъ, и предписаніе это было соблюдено. Пудра была изгнана съ причесокъ женщинъ и мужчинъ, тогда какъ самыя прически измѣнены не были, что безобразило всѣхъ. Похоронный кортежъ былъ необычайно длиненъ, церемонія похоронъ продолжалась въ теченіе всего дня.

Императоръ оставилъ для себя въ Зимнемъ дворцѣ аппартаменты, которые онъ занималъ, будучи великимъ княземъ. Пріемная зала бывала переполнена тѣми, кому разрѣшенъ былъ входъ. Сюда отправлялись, какъ на забавное представленіе, проводили цѣлые дни. Здѣсь шло безпрестанное движеніе, волненіе, суетня; камердинеры, адъютанты въ ботфортахъ бѣгали, натыкались другъ на друга, одни ища кого-нибудь, другіе неся приказы императора. Тѣ, кого звали, являлись, запыхавшись и не зная, что ихъ ожидаетъ; приглашенные въ первые дни выходили минуту спустя, большею частью съ радостными лицами, съ красной или голубой лентой черезъ плечо. Я видѣлъ, какъ выходилъ такимъ образомъ изъ кабинета съ

*) Авторъ воспоминаній допустилъ здѣсь ошибку: погребеніе было совершено не въ Невскомъ монастырѣ, а въ Петропавловскомъ соборѣ. Примѣч. перев.

голубой кавалерской лентой графъ Николай Зубовъ, пожалованный чиномъ оберъ-шталмейстера за то, что первымъ принесъ Павлу достовѣрное извѣстіе о его восшествіи на престолъ. Впрочемъ, это было время безпрерывныхъ метаморфозъ. Тѣ, кто былъ великъ и значителенъ при Екатеринѣ, за малыми исключеніями ввергались теперь въ забвеніе и ничтожество. Появлялись новыя лица и въ короткое время дѣлали себѣ неслыханную карьеру. Всѣ министры были смѣнены.

Князь Платонъ, походившій на низложеннаго принца, уѣхалъ въ свои владѣнія, въ Литву, въ обширныя помѣстья, данныя ему Екатериной. Желаніе поживиться этими помѣстьями было одной изъ причинъ двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши, и доходы съ нихъ съ избыткомъ могли окупить его путешествія. Онъ посѣтилъ нѣсколько городовъ Германіи. Вліяніе остроумныхъ и не отличавшихся суровыми добродѣтелями женщинъ подѣйствовало на него такъ, что онъ сильно измѣнился и утратилъ свой обычный видъ томной важности. Онъ пользовался преимуществами независимаго существованія, пока его честолюбіе и тщеславіе не внушили ему увѣренности въ томъ, что ему еще предназначено съиграть большую роль; вслѣдствіе этого онъ вновь явился въ Петербургъ и сдѣлалъ себя еще болѣе виновнымъ и несчастнымъ, чѣмъ когда-либо прежде.

Изъ всѣхъ бывшихъ министровъ Екатерины Павелъ отличилъ только графа Безбородко, въ виду его большой талантливости, высокой репутаціи, которою онъ пользовался, и въ особенности, вѣроятно, по той причинѣ, что онъ оказывалъ мало вниманія Зубовымъ во время наибольшаго расположенія къ нимъ Екатерины. Павелъ въ началѣ своего царствованія чувствовалъ въ немъ нужду. Онъ осыпалъ графа милостями, далъ ему княжескій титулъ, всегда совѣтовался съ нимъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы провести въ жизнь свои причуды, и удвоилъ его богатства, одаривъ землями и значительными денежными суммами.

Впрочемъ, выборомъ императора руководило главнымъ

образомъ особое побужденіе, всецѣло владѣвшее его умомъ. То была мысль окружить себя слугами, на которыхъ онъ могъ бы всецѣло разсчитывать, такъ какъ съ момента восшествія на престолъ онъ со страхомъ предчувствовалъ дворцовый переворотъ. Онъ роздалъ наиболѣе важныя мѣста людямъ самымъ ничтожнымъ, часто менѣе всего способнымъ исполнять свои новыя обязанности. Онъ набиралъ ихъ изъ тѣхъ, кто былъ при немъ въ Гатчинѣ, выискивалъ ихъ среди людей, которые нѣкогда дали доказательства своей вѣрности его отцу, или же среди ихъ потомковъ и родственниковъ. Онъ преслѣдовалъ и изгонялъ тѣхъ, кто пользовался расположеніемъ его матери, кто, благодаря уже одному этому, былъ ему подозрителенъ. Боязнь какой-нибудь измѣны служила постояннымъ, хотя и малоустойчивымъ мотивомъ его милостей и его поступковъ, въ продолженіе всего его царствованія. Онъ ошибся въ выборѣ, а въ особенности, въ употребленіи тѣхъ средствъ, которыя должны были обезпечить ему жизнь и власть и которыя, наоборотъ, ускорили его плачевный конецъ.

Изъ людей, казавшихся ему подозрительными, нѣкоторыхъ онъ преслѣдовалъ съ неумолимой жестокостью; тѣхъ же, которые остались на мѣстахъ или были имъ вновь призваны, онъ старался утвердить въ вѣрности при помощи щедрости, но они отплатили ему неблагодарностью. Ни одинъ государь не былъ болѣе ужасенъ въ своихъ жестокостяхъ и болѣе щедръ въ минуту великодушныхъ порывовъ. Но совершенно нельзя было быть увѣреннымъ въ его милостяхъ. Одного слова,— будь оно случайно или предумышленно,—одной тѣни подозрѣнія было достаточно для того, чтобы только что дарованныя имъ милости смѣнились преслѣдованіемъ. Наиболѣе любимые сегодня дрожали отъ мысли, что на завтра они могутъ быть удалены отъ Двора и отправлены въ далекую ссылку. Таково было состояніе страны въ продолженіе всего этого царствованія. Однако, императоръ хотѣлъ быть справедливымъ. Въ душѣ его, наряду съ капризами и безпорядоч-

ными вспышками, жило глубокое чувство справедливости, часто внушавшее ему поступки, достойные похвалы.

Случалось не разъ, что, подвергнувъ кого-нибудь все усиливающимся жестокимъ гоненіямъ, онъ вновь призывалъ къ себѣ такого человѣка, обнималъ его, почти просилъ у него прощенія, сознавался ему, что ошибся, что подозрѣвалъ его несправедливо, и осыпалъ его новыми щедротами, чтобы загладить свою вину. Страхъ, такъ часто испытываемый имъ самимъ, онъ внушалъ и всѣмъ чиновникамъ своей имперіи, и эта общая устрашенность имѣла благодѣтельныя послѣдствія. Въ то время, какъ въ Петербургѣ, въ центрѣ управленія, общая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ терзала и волновала всѣ умы, въ провинціяхъ губернаторы, генералъ-губернаторы и всѣ военные, боясь, чтобы злоупотребленія, которыя они позволяли себѣ, не дошли до свѣдѣнія императора, и чтобы въ одно прекрасное утро безъ всякаго разбора дѣла, не быть лишеннымъ мѣста и высланнымъ въ какой-нибудь изъ городовъ Сибири, стали болѣе обращать вниманія на свои обязанности, измѣнили тонъ въ обращеніи съ подчиненными, избѣгали позволять себѣ слишкомъ вопіющія злоупотребленія. Въ особенности, могли замѣтить эту перемѣну жители польскихъ провинцій, и царствованіе Павла еще и до сихъ поръ въ нашихъ мѣстахъ называютъ временемъ, когда злоупотребленія, несправедливости, притѣсненія въ мелочахъ, необходимо сопровождающія всякое чужеземное владычество, давали себя чувствовать всего слабѣе.

Первой и, безъ сомнѣнія, одной изъ наиболѣе великодушныхъ мыслей Павла, по восшествіи на престолъ, было рѣшеніе освободить польскихъ узниковъ.

Подобно своему отцу, посѣтившему въ тюрьмѣ Іоанна VI-го, онъ отправился самъ къ Костюшко, осыпалъ его заботами и вниманіемъ, сказалъ ему, что если бы онъ царствовалъ въ то время, то не согласился бы на раздѣлъ Польши, что онъ сожалѣетъ о совершеніи этого несправедливаго и неполитическаго

акта, но что теперь, когда раздѣлъ совершился, не въ его власти уничтожить этотъ актъ, и онъ долженъ его поддерживать.

По просьбѣ Костюшко, императоръ освободилъ одного за другимъ и всѣхъ остальныхъ заключенныхъ, потребовавъ, чтобы они принесли присягу въ вѣрности.

Исключеніе было сдѣлано только для графа Игнатія Потоцкаго; прежде, чѣмъ освободить его, потребовали ручательства за его поведеніе отъ всѣхъ поляковъ, находившихся въ Петербургѣ.

Каждый разъ, когда императору приходилось оставлять безъ исполненія ходатайства Костюшко о его соотечественникахъ, онъ извинялся передъ Костюшко, указывая на то, что вынужденъ былъ считаться съ представленіями министровъ, которые мѣшали ему слѣдовать влеченію сердца. Костюшко, подавленный грустью, покрытый еще не залеченными ранами, ослабѣвшій, носившій тогда на своемъ лицѣ выраженіе потерянной надежды и трогательной покорности Провидѣнію, полный угрызеній совѣсти въ томъ, что продолжаетъ жить, не съумѣвъ спасти отечество,—не могъ, конечно, въ виду такого состоянія внушать императору никакого страха и подозрѣнія. Онъ могъ лишь интересовать императора своею личностью и внушать ему симпатію. Императоръ часто посѣщалъ Костюшко, въ сопровожденіи всей императорской фамиліи, оказывавшей генералу вниманіе, я сказалъ бы, почти искреннюю нѣжность.

Великій князь Александръ, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ кто либо, раздѣлялъ эти великодушныя чувства, но его всецѣло поглощали тогда служебныя занятія, такъ что въ первое время я почти не могъ съ нимъ сходиться. Съ началомъ новаго царствованія мы встрѣчались рѣже и встрѣчаться было труднѣе, а невѣроятный страхъ передъ отцомъ мѣшалъ Александру лично выразить Костюшко свои давнія чувства.

Мы были призваны во дворецъ, чтобы подписать, каждый

въ отдѣльности, удостовѣреніе въ томъ, что маршалъ Потоцкій не предприметъ ничего противъ Россіи. Мы должны были поручиться въ этомъ на свой рискъ и страхъ. Обязательство это должно было быть написано каждымъ въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ. Собраніе было многочисленно. Князь Куракинъ, назначенный вице-канцлеромъ, присутствовалъ на этомъ собраніи и долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы документы эти ясно выражали ручательства, которыя мы на себя брали. Мы съ братомъ подписали, не колеблясь; съ давнихъ поръ мы питали глубокое уваженіе и слишкомъ сильную привязанность къ семьѣ графа Игнатія, чтобы колебаться дать это общее поручительство, которое одно только могло вернуть ему свободу. Были такіе, которые возражали; были и такіе, которые повернули спину, какъ только узнали цѣль собранія. Къ ихъ числу принадлежалъ графъ Ириней Хрептовичъ (сынъ канцлера Хрептовича, наиболѣе способствовавшаго тому, чтобы король Станиславъ-Августъ согласился на Торговицкую конфедерацію), который вскорѣ совсѣмъ обрусѣлъ. Тѣмъ не менѣе число подписей оказалось достаточнымъ, чтобы склонить императора къ освобожденію Игнатія.

Можно себѣ представить, какъ были счастливы узники, получивъ возможность вновь свидѣться другъ съ другомъ, послѣ такого долгаго и тяжелаго заключенія. То было счастье, смѣшанное съ горемъ и слезами.

Здѣсь собрались самые знаменитые члены великаго Сейма 1788—92 г.: графъ Потоцкій, графъ Тадеушъ Мостовскій, знаменитый Юліанъ Нѣмцевичъ, Закржевскій, городской голова Варшавы, извѣстный своей честностью, патріотизмомъ и выдающимся мужествомъ, генералъ Сокольницкій, добровольно сѣвшій съ нимъ въ заключеніе, чтобы не оставлять его, Килинскій и Капосташъ, уважаемые граждане Варшавы, первый хозяинъ сапожной мастерской, второй—мѣняльщикъ или банкиръ, оба пользовавшіеся заслуженнымъ вліяніемъ на населеніе Варшавы. Мы видѣлись съ ними ежедневно. Вскорѣ послѣ

счастливыхъ минутъ освобожденія и взаимныхъ свиданій всѣ должны были, къ общему прискорбію, разстаться.

Императоръ осыпалъ подарками генерала Костюшко, чтобы дать ему возможность независимой жизни, и тотъ вынужденъ былъ принять ихъ. Подарки эти тяготили его, и онъ вернулъ ихъ при письмѣ изъ Америки. Въ этомъ письмѣ ему вновь пришлось выразить личную благодарность, которою всѣ освобожденные отъ заключенія и онъ самъ, прежде всѣхъ, навсегда были обязаны императору Павлу.

Въ день Крещенія, — одинъ изъ самыхъ торжественныхъ праздниковъ православной церкви, когда происходитъ освященіе воды, былъ большой военный парадъ, какъ принято у русскихъ Императоръ хотѣлъ обставить этотъ парадъ особенной торжественностью. Гвардія и всѣ ближніе полки были собраны и выстроены на берегу Невы, между Зимнимъ дворцомъ и адмиралтействомъ. Туда сошла императорская фамилія. Придворнымъ данъ былъ приказъ явиться въ парадныхъ костюмахъ. Императоръ лично командовалъ арміей; онъ любилъ выдвигаться въ подобныхъ случаяхъ. Онъ и великіе князья продефилировали во главѣ войска передъ императрицей, великими княгинями и княжнами. Мнѣ казалось, что это дефилированіе никогда не кончится: холодъ былъ свыше 17 градусовъ по реомюру. Мы были одѣты въ шелковые чулки, шитые костюмы и пр. и стояли съ непокрытой головой; мы постарались надѣть внизъ что-нибудь потеплѣе, но это ни къ чему не привело и не помогло намъ: въ этотъ день я испыталъ муки замерзающаго человѣка. Я не чувствовалъ ни рукъ, ни ногъ; напрасно я переминался съ ноги на ногу и прыгалъ на мѣстѣ, какъ и многіе другіе, испытывавшіе такія же страданія и, подобно мнѣ, уже не обращавшіе больше вниманія на торжественность обстановки и приличіе, такъ какъ намъ почти угрожала смерть. Ледяной холодъ пронизывалъ насъ все больше и больше. Мнѣ казалось, что половина моего тѣла уже отмерзла. Наконецъ, не будучи болѣе въ силахъ выдерживать это мученіе, я ушелъ

домой, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ едва могъ отогрѣться. Память объ этомъ днѣ осталась у меня въ видѣ отмороженныхъ пальцевъ на рукахъ; они часто, при малѣйшемъ холодѣ, теряютъ всякую чувствительность.

Я уже говорилъ, что прежде чѣмъ пріѣхать въ Петербургъ, мы съ братомъ провели около шести мѣсяцевъ въ Гродно, гдѣ жилъ задержанный тамъ король нашъ Станиславъ-Августъ. Во время этого пребыванія мы являлись къ нему на обѣды, а по вечерамъ онъ дружески, по-родственному принималъ насъ.

Императоръ Павелъ, любившій дѣлать все иначе, чѣмъ его мать, тотчасъ по восшествіи на престолъ пригласилъ польскаго короля пріѣхать въ Петербургъ. Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, и великая княгиня Марія, его супруга, во время ихъ путешествія за границу, кажется, въ 1785 году, проѣзжали по югу Польши. Король Станиславъ-Августъ выѣхалъ изъ Варшавы, чтобы встрѣтить ихъ въ пути и устроить имъ въ своемъ королевствѣ пріемъ. Главный пріемъ былъ въ Висновицахъ, въ замкѣ, принадлежавшемъ графу Мнишекъ, гофмаршалу короны, мужу одной изъ племянницъ короля, дочери Подольскаго воеводы Замойскаго, который потомъ долго жилъ со своими дѣтьми въ Парижѣ и получилъ извѣстность недостаткомъ такта и постоянными недоразумѣніями.

Княжескій замокъ въ Висновицахъ принадлежалъ роду Вишневецкихъ, теперь уже прекратившемуся. Послѣдняя наслѣдница этого рода вышла замужъ за одного изъ Мнишковъ, потомка того Мнишка, дочь котораго нѣкоторое время занимала русскій тронъ. Аппартаменты замка были наполнены цѣнными историческими портретами; между прочимъ, тамъ были портреты знаменитой Марины и Димитрія и картины, изображавшія ихъ коронованіе въ Москвѣ.

Въ этомъ прекрасномъ помѣщеніи король Станиславъ-Августъ праздновалъ благополучное прибытіе русскаго великаго князя въ польское королевство. Станиславъ-Августъ умѣлъ быть любезнымъ и пріобрѣлъ расположеніе Павла; онъ

также съумѣлъ понравиться и великой княгинѣ Маріи. Между ними шли конфиденціальные разговоры, быть можетъ, были даны даже обѣщанія и, во всякомъ случаѣ, были поданы несбывшіяся никогда надежды, на тотъ случай, когда Павелъ получитъ власть, и у него явится возможность сторицею отблагодарить своего хозяина за великолѣпный и дружескій пріемъ, оказанный ему въ Польшѣ.

Говорятъ, что тогда у маршала Мнишка зародилась надежда на то, что доброе расположеніе наслѣдника Екатерины могло бы въ одинъ прекрасный день привести его къ избранію на престолъ, на который онъ, быть можетъ, считалъ себя въ правѣ претендовать, какъ наслѣдникъ Вишневецкихъ и потомокъ отца знаменитой царицы. Разсказывали даже, что во время одной изъ дружескихъ бесѣдъ великая княгиня, показывая свои бриліанты, чтобы лучше отмѣтить красоту одной діадемы изъ драгоцѣнныхъ камней, надѣла ее на голову племянницы короля, а затѣмъ на голову гофмаршала. „Я принимаю это, какъ предзнаменованіе“, будто бы сказалъ тотъ въ порывѣ наивности или глупаго тщеславія, о которомъ онъ, вѣроятно, пожалѣлъ черезъ минуту.

Павелъ, взойдя на престолъ, вспомнилъ про свое сближеніе со Станиславомъ-Августомъ и захотѣлъ выказать ему знаки своей дружбы. Императрица Марія не замедлила одобрить это намѣреніе. Императоръ предложилъ королю-узнику оставить Гродно и прибыть въ Петербургъ. Павелъ былъ очень радъ новому случаю показать себя великодушнѣе своей матери. Польскій король былъ принятъ въ Петербургѣ со всѣми почестями, которыя отдаютъ коронованнымъ особамъ. При его приближеніи къ столицѣ на встрѣчу ему были высланы камергеры и высшіе сановники, чтобы привѣтствовать его отъ имени императора и членовъ императорской фамиліи.

Императоръ предложилъ польскому королю одинъ изъ своихъ дворцовъ, прекрасно обставилъ его на свой счетъ и вообще желалъ сдѣлать пріятнымъ его пребываніе въ Петербургѣ. Импе-

раторъ и король устроили другъ другу банкеты и пріемы, и первое время ни одно облачко не затмило добраго согласія, казавшагося продолженіемъ дружественныхъ отношеній, установившихся въ Висновицахъ. Но никогда не заходило рѣчи о возвращеніи короля въ его королевство, исключая, быть можетъ, нѣкоторыхъ бесѣдъ въ томъ духѣ, въ какомъ императоръ говорилъ съ генераломъ Костюшко, возлагая вину польскаго раздѣла на императрицу Екатерину и оправдываясь невозможностью измѣнить уже совершившійся фактъ.

Первое время царствованія Павла отличалось неустройствомъ и безпорядочностью. То былъ безпрерывный рядъ поразительныхъ происшествій, необычайныхъ и смѣшныхъ сценъ, которыя, казалось, предвѣщали рѣзкую перемѣну въ государственныхъ отношеніяхъ и установленіе новаго порядка вещей, но только не по существу, а лишь по одной наружности.

Должностныя лица, генералы смѣщались съ изумительной быстротой. Отпуски добровольные и вынужденные давались во множествѣ. Новыя лица появлялись безпрестанно. Производства въ арміи происходили безъ всякой системы, безъ справокъ о способностяхъ тѣхъ, которымъ по давности службы давали такія мѣста, какихъ они никогда и не надѣялись достигнуть.

Императоръ въ своихъ рѣшеніяхъ руководился лишь однимъ желаніемъ, чтобы его воля немедленно исполнялась, хотя бы то были распоряженія, отданныя по первому побужденію и безъ всякихъ размышленій. Ужасъ, имъ внушаемый, заставлялъ всѣхъ съ трепетомъ и покорно опущенной головой подчиняться всѣмъ его приказаніямъ, самымъ неожиданнымъ и страннымъ. На парадахъ ежедневно происходили непріятныя или необычайныя сцены. Заслуженные офицеры и генералы по ничтожнымъ поводамъ, либо впадали въ немилость, либо получали отличія, которыя едва ли въ обычное время могли быть заслужены ими самыми неизвинительными ошибками или самыми крупными заслугами, оказанными государству.

Императоръ запретилъ ношеніе круглыхъ шляпъ, которое онъ считалъ признакомъ либерализма. Если кто-нибудь въ толпѣ, присутствовавшей на парадѣ, показывался въ круглой шляпѣ, адъютанты бросались въ догонку за виновнымъ, убѣгавшимъ со всѣхъ ногъ, чтобы избѣжать наказанія палками въ ближайшей кордегардіи. Это была настоящая охота, продолжавшаяся по улицамъ, передъ зрителями, которые забавлялись такимъ зрѣлищемъ, выражая пожеланія, чтобы несчастному бѣглецу удалось скрыться. Лордъ Витвортъ, англійскій посолъ, долженъ былъ сдѣлать себѣ особенной формы шляпу, въ которой онъ могъ бы гулять по утрамъ, не нарушая приказа императора.

Императоръ ежедневно объѣзжалъ городъ въ саняхъ или въ коляскѣ, въ сопровожденіи флигель-адъютанта. Каждый повстрѣчавшійся съ императоромъ экипажъ долженъ былъ остановиться: кучеръ, форейторъ, лакей были обязаны снять шапки, владѣльцы экипажа должны были немедленно выйти и сдѣлать глубокій реверансъ императору, наблюдавшему, достаточно ли почтительно былъ онъ выполненъ. Можно было видѣть женщинъ съ дѣтьми, похолодѣвшими отъ страха, выходящихъ на снѣгъ, во время сильнаго мороза, или въ грязь, во время распутицы, и съ дрожью привѣтствующихъ государя глубокимъ поклономъ. Императору все казалось, что имъ пренебрегаютъ, какъ въ то время, когда онъ былъ великимъ княземъ. Онъ любилъ всегда и всюду видѣть знаки подчиненія и страха, и ему казалось, что никогда не удастся внушить этихъ чувствъ въ достаточной степени. Поэтому, гуляя по улицамъ пѣшкомъ или выѣзжая въ экипажѣ, всѣ очень заботились о томъ, чтобы избѣжать страшной встрѣчи съ государемъ. При его приближеніи или убѣгали въ смежныя улицы или прятались за подворотни.

Была возможна еще другая страшная встрѣча, а именно съ ужаснымъ Архаровымъ, оберъ-полицеймейстеромъ, который также прогуливался по городу, чтобы наблюдать, все ли тамъ было

такъ, какъ предписывалось въ приказахъ. Слишкомъ быстрая ѣзда на саняхъ, столь любимая и распространенная въ Россіи, была запрещена. Если оберъ-полицеймейстеръ замѣчалъ экипажъ, который, какъ ему казалось, нарушалъ это запрещеніе, онъ моментально приказывалъ остановить его и, избивъ кучера палкой, оставлялъ на довольно долгое время экипажъ и лошадей въ своемъ пользованіи. Владѣлецъ же экипажа пѣшкомъ отправлялся домой. Мой братъ испыталъ однажды на себѣ эту скорую расправу. Выѣхавъ въ саняхъ, онъ имѣлъ несчастье встрѣтиться съ императоромъ и едва успѣлъ выскочить изъ саней. Проѣзжая, императоръ крикнулъ ему: „Вы могли разбить себѣ голову“. Едва братъ успѣлъ возвратиться домой, какъ страшный оберъ-полицеймейстеръ Архаровъ прислалъ, по приказу императора, за лошадьми и санями и пользовался ими всю недѣлю, послѣ чего вернулъ ихъ обратно.

Императоръ хотѣлъ установить при дворѣ такіе же порядки, какъ и на парадахъ, въ отношеніи строгаго соблюденія церемоніала при опредѣленіи, какъ должны были подходить къ нему и къ императрицѣ, сколько разъ и какимъ образомъ должны были кланяться.

Оберъ-церемоніймейстеръ обращался съ придворными грубо, какъ съ рекрутами, не обученными еще военнымъ упражненіямъ и не знавшими, съ какой ноги и въ какомъ порядкѣ маршировать. При церемоніи цѣлованія руки, повторявшейся постоянно при всякомъ удобномъ случаѣ, по воскресеньямъ и по всѣмъ праздникамъ, нужно было, сдѣлавъ глубокій поклонъ, стать на одно колѣно и въ этомъ положеніи приложиться къ рукѣ императора долгимъ и, главное, отчетливымъ поцѣлуемъ, при чемъ императоръ цѣловалъ васъ въ щеку. Затѣмъ, надлежало подойти съ такимъ же колѣнопреклоненіемъ къ императрицѣ и потомъ удалиться, пятясь задомъ, благодаря чему приходилось наступать на ноги тѣмъ, кто подвигался впередъ. Это вносило безпорядокъ, несмотря на усилія оберъ-церемоній-мейстера, пока Дворъ лучше не изучилъ этотъ маневръ и

пока императоръ, довольный выраженіемъ подчиненія и страха, которое онъ видѣлъ на всѣхъ лицахъ, самъ не смягчился въ своей строгости.

Въ первое время по его восшествіи на престолъ мы съ братомъ испытали на себѣ его суровость, которая еще не успѣла тогда смягчиться. Императоръ и императрица пожелали быть воспріемниками при крещеніи одного ребенка въ дворцовой церкви. Дежурные въ этотъ день, въ числѣ которыхъ были и мы, въ составѣ двухъ камергеровъ и двухъ камеръ-юнкеровъ, должны были быть наготовѣ, чтобы идти впереди ихъ императорскихъ величествъ, по выходѣ ихъ изъ аппартаментовъ. Мы опоздали и не были на своемъ посту. Императоръ, выйдя и не видя дежурныхъ, которые должны были его сопровождать, пришелъ въ страшный гнѣвъ. Мы явились, запыхавшись, и нашли придворныхъ, собравшихся передъ закрытою дверью церкви, сильно испуганныхъ тѣмъ, что съ нами будетъ и выражавшихъ намъ свое ужасное безпокойство по поводу ожидавшей насъ участи. Совершенно опечаленные, заняли мы мѣста у дверей церкви. Вскорѣ двери открылись. Императоръ вышелъ, прошелъ мимо насъ, бросая намъ угрожающіе взгляды, съ яростнымъ видомъ, сильно пыхтя, какъ это онъ дѣлалъ обыкновенно, когда былъ въ гнѣвѣ и хотѣлъ поразить ужасомъ. Мы, всѣ четверо, понесли легкое наказаніе,—домашній арестъ съ приказомъ не выходить.

Великій князь Александръ сталъ хлопотать за насъ, указывалъ на то, что насъ не предупредили во-время, и такъ хорошо защищалъ насъ, поддерживаемый Кутайсовымъ, бывшимъ въ то время брадобреемъ императора, что недѣли черезъ двѣ мы были освобождены изъ-подъ ареста. Вскорѣ послѣ этого мы перешли въ армію, слѣдуя общему постановленію, по которому придворные кавалеры должны были избирать себѣ какой-нибудь родъ службы. Въ арміи мы получили чины бригадировъ, равнявшихся чину камеръ-юнкеровъ. И по особой милости, дарованной намъ въ виду предпочтенія, оказываемаго намъ

обоими великими князьями, я былъ назначенъ адъютантомъ Александра, а мой братъ,-адъютантомъ Константина. Это назначеніе насъ обрадовало, такъ какъ оно приближало насъ къ великимъ князьямъ и, благодаря ему, мы освобождались отъ обязанностей при Дворѣ, къ исполненію которыхъ у насъ не было никакого призванія. Исполнять новыя наши обязанности было не тяжело. Онѣ заключались въ томъ, что мы должны были слѣдовать за великими князьями во время парадовъ, стоять позади нихъ въ то время, когда императоръ, сойдя на большую дворцовую площадь, проходилъ мимо выстроившихся въ линію офицеровъ, здоровался съ своими сыновьями, называя ихъ „Ваше Высочество", и возвращался на середину строя, чтобы приступить къ упражненіямъ, которыя обыкновенно предшествовали параду.

Въ качествѣ адъютантовъ мы имѣли доступъ къ великимъ князьямъ. Оба они были поглощены своими обязанностями при Дворѣ, въ семьѣ, въ военной службѣ и множествомъ мелочей, которыми должны были заниматься, какъ командиры двухъ гвардейскихъ полковъ. Утро, до обѣда, было поглощено этими занятіями, больше утомлявшими физически, чѣмъ доставлявшими пищу уму, хотя требовалось большое вниманіе, чтобы не сдѣлать ни малѣйшаго упущенія по службѣ.

Великій князь почти всегда обѣдалъ съ императоромъ. Послѣобѣденное время было единственнымъ моментомъ, когда съ нимъ можно было поговорить болѣе свободно, но онъ, большею частью, бывалъ очень утомленъ утренними выѣздами. Ему надо было немного отдохнуть, а затѣмъ наступало время идти вечеромъ къ императрицѣ. Итакъ, мы имѣли основаніе сожалѣть о нашихъ досугахъ въ Царскомъ Селѣ, которые, какъ я это и предчувствовалъ, никогда больше не повторились.

Къ веснѣ 1797 года императоръ отправился въ Москву на коронацію. Весь Петербургъ потянулся въ этомъ же направленіи. Зима уже близилась къ концу, но холода стояли

еще очень сильные. Завсегдатаи петербургскихъ салоновъ, лежа въ саняхъ, закутанные въ мѣха, встрѣчались и обгоняли другъ друга по дорогѣ въ Москву—кто скорѣе пріѣдетъ въ эту древнюю столицу? Москва имѣла тогда совсѣмъ особенный видъ, который, вѣроятно, измѣнился послѣ пожара и послѣ того, какъ она была перестроена по новому плану.

Она тогда представляла изъ себя скорѣе совокупность нѣсколькихъ посадовъ, чѣмъ одинъ городъ, потому что различныя части города отдѣлялись другъ отъ друга не только садами или парками, но обширными полями, частью вспаханными, частью лежавшими впустѣ. Отправляясь съ визитами, часто приходилось ѣхать больше часа для того, чтобы добраться до другой части города. Повсюду, на ряду съ безобразными лачугами, видны были роскошные дворцы, въ которыхъ жили Голицыны, Долгорукіе и разные другіе носители историческихъ именъ, въ своемъ аристократическомъ существованіи находившіе успокоеніе отъ испытанныхъ ими при Дворѣ огорченій или разочарованій. Посреди обширной старой части города возвышался кремль, нѣчто въ родѣ укрѣпленнаго замка, окруженнаго зубчатой стѣной, за которой въ видѣ безпрерывнаго базара помѣщались лучшія купеческія лавки. Старая резиденція великихъ князей московскихъ, полная памятниковъ старины, была мѣстомъ, гдѣ должно было произойти торжество коронованія. Императоръ и императорская семья, расположившіеся тамъ на это время, должны были довольствоваться весьма тѣснымъ помѣщеніемъ.

Коронаціонныя церемоніи продолжались нѣсколько дней. Императоръ съ семействомъ остановился на одну ночь за городской заставой. На слѣдующій день, въ сопровожденіи огромнаго кортежа, они торжественно въѣхали въ кремль. Здѣсь у собора митрополитъ московскій Платонъ, считавшійся самымъ умнымъ и самымъ ученымъ іерархомъ русской церкви, привѣтствовалъ императора текстами изъ священнаго писанія. Затѣмъ совершился обрядъ коронованія, послѣ чего всѣ воз-

вратились во дворецъ съ такой же торжественностью; наконецъ, состоялся царскій банкетъ, во время котораго императору, императрицѣ и ихъ семьѣ, находившимся на эстрадѣ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, прислуживали высшіе сановники. Въ теченіе нѣсколькихъ дней происходили еще разныя небольшія торжества, которыя я помню не особенно ясно. Императоръ умножалъ ихъ число; онъ страстно любилъ ихъ и думалъ, что въ обстановкѣ торжествъ онъ больше выдѣлялся и своей фигурой и своими хорошими манерами. Какъ только онъ появлялся въ публикѣ, онъ начиналъ идти размѣреннымъ шагомъ, напоминая героя античной трагедіи, и старался выпрямлять свою маленькую фигурку; но едва лишь онъ входилъ въ свои аппартаменты, какъ тотчасъ принималъ свою обычную походку, выдавая этимъ усталость, причиненную ему только что сдѣланными усиліями казаться величественнымъ и внушительно-изящнымъ.

Публичнымъ церемоніямъ предшествовали генеральныя репетиціи, для того чтобы каждый зналъ свое мѣсто и предназначенную ему роль. Мы съ братомъ, въ качествѣ адъютантовъ великихъ князей, присутствовали при этихъ репетиціяхъ. Императоръ, можно сказать, подобно дѣятельному, думающему обо всемъ импрессаріо, самъ занимался постановкой сценъ. Павелъ обнаруживалъ извѣстное кокетство, желая показать себя въ болѣе выгодномъ свѣтѣ передъ дамами. Однажды онъ захотѣлъ выступить во главѣ любимаго батальона своей гвардіи, съ алебардой въ рукахъ, чтобы самому отдать должныя почести императрицѣ, имъ же собственноручно коронованной.

Императоръ приказалъ польскому королю слѣдовать за нимъ въ Москву. Онъ требовалъ его присутствія на всѣхъ торжествахъ коронованія. Королю пришлось слѣдовать за блестящимъ кортежомъ, окружавшимъ императора и его семейство. Станиславъ-Августъ игралъ тамъ печальную роль. Когда во время необычайно длинныхъ церковныхъ службъ и

обрядовъ, предшествовавшихъ коронованію, измученный за день, Станиславъ-Августъ сѣлъ на предназначенное для него мѣсто на трибунѣ, императоръ, замѣтивъ это, послалъ сказать ему, что онъ долженъ встать и стоять все время, пока они будутъ въ церкви, чему бѣдный король поспѣшилъ повиноваться.

Послѣ окончанія коронаціонныхъ торжествъ императоръ съ семьей переѣхалъ изъ кремля въ другой дворецъ, болѣе обширный, называвшійся Петровскимъ и находившійся въ другой части города. Остальные дни, проведенные въ Москвѣ, императоръ посвятилъ празднествамъ, парадамъ и военнымъ упражненіямъ. Устроены были иллюминаціи и народное угощеніе, на подобіе того, какъ это дѣлалось въ Петербургѣ. Дворяне дали въ честь императора балъ, въ обширномъ помѣщеніи, гдѣ они собирались постоянно. Праздники эти совсѣмъ не были веселы и не удовлетворяли ни ту, ни другую сторону. Они все время были болѣе утомительны, чѣмъ пріятны, и всѣ гораздо болѣе радовались ихъ окончанію, чѣмъ возможности на нихъ присутствовать.

Многочисленныя депутаціи, присланныя отъ всѣхъ губерній имперіи, получили приказъ явиться для представленія императору и принесенія присяги. Депутаты польскихъ провинцій имѣли очень удрученный и смущенный видъ. Все это были граждане свободной Польши, лица извѣстныя въ своихъ воеводствахъ; многіе выдвинулись на послѣднемъ сеймѣ или занимали государственныя должности. Они видѣли своего низложеннаго короля, грустно сидящаго на трибунѣ, и проходили мимо него, чтобы на колѣняхъ принести присягу чужеземному государю, властелину ихъ отечества. Я съ грустью увидѣлъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ и не могъ порадоваться нашей встрѣчѣ. Я былъ пораженъ происшедшей въ нихъ перемѣной. На нихъ лежалъ отпечатокъ смущенія, страха, чего-то въ родѣ упадка моральной силы, чувства униженія, испытываемаго ими, благодаря необходимости присутствовать при этомъ торжествѣ.

Среди литовскихъ депутатовъ я встрѣтилъ Букатаго, занимавшаго въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Англіи постъ посланника короля и республики.

Это былъ простой въ обращеніи человѣкъ, съ большимъ здравымъ смысломъ. Онъ пріобрѣлъ уваженіе англичанъ и ихъ правительства. Нѣкоторые изъ его англійскихъ друзей въ знакъ привязанности дали при крещеніи своимъ дѣтямъ его имя, по англійскому обычаю. Я съ матерью часто обѣдалъ у него въ Лондонѣ. Тогда онъ былъ полнымъ и здоровымъ, чему немало способствовалъ портеръ; настроеніе духа у него было всегда веселое. Теперь я нашелъ его похудѣвшимъ, съ блѣдными, впалыми щеками; платье, ранѣе едва облегавшее его полноту, привезенное имъ, видимо, еще изъ Англіи, или сдѣланное по тому же покрою, теперь падало складками на его исхудавшемъ тѣлѣ. Онъ шелъ пошатываясь, съ опущенной головой. То былъ какъ бы образъ того, во что превратилась Польша. Ни одного слова утѣшенія или удовлетворенности нельзя было отъ него услышать. Мы пожали другъ другу руки на прощанье, и онъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, умеръ въ своей провинціи, въ Минскѣ.

Смерть Екатерины и восшествіе на престолъ императора Павла, приближавшее къ трону великаго князя Александра, ни въ чемъ до сихъ поръ не измѣнили политическихъ взглядовъ этого князя. Напротивъ, все, что произошло со времени этихъ событій, казалось, утвердило его въ его мнѣніяхъ, въ его личныхъ желаніяхъ и рѣшеніяхъ, въ осуществимость которыхъ онъ вѣрилъ. Когда у него оставалось нѣсколько свободныхъ минутъ послѣ утомительныхъ занятій по военной службѣ, которымъ онъ отдавался съ жаромъ, какъ потому, что любилъ ихъ, такъ и потому, что желалъ выполнить какъ можно лучше волю своего отца, внушавшаго ему постоянный страхъ, онъ всегда говорилъ мнѣ о своихъ планахъ и о будущемъ, которое онъ хотѣлъ приготовить Россіи. То причудливый, то пугающій, а иногда и жестокій деспотизмъ его отца, послѣд-

ствія этого деспотизма, какъ немедленныя, такъ и тѣ, которыхъ надо было бояться въ будущемъ, производили сильное и тяжелое впечатлѣніе на благородную душу великаго князя, преисполненнаго мыслями о свободѣ и справедливости. Въ то же время его ужасали огромныя трудности его положенія, которыя ему суждено было испытать въ ближайшемъ времени. Предстоявшій ему въ будущемъ обрядъ коронованія и всѣ связанныя съ нимъ торжества, совершенно противорѣчившіе его тогдашнимъ принципамъ и природнымъ наклонностямъ, вызывали въ немъ усиленный духъ протеста.

Мы съ братомъ добились трехмѣсячнаго отпуска и собирались уѣхать изъ Москвы прямо въ Польшу къ нашимъ родителямъ. Великій князь былъ опечаленъ и обезпокоенъ тѣмъ, что близъ него не останется никого, кто бы его понималъ и кому бы онъ могъ довѣриться. Безпокойство его усиливалось по мѣрѣ того, какъ приближалось время нашего отъѣзда и разлуки на нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, онъ попросилъ меня составить ему проектъ манифеста, которымъ онъ желалъ бы объявить свою волю въ тотъ моментъ, когда верховная власть перейдетъ къ нему. Напрасно я отказывался отъ этого, онъ не оставилъ меня въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока я не согласился изложить на бумагѣ мысли, безпрестанно его занимавшія. Чтобы успокоить его, надо было исполнить его желаніе, которое все болѣе волновало его и которое онъ высказывалъ все настойчивѣе. Итакъ, я, хотя и наскоро, но какъ только могъ лучше составилъ этотъ проектъ манифеста. Это былъ рядъ разсужденій, въ которыхъ я излагалъ неудобства государственнаго порядка, существовавшаго до сихъ поръ въ Россіи, и всѣ преимущества того устройства, которое хотѣлъ дать ей Александръ; я разъяснялъ блага свободы и справедливости, которыми она будетъ наслаждаться послѣ того, какъ будутъ удалены преграды, мѣшавшія ея благоденствію; затѣмъ провозглашалось рѣшеніе Александра, по выполненіи этой великой задачи, сложить съ себя власть для того, чтобы явилась

возможность призвать къ дѣлу укрѣпленія и усовершенствованія предпринятаго великаго начинанія того, кто будетъ признанъ болѣе достойнымъ пользоваться властью.

Нѣтъ надобности говорить, какъ мало эти прекрасныя разсужденія и фразы, которыя я старался связать какъ можно лучше, были примѣнимы къ дѣйствительному положенію вещей. Александръ былъ въ восторгѣ отъ моей работы; она соотвѣтствовала его тогдашней фантазіи, очень благородной, но въ сущности и очень эгоистичной, потому что, желая создать счастье своего отечества такъ, какъ оно ему тогда представлялось, онъ хотѣлъ въ то же время оставить за собой свободную возможность отстраниться отъ власти и положенія, которыя его страшили и были ему не по душѣ, и устроить себѣ спокойную и пріятную уединенную жизнь, откуда онъ въ часы досуга могъ бы издали наслаждаться совершеннымъ имъ добрымъ дѣломъ. Александръ, очень довольный, спряталъ бумагу въ карманъ. Онъ горячо поблагодарилъ меня за мою работу. Это успокоило его относительно будущаго. Ему казалось, что съ этой бумагой въ карманѣ онъ уже подготовленъ къ событіямъ, которыя судьба могла неожиданно послать ему: странное и почти невѣроятное вліяніе иллюзій и мечтаній, которыми убаюкиваетъ себя молодость, даже въ такихъ условіяхъ, при которыхъ душа очень рано расхолаживается внушеніями опыта. Я не знаю дальнѣйшей судьбы этой бумаги. Думаю, что Александръ никому ее не показывалъ, со мной же онъ больше никогда о ней не заговаривалъ. Я думаю, что онъ ее сжегъ, понявъ безразсудство документа, который я долженъ былъ составить по его требованію. Работая надъ его составленіемъ, я ни на минуту не сомнѣвался въ его безцѣльности.

Въ то время, какъ мы занимались этими мечтательными проектами, одно новое обстоятельство придало намѣреніямъ великаго князя болѣе практическій характеръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, я чаще всего бывалъ въ домѣ графа Строганова. Я какъ бы вошелъ въ ихъ семью. Дружба

и любовь, выказанныя по отношенію ко мнѣ старымъ графомъ, оставили во мнѣ воспоминаніе, которое всегда будетъ мнѣ дорого и къ которому я мысленно возвращаюсь съ чувствомъ большой благодарности. Я близко сошелся, какъ это бываетъ между молодыми людьми почти однихъ лѣтъ, съ его сыномъ, графомъ Павломъ Строгановымъ, и съ его другомъ, Новосильцовымъ, воспитанникомъ и любимцемъ семьи, приходившимся имъ дальнимъ родственникомъ. Молодая графиня была чрезвычайно изящна, добра, умна и любезна; не будучи очень красивой, она обладала болѣе цѣннымъ, чѣмъ красота, — даромъ нравиться, очаровывать всѣхъ, кто ее зналъ.

Старый графъ Строгановъ долго жилъ въ Парижѣ, при Людовикѣ XV. Онъ желалъ, какъ большая часть русскихъ баръ, чтобы сына его воспитывалъ французъ. Онъ даже отправилъ сына во Францію, съ его наставникомъ Роммомъ; мнѣ говорили, что это былъ умный и добрый человѣкъ, восторженный поклонникъ Жанъ-Жака Руссо; онъ намѣревался сдѣлать изъ своего ученика Эмиля.

Старый графъ, человѣкъ съ благородными наклонностями и любящимъ сердцемъ, склонялся на сторону нѣкоторыхъ ученій женевскаго философа и ничего не имѣлъ противъ этого плана. Поэтому графъ Павелъ былъ предоставленъ своему воспитателю, который заставлялъ его путешествовать пѣшкомъ и старался дать ему воспитаніе, повидимому, черезчуръ ужъ точно согласованное съ заповѣдями Руссо. Когда вспыхнула французская революція, съ гордостью объявлявшая себя слѣдствіемъ проповѣди того же философа, Роммъ отдался ей всей душой и хотѣлъ соединить долгъ гражданина съ тѣми обязанностями, которыя онъ взялъ на себя по отношенію къ своему ученику. Представился рядъ случаевъ на дѣлѣ показать осуществленіе тѣхъ идей, которыя онъ старался привить ему въ теоріи. Онъ поспѣшилъ дать своему воспитаннику возможность принять участіе въ собраніяхъ и въ революціонныхъ сценахъ, которыя слѣдовали тогда во Франціи одна за другой, съ устрашающей

стремительностью. Гувернеръ и ученикъ скоро присоединились къ клубу якобинцевъ и регулярно посѣщали ихъ засѣданія. Старый графъ былъ извѣщенъ объ этомъ русскимъ посольствомъ, находившимся еще въ Парижѣ; думаю, что ему писалъ объ этомъ и самъ Роммъ, который воображалъ, что онъ всего лучше завершитъ взятую на себя задачу, предоставивъ своему ученику возможность участвовать въ практическомъ примѣненіи своихъ идей.

Отправили во Францію Новосильцова съ тѣмъ, чтобы онъ вырвалъ своего молодого друга изъ рукъ учителя, рвеніе котораго становилось черезчуръ опаснымъ. Новосильцовъ справился съ своимъ порученіемъ весьма искусно. Онъ съумѣлъ преодолѣть сопротивленіе Ромма и жалобы послѣдняго на то, что хотятъ разлучить двухъ друзей, такъ хорошо понимавшихъ другъ друга. Новосильцовъ принудилъ молодого графа отрѣшиться отъ привязанности, которую внушилъ ему къ себѣ его гувернеръ, и привезъ его обратно къ отцу. Вернувшись въ Петербургъ, молодой графъ понялъ, какому риску подвергался. Его взгляды совершенно измѣнились, хотя онъ навсегда сохранилъ въ своемъ характерѣ и въ нравственныхъ воззрѣніяхъ нѣкоторыя черты, привитыя первоначальнымъ воспитаніемъ.

Въ домѣ Строгановыхъ всегда господствовалъ такъ называемый либеральный и немного фрондирующій тонъ; тамъ охотно злословили относительно того, что происходило при Дворѣ. Несмотря на это, императрица Екатерина хорошо относилась къ старому графу. Она любила въ немъ человѣка, посѣщавшаго ея старыхъ друзей, энциклопедистовъ, и бывшаго не чуждымъ всему тому, что происходило и говорилось въ ихъ средѣ. Это давало ему возможность по временамъ говорить откровенно о самой императрицѣ, даже въ ея присутствіи. Онъ мнѣ часто разсказывалъ, что, имѣя право присутствовать при туалетахъ императрицы, куда допускались, по старому обычаю, лишь самые знатные придворные вельможи, онъ находился тамъ и въ тотъ день, когда государыня готовилась принять на аудіенціи

депутацію Торговицкой конфедераціи. Депутація эта явилась, чтобы выразить ей благодарность за „отмѣнныя благодѣянія“, которыя она излила на Польшу (лишивъ ее конституціи 3-го мая, навязавъ ей старые анархическіе порядки и вскорѣ затѣмъ похитивъ у нея вторымъ раздѣломъ ея лучшія провинціи). Когда доложили о прибытіи депутаціи и императрица собралась выйти въ тронный залъ для выслушанія ожидаемыхъ привѣтственныхъ рѣчей (противорѣчившихъ всякой истинѣ), графъ Строгановъ засмѣялся и сказалъ: „Ваше Величество не будете затруднены отвѣтомъ на краснорѣчивыя благодарности этихъ господъ; вы какъ разъ будете имѣть подходящій случай сказать имъ: право, не стоитъ благодарности“. Шутка эта не понравилась императрицѣ. Она холодно промолчала и вышла принять изъявленія почтенія и благодарности, нелѣпость которыхъ она, вѣроятно, чувствовала. Монархи должны были бы избавлять тѣхъ, кого они угнетаютъ, отъ необходимости говорить ложь, которая никого не можетъ обмануть.

Услуга, которую оказалъ Новосильцовъ семьѣ Строгановыхъ, привезя въ Россію молодого графа, еще больше укрѣпила чувства, которыя питали къ нему и раньше отецъ и сынъ. Онъ былъ совѣтчикомъ, почти распорядителемъ въ семьѣ, при всякихъ обстоятельствахъ; онъ гордился тѣмъ, что имѣлъ независимый характеръ, поступалъ сообразно съ разъ уже принятыми взглядами, никогда имъ не измѣнялъ и не переносилъ никакого несправедливаго принужденія. Онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ принцу Нассаускому, когда тому поручено было командованіе русской флотиліей противъ шведовъ, и состоялъ при немъ также при осадѣ Варшавы въ 1794 г. Онъ считалъ, что заслужилъ георгіевскій крестъ, и съ негодованіемъ отвергъ орденъ Владиміра, которымъ хотѣла наградить его императрица. Онъ упорно хотѣлъ отослать его обратно и только съ большимъ трудомъ удалось успокоить его, представляя ему опасности, которымъ онъ подвергалъ себя такимъ вызывающимъ поступкомъ. Наконецъ, онъ согласился носить

свой владимірскій крестъ послѣ того, какъ къ нему былъ прибавленъ еще бантъ, означавшій, что орденъ былъ полученъ въ награду за военные подвиги.

Новосильцовъ былъ уменъ, проницателенъ, обладалъ большой способностью къ работѣ, парализовавшейся только чрезвычайной любовью къ чувственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, что не мѣшало ему много читать, успѣшно изучать состояніе промышленности и пріобрѣсти основательныя знанія въ области законовѣдѣнія и политической экономіи. На ряду съ изученіемъ этихъ наукъ, онъ предавался поверхностному философствованію о многихъ вещахъ, стремясь быть свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ, что, однако, нисколько не вредило благородству его характера. Его благородныя свойства еще съ большей силой отражались, какъ въ зеркалѣ, въ молодомъ Строгановѣ. Ихъ взгляды, ихъ чувства носили отпечатокъ справедливости, искренности, европейскаго просвѣщенія, неизвѣстнаго въ то время въ Россіи; я не устоялъ передъ этимъ, и между нами возникла тѣсная дружба и взаимное довѣріе, о чемъ я уже говорилъ раньше. Они часто разспрашивали меня о великомъ князѣ. Я считалъ себя вправѣ, соблюдая нѣкоторую осторожность, довѣрить имъ часть признаній, сдѣланныхъ мнѣ великимъ княземъ, а также и его благородныя намѣренія. Они поняли чрезвычайно важное значеніе того, что я имъ сообщилъ.

Я сказалъ великому князю о моихъ друзьяхъ. Графъ Павелъ уже раньше привлекъ его вниманіе; я сообщилъ великому князю, что убѣжденія этихъ людей сходились съ его убѣжденіями, что можно было положиться на ихъ чувства и ихъ скромность, что они желали бы видѣть его частнымъ образомъ, предложить ему свои услуги и выяснить себѣ, какъ придется дѣйствовать въ будущемъ, чтобы пойти навстрѣчу его благороднымъ побужденіямъ. Великій князь согласился пріобщить ихъ къ своей тайнѣ и сдѣлать ихъ соучастниками своихъ замысловъ. Это сближеніе началось въ Петербургѣ, послѣ вос-

шествія на престолъ императора Павла, но завершилось только въ Москвѣ, во время коронаціи. Было условлено собраться въ опредѣленный день и часъ въ какомъ-нибудь малозамѣтномъ мѣстѣ, куда придетъ и великій князь.

Новосильцовъ приготовился къ совѣщанію. Онъ перевелъ на русскій языкъ отрывокъ изъ одного французскаго сочиненія, названіе котораго я не могу вспомнить, гдѣ какъ разъ рѣчь шла о совѣтахъ, данныхъ одному молодому князю, которому предстояло взойти на престолъ и который желалъ узнать, какъ лучше можно было бы осчастливить свое государство.

Записка Новосильцова представляла собой лишь введеніе, въ которомъ вопросъ разсматривался въ самой общей формѣ, безъ подробнаго и основательнаго разбора отдѣльныхъ отраслей управленія. Этотъ пробѣлъ предстояло пополнить въ слѣдующей запискѣ, но она такъ и не была составлена. Между тѣмъ этотъ общій и бѣглый набросокъ обязанностей главы государства и тѣхъ трудовъ, которые должны занимать его, былъ выслушанъ великимъ княземъ съ вниманіемъ и удовольствіемъ. Это были хорошо составленные краткіе обзоры и общія схемы того, что можетъ лечь въ основу благополучія народовъ, съ очеркомъ необходимыхъ для того мѣропріятій. Авторъ включилъ туда краснорѣчивыя обращенія къ благородному и патріотическому сердцу монарха. Новосильцовъ писалъ изящнымъ русскимъ языкомъ; его стиль былъ ясенъ и казался мнѣ гармоничнымъ. Великій князь осыпалъ его похвалами и увѣрилъ его, а также и графа Павла, что раздѣляетъ принципы, высказанные въ этой статьѣ, и что эти принципы вполнѣ соотвѣтствуютъ его собственнымъ убѣжденіямъ. Онъ уговаривалъ Новосильцова работать надъ этимъ произведеніемъ, окончить его и отдать ему, чтобы онъ могъ лучше обдумать его содержаніе и когда-нибудь осуществить на практикѣ эти теоретическія предположенія. Съ этого дня молодой графъ и Новосильцовъ стали дѣлить довѣріе, оказанное мнѣ великимъ княземъ и были допущены къ участію

въ нашемъ союзѣ, долго остававшемся въ тайнѣ, что привело впослѣдствіи къ серьезнымъ результатамъ.

Результаты эти и даже уже самое посвященіе въ проекты великаго князя двухъ ревностныхъ русскихъ патріотовъ, должны были уничтожить одну за другой иллюзіи нашихъ первыхъ грезъ, такихъ обольстительныхъ: для меня потому что съ ними соединялись надежды на независимость моего отечества, для великаго князя — потому что эти грезы навѣвали на него мечту о возможности устроить для себя уединенное и покойное существованіе. Мечты эти все же не были покинуты сразу. Онѣ держались вопреки дѣйствительности, уничтожавшей ихъ капля за каплей. Великій князь всегда возвращался къ нимъ, искалъ въ нихъ утѣшенія отъ перспективъ того близкаго будущаго, тяжесть котораго онъ вполнѣ сознавалъ. Онъ не рѣшался порвать съ надеждами на болѣе отдаленное будущее, которое въ большей мѣрѣ отвѣтило бы его желаніямъ и которое онъ представлялъ себѣ въ своемъ воображеніи въ такихъ привлекательныхъ краскахъ, что даже послѣ только что приведеннаго мною разговора, онъ все еще настаивалъ на необычайномъ манифестѣ, о которомъ я упомянулъ ранѣе.

Двое новыхъ друзей замѣтили склонность великаго князя къ спокойной жизни, не обремененной тѣми заботами, которыя должно наложить на него принятіе короны. Они основательно говорили, что это не способствовало бы ни его славѣ, ни интересамъ страны, счастье которой ему будетъ довѣрено и которое должно было составить его единственную цѣль. Они, при всякомъ удобномъ случаѣ, возставали противъ этой эгоистической наклонности, дѣлая видъ, что ничего не знаютъ о его намѣреніяхъ. Я же выслушивалъ сочувственно желанія великаго князя, потому что они были для меня понятны. Я не могъ порицать ихъ всецѣло, хотя и не скрывалъ отъ него того, что многое въ этихъ желаніяхъ представлялось мнѣ неосуществимымъ. Результатомъ этого было его бóльшее довѣріе ко

мнѣ, долго державшееся, съ различными колебаніями, на воспоминаніи о нашей первой дружбѣ и прекратившееся только послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга.

На нашемъ совѣщаніи во время коронаціи было рѣшено, что Новосильцовъ, бывшій на дурномъ счету изъ-за взглядовъ, въ которыхъ его подозрѣвали и изъ-за слишкомъ свободнаго поведенія, которымъ онъ себя зарекомендовалъ, оставитъ Россію на время царствованія Павла, или до тѣхъ поръ, когда его можно будетъ вызвать обратно, и отправится въ Англію. Великій князь досталъ ему паспортъ черезъ Растопчина, который завѣдывалъ тогда военными дѣлами и начиналъ укрѣплять свое вліяніе при императорѣ Павлѣ.

Растопчинъ былъ однимъ изъ усердныхъ посѣтителей Гатчины и Павловска до восшествія на престолъ Павла I. Это былъ, я думаю, единственный умный человѣкъ, привязавшійся къ Павлу до его воцаренія. Великій князь Александръ, преданный отцу въ царствованіе Екатерины, выдѣлилъ среди другихъ графа Растопчина, почувствовавъ къ нему уваженіе и дружбу. Придворныя интриги потомъ все это измѣнили, и между ними установилась холодность и несогласіе; но въ этотъ моментъ они еще поддерживали прежнія хорошія отношенія. Кромѣ того, Растопчинъ былъ также въ прекрасныхъ отношеніяхъ и съ Новосильцовымъ, такъ какъ оба они принадлежали къ числу фрондеровъ. По просьбѣ великаго князя Растопчинъ обѣщалъ ему достать паспортъ для Новосильцова. Между тѣмъ, когда передъ отъѣздомъ изъ Москвы я пришелъ отъ имени великаго князя напомнить ему объ его обѣщаніи, онъ выразилъ нетерпѣніе и подозрѣніе относительно важнаго, какъ онъ говорилъ, политическаго значенія, которое, казалось, придавали этому путешествію. Тѣмъ не менѣе, Новосильцовъ получилъ, наконецъ, свой паспортъ и уѣхалъ въ Петербургъ, откуда отправился въ Англію. За время пребыванія въ этой странѣ, въ теченіе всего царствованія Павла, онъ усовершенствовался въ познаніяхъ, которыя пріобрѣлъ раньше, и хорошо приня-

тый графомъ Воронцовымъ, русскимъ посломъ въ Англіи, завязалъ знакомства, которыя вскорѣ оказались для него полезными.

Получивъ трехмѣсячный отпускъ, мы съ братомъ и съ добрымъ Горскимъ уѣхали въ Пулавы, гдѣ насъ нетерпѣливо ждали наши родители, послѣ двухлѣтняго отсутствія, стоившаго имъ столькихъ безпокойствъ и заботъ. Сладки были часы, проведенные съ ними въ мѣстахъ, гдѣ протекла наша счастливая юность. Но перспектива близкаго отъѣзда омрачала наше счастье, а заботы о Петербургѣ мѣшали намъ наслаждаться имъ вполнѣ. Наши головы были полны мыслями о свойствахъ великаго князя, о надеждахъ, которыя подавали намъ наши взаимныя отношенія. Родители слушали наши признанія, наши радостные разсказы, съ удивленіемъ и безпокойствомъ, сомнѣваясь въ основательности нашихъ заманчивыхъ надеждъ. Въ Пулавахъ я получилъ нѣсколько писемъ отъ великаго князя, полныхъ выраженій дружбы, пересланныхъ мнѣ при разныхъ удобныхъ случаяхъ, между прочимъ черезъ палатина эрцгерцога, только что вступившаго въ бракъ съ великой княжной Александрой. Это способствовало тому, что значительно позднѣе, въ 1812 году, проѣзжая черезъ Пештъ, я встрѣтилъ милостивый пріемъ съ его стороны.

Отецъ, по нашимъ разсказамъ, сравнивалъ теперешній Петербургъ съ тѣмъ, какимъ онъ былъ въ то время, когда отецъ пріѣзжалъ къ русскому двору при Елизаветѣ, когда Петръ III былъ еще великимъ княземъ, или же въ первые годы царствованія Екатерины II. Мать безпокоилась о нашей безопасности. Она боялась, чтобы на насъ не донесли, не открыли цѣли нашихъ сношеній съ великимъ княземъ. На этомъ вертѣлись всѣ наши разговоры. Во время нашего пребыванія въ Пулавахъ нѣсколько разъ распространялись благопріятные для Польши слухи. Они держались всего по нѣскольку дней, въ виду ихъ невѣроятности. Съ жадностью встрѣчаемые каждый разъ польскимъ обществомъ, они порождали затѣмъ необычайное уныніе и упадокъ духа.

Губернаторъ Галиціи Эрмоинъ графъ Эрдеди пріѣзжалъ въ это время отдать визитъ моему отцу. *) Венгерецъ по происхожденію, онъ былъ увлеченъ одной мыслью, о которой постоянно твердилъ. Ему хотѣлось убѣдить поляковъ въ томъ, что для нихъ было бы всего выгоднѣе присоединиться къ Венгріи, потому что, говорилъ онъ, австрійскій императоръ, если и заставилъ уважать свои притязанія на Галицію, то лишь въ качествѣ венгерскаго короля. Такая рѣчь въ устахъ высшаго должностного лица Австріи доказывала, какъ еще силенъ былъ въ то время мадъяризмъ. Присоединеніе къ Венгріи, если бы оно было возможно, принесло бы, безъ сомнѣнія, большія матеріальныя выгоды Галиціи, дало бы ей возможность наслаждаться свободнымъ режимомъ, а главнымъ образомъ, предохранило бы ее отъ многихъ бѣдъ за протекшіе затѣмъ пятьдесятъ лѣтъ, до 1848 года. Что могло дать присоединеніе въ это время? Трудно было предвидѣть это. Во всякомъ случаѣ, поляки легко сошлись бы съ венгерцами. Между тѣмъ, общественное мнѣніе и національный польскій духъ, вѣроятно, возстали бы противъ этой мѣры, которая къ тому же, какъ я думаю, никогда не была бы разрѣшена австрійскимъ правительствомъ.

Пулавы тогда только что перенесли двойной разгромъ, совершенный надъ ними во время борьбы съ Костюшко: первый — подъ начальствомъ графа Бибикова, отозвавшійся главнымъ образомъ на жителяхъ деревни, второй — обрушился преимущественно на замокъ и былъ произведенъ авангардомъ отряда, находившагося подъ командой графа Валеріана Зубова. Замокъ былъ совершенно разгромленъ. Изломали и разбили все, что украшало его внутренность. Драгоцѣнныя картины были изрѣзаны въ куски; книги изъ библіотеки расхищены и разбросаны; пощажена была только главная зала замка, потому

*) Пулавы включены были тогда въ число австрійскихъ владѣній, такъ же, какъ и Люблинъ, Сандоміръ и Краковъ.

что роскошныя золотыя украшенія стѣнъ и потолка и рисунки Бушэ надъ дверями вызвали у казаковъ предположеніе, что это была часовня. Домашняя провизія,—масла, вина, сахаръ, кофе, спиртные напитки, лимоны, копченое мясо и проч. и проч., все это было брошено кучей въ бассейнъ, украшавшій середину двора, и казаки купались въ немъ.

Когда мы пріѣхали, еще продолжалась очистка развалинъ, возведеніе новыхъ стѣнъ и испорченныхъ заборовъ, возобновленіе библіотеки. Среди обширнаго подъѣздного двора возвышался холмъ, нѣчто вродѣ monte Testacio въ миніатюрѣ, составленный изъ разныхъ обломкомъ, уже засыпанныхъ землей.

Наши родители, возвратившись въ свое жилище, съ трудомъ могли найти нѣсколько комнатъ, въ которыхъ можно было бы поселиться. Когда мы уѣхали изъ Пулавъ, работы по очисткѣ и починкѣ далеко еще не были закончены.

Мы лишились въ то время нашего добраго Горскаго, умершаго отъ апоплексическаго удара. Я нашелъ его однажды утромъ безъ сознанія, съ затрудненной рѣчью. Позвали хирурга, хорошаго врача, сдѣлавшаго ему кровопусканіе, уложили больного въ постель. Доктора Гольца не было дома; онъ прибѣжалъ, но не могъ спасти больного. Горскій больше не приходилъ въ полное сознаніе, онъ безсвязно говорилъ все время и жаловался только на головную боль. Меня онъ узналъ и улыбался мнѣ, и я съ благодарностью вспоминаю эту улыбку. Я не отходилъ отъ него. Онъ умеръ въ тотъ же день, поздно вечеромъ, испустивъ духъ безъ страданій, какъ мѣхъ, изъ котораго выпустили воздухъ.

Я очень горевалъ о немъ. Это былъ дѣйствительно благородный человѣкъ, носившій въ сердцѣ только справедливость и прямоту. Я уже говорилъ объ этомъ, какъ и о томъ, чѣмъ мы были ему обязаны. Онъ часто говорилъ, что желалъ бы прожить недолгой, но хорошей жизнью, и это желаніе его было исполнено съ совершенной точностью.

Наступилъ конецъ трехмѣсячнаго отпуска, и мы вынуждены

были возвратиться въ Петербургъ. Мы уѣхали, съ тяжелымъ сердцемъ разставшись съ нашими родителями и роднымъ кровомъ, но все же намъ было интересно встрѣтить вновь великаго князя и возобновить наши отношенія съ нимъ. Письма, которыя я получилъ отъ него во время нашего пребыванія въ Пулавахъ, доказывали мнѣ, если только въ этомъ могло быть какое-нибудь сомнѣніе, что онъ не думалъ измѣниться. Дѣйствительно, мы нашли его все тѣмъ же, и по чувствамъ и по взглядамъ.

Въ концѣ 1797 года, порывистость и странность мѣропріятій императора Павла, волновавшихъ жизнь дворца и всего Двора, смѣнились какъ будто большимъ спокойствіемъ, которое, казалось, обѣщало продержаться нѣкоторое время.

Императоръ Павелъ, будучи великимъ княземъ, во время своего пребыванія въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, былъ влюбленъ въ Нелидову, фрейлину великой княгини, его жены. Это чувство, совершенно платоническое, не прекратилось и послѣ его восшествія на престолъ. Нелидова, съ ея незаурядным умомъ и добрымъ сердцемъ, въ концѣ концовъ овладѣла любовью и довѣріемъ императрицы Маріи, тѣмъ болѣе, что въ наружности этой дѣвицы не было ничего, что могло бы тревожить императрицу, которая отличалась высокимъ ростомъ, хорошимъ цвѣтомъ лица и прекрасной наружностью, тогда какъ ея предполагаемая соперница была лишена и видной фигуры, и пріятнаго цвѣта лица, и красивой физіономіи. Вся ея привлекательность состояла въ смѣющемся взглядѣ и бойкой рѣчи. Эти двѣ женщины протянули другъ другу руки и сошлись во всемъ. Результатомъ этого было уменьшеніе неожиданныхъ перемѣнъ и безпорядка въ поведеніи и въ поступкахъ императора, большая осмотрительность при выборѣ имъ лицъ, большее благоразуміе, послѣдовательность и устойчивость въ политикѣ, чего онъ ранѣе не проявлялъ. Къ несчастью, императоръ Павелъ недолго подчинялся этому благотворному вліянію.

По возвращеніи съ коронаціи Дворъ поселился въ Гатчинѣ, гдѣ императоръ Павелъ любилъ проводить осень. Еще грустнѣе казались тамъ осенніе дни, вообще столь унылые въ Россіи, когда небо вѣчно покрыто тучами, солнце едва показывается въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, безпрерывно идетъ дождь, и холодъ чувствуется острѣе, пронзительнѣе и еще непріятнѣе, чѣмъ зимою. Дружба и необычное довѣріе, выказываемое намъ великимъ княземъ Александромъ, и короткость, которую разрѣшали намъ по отношенію къ себѣ оба брата, вознаграждали насъ вполнѣ за скуку и грустное пребываніе въ Гатчинѣ и не позволяли намъ жаловаться.

Я помню, что мнѣ часто приходилось вести съ великимъ княземъ Константиномъ очень запальчивые споры, въ которыхъ я не уступалъ ему ни въ словахъ, ни въ жестахъ до такой степени, что однажды мы даже подрались и вмѣстѣ упали наземь. Я думаю, что именно эти воспоминанія побуждали великаго князя постоянно до извѣстной степени щадить меня въ то время, когда онъ всесильно господствовалъ въ Польшѣ и былъ очень раздраженъ противъ меня. То были для него воспоминанія школьныхъ лѣтъ, какія бываютъ у всякаго, и они то служили мнѣ защитой отъ болѣе тяжелыхъ проявленій его гнѣва. Какъ я уже упоминалъ, великій князь Константинъ изъ подражанія своему старшему брату хотѣлъ привязать къ себѣ моего брата. У нихъ установились отношенія, похожія на мою близость къ Александру, но положеніе моего брата было гораздо менѣе пріятно, нежели мое, по причинѣ невыносимаго характера Константина; тѣмъ не менѣе, благодаря этому, мы получали возможность всегда быть вмѣстѣ. Во время пребыванія въ Гатчинѣ мы сошлись съ барономъ Винцингероде, молодымъ офицеромъ, очень сердечнымъ, любимцемъ принцевъ Саксенъ-Кобургскихъ. Онъ состоялъ адъютантомъ при великомъ князѣ Константинѣ. Эта искренняя дружба никогда не нарушалась и продолжалась до смерти барона.

Къ концу осени Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, чтобы

провести тамъ зиму 1797—1798 г. За все время моего пребыванія въ Россіи Дворъ былъ единственнымъ любопытнымъ зрѣлищемъ, доступнымъ моимъ наблюденіямъ, и потому мнѣ приходится говорить только о Дворѣ.

Нашъ король Станиславъ-Августъ по возвращеніи изъ Москвы былъ помѣщенъ съ своей свитой, если не ошибаюсь, во дворцѣ, называвшемся „Мраморнымъ" и очень роскошно содержался на правительственный счетъ. Съ нимъ жила его племянница графиня Мнишекъ, съ мужемъ. У него были свои камергеры, между которыми находился Трембецкій, такъ прославившійся у насъ своими прекрасными стихотвореніями. Должность маршала Двора временно исполнялась полковникомъ Вицкимъ, вѣрнымъ другомъ нашей семьи, бывшимъ передъ тѣмъ капитаномъ въ Литовской гвардіи. Тутъ былъ и докторъ Беклэръ, спасшій мнѣ жизнь въ дѣтствѣ и состоявшій докторомъ при королѣ. Мы часто отправлялись засвидѣтельствовать свое почтеніе королю, и онъ во всякое время съ удовольствіемъ принималъ насъ. Я нѣсколько разъ видѣлъ его по утрамъ, когда еще непричесанный, въ халатѣ, онъ былъ, какъ говорили, занятъ писаніемъ своихъ мемуаровъ. Я никогда не могъ узнать, что сталось съ этими мемуарами, которые должны были быть очень объемисты. Я досталъ только описаніе того времени, когда онъ былъ посломъ въ Россіи, при Августѣ III. Остальные томы, гораздо болѣе интересные, были такъ хорошо спрятаны или уничтожены, что отъ нихъ не осталось, сколько мнѣ извѣстно, никакихъ слѣдовъ.

Этотъ несчастный король, казалось мнѣ, слишкомъ легко переносилъ свое положеніе. Онъ старался быть пріятнымъ своимъ повелителямъ, которые низложили его. Онъ старался предугадывать капризы императора, который довольно часто обѣдалъ у него съ императорской фамиліей. Столъ его былъ великолѣпенъ и прекрасно сервированъ, благодаря искусству его знаменитаго мэтръ д'отеля Фремо, который одинъ служилъ напоминаніемъ о его прошлыхъ временахъ. 2 февраля

1798 г., во время приготовленій къ балу и любительскому спектаклю, которыя устраивались для развлеченія ихъ величествъ, король былъ сраженъ апоплексическимъ ударомъ. Вѣсть объ этомъ тотчасъ же облетѣла весь городъ. Мы примчались въ Мраморный дворецъ. Докторъ Беклэръ сдѣлалъ больному кровопусканіе и пустилъ въ ходъ всѣ средства медицинскаго искусства, употребляемыя въ подобныхъ случаяхъ, – все было напрасно. Король лежалъ на постели безъ сознанія. Его свита, въ слезахъ, окружила его. Прибѣжалъ Трембецкій, въ отчаяніи всплеснулъ руками и, вновь выбѣжавъ, заперся въ своей комнатѣ. Прибылъ императоръ съ императорской фамиліей. Баччіарелли изобразилъ эту грустную сцену на одной изъ своихъ картинъ, гдѣ замѣчательно талантливо, съ полнымъ сходствомъ, нарисованы всѣ присутствующіе. Король скончался. Онъ былъ похороненъ съ подобающей пышностью въ католической церкви доминиканцевъ, въ Петербургѣ.

Станислава-Августа искренне оплакали лишь тѣ, чье существованіе зависѣло отъ него; самъ онъ не имѣлъ никакого основанія сожалѣть о приближеніи конца своей жизни. Обстоятельства его жизни и его поведеніе производили такое впечатлѣніе, что въ немъ мы уже не могли чувствовать представителя нашего отечества. Костюшко въ гораздо большей мѣрѣ являлся такимъ представителемъ. Кончина Станислава-Августа ничего не измѣнила ни въ судьбахъ Польши, ни въ тѣхъ надеждахъ, которыя она еще могла питать. Нашлись люди, которые, принимая во вниманіе стѣсненія, хлопоты и значительные расходы, причиняемые имъ казнѣ, думали, что смерть короля была ускорена по государственнымъ соображеніямъ. Это возможно, хотя ничто въ ходѣ его болѣзни, повидимому, не подтверждало этихъ подозрѣній, которыя, къ несчастью этой страны, возникаютъ въ общественномъ мнѣніи при каждомъ случаѣ смерти какого-нибудь важнаго лица.

Создавшееся положеніе вещей, повидимому, упрочилось надолго. Причуды императора уменьшились подъ совмѣстнымъ

вліяніемъ императрицы и ея подруги. Общество также немного привыкло къ странностямъ и неровностямъ въ поведеніи Павла. Жизнь, которую мы вели въ Гатчинѣ или въ Петербургѣ, была бы очень удобна для серьезнаго чтенія, если бы мы умѣли пользоваться временемъ для этой цѣли. Часы были строго распредѣлены. Единственнымъ ежедневнымъ обязательнымъ занятіемъ былъ парадъ; проведя тамъ одинъ или два часа каждое утро, мы затѣмъ были весь день свободны, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, когда мы были принуждены исполнять нѣкоторыя обязанности при Дворѣ. Всему, что касалось Двора, придавали къ тому же столь высокое значеніе, что принадлежность къ придворному кругу освобождала тогда отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ общественной жизни, и потому мы получали возможность весь остатокъ своего времени посвятить какимъ угодно занятіямъ. Къ несчастью, я не съумѣлъ воспользоваться какъ слѣдуетъ этимъ временемъ и большую часть его убилъ безплодно.

Полезныя работы вѣчно откладываются до другого времени, которое, надѣются,—будетъ болѣе благопріятнымъ; и вотъ вся жизнь проходитъ въ однихъ прекрасныхъ планахъ, которые такъ и остаются не исполненными. Назначенный состоять при особѣ великаго князя въ качествѣ старшаго адъютанта, я, по обязанностямъ службы, долженъ былъ сопровождать его на парады. Каждый день послѣ обѣда я являлся къ нему за приказаніями; то были минуты интимныхъ бесѣдъ. Великій князь имѣлъ второго адъютанта, капитана Ратькова, очень хорошаго человѣка, но до мозга костей „гатчинца", т.-е., по тогдашнему выраженію, ни къ чему негоднаго и немного глуповатаго. Къ этому времени относится начало моего знакомства съ княземъ Петромъ Волконскимъ, адъютантомъ Семеновскаго гвардейскаго полка, полковникомъ котораго былъ великій князь. Это обстоятельство сблизило князя Петра съ великимъ княземъ. Этотъ самый Волконскій впослѣдствіи со-

стоялъ старшимъ адъютантомъ, а позднѣе генералъ-маіоромъ при императорѣ Александрѣ, затѣмъ получилъ должность оберъ-гофмейстера, въ которой оставался и при императорѣ Николаѣ. Не обладая блестящими или выдающимися способностями, онъ умѣлъ вносить въ свою службу большую точность, исполнять ее внимательно и именно такъ, какъ этого хотѣлъ императоръ, даже пріобрѣтать необходимыя знанія въ высшихъ областяхъ военнаго искусства.

Онъ былъ всегда въ ровномъ расположеніи духа; его сужденія были всегда благоразумны, и онъ высказывалъ ихъ даже и въ томъ случаѣ, если они не нравились великому князю; онъ охотно оказывалъ услуги, когда только могъ. Мы провели много времени вмѣстѣ, и я всегда пользовался его искреннимъ расположеніемъ, о чемъ мнѣ пріятно вспомнить теперь, спустя болѣе чѣмъ полвѣка, когда прошло уже сорокъ лѣтъ, какъ наше знакомство порвано взаимнымъ удаленіемъ и цѣлымъ рядомъ переворотовъ и важныхъ событій, которыя насъ разлучили. Его жена, княгиня Софья, принадлежала къ другой, болѣе богатой вѣтви того же рода Волконскихъ. Она отличалась болѣе живымъ характеромъ и большею сердечностью. Во многихъ случаяхъ она выказывала мнѣ чувства дружбы, даже и послѣ того, какъ я окончательно покинулъ Россію; и я храню въ сердцѣ искреннюю признательность къ ней. Она никогда не могла простить императору Николаю того, что онъ въ продолженіе тридцати лѣтъ держалъ ея младшаго брата въ рудникахъ Сибири. Онъ тамъ и состарѣлся и возвращенъ былъ сестрѣ и семьѣ лишь послѣ коронованія Александра II. Это горе разлучило княгиню Софью съ русскимъ Дворомъ и съ Петербургомъ на все время царствованія Николая I-го.

Среди молодыхъ придворныхъ лишь одинъ пользовался близостью къ великому князю и былъ у него принятъ. Это былъ одинъ изъ его камеръ-юнкеровъ, князь Александръ Голицынъ. Его называли „маленькій Голицынъ“, такъ какъ

онъ былъ небольшого роста. Онъ сумѣлъ понравиться великому князю. Его бесѣда была очень забавна; зная всѣ городскія сплетни, онъ удивительно копировалъ всѣхъ, изображая физіономію, манеру говорить и обороты рѣчи каждаго. Между прочимъ, когда мы бывали одни, безъ великаго князя, онъ изображалъ императора Павла такъ, что всѣ начинали дрожать передъ нимъ. Князь Голицынъ былъ страстнымъ поклонникомъ императрицы Екатерины и, несмотря на годы этой монархини, былъ бы счастливъ хотя на мгновеніе попасть въ число ея любимцевъ.

Маленькій Голицынъ въ то время, когда мы съ нимъ познакомились, былъ убѣжденнымъ эпикурейцемъ, позволявшимъ себѣ съ разсчетомъ и обдуманно всевозможныя наслажденія, даже съ весьма необычайными варіаціями.

Послѣ восшествія на престолъ императора Александра князь Голицынъ не захотѣлъ оставаться безъ серьезной карьеры и, съ соизволенія императора, сдѣлался оберъ-прокуроромъ правительствующаго сената.*) Впослѣдствіи, вѣроятно, воодушевленный набожностью Александра, онъ сталъ тоже чрезвычайно религіознымъ и вмѣстѣ съ Кошелевымъ имѣлъ видѣнія. Въ концѣ концовъ, онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Я никогда не думалъ, что онъ сможетъ успѣшно выполнять свои новыя обязанности. Его назначеніе, о которомъ я, быть можетъ, буду еще имѣть случай говорить, состоялось, кажется, въ 1822 году.**) Я еще былъ тогда попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Вспоминая маленькаго Голицына такимъ, какимъ я его зналъ, я не могъ себѣ представить его министромъ, завѣдующимъ народнымъ просвѣщеніемъ въ имперіи, и не зналъ за нимъ другого таланта, кромѣ умѣнья забавлять и вызывать смѣхъ. Въ общемъ онъ былъ нежелчнымъ и незлобивымъ человѣкомъ, хотя

*) Ошибка автора мемуаровъ: надо читать „синода“.
**) Ошибка автора мемуаровъ: надо читать въ „1816 году.“

это и не помѣшало тому, что во время его министерства были совершены вопіющія несправедливости въ Виленскомъ округѣ, заставившія меня отказаться отъ мѣста попечителя.

При Дворѣ иногда давались балы менѣе людные, на которыхъ можно было чувствовать себя свободнѣе. Императоръ однажды явился на такой балъ во фракѣ,—костюмъ, котораго онъ никогда не носилъ. Фракъ этотъ, если не ошибаюсь, былъ изъ темно-краснаго бархата, стариннаго покроя. Въ этотъ день онъ танцевалъ съ Нелидовой контрдансъ, называвшійся тогда „англійскимъ“, въ которомъ пары становились колоннами, при исполненіи послѣдовательно смѣнявшихся фигуръ. Можно себѣ представить, какъ плохо чувствовали себя другія пары, которыя должны были стать къ этой колоннѣ. Это было любопытное зрѣлище. У меня навсегда остался образъ императора Павла, низкаго ростомъ, въ башмакахъ съ широкими закругленными носками, стоящаго въ третьей позиціи, округляющаго руки и выдѣлывающаго „пліе“, которымъ учили танцмейстеры въ старину; vis-a-vis съ нимъ была дама, тоже очень маленькаго роста, она считала себя обязанной повторять всѣ жеманныя ужимки и размѣренныя движенія своего кавалера.

Въ маѣ 1798 года Дворъ переѣхалъ въ Павловскъ, который съ тѣхъ поръ долженъ былъ стать лѣтней резиденціей. Царское Село, любимое мѣсто Екатерины, было покинуто ради Павловска,—этой собственности и созданія императрицы Маріи. Среди окрестностей Петербурга это было пріятное и веселое мѣсто. Зданія и сады Павловска были расширены заботами императрицы Маріи. Здѣсь она рѣшила дѣлать свои пріемы и приказала, чтобы въ послѣобѣденное время устраивались чтенія, на которыхъ императоръ не присутствовалъ. Планъ не удался; каждый старался улизнуть отъ этого скучнаго и снотворнаго чтенія. Выборъ книги для чтенія мало подходилъ къ тому, чтобы оживить присутствовавшихъ: то былъ французскій переводъ Томсоновскихъ „Временъ года“.

Оба великихъ князя жили въ Павловскѣ, въ отдѣльномъ отъ Дворца, наскоро выстроенномъ деревянномъ домѣ. Каждый изъ нихъ занималъ одинъ конецъ этого зданія, довольно обширнаго, выходившаго въ садъ, отдѣлявшійся отъ парка большой дорогой. Въ виду обособленности этого помѣщенія мы могли чаще видѣться съ великими князьями.

Въ этомъ году императоръ Павелъ захотѣлъ объѣхать часть своего государства. Великіе князья принимали участіе въ путешествіи, и мы съ братомъ ихъ сопровождали. Императоръ осмотрѣлъ каналъ, соединяющій Волгу съ Невой и, такимъ образомъ, устанавливающій сообщеніе Каспійскаго моря съ Балтійскимъ. Это созданіе Петра I-го, дѣлающее наибольшую честь его генію и его дѣятельности, оживляетъ всю обширную внутреннюю часть государства, перерѣзывая его по діагонали. Императоръ отправился посмотрѣть на собранныя въ большомъ количествѣ суда, изъ которыхъ одни плыли въ Петербургъ, другіе въ Астрахань.

Сиверсу, извѣстному той гнусностью, съ какой онъ велъ дьявольское дѣло второго раздѣла Польши, было поручено завѣдывать департаментомъ путей сообщенія. Разъѣзжая, какъ будто для обозрѣнія работъ, онъ выѣхалъ на встрѣчу императору. Онъ показался мнѣ старымъ, худымъ, блѣднымъ, съ помятымъ лицомъ, безъ признаковъ энергіи. Очень холодный пріемъ, оказанный императоромъ, предсказывалъ ему, что ему не придется долго остаться на этомъ мѣстѣ.

Мы проѣхали черезъ Тверь и вернулись въ Ярославль и Владиміръ. Эти губерніи богаты и населены, носятъ отпечатокъ зажиточности и довольства, что бросается въ глаза при проѣздѣ. Эта внутренняя часть Россіи составляетъ ея настоящую силу. Благосостояніе и довольство, порождаемыя въ этихъ губерніяхъ хорошей администраціей, съ властью введенной въ надлежащія границы,—должны были бы отвратить русскихъ отъ системы преслѣдованій и угнетенія, которая примѣняется ими въ сосѣдней странѣ.

Въ Москвѣ, куда прежде всего поѣхалъ императоръ, собрано было значительное количество войскъ, которымъ былъ назначенъ смотръ и которыя императоръ пожелалъ видѣть на маневрахъ. Это были линейные полки, не обученные, какъ гвардія, и не имѣвшіе времени усвоить новые военные уставы. Инфантерія была раздѣлена на два фронта въ двѣ колонны. Во главѣ каждаго долженъ былъ стать одинъ изъ великихъ князей. По данному сигналу войска должны были развернуться. Я съ удовольствіемъ вспоминаю проявленную нами дѣятельность въ исполненіи этого маневра, удавшагося, сверхъ нашихъ ожиданій, безъ замѣшательствъ, безъ перерывовъ фронта; на каждомъ фронтѣ находилось, насколько мнѣ помнится, по двѣнадцати или пятнадцати батальоновъ, быстро развернувшихся, выстроившихся въ линію и двинувшихся впередъ хорошимъ маршемъ, къ большому удовольствію императора и многочисленной публики. Въ результатѣ выданы были разныя награды и совсѣмъ не было ни наказаній, ни монаршаго гнѣва, котораго опасались.

Изъ Москвы путешествіе продолжалось черезъ Нижній-Новгородъ до Казани. Этотъ край красивъ и могъ бы быть богатымъ, благодаря плодородію почвы и судоходности рѣкъ, пересѣкающихъ его во всѣхъ направленіяхъ, но онъ мало населенъ. Тамъ живетъ все еще полудикое населеніе, какъ мнѣ кажется, финской расы: чуваши, черемисы, сохранившіе еще свою странную одежду. Я срисовалъ эти костюмы и отдалъ коллекцію этихъ рисунковъ моему старому другу, Веселовскому. Теперь очень жалѣю, что выпустилъ ихъ изъ рукъ такъ какъ не знаю, что съ ними сталось.

Въ Казани много татаръ, которые также сохранили свой костюмъ и нравы. Я сомнѣваюсь, однако, чтобы они твердо сохранили свой національный духъ, не больше, чѣмъ наши татары въ Литвѣ. Духъ этотъ чувствуется только дальше, въ глубинѣ страны, среди нагайцевъ и племенъ сосѣднихъ съ степями великой Татаріи или со склонами Кавказа, сохранив-

шихъ воинственныя наклонности. Въ Казани были собраны войска въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ Москвѣ; были произведены маневры, которыми императоръ также остался доволенъ.

Путешествіе это совершилось съ быстротой, лишившей его той пользы, которую могъ бы принести этимъ губерніямъ хозяйскій глазъ въ томъ случаѣ, если бы поѣздка была обставлена иначе. Мы возвратились, не заѣзжая въ Москву, и послѣднимъ этапомъ нашимъ былъ Шлиссельбургъ, крѣпость, знаменитая катастрофой, происшедшей съ несчастнымъ Іоанномъ. Императоръ сѣлъ на пароходъ на Ладожскомъ озерѣ. Когда мы были на пароходѣ, императоръ вдругъ велѣлъ позвать меня и моего брата и надѣлъ намъ кресты св. Анны второй степени, какъ награду за службу во время путешествія. Это былъ единственный почетный знакъ, полученный мною въ Россіи. Баронъ Винцингероде, адъютантъ Константина, получилъ тогда шпагу ордена св. Анны.

По возвращеніи изъ путешествія въ Казань остальную часть лѣта мы провели въ Павловскѣ, въ то время безспорно самой пріятной для житья резиденціей, съ тѣхъ поръ, какъ Царское Село впало въ немилость. Къ осени надо было перебираться въ Гатчину. Императоръ Павелъ для наиболѣе грустнаго въ Россіи времени года выбралъ и наиболѣе грустное мѣстопребываніе, какое только можно себѣ представить. Онъ хотѣлъ, вѣроятно, чтобы туда отправлялись единственно изъ повиновенія его волѣ.

Гатчинскій дворецъ, состоящій изъ нѣсколькихъ большихъ дворовъ, окруженныхъ постройками, увеличенными въ послѣднее время, походилъ на тюрьму. Онъ былъ выстроенъ на совершенно гладкой равнинѣ, безъ деревьевъ, безъ луговъ. Украшенія, сооруженныя въ паркѣ, имѣли мрачный и угрюмый видъ; солнце только изрѣдка и ненадолго освѣщало паркъ; при холодѣ и безпрерывныхъ дождяхъ ничто не тянуло туда погулять. Парады, иногда маневры, занимали утреннее время;

по вечерамъ французскіе или итальянскіе спектакли отвлекали отъ грустныхъ впечатлѣній и скуки, которыя вызывалъ даже одинъ внѣшній видъ этихъ мѣстъ у тѣхъ, кто обязанъ былъ жить здѣсь. .

Это грустное пребываніе въ Гатчинѣ и зима 1798 1799 г. внесли много тревоги и неожиданныхъ и непріятныхъ перемѣнъ въ положеніе и существованіе лицъ, составлявшихъ русскій Дворъ.

Одинъ турченокъ, оставшійся въ живыхъ во время взятія Кутаиса и избіенія его жителей, названный по имени его родного города Кутайсовымъ, достался на долю великаго князя Павла, который велѣлъ его воспитать и оставилъ при своей особѣ, вначалѣ въ качествѣ своего цирюльника, затѣмъ въ должности старшаго лакея. Еще въ началѣ царствованія Павла, я видѣлъ, какъ Кутайсовъ приносилъ и подавалъ своему господину бульонъ, въ экзерцисгаузѣ, гдѣ инфантерія и кавалерія упражнялись въ зимнее время. Лакей былъ въ утреннемъ рабочемъ костюмѣ. Онъ былъ средняго роста, немного толстъ, но живой и расторопный, очень смуглый, всегда улыбающійся, съ глазами и лицомъ восточнаго типа, въ которыхъ можно было прочесть склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ. Въ своемъ утреннемъ нарядѣ онъ напоминалъ Фигаро, но и тогда уже ему пожимали руки, и онъ былъ предметомъ рабски-почтительныхъ поклоновъ со стороны большей части генераловъ и лицъ, присутствовавшихъ на ученіяхъ, которые всегда спѣшили подойти къ нему. Вскорѣ его вліяніе на своего господина сдѣлало его значительнымъ человѣкомъ, сановникомъ имперіи, всемогущимъ фаворитомъ. Менѣе чѣмъ въ годъ Кутайсовъ превратился изъ простого цирюльника-лакея въ оберъ-шталмейстера (мѣсто, бывшее вакантнымъ по случаю смерти стараго Нарышкина, родственника императорской фамиліи по матери Петра I, которое не было дано его сыну, пользовавшемуся, однако, расположеніемъ императора и исполнявшему обязанности маршала Двора). Чѣмъ дальше, тѣмъ

болѣе онъ удивлялъ русское общество, появляясь все въ новыхъ орденахъ: св. Анны, св. Александра, наконецъ—св. Андрея. Отъ него зависѣли расположеніе и милости императора.

Графъ Кутайсовъ не сразу достигъ всѣхъ этихъ почестей, сопровождавшихся значительными подарками землею и деньгами, которые, въ концѣ концовъ, посыпались на него съ все увеличивавшейся быстротой. Онъ бы и не могъ достичь ихъ въ такое короткое время, если бы императрица и Нелидова сохраняли свое вліяніе на императора. Эта невозможность или трудность для многихъ добиться успѣховъ, пока продолжалось исключительное вліяніе императрицы и ея подруги, были главной причиной испытаннаго ими удара. Другіе честолюбцы присоединились къ фавориту-лакею, чтобы руководить имъ и воспользоваться той, думаю я, магнетической силой, которую онъ умѣлъ проявлять надъ личностью своего господина. Графъ Растопчинъ былъ, какъ кажется, вдохновителемъ и душою заговора. Благодаря интригѣ, онъ былъ удаленъ отъ императора и замѣненъ Нелидовымъ, племянникомъ фрейлины съ портретомъ (этотъ орденъ даетъ въ Россіи чинъ фельдмаршала; изъ дѣвицъ только Протасова при Екатеринѣ, Нелидова при Павлѣ и Орлова при Николаѣ получили этотъ орденъ).

Растопчинъ былъ даже высланъ въ Москву, ибо Павелъ никогда не удерживался въ границахъ умѣренности, всегда преувеличивалъ значеніе всякаго намека, во всемъ спѣшилъ и заходилъ какъ можно дальше. Растопчинъ былъ не изъ тѣхъ, кто прощаетъ подобныя обиды: онъ хотѣлъ отомстить тѣмъ, кто былъ причиной его паденія, и соединился съ Кутайсовымъ. Надо было вырвать Павла изъ-подъ власти увлеченія Нелидовой и поссорить его съ женой. Для этого императору дали понять, что онъ состоитъ подъ опекой, что эти двѣ женщины управляютъ страной отъ его имени, что въ этомъ всѣ убѣждены. Ему представили особу моложе и красивѣе Нелидовой и увѣрили, что она не будетъ имѣть претензій

на то, чтобы имъ править. Все это увѣнчалось удачей. Павелъ влюбился въ дочь Лопухина, бывшаго московскимъ полицеймейстеромъ при Екатеринѣ. Лопухинъ получилъ титулъ князя и голубую ленту за то, что не препятствовалъ видамъ императора на его дочь. Растопчинъ былъ возвращенъ и получилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Всѣ должностныя лица, принадлежавшія къ партіи императрицы, князья Куракины и ихъ родственники, съ старымъ княземъ Рѣпнинымъ во главѣ, потеряли свои мѣста и были высланы въ Москву. Крушеніе партіи было полное. Стоило императору заподозрѣть, что кто-нибудь пользуется протекціей или благоволеніемъ императрицы, и такой человѣкъ терялъ должности и былъ удаляемъ отъ Двора.

Съ той поры Павла стали преслѣдовать тысячи подозрѣній; ему казалось, что его сыновья не достаточно ему преданы, что его жена желаетъ царствовать вмѣсто него. Слишкомъ хорошо удалось внушить ему недовѣріе къ императрицѣ и къ его старымъ слугамъ. Съ этого времени началась для всѣхъ, кто былъ близокъ ко Двору, жизнь полная страха, вѣчной неувѣренности. Надъ каждымъ тяготѣла возможность быть высланнымъ или подвергнуться оскорбительнымъ выговорамъ въ присутствіи всего Двора, при чемъ императоръ обыкновенно возлагалъ исполненіе этого непріятнаго порученія на маршала Двора. Наступило нѣчто въ родѣ эпохи террора. Придворные балы и празднества стали опасной ареной, гдѣ рисковали потерять и положеніе и свободу. Императору вдругъ приходила мысль, что къ особѣ, которую онъ отличалъ, или къ какой-нибудь дамѣ изъ числа ея родственницъ или близкихъ къ ней относятся съ недостаточнымъ уваженіемъ и что это было слѣдствіемъ коварства императрицы; и онъ тотчасъ отдавалъ приказъ немедленно удалить отъ Двора того, на кого падало его подозрѣніе. Предлогомъ для этого могъ послужить и недостаточно почтительный поклонъ, и то, что невѣжливо повернулись спиной во время контрданса или еще

какіе-нибудь другіе проступки въ этомъ родѣ. На вечернихъ балахъ и собраніяхъ, такъ же, какъ и на утреннихъ парадахъ, подобные случаи влекли за собой событія съ несчастнѣйшими послѣдствіями для тѣхъ, кто навлекалъ на себя подозрѣніе или неудовольствіе императора. Его гнѣвъ и его рѣшенія вспыхивали моментально и тотчасъ же приводились въ исполненіе.

Другіе монархи, послѣ первой вспышки гнѣва и чрезмѣрно-проявленной жестокости иногда успокаиваются и стараются, обыкновенно, смягчить послѣдствія своей первоначальной строгости. Но не такъ было съ Павломъ. Чаще всего, отдавъ приказъ относительно человѣка, на котораго онъ разсердился, черезъ нѣкоторое время обдумавъ, онъ не находилъ уже первоначальное наказаніе достаточнымъ и поминутно усиливалъ жестокость кары: приказъ удалиться замѣнялъ приказомъ никогда не появляться, простую высылку замѣнялъ ссылкой въ Сибирь и проч. и проч.

Всѣ тѣ, кто принадлежалъ ко Двору или появлялся передъ императоромъ, находились въ состояніи постояннаго страха. Никто не былъ увѣренъ, будетъ ли онъ еще на своемъ мѣстѣ къ концу дня. Ложась спать, не знали, не явится ли ночью или утромъ какой-нибудь фельдъегерь, чтобы посадить васъ въ кибитку. Это была обычная тема разговоровъ и даже шутокъ. Такое положеніе вещей началось со времени опалы Нелидовой и продолжалось, все усиливаясь, въ послѣдующее время царствованія Павла. Нелидова во время своей опалы вела себя съ большимъ достоинствомъ и гордостью. Она покинула Дворъ, не обнаруживъ никакого желанія остаться тамъ, ничего не предпринимая для возвращенія. Съ замѣтнымъ презрѣніемъ она говорила всѣмъ, кто хотѣлъ ее слушать, что не было ничего скучнѣе придворной жизни и что она счастлива возможностью наконецъ съ ней разстаться.

Между тѣмъ Павелъ увлекся новой причудой, порою даже отвлекавшей его отъ подозрительности и порождаемыхъ этимъ

подозрѣніями жестокостей. У него вдругъ явилось желаніе сдѣлаться гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена. Вѣроятно, возбужденію этого желанія способствовала политика, потому что изъ всѣхъ владѣльцевъ и покровителей, которыхъ можно было пожелать Мальтѣ, овладѣвшіе ею англичане меньше всего нравились Европѣ. Павелъ продолжалъ поддерживать близкія отношенія съ Англіей, которая съ своей стороны нуждалась въ томъ, чтобы русскій монархъ продолжалъ оказывать ей свое активное содѣйствіе противъ Франціи; все это давало Павлу основаніе предполагать, что Англія можетъ согласиться передать ему владѣніе, занятое англичанами лишь временно и притомъ съ формальнымъ обязательствомъ возвратить островъ ордену св. Іоанна, подъ протекторатомъ той державы, которую укажетъ Европа.

Павелъ воспламенился мыслью стать самому гросмейстеромъ Мальты, соединить въ своемъ лицѣ и этотъ славный въ исторіи титулъ и силу, необходимую для того, чтобы защищать независимость такого важнаго поста на Средиземномъ морѣ. Лично для Павла въ этомъ дѣлѣ играли роль не столько политическія соображенія, сколько овладѣвшее имъ страстное желаніе фигурировать передъ княжной Лопухиной въ ореолѣ рыцарскаго героизма. Верховный вождь и защитникъ схизматической церкви, онъ не видѣлъ никакого затрудненія въ томъ, чтобы стать во главѣ самаго католическаго изъ всѣхъ орденовъ и провозгласить свое желаніе его возвысить. Союзныя державы, исключая Англіи, осторожно воздерживались отъ противодѣйствія ему въ этомъ проектѣ.

Полномочный министръ Мальтійскаго ордена при русскомъ Дворѣ графъ де-Литта и его братъ, папскій нунцій при императорѣ, а позже кардиналъ, поспѣшили пойти на встрѣчу желанію императора и поддерживали его. Въ Мальтійскомъ орденѣ было принято употребленіе польскаго языка. Съ тѣхъ поръ, какъ маршалъ Понинскій, опозоренный и изгнанный сеймомъ при первомъ раздѣлѣ, взялъ въ свои руки дѣла этого

ордена и торговалъ его имуществомъ, орденъ этотъ былъ у насъ на плохомъ счету; но командорства ордена еще существовали въ Польшѣ. Ихъ разыскали и возстановили. Павелъ учредилъ ихъ и въ Россіи, не стѣсняясь различіемъ религій.

Литта составилъ по старымъ обрядамъ церемоніалъ торжественнаго капитула, на которомъ должно было состояться посвященіе новаго гросмейстера. Императоръ нѣсколько разъ появлялся на тронѣ въ одеждѣ гросмейстера, съ крестомъ гросмейстера де-ля-Валетта на шеѣ, который ему поспѣшили прислать изъ Рима. Павелъ страстно любилъ обряды; онъ хотѣлъ, чтобы присутствовавшіе относились къ нимъ съ глубочайшей серьезностью и придавали имъ особенное значеніе. Мы съ братомъ были назначены командорами и вынуждены были надѣвать старинный костюмъ ордена: длинныя мантіи изъ чернаго бархата, съ вышитыми крестами и поясами. Были подготовительныя собранія капитула, предшествовавшія возведенію императора въ гросмейстерское достоинство. Все это невольно принимало характеръ театральнаго маскарада, вызывавшаго улыбки и у публики и у самихъ дѣйствующихъ лицъ, исключая только самого императора, вполнѣ входившаго въ свою роль. Секретаремъ капитула состоялъ у насъ старый нашъ знакомый Мезоннефъ, французъ, искавшій въ молодости счастья въ Польшѣ, имѣвшій тамъ успѣхъ у дамъ и черезъ нихъ достигшій чина въ арміи и креста Мальтійскаго ордена. Къ старости онъ пріѣхалъ въ Россію поправить свое состояніе, дважды уже промотанное имъ. Литта далъ ему мѣсто секретаря. Онъ хорошо владѣлъ перомъ, умѣлъ подготовлять матеріалъ для засѣданій капитула и владѣлъ, къ удовольствію всѣхъ членовъ, протокольнымъ слогомъ.

Эта причуда императора Павла способствовала его ссорѣ съ Англіей, которая, не давая окончательнаго отвѣта, подъ разными предлогами отказывалась уступить ему островъ Мальту. Единственнымъ результатомъ нашихъ гросмейстерскихъ засѣданій былъ бракъ Литты, освобожденнаго отъ своего обѣта

папой и женившагося на графинѣ Скавронской, любимой племянницѣ князя Потемкина, еще очень красивой женщинѣ, принесшей своему мужу въ царствованіе императора Александра богатое состояніе и высокое положеніе въ Россіи, гдѣ онъ умеръ въ чинѣ оберъ-камергера. Княгиня Багратіонъ была его belle-fille, доходами съ ея имѣній онъ завѣдывалъ очень усердно и исправно. Въ эту эпоху постоянныхъ перемѣнъ обычныя низкія и постыдныя интриги примѣшивались ко всѣмъ событіямъ дня. Въ то время, какъ императоръ воображалъ, что разбилъ цѣпи, которыми, по его мнѣнію, онъ былъ ранѣе опутанъ, Кутайсовъ вступилъ въ связь съ Шевалье, красивой женщиной, прекрасной актрисой, приглашенной въ придворный театръ. Этой особой сильно увлекался Биньонъ, французскій посолъ въ Касселѣ, но она предпочла ему болѣе заманчивыя ухаживанія лакея Павла. Эти любовныя интриги давали поводъ къ взаимнымъ откровенностямъ, придававшимъ большую пикантность тѣмъ минутамъ, которыя господинъ проводилъ съ своимъ лакеемъ, и это усиливало вліяніе послѣдняго.

Политическіе вопросы увеличили нервное возбужденіе императора. Австрія добилась союза и помощи Россіи. Графъ Растопчинъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ вновь призванъ ко Двору, далъ опредѣленное направленіе департаменту иностранныхъ дѣлъ, которымъ онъ управлялъ съ большой энергіей и свойственнымъ ему умомъ. Вся честь новаго союза и его первыхъ успѣховъ была приписана ему, и его друзья любезно повторяли, что Питтъ и Растопчинъ—два великихъ человѣка своего времени.

Суворовъ снова былъ призванъ къ службѣ. Онъ былъ въ опалѣ со времени восшествія на престолъ Павла, и высланный въ свои владѣнія, находился подъ строгимъ надзоромъ, какъ сторонникъ Екатерины. Передавали его язвительныя замѣчанія насчетъ правленія Павла, новыхъ правилъ и мундировъ въ арміи, надъ которыми онъ позволилъ себѣ довольно неумѣренныя шутки.

Какъ только онъ понадобился императору, тотъ осыпалъ его почестями и любезностями. Суворовъ отправился въ походъ и одержалъ поразительную побѣду надъ французской арміей, во главѣ которой уже не было Бонапарта. Въ 1796 г. и въ послѣдующіе годы мы радовались невѣроятнымъ успѣхамъ Бонапарта; въ нихъ мы видѣли зарожденіе надежды на возстановленіе Польши. Мы называли его „лучшимъ другомъ", чтобы не скомпрометировать себя, называя его по имени. Теперь же каждая побѣда, одерживаемая надъ французами, казалась намъ ударомъ кинжала по нашему отечеству.

Дворъ находился въ Павловскѣ, когда пришли извѣстія о первыхъ успѣхахъ Суворова.

Старый казакъ, генералъ Денисовъ, котораго Костюшко разбилъ при Раклавицѣ, находился теперь при Дворѣ. Ему доставляло злобную радость слѣдить за выраженіемъ нашихъ лицъ при каждомъ извѣстіи, приносимомъ гонцами изъ Италіи о побѣдахъ. Онъ повторялъ намъ: „Я вамъ говорилъ, что французы будутъ побиты, это и не могло быть иначе. Россія вездѣ и всегда будетъ разбивать своихъ враговъ. Она непобѣдима". Убѣжденіе очень цѣнное для правителей этой страны, пока оно сохранитъ свою силу.

Постоянно служились благодарственные молебны. Государь смѣшивалъ свои любовныя похожденія съ дѣлами политики и благочестія. Онъ клалъ побѣдные трофеи, добытые его войсками, къ ногамъ дамы своего сердца. Она похвалила однажды тотъ неопредѣленный цвѣтъ, который называютъ „верблюжьимъ". Для ея удовольствія отданъ былъ приказъ, чтобы все покрывалось этимъ цвѣтомъ. Павелъ заставлялъ въ театрахъ играть пьесы изъ временъ рыцарства, и ему казалось, что на сценѣ представляли его самого, что онъ былъ то Бардомъ, то Немуромъ. Онъ велѣлъ напечатать въ газетахъ вызовъ отъ своего имени всѣмъ тѣмъ монархамъ, которые не желаютъ дѣйствовать съ нимъ заодно, чтобы поединкомъ разрѣшить несогласія. (Это было сдѣлано по адресу короля

Пруссіи, отказавшагося присоединиться къ союзникамъ). Павелъ оказался бы въ большомъ затрудненіи, если бы его вызовъ былъ принятъ, потому что онъ не отличался храбростью. Например, онъ очень робѣлъ, сидя верхомъ на лошади, что замѣчалось при каждомъ кавалерійскомъ ученіи и часто мѣшало маневрированію войскъ, потому что императоръ, находясь передъ фронтомъ, задерживалъ каждое движеніе и вслѣдствіе этого нельзя было выполнять атаки должнымъ образомъ.

Мы съ братомъ также получили свою долю шкваловъ и бурь, которыхъ не избѣгъ никто. Наше польское происхожденіе и прошлое нашей семьи, быть можетъ, какіе-нибудь доносы или намеки, сказанные кѣмъ-либо намѣренно или безъ умысла, породили въ умѣ Павла предположеніе, что мы были либералами и даже тайными якобинцами. Тѣмъ не менѣе онъ былъ къ намъ довольно добръ въ различныхъ случаяхъ, напримѣръ, на придворныхъ собраніяхъ, гдѣ приходилось близко сталкиваться съ нимъ, и гдѣ онъ могъ обойтись съ нами благосклонно или строго. Повидимому, ему въ особенности нравился мой братъ. Иногда онъ обращался къ брату съ какой-нибудь шуткой. Когда императоръ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ былъ неизсякаемъ въ шуткахъ, которыя считалъ остроумными. Благосклонность къ моему брату дошла до того, что Павелъ приказалъ ему однажды сказать грубую брань одному изъ присутствовавшихъ лицъ. Мой братъ отказывался отъ этого, но долженъ былъ повиноваться, послѣ того, какъ императоръ строго повторилъ свой приказъ.

Въ другой разъ (я не знаю, не было ли это послѣ приключенія брата съ санями), встрѣтивъ брата, Павелъ высунулъ ему языкъ. Однажды въ Петергофѣ Павелъ, увлеченный тогда любовными ухаживаніями, встрѣтилъ моего брата въ аллеѣ петергофскаго сада, которая вела къ одному изъ павильоновъ, занятому графиней Шуваловой, оберъ-гофмейстериной великой княгини Елизаветы. Императоръ

взялъ его за плечи, повернулъ и велѣлъ удалиться, прибавивъ: „Этотъ попугай не для васъ, возвращайтесь туда, откуда пришли“. Оказалось, что у графини была очень красивая горничная. Въ другой разъ онъ сказалъ брату: „Ну-ка, разскажите мнѣ про свои авантюры, сдѣлайте меня вашимъ повѣреннымъ, я не выдамъ васъ и буду вамъ помогать.“

Великій князь Константинъ былъ назначенъ губернаторомъ Петергофа, и на него была возложена отвѣтственность за соблюденіе порядка въ военной службѣ. Какъ-то разъ офицеръ, командующій карауломъ, не доложилъ о томъ, что баварскій посланникъ вышелъ за барьеръ. Императоръ, узнавъ объ этомъ, приказалъ моему брату передать офицеру обычный въ этихъ случаяхъ комплиментъ, т. е. сказать ему отъ имени императора, что онъ скотина. Великій князь былъ пораженъ и испуганъ этимъ происшествіемъ, не имѣвшимъ, впрочемъ, никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что мой братъ былъ вынужденъ исполнить это непріятное порученіе. Молодой офицеръ, къ которому это относилось, отвѣтилъ моему брату, что эта брань ему совершенно безразлична, такъ какъ она исходитъ отъ человѣка, лишеннаго здраваго смысла. По этому случаю можно судить о чувствахъ, которыя уже успѣлъ тогда внушить къ себѣ императоръ Павелъ.

Съ нѣкотораго времени благосклонное отношеніе къ намъ императора измѣнилось. Ему не нравилась наша близость съ его сыновьями; ему хотѣлось бы удалить насъ, давъ намъ какое-нибудь порученіе.

Князь Безбородко былъ еще живъ. При жизни онъ игралъ роль своеобразнаго контрфорса, останавливавшаго многія чудачества. Его внезапная смерть спасла, быть можетъ, его отъ опалы, которой иначе ему не пришлось бы избѣгнуть. Павелъ не сожалѣлъ о его смерти. Стало меньше однимъ цензоромъ, меньше однимъ неудобнымъ препятствіемъ для безконтрольныхъ и произвольныхъ поступковъ. Князь Безбородко совѣ-

товалъ императору послать насъ въ австрiйскую армiю, поручивъ завѣдывать корреспонденцiей, которая велась союзными державами съ ихъ армiями. Однако, это предложенiе было оставлено.

Императоръ, побуждаемый подозрѣнiями, возникшими у него противъ насъ, началъ какъ-то разъ дѣлиться этими подозрѣнiями съ генераломъ Левашевымъ, отцомъ теперешняго генерала. Старый генералъ въ молодости былъ игрокъ и прислужникъ князя Потемкина, но пользовался свободой говорить о чемъ угодно и всегда приправлять свою рѣчь какимъ-нибудь смѣшнымъ словцомъ. Онъ ко всѣмъ относился хорошо и любилъ оказывать услуги. Будучи едва знакомъ съ нами, онъ сталъ насъ защищать. Вдругъ императоръ сказалъ ему: „Ручаетесь ли вы мнѣ за нихъ?“ „Да, Ваше Величество.“ „Вашей головой? Подумайте хорошо объ этомъ.“ Онъ на минуту остановился. Обнаружить колебанiе—значило бы неминуемо погубить насъ. Наконецъ, онъ рѣшился сказать: „Да, я ручаюсь за нихъ своей головой.“ Это на нѣкоторое время, успокоило императора на нашъ счетъ. Генералъ Левашевъ самъ разсказывалъ намъ объ этомъ.

Подошло время нашего производства по старшинству въ генералъ-лейтенанты, а чинъ этотъ нельзя было совмѣщать съ должностью адъютанта великаго князя, и потому императоръ рѣшилъ назначить меня гофмейстеромъ двора великой княжны Елены, вышедшей вскорѣ послѣ того замужъ за принца Мекленбургскаго, а моего брата—шталмейстеромъ великой княжны Марiи, невѣсты наслѣднаго принца Веймарскаго. Мѣста эти соотвѣтствовали чину генералъ-лейтенанта. Я сожалѣлъ о томъ, что не могъ больше состоять при великомъ князѣ Александрѣ и дѣлить его занятiя по отправленiю военной службы. Перемѣна эта все же ничего не измѣнила въ нашихъ отношенiяхъ.

Обѣ великiя княжны, къ которымъ мы считались прикомандированными, были очень милы. Принцы, за которыхъ имъ

предстояло выйти замужъ, были мало достойными людьми. По случаю ихъ бракосочетанія были устроены празднества.

Вскорѣ послѣ этого мы съ братомъ должны были разстаться. Родители наши поселились въ Галиціи и требовали одного изъ насъ къ себѣ. Одному изъ насъ приходилось принять австрійское подданство, другой могъ еще оставаться въ Россіи. Обязанность вернуться, по семейному рѣшенію, пала на моего брата. Онъ написалъ императору письмо, очень почтительное, въ которомъ объяснялъ, что призванный родителями, ради удовлетворенія требованія австрійскаго правительства, онъ вынужденъ быть подлѣ нихъ и поставленъ въ необходимость просить позволенія отправиться къ нимъ въ Галицію. Павелъ былъ возмущенъ этимъ простымъ, весьма естественнымъ и обоснованнымъ поступкомъ. Раздраженіе его, быть можетъ, было еще сильнѣе отъ того, что онъ выказывалъ особое расположеніе моему брату. Онъ такъ вспылилъ, что хотѣлъ сослать брата въ Сибирь и немедленно дать объ этомъ приказъ. Къ счастью, Кутайсову, хорошо относившемуся къ брату и дѣйствовавшему по просьбѣ великаго князя Александра, удалось успокоить гнѣвъ императора, и Павелъ позвалъ моего брата, далъ ему отпускъ и разрѣшеніе уѣхать и наградилъ его орденомъ св. Анны первой степени.

По отъѣздѣ брата я былъ очень одинокъ и полонъ грустныхъ мыслей.—Однажды изъ арміи прибылъ курьеръ, котораго стали разспрашивать про подробности костюма и туалета французскихъ офицеровъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ, что всѣ они носятъ большіе бакенбарды. Императоръ, услышавъ объ этомъ, приказалъ, чтобы всѣ немедленно сбрили у себя бакенбарды; часъ спустя, приказаніе было исполнено. На балу вечеромъ видѣли, такъ сказать, уже новыя лица, выбритыя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были бакенбарды, съ бѣлыми вмѣсто нихъ пятнами на щекахъ. Смѣялись, встрѣчаясь и разсматривая другъ друга. Маршалъ Двора Нарышкинъ объявилъ приказъ и самъ присутствовалъ при его немедленномъ исполненіи.

Дворъ находился въ Павловскѣ. Въ послѣобѣденное время устраивались кавалькады; великія княжны правили своими лошадьми очень изящно и съ большою ловкостью. Императрица, которой верховая ѣзда была предписана врачами, ѣздила по-мужски и только шагомъ. Лѣто было лучше, чѣмъ обыкновенно. Я помѣщался въ уединенномъ домѣ, въ концѣ павловскаго парка, у опушки лѣса; тамъ я жилъ болѣе обособленно и чувствовалъ большую склонность посвящать день какимъ-нибудь полезнымъ занятіямъ. Вдругъ, однажды утромъ, я получилъ письмо отъ графа Растопчина, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ, что я назначенъ посломъ отъ русскаго Двора при королѣ Сардиніи и долженъ немедленно пріѣхать въ Петербургъ, чтобы получить тамъ инструкціи и черезъ недѣлю выѣхать въ Италію. Это была опала, имѣвшая видъ милости. Мнѣ опять кто-то повредилъ въ глазахъ императора. Мнѣ было очень досадно и грустно получить этотъ внезапный приказъ, котораго я совершенно не ожидалъ; мнѣ было тяжело разставаться съ великимъ княземъ, къ которому я искренно привязался, и съ нѣкоторыми друзьями, скрашивавшими мнѣ своею дружбою пребываніе въ Россіи.

Надо было повиноваться и покинуть Павловскъ на слѣдующій же день. Великій князь выразилъ мнѣ свое огорченіе по поводу моего отъѣзда. Мысленно возвращаясь къ этимъ минутамъ, я вспоминаю, что тогда онъ уже не былъ такимъ, какимъ я видѣлъ его при нашемъ разставаніи въ Москвѣ, послѣ коронаціи его отца. Онъ ближе узналъ уже дѣйствительную жизнь, и она начала производить на него свое дѣйствіе. Исчезла часть его грезъ, въ особенности тѣхъ, что касались его личной судьбы и о которыхъ мы давно уже больше не говорили. Къ тому же великій князь не могъ совершенно противиться окружавшимъ его примѣрамъ и такъ же искалъ развлеченія въ ухаживаніяхъ за дамами, пользовавшимися наибольшимъ успѣхомъ въ данную минуту. При прощаніи со мною, въ которомъ сказалось все его доброе сердце,

онъ обѣщалъ писать мнѣ при первой возможности. Я напрасно просилъ министра разрѣшить мнѣ остановиться по дорогѣ на нѣсколько дней у моихъ родителей, жившихъ въ мѣстахъ, черезъ которыя я долженъ былъ проѣзжать. Въ этомъ мнѣ было отказано. Все же я уѣзжалъ съ надеждой, что, проѣзжая такъ близко мимо нихъ, я найду случай хоть на нѣсколько минутъ встрѣтиться и повидаться съ ними.

ГЛАВА VII.

1798—1799.

Пріѣздъ въ Вѣну и пребываніе тамъ. Отъѣздъ въ Италію. Пребываніе во Флоренціи. Въ Римѣ. Въ Неаполѣ.

Я только что устроился въ отдаленномъ концѣ Павловска, у опушки лѣса, въ уединенномъ домѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ подходилъ къ моимъ потребностямъ. Окончивъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ служебныя обязанности, я могъ ежедневно оставаться у себя, чтобы отдаваться, сообразно съ моими желаніями и вкусами, занятіямъ полезнымъ или пріятнымъ, не подвергаясь несвоевременнымъ посѣщеніямъ. Я какъ разъ былъ охваченъ тогда приливомъ творчества. То были минуты сладкихъ иллюзій. Воображеніе порой внушаетъ надежду на возможность что-нибудь создать. И только, приступивъ къ работѣ, приходишь къ не особенно лестному для себя заключенію, что для успѣшнаго выполненія завѣтнаго плана требуются долгій трудъ и разнообразныя познанія, и что для этого намъ часто не хватаетъ таланта и настойчивости.

Итакъ, я былъ огорченъ, получивъ неожиданный приказъ оторваться отъ моихъ мечтаній, явиться менѣе чѣмъ въ двадцать четыре часа въ Петербургъ, чтобы ознакомиться съ депешами, касающимися посольства въ Пьемонтъ, куда меня назначали. Прежняя корреспонденція, найденная мною въ архивахъ министерства, давала только общее понятіе объ обязанностяхъ,

связанныхъ съ этимъ постомъ; что же касается моей спеціальной миссіи, мнѣ не дали на этотъ счетъ никакихъ положительно инструкцій.

Черезъ восемь дней, ушедшихъ на приготовленія къ путешествію, я покинулъ Петербургъ, разочарованный оффиціальнымъ отказомъ въ разрѣшеніи остановиться въ Пулавахъ. Къ счастью, Mierzdznec лежалъ у меня на пути. Моя старшая сестра, предупрежденная о днѣ моего проѣзда, примчалась туда, чтобы дать мнѣ свѣдѣнія о нашихъ родителяхъ. Мы провели вмѣстѣ часть ночи и утро, передавая другъ другу наши радости и огорченія. Осторожность не позволила мнѣ ни остаться дольше, ни поѣхать повидаться съ родителями. Мы разстались, въ надеждѣ встрѣтиться въ Вѣнѣ, гдѣ находилась уже моя младшая сестра, Замойская, и куда вскорѣ пріѣхала и старшая.

Прошло четыре года съ тѣхъ поръ, какъ мы съ братомъ оставили Вѣну. Положеніе мое было теперь совершенно инымъ. Тогда я уѣзжалъ, чтобы просить у русскаго правительства милости, которая была только оказаніемъ справедливости,—возвращенія нашихъ имѣній. Теперь я возвращался въ Вѣну въ качествѣ уполномоченнаго отъ этого правительства. Эта перемѣна положенія производила огромнѣйшее впечатлѣніе на все вѣнское общество, въ особенности же на представителей австрійской администраціи. Нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ 1798—1799 г.г., проведенныхъ въ обществѣ моихъ сестеръ въ Вѣнѣ, я считаю самыми счастливыми въ моей жизни. Нѣсколько лѣтъ уже моя тетка, Любомірская, жена маршала, проводила тамъ зиму. Она имѣла отель на улицѣ Бастей (на бульварѣ) и принимала у себя всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ членовъ вѣнскаго общества. Тутъ были женщины, прославленныя красотою и умомъ, и иностранные путешественники, толпами съѣзжавшіеся въ австрійскую столицу, такъ какъ Франція и Парижъ, закрытые для Европы, были въ это время ненавистны высшимъ классамъ всѣхъ странъ.

Вѣна была въ то время какъ бы столицей континента, вступившаго въ союзъ съ Англіей противъ ужасовъ французской революціи. Среди этого избраннаго общества, менѣе австрійскаго, чѣмъ европейскаго, моимъ обѣимъ сестрамъ оказывали самый благосклонный, самый лестный пріемъ. Моя младшая сестра была тогда въ расцвѣтѣ своей дѣйствительно необычайной красоты. Старшая сестра, также красивая, особенно блистала умомъ. Одно неожиданное обстоятельство удвоило тотъ престижъ, которымъ онѣ пользовались въ Вѣнѣ. По приказанію императора Павла великій князь Константинъ отправился въ армію Суворова, одерживавшую тогда побѣды въ Италіи, и долженъ былъ проѣздомъ остановиться въ Вѣнѣ. Моя сестра, принцесса Вюртембергская, только что разведенная съ дядей великаго князя, очутилась въ затруднительномъ положеніи. Она была очень близка съ графиней Разумовской, женой русскаго посла, урожденной графиней Тунъ, старшей изъ трехъ сестеръ, которыя, благодаря своей красотѣ, изяществу, уму и благороднымъ чувствамъ, составляли украшеніе вѣнскаго общества. Самая младшая изъ нихъ, впослѣдствіи лэди Гильфордъ, хотѣла выйти замужъ за князя Іосифа Понятовскаго и всегда питала къ нему братскую привязанность. Графиня Разумовская, несмотря на то, что была женой русскаго посла, ненавидѣла, какъ и ея сестры, всѣхъ русскихъ вообще. Но посолъ, не зная, какъ отнесется великій князь къ моей сестрѣ, началъ уже избѣгать ея, не осмѣливался дать ей какой-либо совѣтъ и пересталъ выказывать ей свою дружбу. Въ день пріѣзда Константина всѣ собрались въ помѣщеніи посольства, и сестра моя, считая неудобнымъ не явиться въ обществѣ, въ которомъ она бывала ежедневно (тѣмъ болѣе, что я былъ тогда въ Петербургѣ), также поѣхала туда. Но принятая съ признаками замѣтнаго безпокойства, она держалась вдали, и никто не рѣшался подойти къ ней. Наконецъ, великій князь пріѣхалъ, и когда, послѣ первыхъ привѣтствій, графъ Разумовскій приступилъ къ представленію ему дамъ, явив-

шихся его привѣтствовать, онъ спросилъ, гдѣ моя сестра, тотчасъ же подошелъ къ ней, называлъ ее своей теткой и вступилъ съ ней въ долгій и очень любезный разговоръ; тема разговора была обширна, такъ какъ онъ говорилъ ей о ея двухъ братьяхъ, которыхъ ежедневно видѣлъ въ Петербургѣ.

Какъ только великій князь уѣхалъ изъ посольства, всѣ тѣ, которые только что держались вдали отъ сестры, бросились къ ней, съ выраженіемъ чувствъ радости и нѣжности. На слѣдующій день великій князь, предупредивъ ее заранѣе, пріѣхалъ отдать ей визитъ. Принцъ Эстергази, вмѣстѣ съ нѣкоторыми австрійскими генералами, должны были ожидать въ передней. Сестра, которой это было, дѣйствительно, очень непріятно, умоляла его разрѣшить имъ войти. Но ему доставляло удовольствіе мучить ихъ болѣе часа. Онъ говорилъ и смѣялся безъ конца. Его забавляло доводить ихъ до бѣшенства; такъ онъ поступалъ не только въ Австріи, но и вездѣ въ другихъ мѣстахъ. Онъ всюду дразнилъ и оскорблялъ (иногда даже болѣе грубымъ образомъ) иностранцевъ, старавшихся оказать ему хорошій пріемъ.

Именно къ этому году моего пребыванія въ Вѣнѣ относится начало моего знакомства съ Поццо-ди-Борго, и этому-то знакомству онъ былъ обязанъ впослѣдствіи своимъ высокимъ положеніемъ и огромнымъ состояніемъ. Поццо былъ тогда молодымъ человѣкомъ, справедливо или нѣтъ воображавшимъ, что онъ является жертвой за правое дѣло. Генералъ Паоли, извѣстный въ XVIII столѣтіи, какъ защитникъ независимости Корсики противъ арміи Людовика XV, долженъ былъ искать убѣжища въ Англіи (я часто встрѣчалъ его тамъ въ 1790 году у красавицы Конвей, артистки-художницы, принимавшей у себя лучшее общество). Въ 1790 году англичане, овладѣвъ Корсикой, сдѣлали тамъ стараго Паоли губернаторомъ, а онъ назначилъ статсъ-секретаремъ при себѣ Поццо. Это доказываетъ, что способности Поццо уже были замѣчены; но, будучи вначалѣ усерднымъ поклонникомъ революціонныхъ перемѣнъ во

Франціи, онъ очутился теперь въ противоположной партіи въ Корсикѣ. Англійское господство длилось здѣсь недолго. Вслѣдствіе взятія Тулона, французская республиканская революціонная партія одержала побѣду, прогнала англичанъ и назначенное ими правительство и овладѣла островомъ. Такимъ образомъ Поццо сталъ эмигрантомъ. Но какъ настоящій корсиканецъ, страстный, мстительный, онъ только и мечталъ о мести французамъ и семьѣ Бонапартовъ. Онъ получалъ пенсію отъ англійскаго правительства, лишь въ качествѣ простого иностранца, и не получалъ никакой должности или занятія. Страннымъ образомъ онъ никогда не могъ внушить ни малѣйшаго довѣрія британскому министерству, которое, наградивъ его пенсіей, совершенно оставило его въ сторонѣ.

Горя желаніемъ пробить себѣ дорогу, Поццо бросался направо и налѣво и не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы удовлетворить свое честолюбіе, не дававшее ему покоя. Въ качествѣ протеже лорда Минто, англійскаго посла, отца эксъ-министра, извѣстнаго своимъ дипломатическимъ путешествіемъ по Италіи въ 1848 году, Поццо былъ принятъ въ салонахъ моихъ сестеръ и г-жи Ланскоронской, особы, пользовавшейся всеобщимъ уваженіемъ, и такимъ образомъ сталъ членомъ небольшого польскаго кружка, наиболѣе славившагося тогда въ Вѣнѣ. Это открыло ему входъ въ лучшіе дома и обезпечило ему покровительство дамъ и салоновъ. Но, хотя онъ былъ хорошо принятъ въ обществѣ и былъ еще довольно молодъ, въ его манерѣ держаться всегда было что то, не внушавшее довѣрія, скрытное, ненадежное, мѣшавшее установленію съ нимъ близкихъ, дружескихъ отношеній. Во всякомъ случаѣ, такое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня, съ самаго начала нашего знакомства. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ развитой; иногда имъ овладѣвало стремленіе поэтизировать свою жизнь, онъ работалъ надъ историческими, моральными и политическими произведеніями. Но когда онъ разговаривалъ, выраженіе его глазъ доказывало, что слова его не находились въ согласіи

съ его мыслями. Такое выраженіе лица было у него всегда. Что же касается его истинныхъ стремленій, то они сводились къ постоянному желанію возвыситься и разбогатѣть. И хотя тогдашнія обстоятельства иногда и принуждали его поддаться внушенію чувства, онъ никогда не забывался до такой степени, чтобы отвлечься отъ руководившей имъ цѣли.

Тѣмъ не менѣе, въ Вѣнѣ его считали человѣкомъ интереснымъ, искреннимъ и достойнымъ настоящей дружбы. Похвалы, расточаемыя ему всѣми, заглушали во мнѣ все предубѣжденіе противъ него.

Въ моментъ моего отъѣзда изъ Вѣны, въ 1793 году, Кауницъ былъ еще живъ. Теперь его мѣсто было занято Тугутомъ, съ которымъ я встрѣчался въ 1793 году въ Брюсселѣ. Тугутъ былъ тогда всемогущъ. Когда-то онъ называлъ себя другомъ моего отца. Занимая въ то время постъ посла въ Варшавѣ, онъ умѣлъ противостоять всякимъ направленнымъ противъ него попыткамъ и притязаніямъ, не останавливаясь даже передъ вызывающимъ образомъ дѣйствій по отношенію къ самому королю. Будучи темнаго происхожденія, онъ все же достигъ того (вещь почти небывалая въ Австріи), что былъ поставленъ императоромъ Францемъ II во главѣ правительства. Непоколебимый сторонникъ войны, онъ оставилъ свой портфель только послѣ сраженія при Гоенлинденѣ, къ большому сожалѣнію императора, полнымъ довѣріемъ котораго онъ пользовался. Онъ обладалъ необыкновенными качествами, въ особенности, твердостью характера, настойчивостью и необычайной способностью быстро и легко работать; когда у него было дѣло, онъ работалъ безпрерывно. Чтобы сохранить здоровье, онъ воздерживался отъ мяса и употреблялъ въ пищу только зелень и рыбу. Я встрѣтился съ нимъ позже, въ 1820 г., когда его единственнымъ занятіемъ было посѣщеніе каждый вечеръ спектаклей Касперлэ, съ графомъ Оссолинскимъ, его вѣрнымъ другомъ, единственнымъ изъ друзей, который не покинулъ его.

Оттянувъ, насколько было возможно, мой отъѣздъ изъ Вѣны и съ сожалѣніемъ разставаясь съ сестрами, я только къ осени покинулъ Австрію и отправился къ королю Сардиніи выполнять свою миссію. Видъ первыхъ городовъ Италіи поражалъ меня каждый разъ, какъ только я въѣзжалъ въ нихъ. Я былъ пораженъ ими, въ особенности, потому, что сама страна производила весьма жалкое впечатлѣніе, которое начало измѣняться къ лучшему только вблизи Вероны. Я быстро проѣхалъ Верону, Венецію, Мантую. Самое большее, что я успѣлъ сдѣлать, это осмотрѣть главные памятники этихъ знаменитыхъ городовъ и на нѣсколько минутъ предаться тѣмъ размышленіямъ, которыя они неминуемо вызываютъ.

При нѣкоторомъ, хотя бы небольшомъ знакомствѣ съ искусствомъ и древней литературой, невозможно не поддаться обаянію этихъ памятниковъ: и я вспоминаю, какъ проѣзжая Верону, Мантую, Венецію и ихъ окрестныя поля, окаймленныя бордюромъ виноградныхъ лозъ, точно праздничными гирляндами, я только и грезилъ о Виргиліи, о Шекспирѣ, объ Отелло, Ромео и Джульеттѣ.

Положеніе страны было отчаянное: она служила театромъ войны; изъ рукъ одного побѣдителя она переходила въ руки другого. Жители ея, недавно еще граждане цизальпинской республики, привыкли возлагать безграничныя упованія на подвиги французской доблести. Теперь же, будучи свидѣтелями пораженія французовъ, они не знали, куда имъ податься. Погода была непріятная, дороги невозможныя для ѣзды. На первой же станціи послѣ Мантуи, мой экипажъ застрялъ въ грязи и до Бенедетто меня тащили на волахъ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей предложилъ мнѣ гостепріимство и ужинъ, увѣряя меня, что ему посчастливилось убить какую-то неизвѣстную въ этихъ краяхъ птицу. Я замѣтилъ, что мой буржуа, похожій на всѣхъ своихъ соотечественниковъ, жалуясь на тяжелыя времена, внимательно слѣдилъ за мной, стараясь узнать, что я думаю, къ какой партіи принадлежу

и что слѣдуетъ говорить при мнѣ. Мнѣ подали бульонъ, который я нашелъ превосходнымъ. Что же касается птицы, меня поразила ея худоба, черный цвѣтъ ея мяса, огромные голова и клювъ: это просто-напросто былъ воронъ или ворона. Сутки, проведенные мной подъ этой крышей, домашняя жизнь ломбардскаго буржуа, въ глубинѣ души симпатизировавшаго французамъ и боявшагося австрійцевъ, такъ врѣзались въ мою память, что я не удержался, чтобы не упомянуть здѣсь объ этомъ.

Въ 1799 г., о которомъ идетъ рѣчь, король Сардиніи передъ тѣмъ изгнанный французами изъ своихъ континентальныхъ владѣній и вынужденный укрыться на островѣ Сардиніи (гдѣ цивилизація еще и теперь находится въ очень отсталомъ видѣ), воспользовался побѣдами Суворова, возвратился на континентъ и поселился во Флоренціи. Въ этомъ его поддерживало кромѣ того и покровительствующее ему русское правительство. Король не могъ еще рискнуть добраться до Пьемонта, гдѣ находились войска. Правда, тогда только что произошло сраженіе при Нови, но Бонапартъ возвращался уже изъ Египта, а Массена заперся въ Генуѣ. Прибавимъ къ этому также, что австрійскій дворъ употребилъ всѣ усилія, чтобы помѣшать королю Сардиніи вернуться въ свои владѣнія. Прежде всего Австрія боялась, чтобы его присутствіе не послужило помѣхой ея военнымъ и политическимъ планамъ и операціямъ; къ тому же оба эти двора давно уже не любили другъ друга. Въ особенности Австрія, никогда никого не любившая, кромѣ самой себя. Такой эгоизмъ, конечно, свойственъ всѣмъ правительствамъ такъ же, какъ и людямъ, но Австрія любитъ себя болѣе страстно и болѣе открыто, чѣмъ другіе, и это одностороннее чувство разрушаетъ въ ней всякій благородный порывъ, всякій сердечный, искренній, скажемъ, даже честный поступокъ по отношенію къ другимъ.

Итакъ, я отправился во Флоренцію и пріѣхалъ туда зимой 1798 1799 г. Несмотря на то, что была уже глубо-

кая зима, въ ночь моего пріѣзда разразилась страшная буря, сопровождавшаяся громомъ и молніей, напоминавшая мнѣ другія подобныя бури въ нѣкоторыя важныя мгновенія моей жизни.

Мои дипломатическія занятія, какъ русскаго посланника при королѣ Эммануилѣ, окруженномъ нѣсколькими вѣрными сторонниками, не были многосложны. Я долженъ былъ стараться оживить самочувствіе этого несчастнаго монарха увѣреніемъ въ расположеніи и протекціи императора Павла и сообщать, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ кабинету о текущихъ происшествіяхъ. Эти донесенія трудно было сдѣлать очень интересными по той причинѣ, что другіе посланники находились ближе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ разыгрывались важныя событія. Мнѣ приходилось въ своихъ сообщеніяхъ вращаться въ тѣсномъ кругѣ немногихъ наблюденій, и придавать хотя какой-нибудь интересъ своимъ донесеніямъ было для меня тѣмъ труднѣе, что со времени моего пріѣзда въ Россію я дѣйствовалъ подъ давленіемъ независящей отъ меня непреоборимой силы,—что, впрочемъ, и поддерживало меня среди многихъ превратностей, —и поэтому относился съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, что отъ меня требовали. Это равнодушіе было особенно необходимо мнѣ въ моей новой роли по той причинѣ, что здѣсь я долженъ былъ привѣтствовать какъ успѣхъ то, на что въ дѣйствительности я не могъ смотрѣть иначе, какъ на несчастье; надо было вести переписку съ Суворовымъ и забыть о рѣзнѣ въ Прагѣ; надо было подписываться, обращаясь къ императору „Вашъ вѣрноподданный и рабъ“, по требуемой тогда формулѣ.

Король Сардиніи во многомъ напоминалъ Іакова I, короля англійскаго—исключая его богословской учености—какимъ онъ изображается въ исторіи и, главнымъ образомъ, подъ перомъ Вальтеръ Скотта. Савойская вѣтвь, происшедшая отъ одной англійской принцессы, даже отъ дочери, если не ошибаюсь, Іакова I, была старше Ганноверской. Король не любилъ заниматься дѣлами, и несмотря на всю его набожность, его раз-

говоры были пересыпаны забавными анекдотами, потому что, подобно своему предку Іакову, онъ имѣлъ склонность къ шутовству. Его супруга, королева Клотильда, (если память мнѣ не измѣняетъ), была одной изъ сестеръ Людовика XVI-го. Въ Версалѣ ее прозвали „Le gros madame" за ея необычайную полноту. Однако, въ то время, когда я былъ ей представленъ, она была чрезвычайно худа. У нея попрежнему были очень красивые глаза; ея лицо, звукъ ея голоса, выражали доброту и меланхолическое настроеніе.

Дипломатическій корпусъ, къ которому я принадлежалъ, состоялъ только изъ меня и Виндама, брата лорда Виндама, знаменитаго члена палаты лордовъ. Это былъ толстый англичанинъ, который походилъ скорѣе на пивовара или мясника, чѣмъ на дипломата. Каждое воскресенье или праздникъ, мы оба отправлялись въ резиденцію короля. Король занималъ одинъ изъ дворцовъ герцога Тосканскаго, расположенный за городомъ, который съ теченіемъ времени сдѣлался одной изъ великолѣпнѣйшихъ резиденцій. На аудіенцію насъ вводилъ всегда графъ Шаламберъ, „такъ называемый" министръ иностранныхъ дѣлъ. Онъ подводилъ насъ къ королю и королевѣ; разговоръ обыкновенно касался незначительныхъ предметовъ и не продолжался болѣе двадцати минутъ. Послѣ нѣсколькихъ шутливыхъ фразъ король раскланивался съ нами, подражая иногда лицу, о которомъ только что говорилъ, и это выходило у него очень комично. Что касается королевы, она кланялась намъ съ грустной улыбкой.

Былъ также у насъ еще нѣкто въ родѣ дипломата, низшаго по положенію, не бывавшаго при дворѣ. Это былъ повѣренный по дѣламъ Пруссіи, по имени Винтергальтеръ. Этотъ бѣдняга получалъ такое маленькое содержаніе, что ему едва хватало на прожитіе, но, несмотря на свое изношенное платье, онъ бросался во всѣ стороны, всюду проникалъ, болталъ безъ конца и, конечно, чтобы не лишиться своего жалкаго содержанія, ежедневно нагружалъ своего курьера всякаго рода бу-

магомараньемъ. Но все таки, несмотря на всѣ лишенія, у него было толстое брюшко, широкая лунообразная физіономія, и онъ не совсѣмъ уже былъ лишенъ политическаго чутья.

Что касается придворнаго общества, то оно состояло только изъ семействъ нѣсколькихъ пьемонтцевъ, послѣдовавшихъ за своимъ королемъ. Мѣстные жители держали себя совершенно обособленно, ни съ кѣмъ не видаясь, никого не принимая. Балльи де Сенъ-Жерменъ, бывшій гувернеръ короля, считался гофмейстеромъ двора. Онъ никогда нигдѣ не появлялся, и съ нимъ никто не имѣлъ никакихъ дѣлъ. Однажды только онъ устроилъ у себя обѣдъ, и это былъ единственный актъ, который онъ предпринялъ въ силу своего званія. Дюнуае, правая рука графа Шаламбера, и Ламармора (какъ мнѣ кажется, дядя генераловъ, носящихъ то же имя) принадлежали ко Двору; графъ де-ля-Туръ, изъ Турина, бывшій королевскимъ губернаторомъ въ Пьемонтѣ во время его оккупаціи австрійцами, а также еще одинъ сардинскій дворянинъ, представитель страны при королѣ, дополняли тогда число представителей Пьемонта.

Изъ числа флорентинцевъ къ пьемонтцамъ ходилъ только маркизъ де-Корси, пріѣхавшій отдать мнѣ визитъ. Впрочемъ, еще одинъ домъ составлялъ исключеніе изъ этого правила, это домъ г-жи д‘Альбани, разведенной съ претендентомъ и бывшей въ то время супругой графа Альфіери. Г-жа д‘Альбани часто давала обѣды, на которые приглашались всѣ иностранцы. Художникъ Фабръ былъ постояннымъ посѣтителемъ этого дома. Я видался съ нимъ много времени спустя на его родинѣ, въ Монпелье, гдѣ онъ устроилъ музей картинъ и рѣдкостей, собранныхъ Альфіери и завѣщанныхъ имъ графинѣ д‘Альбани, которая отдала ихъ Фабру; ему же, если не ошибаюсь, она отдала и свою руку.

Важнымъ лицомъ во Флоренціи былъ въ то время австрійскій генералъ Соммарива. Я помню, какъ однажды вечеромъ одинъ импровизаторъ изъ общества, импровизируя на пред-

ложенную мною тему, о любви Антонія и Клеопатры, прежде всего сталъ воспѣвать австрійскаго генерала и посвятилъ ему свои стихи, подобно тому, какъ Тассо посвятилъ свою поэму „Освобожденный Іерусалимъ“ Альфонсу Феррарскому.

Во время моего пребыванія во Флоренціи графъ Альфіери отличался очень крѣпкимъ здоровьемъ. Длинныя прогулки занимали большую часть его времени. На этихъ прогулкахъ онъ громко, не обращая вниманія ни на прохожихъ, ни на окружавшую его обстановку, декламировалъ стихи изъ своихъ трагедій. Вечерами, несмотря на усталый, измученный видъ, онъ тотчасъ же усаживался играть въ шахматы. Молодость свою онъ провелъ очень бурно, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ. Г-жа д'Альбани, къ которой онъ былъ очень привязанъ, побудила его заняться литературной работой, давшей ему еще при жизни большое имя. За нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда во Флоренцію я встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ.

Вначалѣ онъ былъ страстно увлеченъ принципами французской революціи, но скоро революціонные эксцессы возбудили въ немъ отвращеніе; Франція внушала ему ужасъ, и все свое усердіе, всѣ свои чувства онъ отдалъ королю Эммануилу, упрекая себя въ томъ, что не всегда оставался вѣренъ ему. Когда, много лѣтъ спустя, неожиданная болѣзнь лишила его возможности продолжать обычныя прогулки, онъ рѣшилъ, что пришелъ его конецъ; дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней его не стало. Это былъ человѣкъ съ большими достоинствами, смотрѣвшій на событія съ возвышенной точки зрѣнія; но находясь во власти своего экзальтированнаго воображенія, онъ легко поддавался иллюзіямъ.

У Виндама, о которомъ я уже упоминалъ, была подруга, очень красивая итальянка, имя которой я не могу вспомнить; она пріобрѣла извѣстность тѣмъ, что стала во главѣ возмущенія противъ французовъ въ Ареццо и явилась со своимъ отрядомъ въ Тоскану.

Спокойная жизнь, въ которую были погружены дворъ Сардиніи и флорентинское общество, была слишкомъ однообразной и потому не интересной. Дни шли одинъ за другимъ, не принося ничего новаго. И я рѣшилъ поѣхать въ Пизу къ Франциску Ржевусскому, бывшему маршалу двора въ Польшѣ. Это былъ другъ моихъ родителей, и во время нашего пребыванія въ Парижѣ мы съ матерью жили въ его домѣ. Онъ принялъ меня самымъ сердечнымъ образомъ, несмотря на то, что былъ очень боленъ. Страдая болѣзнью, которая свела его въ могилу, онъ очень нетерпѣливо переносилъ боли и прибѣгалъ къ опіуму. Одинъ врачъ, профессоръ университета въ Пизѣ, одобрилъ это врачебное средство, незамедлившее уложить его въ могилу, послѣ ужасныхъ страданій.

Еще въ дѣтствѣ мы любили Ржевусскаго. Онъ всегда угощалъ насъ какими-нибудь лакомствами. Изъ Повонзокъ мы часто ѣздили въ Маримонъ, гдѣ онъ выстроилъ себѣ, съ большимъ вкусомъ, роскошную дачу. Это былъ человѣкъ полный достоинствъ, привѣтливый, добрый, щепетильно-честный, но слишкомъ любящій свои удобства. Онъ былъ щедръ и во всемъ держался бариномъ, принадлежа къ той породѣ людей, которая теперь уже исчезла. Случалось, что онъ при гостяхъ совершенно не выходилъ изъ своей комнаты. Я былъ принятъ у него съ большимъ радушіемъ; столъ его былъ превосходенъ, сервировка самая тщательная, вниманіе самое утонченное, но самъ хозяинъ временами не появлялся. Когда онъ чувствовалъ себя хорошо, онъ охотно выходилъ къ столу и любилъ разговоры, которые у него всегда выходили очень интересными, благодаря массѣ бывшихъ съ нимъ разнообразныхъ приключеній. Я помню между прочимъ одно изъ нихъ, относящееся къ его пребыванію въ Петербургѣ. Онъ былъ посланъ туда королемъ, послѣ восшествія того на престолъ, и очень близко сошелся съ графомъ Панинымъ, императорскимъ канцлеромъ и воспитателемъ великаго князя Павла. Находясь однажды у этого министра, онъ взялъ на руки маленькаго великаго князя, какъ

вдругъ съ тѣмъ случились конвульсіи. „Никогда въ жизни я не былъ такъ испуганъ“, говорилъ онъ, „и съ тѣхъ поръ я остерегался играть съ этимъ хилымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ, который могъ умереть на моихъ рукахъ“.

Ржевусскій зналъ наизусть всю скандальную хронику Варшавы и Петербурга. Онъ былъ очень привязанъ къ королю, пробывъ долго его министромъ; но онъ покинулъ Дворъ тотчасъ, какъ только увидѣлъ, что король не былъ вѣренъ принятымъ на себя обязательствамъ.

Проѣзжая черезъ Ливорно, я, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, испыталъ энервирующее дѣйствіе сирокко, приносящагося туда прямо изъ раскаленныхъ пустынь Африки.

Я воспользовался пребываніемъ во Флоренціи, чтобь осмотрѣть чудеса и рѣдкости, собранныя въ городскихъ галлереяхъ. Я занялся изученіемъ итальянскаго языка, перечитывалъ поэмы Данте съ однимъ священникомъ; имени его я теперь не помню, но помню, что онъ отличался никогда не покидавшей его трусливостью и повторялъ на каждомъ шагу слова: Но paura! которыя тогда не стыдились произносить. Справедливость требуетъ добавить, что итальянцы съ тѣхъ поръ совершенно измѣнились.

Я велъ это спокойное и однообразное существованіе въ теченіе всей зимы. Но весной, вдругъ, лица у всѣхъ вытянулись, всѣ начали шептаться, и признаки большого безпокойства смѣнили недавнюю благодушную безпечность. Наконецъ, стало извѣстно о переходѣ французовъ черезъ Альпы, о битвѣ при Маренго и о ея результатахъ. Соммарива исчезъ, его войска также, въ то время, какъ король Сардиніи и весь его штатъ (и я въ томъ числѣ), наскоро собрали свои вещи и уѣхали въ Римъ.

Впечатлѣніе, которое производитъ Римъ въ первый пріѣздъ туда, не поддается описанію. Припоминаешь все то, что зналъ, читалъ и слышалъ объ этой древней столицѣ міра. Пробуешь слить всѣ отголоски душевныхъ ощущеній,

чтобы сдѣлать ихъ болѣе звучными, чтобы наслаждаться, переживая ихъ вновь. Съ трудомъ представляешь себѣ, что дѣйствительно находишься на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершились такія громкія событія; что ходишь по землѣ, по которой нѣкогда ходили великіе люди. И тогда въ особенности, если вы только что окончили изученіе классиковъ, которые описываютъ все, здѣсь происходившее, повторяютъ вамъ имена всѣхъ, кто здѣсь жилъ,— видъ Рима погружаетъ васъ въ мечты. Находясь въ этихъ мѣстахъ, вы видите вещи не такими, какими онѣ въ настоящую минуту являются передъ вашими глазами; волшебнымъ образомъ онѣ представляются вамъ такими, какими были въ прежнія времена; дѣйствительность облекается въ великолѣпіе и краски прошлаго.

Выйдя изъ экипажа, я первымъ дѣломъ поспѣшилъ въ Капитолій, на Палатинскій холмъ. Я не могъ сдержать своего нетерпѣнія, не могъ наглядѣться, не могъ насытить свое воображеніе видомъ этихъ мѣстъ, свидѣтелей столькихъ великихъ событій. Возможно ли это? говорилъ я себѣ: вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, жили Сципіоны, Катоны, Гракхи, Цезари! Здѣсь гремѣли рѣчи Цицерона! Здѣсь пѣлъ свои пѣсни Горацій! И я перебиралъ въ памяти все, что съ самаго дѣтства было предметомъ моего восхищенія и симпатій, все, что я зналъ объ этомъ отъ историковъ и поэтовъ. Я очень сожалѣлъ, что въ то время, о которомъ я говорю, христіанскія древности этого знаменитаго города не представляли для меня такого интереса, какъ теперь; я думалъ тогда только о Римѣ героическомъ, но языческомъ.

Будучи до такой степени проникнутъ этимъ величіемъ прошлаго, я только о немъ и грезилъ во все время моего пребыванія въ Римѣ. Я рѣшилъ осмотрѣть всѣ до одного остатки его античной жизни. Осматривая развалины, изучая авторовъ, сравнивая все, что они написали о расположеніи, величинѣ и направленіи улицъ и памятниковъ античнаго Рима, я старался представить себѣ его строеніе въ различныя эпохи и нарисо-

вать себѣ не только его общій планъ, но также и рядъ отдѣльныхъ картинъ, со всѣми подробностями, напримѣръ, Тибръ, семь холмовъ, зданія и постройки, которыя были расположены на нихъ, въ томъ видѣ, какими они представляются намъ въ нашемъ воображеніи, начиная со времени появленія перваго зданія на Палатинскомъ холмѣ и Капитоліи, затѣмъ во времена царей и въ различныя эпохи республики, вначалѣ, когда Римъ былъ построенъ изъ кирпича, затѣмъ, при Августѣ, когда онъ превратился въ городъ, выстроенный изъ мрамора. Каждый изъ этихъ рисунковъ долженъ былъ, по моему замыслу, представлять какую-нибудь особенность, освященную исторіей и соотвѣтствующую эпохѣ. Эта идея, новая лишь для меня, зарождалась уже и у другихъ лицъ, но она, къ сожалѣнію, никогда не была точно выполнена. Въ настоящее время такая работа представила бы меньше трудности и была бы болѣе точной, такъ какъ произведенныя за пятьдесятъ лѣтъ раскопки во многихъ мѣстахъ обнаружили остатки фундаментовъ стараго Рима.

Проекты плана и рисунковъ, представлявшихъ площади, храмы и крѣпости Рима, раздѣленнаго на семнадцать частей (regioni), занималъ меня все время пребыванія моего въ Римѣ. Я хотѣлъ, чтобы моя работа была точна и добросовѣстна. На это требовалось много времени, расходовъ и розысковъ. Надо было наводить справки во множествѣ книгъ; надо было руководить антикваріемъ, архитекторомъ и чертежникомъ. Я не сумѣлъ окончить мою работу, я только началъ ее. Основаніемъ моей работы я взялъ пріобрѣтенный мною планъ города, очень хорошо выполненный, и два рисунка; на одномъ былъ изображенъ форумъ временъ республики: противъ Палатинскаго холма виднѣлись массы народа, какъ это бывало въ бурныя времена, на возвышеніи—ораторъ, затѣмъ Via Sacra и зданіе, въ которомъ происходили выборы. Другой рисунокъ представлялъ собой большихъ размѣровъ акварель, также изображавшую форумъ, но съ противоположной Капитолію сто-

роны; здѣсь былъ нарисованъ тріумфъ Германика, въ царствованіе Тиверія. Видны были всѣ храмы, воздвигнутые по склонамъ Капитолія. Изъ одного храма выходилъ Тиверій, горящій ненавистью и гнѣвомъ, сопровождаемый членами сената. Третья акварель, сдѣланная безъ меня, должна была представлять первую эпоху по основаніи Рима, гроты на Тибрѣ, близъ Палатинскаго холма. Она совершенно не соотвѣтствовала ни моему ожиданію, ни моему замыслу. Эти рисунки— единственные памятники моего пребыванія въ Римѣ.

Мое вынужденное удаленіе изъ Польши, отъ семьи, отъ мѣста, гдѣ находились мои друзья, положеніе, которое совершенно не подходило ко мнѣ и не подавало никакихъ дальнѣйшихъ надеждъ,—все это погрузило меня въ состояніе какой-то летаргіи, которое овладѣло мной еще съ момента моего пріѣзда въ Петербургъ, какъ я уже говорилъ объ этомъ выше. Самыя важныя и неожиданныя событія не могли пробудить меня, вывести изъ этого состоянія прострацiи, изъ этого сонливаго безразличія. Это происходило потому, что въ теченіе всей моей жизни единственнымъ мотивомъ моихъ дѣйствій всегда было исключительное, преобладающее чувство любви къ родинѣ. То, что не служило ко благу моей родины или моихъ соотечественниковъ, не имѣло для меня никакой цѣны. Съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ я уважалъ и любилъ только то, что имѣло прямое или косвенное отношеніе къ моей родинѣ. Самыя ничтожныя вещи, когда онѣ касались Польши, возбуждали мой интересъ. Я убѣдился въ этомъ въ Варшавѣ. Тамъ былъ французскій театръ, очень порядочный,—но для меня онъ былъ скученъ; наоборотъ, польскій театръ, болѣе чѣмъ посредственный, сильнѣе притягивалъ меня къ себѣ.

Между тѣмъ, время моего пребыванія въ Римѣ было довольно богато событіями. Пій VI, избранный въ Венеціи, прибылъ тогда въ священный городъ, еще содрагавшійся отъ насилій, учиненныхъ французскими войсками. Помню, какъ монсиньоръ Консальви, возведенный въ санъ кардинала, принималъ однажды

иностранцевъ и мѣстныхъ жителей, и какъ русскій консулъ, въ неумномъ и неискусномъ привѣтствіи, предсказывалъ ему тіару. Предсказаніе, впрочемъ, никогда не сбылось, и Консальви самъ искренно не желалъ этого. Скажу мимоходомъ, что въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ я не щадилъ французовъ. Это, повидимому, очень удивляло Карпова, старшаго секретаря посольства, стараго русскаго бюрократа, которому, вѣроятно, приказали наблюдать за моими поступками. Зная всеобщую привязанность поляковъ къ французамъ, онъ почти упрекалъ меня въ суровости моего мнѣнія о нихъ. „Зачѣмъ же французы поступаютъ такъ плохо,“ отвѣчалъ я. „Они сами виноваты, если о нихъ нельзя сказать ничего хорошаго.“ Справедливо то, что всѣ люди вообще, будь то французы или нѣтъ, много теряютъ вблизи и сами вредятъ тому энтузіазму, который внушается ими издалека. Это примѣнимо даже и къ великимъ людямъ. Къ тому же, быть можетъ, изъ Петербурга все мнѣ казалось слишкомъ ужъ прекраснымъ, являлось въ слишкомъ блестящихъ краскахъ, и потому, приблизившись къ мѣсту дѣйствія, я былъ сильно обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ.

Вторымъ событіемъ этого времени была перемѣна отношеній, существовавшихъ между императоромъ Павломъ и Австріей, которыя начали портиться. Причинъ для этого было нѣсколько. Изъ нихъ я назову нѣкоторыя, до сихъ поръ мало извѣстныя. Великая княжна Александра, старшая дочь императора Павла, предназначавшаяся Екатериной въ жены шведскому королю, послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга была выдана замужъ за эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго. Бракъ этотъ былъ заключенъ въ пору лучшихъ отношеній между петербургскимъ и вѣнскимъ дворами и во время военныхъ успѣховъ Суворова. Эрцгерцогъ тотчасъ же увезъ свою прекрасную супругу въ столицу Австріи.

Отмѣчу здѣсь, что великій князь Александръ поручилъ своему beau-frère передать мнѣ письмо, которое я и получилъ

въ Италіи. Это было единственное письмо, полученное мною отъ него за два года моей миссіи при сардинскомъ дворѣ. Въ 1812 году мнѣ представился случай вновь увидѣться съ эрцгерцогомъ въ Офэнѣ. Онъ, повидимому, вспомнилъ это обстоятельство и принялъ меня тогда самымъ сердечнымъ образомъ. Эрцгерцогиня, его супруга, дѣйствительно отличалась рѣдкой красотой. Чертами лица она походила на Александра, своего брата; все въ ней было изящно; сверхъ того, она обладала всѣми нравственными достоинствами, которыя составляютъ лучшее украшеніе прекраснаго пола. При своемъ появленіи въ Вѣнѣ она возбудила восхищеніе, уваженіе и общій энтузіазмъ, совершенно не добиваясь этого. Это впечатлѣніе, распространившееся во всѣхъ классахъ общества, начиная съ Двора и аристократическихъ салоновъ и до Пратера, Грабена и многолюдныхъ улицъ Вѣны, не нравилось неаполитанкѣ, супругѣ Франца II-го. Она стала дѣлать своей belle soeur всякаго рода непріятности, и та затосковала по своимъ роднымъ. Не находя въ новой семьѣ ни сочувственнаго сердца, ни покоя, на каждомъ шагу перенося притѣсненія и обиды, она, въ концѣ концовъ, покинула Вѣну и уѣхала съ своимъ мужемъ въ Офэнъ, гдѣ вскорѣ умерла, въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ. Она была любимой дочерью Павла. Лишь только онъ узналъ, какъ недостойно обращались съ его дочерью въ ея новой семьѣ, онъ, раздраженный, потребовалъ дочь обратно и угрожалъ даже объявленіемъ войны. *)

Смерть эрцгерцогини, устранивъ войну, погрузила Павла и весь Петербургъ въ глубокій трауръ. Между тѣмъ Австрія, поправивъ свои дѣла въ Италіи, начала относиться къ русскому правительству съ меньшимъ уваженіемъ. Австрійцы отпустили Суворова, выказавъ ему очень мало вниманія; считая

*) Эрцгерцогиня умерла въ Вѣнѣ. Павелъ не былъ освѣдомленъ о ея смерти, о чемъ упоминаетъ и самъ авторъ мемуаровъ въ другомъ мѣстѣ.

себя уже господами страны, они были рады избавиться отъ неудобнаго и гордаго союзника. Въ это время произошли пораженія русскихъ въ Голландіи и Швейцаріи. Всѣ эти обстоятельства охладили отношенія Павла съ Австріей. Пользуясь такимъ положеніемъ вещей, Бонапартъ поспѣшилъ отослать Павлу всѣхъ русскихъ военно-плѣнныхъ, заново одѣвъ ихъ и обильно снабдивъ всѣмъ необходимымъ. Это вниманіе перваго консула растрогало императора. Павелъ самъ объявилъ своему совѣту и старался доказать министрамъ и приближеннымъ, что достаточно уже сдѣлано, достаточно истрачено денегъ и пролито крови за Австрію, которая отплачивала лишь неблагодарностью. Онъ восхвалялъ благородный поступокъ Бонапарта, видя въ немъ доказательство того, что тотъ искренно желаетъ союза съ Россіей и что, къ тому же, онъ подавилъ анархію и демагогію и, слѣдовательно, не было основаній уклоняться отъ сближенія съ нимъ. Соглашеніе съ Бонапартомъ не замедлило осуществиться. Генералъ Левашевъ былъ посланъ въ Неаполь, въ качествѣ посредника между французскимъ правительствомъ и правительствомъ Обѣихъ Сицилій. Проѣздомъ черезъ Римъ онъ вручилъ мнѣ письмо отъ графа Растопчина, завѣдывавшаго иностранными дѣлами. То было первое письмо, полученное мною отъ этого министра. Онъ рекомендовалъ мнѣ генерала Левашева и просилъ быть ему полезнымъ. Я исполнилъ эту просьбу съ сердечнымъ удовольствіемъ, такъ какъ генералъ былъ не только хорошимъ товарищемъ, но и выказывалъ по отношенію ко мнѣ большую дружбу. Вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ графа Растопчина второе посланіе, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что императоръ, будучи недоволенъ поведеніемъ сардинскаго двора, желалъ, чтобы я уѣхалъ оттуда, подъ предлогомъ посѣщенія Неаполя.

Я былъ въ восторгѣ отъ полученнаго приказа. Я уѣхалъ въ Неаполь. Двора тамъ не было, былъ только кавалеръ Актонъ, всемогущій министръ, который только что оставилъ Сицилію для того, чтобы взять въ свои руки управленіе королевствомъ.

Благодаря яркому солнцу и своему мѣстоположенію, Неаполь всегда прекрасенъ, хотя въ то время внѣшній видъ его былъ довольно печаленъ. Дипломатическія обязанности исполнялъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ Италинскій, посланный потомъ въ Константинополь, а еще позже—въ Римъ, по происхожденію малороссъ, бывшій врачъ и хирургъ. Онъ былъ ученый или, по крайней мѣрѣ, старался стать ученымъ. Онъ изучалъ археологію и физику (въ качествѣ врача). Умѣя устраивать собственныя дѣла, онъ считался человѣкомъ способнымъ вести всякое дѣло, которое ему могло быть поручено. Надо отдать ему справедливость, онъ, дѣйствительно, прекрасно исполнялъ обыкновенныя дѣла, но въ дѣлахъ большой важности не проявлялъ особаго дарованія, потому ли, что не обладалъ имъ, или потому, что счастье ему не улыбалось. Расположеніемъ къ нему Екатерины онъ обязанъ былъ своему письму о необычайныхъ въ то время изверженіяхъ Везувія. Въ концѣ своихъ депешъ онъ никогда не пропускалъ случая замѣтить, что пепелъ, восемнадцать вѣковъ назадъ поглотившій Помпею, покрываетъ его бумагу. Кромѣ того, его карьерѣ помогло и состояніе его здоровья; онъ считалъ себя умирающимъ; у него было, кажется, нѣчто вродѣ аневризма, принуждавшаго его вести очень правильную и уединенную жизнь; но аневризмъ этотъ длился многіе годы.

Неаполитанскій дворъ старался воспользоваться хорошими отношеніями, установившимися между Павломъ и Бонапартомъ. Онъ ходатайствовалъ передъ императоромъ, прося его поддержки и посредничества, такъ какъ всѣ думали, что послѣ Маренго французы не остановятся до тѣхъ поръ, пока не займутъ всего полуострова. Италинскій, поддавшись увѣщаніямъ кавалера Актона, отправился во Флоренцію къ Мюрату, чтобы выхлопотать нѣкоторыя милости для Неаполя, но попытка эта осталась безуспѣшной. Это произошло еще до моего отъѣзда изъ Рима. Карповъ, мой старшій секретарь, желая отомстить Италинскому за его насмѣшки, а также побуждаемый и завистью, называлъ это неудачное путешествіе „паломничествомъ

Италинскаго", который отправился во Флоренцію, увѣренный въ успѣхѣ, и возвратился оттуда съ носомъ.

По пріѣздѣ въ Неаполь я попросилъ Италинскаго представить меня кавалеру Актону. Мы застали его за столомъ, покрытымъ разными старыми исписанными бумагами. Это былъ худой человѣкъ слабаго здоровья, со смуглымъ лицомъ, впалыми щеками и черными глазами. На всей его фигурѣ лежали слѣды разрушительной силы времени; онъ былъ сильно сгорбленъ и постоянно жаловался, что изнемогаетъ подъ бременемъ работы и несчастій.

Его считали наиболѣе любимымъ фаворитомъ королевы Каролины, которая неограниченно властвовала надъ своимъ мужемъ и королевствомъ. Все дѣлалось согласно ея желаніямъ. На оффиціальныхъ бумагахъ ея подпись ставилась рядомъ съ подписью короля, въ доказательство того, что они правили совмѣстно. Она была такъ же дѣятельна, какъ и ея братъ, императоръ Іосифъ; къ тому же ея глаза, осанка, движенія, все,— до крикливаго, пронзительнаго голоса включительно,—въ достаточной мѣрѣ доказывали ея предпріимчивость. Я видѣлъ ее въ Ливорно, когда она высаживалась съ парохода, сопровождаемая своими дочерьми, изъ которыхъ одна, принцесса Амалія, вышла впослѣдствіи замужъ за Луи-Филиппа. Еще до брака Каролины съ королемъ Фердинандомъ Марія-Терезія воспитала въ своей дочери любовь къ властвованію. Эта любовь впослѣдствіи сдѣлалась ея страстью. Была у нея еще и другая страсть—имѣть любовниковъ. Рожденная съ огненнымъ темпераментомъ, разожженнымъ климатомъ Италіи, она все же ставила себѣ въ заслугу, что у нея не было ни одного ребенка, не принадлежавшаго Фердинанду. И на самомъ дѣлѣ, между дѣтьми и отцомъ было несчастное сходство, не только въ отношеніи физическихъ качествъ, болѣе чѣмъ непривлекательныхъ, но также и въ отношеніи характера и качествъ моральныхъ. Только одна королева Амалія, по своимъ рѣдкимъ достоинствамъ, представляла исключеніе изъ этой семьи.

Русское войско, занимавшее тогда Неаполь, находилось подъ начальствомъ генерала Бороздина, старшаго изъ трехъ братьевъ. Былъ моментъ, когда возникалъ вопросъ о томъ, чтобы двинуть соединенныя силы союзниковъ въ Римъ и оспаривать у французовъ побѣду надъ Неаполемъ. Генералъ Бороздинъ даже самъ лично ѣздилъ по этому поводу въ Римъ; но проектъ этотъ остался безъ движенія, такъ какъ Бороздинъ не могъ столковаться съ генераломъ Роже-де-Дама, главнокомандующимъ неаполитанскими войсками, относительно того, кто изъ нихъ получитъ командованіе надъ соединенными войсками. Это несогласіе спасло ихъ обоихъ отъ неминуемаго пораженія. Генералъ Бороздинъ былъ изящнымъ вельможей Екатерины. Онъ былъ очень любезенъ въ обществѣ, но у меня остались нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ его военныхъ талантовъ. Живя въ роскошнѣйшемъ климатѣ, пользуясь матеріальными выгодами, доставляемыми правительствомъ, болѣе полагавшимся на русскія войска, чѣмъ на свои собственныя, Бороздинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи все то, чего можетъ желать русскій, а именно: представительство и удовольствія. Чтобы довершить его радости, судьба послала ему побѣду, которая была для него пріятнѣе всего.

Простоватый англійскій консулъ, только что женившійся на молодой, прелестной особѣ, счелъ своимъ долгомъ бѣжать изъ Неаполя, какъ только узналъ о пораженіи австрійцевъ при Маренго и о побѣдномъ шествіи французовъ къ Флоренціи и Неаполю. Чтобы не подвергать свою молодую жену опасностямъ такого стремительнаго переѣзда, онъ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ поручить ее заботамъ русскаго генерала, съ которымъ близко сошелся. Этотъ честный англичанинъ былъ увѣренъ, что отдалъ свое сокровище въ самыя вѣрныя руки. Но другъ этотъ не могъ побѣдить сильнѣйшаго изъ искушеній и палъ подъ его бременемъ, быть можетъ, еще раньше, чѣмъ принялъ подъ свою охрану порученное ему сокровище. По правдѣ сказать, это былъ поразительно красивый

розовый бутонъ, и Бороздинъ, съ разрѣшенія мужа, для лучшаго охраненія своей молодой протежэ, устроилъ ее въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ самъ. Общеніе было легкое, соблазнъ былъ великъ. Это злоупотребленіе довѣріемъ, хотя и расцвѣченное красивымъ увлеченіемъ, все же остается пятномъ на его совѣсти; мы видимъ здѣсь культъ матеріальнаго и пренебреженіе къ духовному, соединенное съ попраніемъ всякаго чувства достоинства. Какъ только миновала паника, вызванная нашествіемъ французовъ, консулъ возвратился, забралъ жену и не зналъ, какъ благодарить друга за оказанную имъ услугу. Я его видѣлъ, —это былъ добродушнаго вида человѣкъ, отнюдь не блиставшій умомъ. Вскорѣ послѣ этого, когда я уѣзжалъ изъ Неаполя обратно въ Римъ, генералъ сопровождалъ меня. Онъ былъ очень веселъ и больше не думалъ уже о женѣ консула, которую вскорѣ, вѣроятно, и совсѣмъ позабылъ.

Въ Неаполѣ время шло для меня быстро, и я не очень спѣшилъ осматривать рѣдкія красоты мѣстной природы и памятники искусства; послѣдніе къ тому же находились въ запущенномъ видѣ съ тѣхъ поръ, какъ вспыхнула революція.

Вдругъ, подобно удару грома въ лѣтній день, на насъ обрушилось извѣстіе о смерти Павла. Первымъ чувствомъ при этой неожиданной вѣсти было удивленіе, сопровождаемое нѣкотораго рода страхомъ. Чувства эти скоро смѣнились радостью. Императоръ Павелъ никогда не былъ любимъ, даже тѣми, для кого онъ сдѣлалъ что-нибудь хорошее, или кто нуждался въ немъ. Онъ былъ слишкомъ своенравенъ, и никто не могъ на него положиться. Курьеръ, привезшій это извѣстіе посольству, имѣлъ видъ глухонѣмого; онъ не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ и издавалъ только какіе-то непонятные звуки; онъ находился подъ впечатлѣніемъ ужаса и даннаго ему особаго приказа хранить молчаніе. Онъ передалъ мнѣ нѣсколько словъ отъ новаго императора Александра, приказывавшаго мнѣ, не теряя времени, возвратиться въ Петербургъ.

Охотно признаюсь въ томъ, что приказъ этотъ доставилъ

мнѣ великую радость. Италія, безъ сомнѣнія, прекрасная и во всѣхъ отношеніяхъ интересная для изученія страна, въ особенности, для тѣхъ, кто пріѣзжалъ туда, располагая свободнымъ временемъ. Войны, разорившія тогда эту красивую страну, лишили ее части ея обаянія, но слѣды этого разоренія сами по себѣ были интересны для наблюденія. Но тамъ я былъ далеко отъ моей родины, отъ моей семьи, отъ всѣхъ тѣхъ кого я любилъ; я былъ одинокъ и печаленъ. Я никогда не умѣлъ быстро завязывать знакомства, такимъ и остался. Мнѣ всегда требовалось много времени и особенно благопріятныя условія, чтобы заставить растаять ледъ, отдѣлявшій меня отъ извѣстнаго лица, даже такого, съ которымъ я часто видѣлся. Насколько дороги мнѣ были мои старыя знакомства (правда, малочисленныя), настолько мало я чувствовалъ влеченія завязывать новыя. Итакъ, съ невыразимымъ удовольствіемъ я сталъ готовиться къ отъѣзду, подстрекаемый любопытствомъ. Но я не могъ покинуть Неаполь, не побывавъ на Везувіи, въ Помпеѣ, Геркуланумѣ, Портичи и т. д. Я вынужденъ былъ наскоро объѣхать эти мѣста.

Находясь на Везувіи, я оступился и сталъ падать по направленію къ кратеру, но прибѣжалъ проводникъ, протянулъ мнѣ руку, а другой рукой уперся въ обсыпающійся песокъ палкой, обдѣланной въ желѣзо, сдѣлалъ слѣдъ, на который я могъ упереться ногой, и этимъ спасъ мнѣ жизнь. Мысль о смерти была въ ту минуту очень тяжела для меня. Я возвращался къ своимъ, готовился покончить съ вялымъ существованіемъ и начать дѣйствовать; обстоятельства, казалось, предвѣщали мнѣ самыя счастливыя предзнаменованія; я испытывалъ сладкое чувство любви къ жизни, сильнѣйшее, чѣмъ когда бы то ни было, такъ какъ несокрушимая надежда, не разбитая еще опытомъ, вставала передъ моимъ воображеніемъ во всей лучезарности. Я думаю, у каждаго въ жизни была подобная минута.

На слѣдующій день, послѣ того, какъ намъ сообщено было

извѣстіе о смерти императора Павла, явился курьеръ, посланный изъ Петербурга неаполитанскимъ посломъ, привезшій намъ дѣйствительное описаніе трагической катастрофы. Что касается меня, то я не былъ этимъ удивленъ, такъ какъ еще до отъѣзда изъ Петербурга я зналъ, что Дворъ замышлялъ заговоръ. На самое событіе въ Неаполѣ смотрѣли различно и терялись въ различныхъ предположеніяхъ, но общее впечатлѣніе сводилось къ радости, переходившей даже границы приличія. Черезъ день послѣ прибытія курьера генералъ Бороздинъ устроилъ балъ, на который пригласилъ все высшее общество. Танцовали всю ночь, и генералъ, своимъ примѣромъ публичной демонстраціи, поощрялъ эту непристойную веселость. Жена англійскаго консула, одѣтая въ розовое платье, блистала на этомъ веселомъ праздникѣ больше, чѣмъ когда-либо.

За нѣсколько дней до моего отъѣзда, я былъ приглашенъ Италинскимъ къ завтраку и встрѣтилъ у него знаменитаго композитора Паизіелло. Онъ игралъ на фортепіано. Было исполнено нѣсколько чрезвычайно красивыхъ пьесъ его сочиненія. Мои прежнія добрыя отношенія съ Александромъ и вновь полученное отъ него собственноручное письмо, въ которомъ онъ приглашалъ меня какъ можно скорѣе пріѣхать къ нему, привлекли ко мнѣ всеобщее усиленное вниманіе. Таковы люди всегда и всюду, за нѣкоторыми очень рѣдкими исключеніями.

Насталъ часъ отъѣзда. Я уже сказалъ, что изъ Неаполя въ Римъ ѣхалъ въ обществѣ генерала Бороздина. У меня еще сохранилось въ памяти то нетерпѣніе, которое онъ возбуждалъ во мнѣ, останавливая каждую минуту экипажъ, чтобы стрѣлять птицъ, въ которыхъ онъ никогда не попадалъ. Вслѣдствіе побѣды при Маренго, французская армія подвинулась къ южной части Италіи. Это доставило мнѣ случай встрѣтить нѣкоторыхъ моихъ соотечественниковъ и старыхъ знакомыхъ. Генералъ Яблоновскій, между прочимъ, пріѣхалъ навѣстить меня въ Римъ; онъ напомнилъ мнѣ, какъ его принимали въ Пулавахъ. Мои теперешніе взгляды удивили его: это было не

то, что онъ слышалъ въ Пулавахъ. Наше положеніе, какова бы ни была сила нашихъ убѣжденій, всегда оказываетъ на насъ нѣкоторое вліяніе; если даже мы въ глубинѣ души и остаемся прежними, то, по крайней мѣрѣ, по внѣшности кажется, что въ насъ происходитъ перемѣна, которая, въ свою очередь, можетъ затѣмъ поддаться воздѣйствію новыхъ обстоятельствъ.

Отъ Рима до Флоренціи со мной ѣхалъ генералъ Левашевъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе пріятныхъ спутниковъ, неистощимый въ разсказываніи анекдотовъ. Онъ былъ посланъ въ Неаполь съ секретнымъ порученіемъ—переговорить о возможности перемирія между воюющими сторонами. Императоръ Павелъ, отдѣлившийся отъ коалиціи, хотѣлъ этимъ способомъ избѣжать всякихъ упрековъ. Генералъ Левашевъ, считался какъ бы путешествующимъ для своего удовольствія, съ цѣлью осмотрѣть Италію. Данныя ему инструкціи исходили отъ графа Растопчина, бывшаго тогда министромъ, который вскорѣ послѣ этого, лишившись своего портфеля, удалился въ Москву, когда Павелъ не только порвалъ съ Австріей, но еще объявилъ войну Англіи и думалъ вступить въ самый сердечный союзъ съ Бонапартомъ. Все это случилась въ мое отсутствіе; я никогда не могъ достовѣрно узнать подробностей какъ миссіи Левашева, такъ и удаленія Растопчина, которое совершилось, несмотря на его дружбу съ Кутайсовымъ. Какъ бы тамъ ни было, миссія, возложенная на генерала Левашева правительствомъ послѣ смерти Павла, не удалась. Французскіе дипломаты тотчасъ же догадались, что молодымъ Александромъ не такъ легко будетъ вертѣть, какъ своенравнымъ Павломъ. Надо полагать, что таково было мнѣніе Мюрата. Еще не получивъ инструкцій изъ Парижа, онъ уже занялъ всю Тоскану и шелъ все впередъ; но чѣмъ болѣе онъ сомнѣвался въ дружескомъ сближеніи Франціи и Россіи, тѣмъ болѣе показывалъ видъ, что довѣряетъ этой дружбѣ. Онъ занялъ дворецъ тосканскаго герцога и угостилъ тамъ меня и

генерала Левашева превосходнымъ обѣдомъ, на который были приглашены всѣ, бывшіе во Флоренціи генералы и извѣстныя лица, всего около шестидесяти человѣкъ. Насъ обоихъ посадили подлѣ г-жи Мюратъ, очень стройной красавицы. Мюратъ, сидѣвшій vis-a-vis, неустанно заботился о насъ и расточалъ намъ любезности за себя и за жену. Онъ провозгласилъ тостъ за русскаго императора и затѣмъ пилъ за здоровье каждаго изъ насъ. Когда во время спектакля генералъ вошелъ въ ложу Мюрата, онъ замѣтилъ, что надъ его головой что-то колышется; то были концы русскихъ и французскихъ знаменъ, скрещенныхъ вмѣстѣ въ его честь.

Прежде чѣмъ покинуть Италію, я поѣхалъ въ Ливорно проститься съ маршаломъ Ржевусскимъ и нашелъ его сильно страдающимъ. Я встрѣтилъ тамъ нѣсколькихъ соотечественниковъ, между прочимъ, Сокольницкаго, сапернаго офицера, очень дѣятельнаго, съ которымъ я познакомился въ Литвѣ во время кампаніи 1793 года, и Розницкаго, съ которымъ мы были вмѣстѣ въ лагерѣ при Голомбѣ и въ стычкѣ при Грани. Оба дружески пожали мнѣ руку, съ волненіемъ вспоминая прошлое и тѣ событія, свидѣтелями которыхъ мы были.

Розницкій сказалъ мнѣ, что ввелъ въ войскахъ пріемъ, испробованный при Голомбѣ, который позволялъ кавалеріи нашихъ легіоновъ передвигаться быстрѣе, чѣмъ это могла дѣлать остальная французская кавалерія. Оба они были адъютантами, съ правами команды,—чинъ, показывающій, что ихъ считали искусными офицерами.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ я Ржевусскаго. Этотъ знаменитый соотечественникъ, испытанный другъ, достойный гражданинъ и прекрасный человѣкъ, вскорѣ умеръ. Онъ похороненъ на Кампо-Санто, въ Пизѣ. Семья его предполагала поставить ему памятникъ; я думаю, однако, что она ограничилась лишь тѣмъ, что намѣтила мѣсто для постановки памятника.

Наконецъ, я уѣхалъ. Я могъ провести только два дня въ

Вѣнѣ, гдѣ не нашелъ никого изъ моей семьи, кромѣ двухъ маленькихъ сыновей моей сестры, Замойской (Владислава и Жана), очень плохо принявшихъ меня. Я остановился только въ Пулавахъ, гдѣ нашелъ въ сборѣ всю мою семью. Но я не могъ долго тамъ оставаться. Мои родители и сестры противъ своего желанія сами просили меня торопиться съ отъѣздомъ. Нигдѣ не останавливаясь, день и ночь мчался я до самаго Петербурга, куда вскорѣ прибылъ и мой братъ.

ГЛАВА VIII

1800 г.

Лѣто. Смерть императора Павла. Начало царствованія императора Александра.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ Петербургу, тѣмъ труднѣе становилось мнѣ сдерживать противоположныя чувства—счастья и нетерпѣливаго желанія скорѣе увидѣть людей, къ которымъ я былъ привязанъ, и неизвѣстности относительно перемѣнъ, которыя должны были произвести въ этихъ людяхъ время и новое положеніе.

Навстрѣчу ко мнѣ изъ столицы высланъ былъ фельдъегерь, встрѣтившій меня близъ Риги. Онъ везъ мнѣ дружескую записку отъ императора и подорожную съ приказомъ почтмейстерамъ ускорить мое путешествіе. Адресъ на письмѣ былъ написанъ рукой императора. Онъ называлъ меня дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, что равнялось чину генералъ-аншефа. Я былъ удивленъ, что Александръ такъ быстро возветъ меня въ этотъ чинъ, и твердо рѣшилъ не принимать его. По пріѣздѣ я отдалъ ему конвертъ отъ письма; онъ, дѣйствительно, написалъ это по разсѣянности; но въ Россіи можно было бы поймать государя на словѣ и воспользоваться его подписью. Я не думалъ объ этомъ и не получилъ въ Россіи ни одного чина, кромѣ того, которымъ наградилъ меня Павелъ.

Наконецъ, я увидѣлся съ Александромъ, и первое впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ этой встрѣчи, достаточно под-

твердило мои тревожныя предчувствія. Императоръ возвратился съ парада или съ ученія, какъ будто бы Павелъ былъ еще живъ. Онъ былъ блѣденъ и утомленъ. Онъ принялъ меня очень дружественно, но съ грустнымъ и убитымъ видомъ, безъ проявленія той сердечной радости, какую могъ бы высказать человѣкъ, которому не нужно наблюдать за собой или стѣснять себя въ своихъ чувствахъ. Теперь, когда онъ сталъ государемъ, мнѣ показалось, хотя, можетъ быть, и несправедливо,— что у него появился оттѣнокъ какой-то сдержанности и принужденности, и сердце мое сжалось. Онъ повелъ меня въ свой кабинетъ. „Хорошо, что вы пріѣхали, наши ожидаютъ васъ съ нетерпѣніемъ", сказалъ онъ мнѣ, имѣя въ виду нѣсколько лицъ, казавшихся ему болѣе просвѣщенными, а главное, болѣе либеральными, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ особыхъ друзей и къ которымъ питалъ большое довѣріе. „Если бы вы были здѣсь, ничего этого не случилось бы: имѣя васъ подлѣ себя, я не былъ бы увлеченъ такимъ образомъ". Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ о смерти своего отца, выражая при этомъ непередаваемое горе и раскаяніе.

Это грустное и несчастное событіе въ продолженіе нѣкотораго времени часто служило темой нашихъ разговоровъ. Императоръ хотѣлъ, хотя это и причиняло ему страданія, передать мнѣ подробно всѣ обстоятельства, при которыхъ оно произошло. Я изложу ихъ ниже, дополнивъ свѣдѣніями, полученными мною отъ другихъ лицъ, участниковъ этого ужаснаго событія.

Мнѣ хотѣлось позондировать, какихъ мнѣній онъ держался теперь по тѣмъ вопросамъ, которые занимали насъ ранѣе, и отдать себѣ отчетъ въ томъ, насколько перемѣнились его взгляды въ связи съ важной перемѣной въ его положеніи. Въ общемъ, я нашелъ его такимъ, какъ и ожидалъ. Онъ еще не совсѣмъ отрѣшился отъ прежнихъ грезъ, къ которымъ постоянно обращались его взоры; но его уже захватила желѣзная рука дѣйствительности: онъ отступалъ передъ силою обстоятельствъ, не обнаруживалъ господства надъ ними, не отдавалъ

еще себѣ отчета во всемъ объемѣ своей власти и не проявлялъ умѣнья примѣнять ее на дѣлѣ.

Въ моментъ моего пріѣзда Петербургъ похожъ былъ на море, еще волновавшееся послѣ сильной бури и едва начинавшее медленно затихать.

Императоръ уволилъ отъ службы графа Палена. Генералъ этотъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ покойнаго императора Павла, дѣйствовалъ заодно съ графомъ Панинымъ, первымъ зачинщикомъ и душой заговора, погубившаго этого монарха. Заговоръ не удался бы, если бы графъ Паленъ не сталъ во главѣ его, пустивъ въ дѣло власть и средства, которыми онъ располагалъ, какъ генералъ-губернаторъ Петербурга. По кончинѣ Павла графъ Паленъ вообразилъ, что онъ можетъ стать всемогущимъ, опираясь на однѣ собственныя силы. Онъ началъ распоряжаться и принимать внутреннія и внѣшнія мѣры, настоятельно неотложныя въ виду возможности появленія англійскаго флота въ водахъ Риги, Ревеля и Кронштадта, послѣ кровопролитія, совершившагося въ Копенгагенѣ. Нельсонъ торжествовалъ свою побѣду въ Копенгагенѣ наканунѣ смерти Павла. Среди смятенія и волненій, царившихъ въ первые дни послѣ катастрофы, кавалерійскій генералъ графъ Паленъ намѣревался захватить освободившіяся бразды правленія. Онъ хотѣлъ къ важнымъ обязанностямъ петербургскаго генералъ-губернатора прибавить еще и обязанности статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ. Его подпись стоитъ на офиціальныхъ заявленіяхъ, изданныхъ тогда, въ первыя минуты. Онъ притязалъ на то, чтобы ничто не дѣлалось безъ его разрѣшенія и помимо него. Онъ принялъ видъ покровителя молодого императора и дѣлалъ ему сцены, когда тотъ не сразу соглашался на то, чего онъ желалъ, или, вѣрнѣе, къ чему хотѣлъ принудить государя.

Уже поговаривали, что Паленъ стремится занять постъ министра двора. Подавленный скорбью, полный отчаянья, замкнувшійся со всею своею семьей во внутреннихъ покояхъ

дворца, императоръ Александръ казался во власти заговорщиковъ. Онъ считалъ себя вынужденнымъ щадить ихъ и подчинять свою волю ихъ желаніямъ.

Между тѣмъ важная должность генералъ-прокурора, соединявшаго тогда въ своихъ рукахъ всѣ отрасли управленія,—дѣла внутреннія, судъ, полицію, финансы,—оставалась вакантной послѣ отставки одного изъ фаворитовъ Павла. *)

Александръ, по счастливому внушенію, выбралъ на его мѣсто оказавшагося подъ рукой генерала Беклешова, который былъ призванъ въ Петербургъ Павломъ, быть можетъ, въ тѣхъ же цѣляхъ. Это былъ русскій человѣкъ стараго закала, съ рѣзкимъ и грубымъ обращеніемъ, не знавшій французскаго языка или едва его понимавшій, но у котораго подъ очень грубой оболочкой билось правдивое и смѣлое сердце, сочувствующее страданію ближняго. Его репутація благороднаго, порядочнаго человѣка была общепризнана. Онъ съумѣлъ сохранить ее даже будучи генералъ-губернаторомъ южныхъ польскихъ провинцій, проявивъ справедливость къ тѣмъ, которыми управлялъ, и строгость къ своимъ подчиненнымъ. Насколько было возможно, онъ препятствовалъ кражамъ, злоупотребленіямъ и нарушеніямъ служащими своихъ обязанностей. Онъ не выносилъ, чтобы люди, облеченные его довѣріемъ, продавали справедливость за деньги. Изъ этого испытанія онъ вышелъ чистымъ и незапятнаннымъ, осыпаемый благодарностями мѣстнаго населенія. Это самое трудное испытаніе, какое только можетъ выпасть на долю важному русскому чиновнику, и не легко было бы привести много примѣровъ подобнаго рода.

Генералъ Беклешовъ не зналъ абсолютно ничего, что дѣлалось за предѣлами русской границы, но онъ былъ прекрасно освѣдомленъ въ законахъ и обычномъ ходѣ русской администраціи. Онъ умѣлъ нести служебныя обязанности со стро-

---

*) Обольянинова.

гой точностью и всею доступной ему справедливостью. Въ моментъ кончины Павла его не было въ Петербургѣ, и онъ былъ совершенно непричастенъ къ заговору. Александръ довѣрчиво жаловался ему на свое тяжелое положеніе въ отношеніи Палена. Беклешовъ съ обычной своей рѣзкостью выразилъ удивленіе, что русскій самодержецъ можетъ ограничиваться жалобами вмѣсто того, чтобы заставить исполнить свою волю. „Когда мухи жужжатъ вокругъ моего носа“, сказалъ онъ, „я ихъ прогоняю“. Императоръ подписалъ указъ, предписывающій Палену немедленно покинуть Петербургъ и отправиться въ свои помѣстья. Беклешовъ, связанный давнишней дружбой съ этимъ генераломъ и бывшій и теперь еще его другомъ, взялъ на себя трудъ, въ качествѣ генералъ-прокурора, отвезти ему этотъ приказъ и заставить его уѣхать въ двадцать четыре часа. На слѣдующій день, рано утромъ, Паленъ былъ разбуженъ Беклешовымъ, объявившимъ ему волю императора. Паленъ повиновался. Александръ сдѣлалъ первый опытъ проявленія самодержавной власти, для которой въ Россіи нѣтъ границъ.

Событіе это надѣлало много шума. Александра обвинили въ двуличіи и скрытности. Наканунѣ того дня, когда Паленъ долженъ былъ подвергнуться отставкѣ и высылкѣ, Александръ довольно поздно вечеромъ принялъ отъ него рапортъ, ни въ чемъ не измѣнивъ своей манеры обращенія, и обошелся съ нимъ, какъ обыкновенно. Могъ ли онъ поступить иначе? Первый актъ неограниченнаго самодержавія молодого императора не понравился вождямъ заговора и встревожилъ ихъ.

Въ царствованіе Екатерины мои отношенія съ Зубовымъ сильно разнились отъ теперешнихъ. Ихъ тогда всемогущее ходатайство способствовало тому, что насъ снова ввели во владѣніе большей частью имѣній нашего отца. При Павлѣ, когда всѣ отдалились отъ Зубовыхъ и боялись сближаться съ ними, мнѣ удавалось устраивать имъ аудіенціи у великаго князя Александра.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія въ Петербургъ графъ Валеріанъ Зубовъ попросилъ у меня свиданія. Онъ долго говорилъ мнѣ о происшедшемъ переворотѣ и о состояніи умовъ; жаловался, что императоръ не высказывался относительно тѣхъ своихъ друзей, которые доставили ему престолъ и которые не побоялись никакой опасности, чтобы служить ему. Не такъ,—говорилъ онъ,—поступала императрица Екатерина. Она смѣло поддерживала тѣхъ, которые, для ея освобожденія, подвергли себя всякимъ опасностямъ, и не колебалась сдѣлать ихъ своей опорой. Благодаря такому образу дѣйствій, умному и предусмотрительному, она могла разсчитывать на ихъ постоянную преданность. Доказавъ тотчасъ по достиженіи трона, что она съумѣетъ не забыть оказанныя ей услуги, она тѣмъ самымъ обезпечила себѣ вѣрность и любовь всей Россіи. „Вотъ что", продолжалъ графъ Зубовъ, „доставило ея царствованію такую спокойную увѣренность и такую славу, потому что никто не колебался пожертвовать собой для нея, хорошо зная, что онъ будетъ за это вознагражденъ. Но императоръ своимъ сомнительнымъ и колеблющимся поведеніемъ подвергаетъ себя самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ. Онъ обезкураживаетъ, расхолаживаетъ своихъ истинныхъ друзей, которые только и желаютъ того, чтобы преданно служить ему". Графъ прибавилъ, что императрица Екатерина формально приказала имъ, его брату Платону и ему, смотрѣть на Александра, какъ на ихъ единственнаго законнаго монарха, служить только ему и никому другому, съ непоколебимымъ усердіемъ и вѣрностью. Такъ именно они и поступали. Какова же была теперь ихъ награда? Слова эти были сказаны, чтобы оправдать себя въ глазахъ молодого императора и чтобы доказать ему, что ихъ дѣйствія были только необходимымъ слѣдствіемъ обязательствъ, которыя Екатерина заставила ихъ принять на себя относительно ея внука. Но они не знали, что Александръ и даже его братъ Константинъ совсѣмъ не питали къ памяти своей бабки почтенія и привязанности, которыя въ нихъ предполагались.

Во время разговора, длившагося болѣе часа; я нѣсколько разъ прерывалъ графа, стараясь объяснить поведеніе молодого императора, не вступая, впрочемъ, въ споръ, что мнѣ было не трудно, такъ какъ я находился въ то время въ отсутствіи и былъ чуждъ всему, что произошло. Графъ Зубовъ желалъ повидаться со мной и высказалъ мнѣ все, очевидно, съ тѣмъ, чтобы я передалъ его слова императору. Формальнаго обязательства сдѣлать это я на себя не взялъ. Тѣмъ не менѣе я не пропустилъ случая возможно скорѣе снять съ плечъ эту обязанность. На Александра слова графа Зубова, переданныя мною съ полной точностью, не произвели большого впечатлѣнія. Они, однако, показывали, что заговорщики, а въ особенности ихъ вожди, еще гордились, и очень смѣло, своимъ поступкомъ; что, приводя въ исполненіе заговоръ, они были увѣрены, что оказываютъ большую услугу Россіи и получаютъ право на благодарность, милости и довѣріе молодого императора, и что они считали себя необходимыми для безопасности и благополучія новаго царствованія. Они желали даже дать понять, что ихъ отдаленіе и недовольство можетъ грозить опасностью для государя и что, слѣдовательно, не только изъ чувства благодарности, но и ради собственныхъ интересовъ Александръ долженъ окружить себя тѣми, кто возвелъ его на престолъ раньше, чѣмъ онъ могъ этого ожидать, и смотрѣть на нихъ, какъ на самую вѣрную свою опору. Эта аргументація была довольно основательной и естественной въ Россіи, странѣ дворцовыхъ переворотовъ, но она не произвела никакого впечатлѣнія на Александра. Какъ можно было вообразить и предположить, что онъ сможетъ когда-либо почувствовать привязанность къ врагамъ своего отца (котораго онъ любилъ, несмотря на его недостатки) и добровольно отдаться имъ въ руки.

Поведеніе Александра вытекало изъ его характера, его чувствъ, его положенія и не могло мѣняться. Къ тому же онъ удалилъ уже Палена, единственнаго, быть можетъ, изъ вождей заговора, который своей ловкостью, связями, занимаемымъ поло-

женіемъ, смѣлостью и честолюбіемъ могъ внушать нѣкоторыя серьезныя опасенія и сдѣлаться, дѣйствительно, опаснымъ. Александръ также сослалъ и удалилъ одного за другимъ вождей, которые не были опасны, но видѣть которыхъ ему было крайне непріятно и отвратительно. Одинъ графъ Валеріанъ остался въ Петербургѣ и былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта. Его пріятная, открытая наружность нравилась императору Александру и внушала довѣріе. Довѣріе это, я думаю, поддерживалось искреннею привязанностью, которую графъ питалъ къ императору, а также лѣностью графа, его равнодушіемъ къ такимъ постамъ, которые требовали работы, а въ особенности его необычайной слабостью къ прекрасному полу, который почти всецѣло занималъ его мысли.

Я хочу теперь описать заговоръ и его ближайшія послѣдствія, которыхъ я лично былъ свидѣтелемъ. Я воспользуюсь при этомъ и тѣми свѣдѣніями, которыя я получилъ впослѣдствіи, о ходѣ составленія заговора и о томъ, какъ приступили къ его исполненію. Я буду записывать мои воспоминанія, главнымъ образомъ, въ томъ порядкѣ, какъ они придутъ мнѣ на память, или какъ я въ то время постепенно узнавалъ различныя подробности, не придерживаясь въ разсказѣ какой-либо правильной системы. Тѣмъ не менѣе изъ моего разсказа будетъ видно, какъ часто самые ловкіе люди впадаютъ въ ошибки, потому что они основываются на ложномъ опредѣленіи своихъ обязанностей и средствъ, и не знаютъ точно характера тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ конечный успѣхъ ихъ замысловъ и исполненіе ихъ желаній.

Тотчасъ послѣ совершенія своего дѣла заговорщики проявили свою радость въ оскорбительной, безстыдной формѣ, безъ всякой мѣры и приличія. Это было безуміе, общее опьяненіе, не только моральное, но и физическое, такъ какъ погреба во дворцѣ были разбиты, вино лилось ручьями за здоровье новаго императора и героевъ переворота. Въ первые за этимъ дни пошла мода на причисленіе себя къ участникамъ

заговора; каждый хотѣлъ быть отмѣченнымъ, каждый выставлялъ себя, разсказывалъ о своихъ подвигахъ, каждый доказывалъ, что былъ въ той или другой шайкѣ, шелъ однимъ изъ первыхъ, присутствовалъ при фатальной катастрофѣ.

Среди безстыдства этого непристойнаго шумнаго веселья, императоръ и императорская фамилія не показывались, запершись во дворцѣ въ слезахъ и ужасѣ.

По мѣрѣ того, какъ первое возбужденіе стихало, стали замѣчать, что проявленіе великой радости вовсе не обезпечивало успѣха при Дворѣ, что этотъ родъ бахвальства былъ гнусенъ, не доказывалъ ни здраваго смысла, ни добраго сердца и что, хотя смерть Павла предотвратила большія несчастья для государства, тѣмъ не менѣе для каждаго было лучше и желательнѣе остаться въ сторонѣ отъ этого происшествія. Вожди же заговора оправдывались тѣмъ, что они были вызваны на это причинами государственнаго характера, желаніемъ спасти Россію, которое, по ихъ словамъ, было единственнымъ мотивомъ ихъ поступка. Они старались основать на этомъ свою репутацію, возвышеніе и пріобрѣтеніе довѣрія.

Молодой императоръ, прійдя въ себя послѣ перваго ужаснаго потрясенія и угнетеннаго состоянія, почувствовалъ неотразимое, все возрастающее отвращеніе къ зачинщикамъ заговора, въ особенности къ тѣмъ, которымъ удалось своими доводами убѣдить его, что, уступая ихъ намѣреніямъ, онъ совершенно не подвергалъ жизнь своего отца опасности и что дѣло шло единственно о томъ, чтобы низложить его отца ради спасенія Россіи, заставить его самого сложить съ себя бремя верховной власти въ пользу своего сына, примѣръ чему подали уже нѣкоторые монархи Европы.

Императоръ Александръ разсказывалъ мнѣ, что графъ Панинъ первый заговорилъ съ нимъ объ этомъ, и этого онъ ему никогда не простилъ. Этому человѣку, казалось, было предназначено, болѣе чѣмъ кому другому, играть важную роль въ дѣлахъ государства. Онъ имѣлъ для этого все, что было

нужно: извѣстное въ Россіи имя, недюжинные таланты и большое честолюбіе. Будучи еще молодымъ, онъ составилъ уже себѣ блестящую карьеру. Назначенный русскимъ посломъ въ Берлинъ, онъ былъ отозванъ съ этого поста императоромъ Павломъ и назначенъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, подъ начальствомъ князя Александра Куракина, его дяди по матери, вѣрнаго друга Павла, товарища его дѣтства и юности, который среди всѣхъ извѣстныхъ людей въ государствѣ одинъ смогъ избѣжать капризовъ своего властелина и сохранить къ себѣ нѣчто въ родѣ расположенія монарха. Графъ Панинъ, выдвигавшійся тогда на сцену, былъ сыномъ генерала, память котораго очень уважали, и племянникомъ того министра, который былъ воспитателемъ молодого великаго князя Павла, въ первые годы царствованія Екатерины II, и до самой смерти удержалъ за собой всѣ свои должности и сохранилъ все свое вліяніе. Молодой графъ не могъ не извлечь пользы изъ этого прошлаго и рано пріобрѣлъ самоувѣренность и апломбъ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, холодный, прекрасно владѣвшій французскимъ языкомъ; его письма, которыя мнѣ приходилось читать въ архивѣ, были совершенны во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ смыслѣ стиля, такъ и въ смыслѣ содержанія. Вообще онъ былъ извѣстенъ среди русскихъ за человѣка очень талантливаго, энергичнаго и умнаго, но сухого, высокомѣрнаго и мало сходившагося съ людьми.

Прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ не понравился императору Павлу. Императоръ лишилъ его мѣста и выслалъ обратно въ Москву. Но, какъ будетъ видно ниже, графъ съумѣлъ воспользоваться этимъ короткимъ промежуткомъ времени и повліять рѣшительнымъ образомъ на судьбы своей родины. Онъ чрезвычайно обрадовался вѣсти о смерти императора Павла и тотчасъ же полетѣлъ въ Петербургъ, полный самыхъ заманчивыхъ надеждъ. Дѣйствительно, его тотчасъ же назначили вице-канцлеромъ Во время моего предыдущаго пребыванія въ Петербургѣ я ни-

когда не встрѣчалъ графа Панина, потому что, рано отдавшись дипломатической карьерѣ, онъ очень рѣдко пріѣзжалъ туда. Его жена, одна изъ графинь Орловыхъ, не сопровождала его за границу. Это была кроткая, добрая, привѣтливая особа, съ доброжелательнымъ, радушнымъ сердцемъ, дружелюбно относившаяся ко мнѣ. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ она хотѣла непремѣнно сблизить меня съ своимъ мужемъ и употребила на это много усилій, но какъ она ни старалась, ея хлопоты не привели ни къ чему. Если бы не было другихъ причинъ, препятствовавшихъ этому сближенію, одной наружности графа, я думаю, достаточно было, чтобы сдѣлать сближеніе почти невозможнымъ. Я часто поражался ледянымъ выраженіемъ безстрастнаго лица графа, которое, на прямомъ, какъ палка, туловищѣ возвышалось въ наполненной людьми залѣ, надъ всѣми головами, и, правду сказать, не располагало подходить къ нему. Впрочемъ, такъ какъ я встрѣчался съ графомъ очень рѣдко и не имѣлъ съ нимъ никогда продолжительныхъ сношеній, то мое мнѣніе о его характерѣ могло быть весьма ошибочнымъ и даже несправедливымъ. Позже я узналъ, что онъ прозвалъ меня „Сарматомъ“, и, такъ какъ я тогда не имѣлъ никакого оффиціальнаго дѣла, онъ постоянно повторялъ вопросъ: „но чѣмъ же занимается Сарматъ?“.

Какъ я уже сказалъ, Панинъ былъ отосланъ изъ Петербурга въ Москву, не потому чтобы проникли въ его тайну, но благодаря одному изъ тѣхъ частыхъ и неожиданныхъ капризовъ, вызываемыхъ подозрительностью, которые отличали Павла I. Паленъ остался одинъ работать на своемъ посту.

Россія сильно страдала, находясь подъ управленіемъ своего рода маніака; но способъ, какой былъ примѣненъ для устраненія всѣхъ этихъ затрудненій, оставилъ въ душѣ Александра на всю жизнь мрачный отголосокъ преступленія, совершеннаго надъ его отцомъ, которое, какъ онъ былъ убѣжденъ, пало на него и никогда не смоется съ него въ его собственныхъ глазахъ.

Въ сущности, въ этомъ событіи сказались его чрезвычайная неопытность и наивное незнаніе людей и положенія вещей въ своемъ отечествѣ, которыя проявились и въ его несбыточныхъ мечтахъ о предполагаемыхъ имъ реформахъ и о собственномъ удаленіи отъ дѣлъ. Но тѣмъ не менѣе „несмываемое пятно“, какъ коршунъ, вцѣпилось въ его совѣсть, парализуя въ началѣ царствованія самыя лучшія, самыя прекрасныя его свойства и погружая его къ концу жизни въ глубокое уныніе, въ мистицизмъ, переходившій иногда въ суевѣріе.

Со всѣмъ тѣмъ надо признаться, что императоръ Павелъ велъ свое государство быстрыми шагами къ неисчислимымъ потерямъ, къ упадку, къ полной дезорганизаціи силъ страны и существовавшей тогда правительственной машины. Я уже говорилъ объ этомъ раньше. Императоръ Павелъ правилъ вспышками, скачками, порывами, безъ всякой связи, не смущаясь совершенно послѣдствіями; правилъ, какъ человѣкъ, который не даетъ себѣ никогда труда размыслить, взвѣсить все, за и противъ, который приказываетъ и требуетъ немедленнаго исполненія всякой фантазіи, приходящей ему на умъ. Его царствованіе стало, въ концѣ концовъ, царствованіемъ настоящаго террора. Его ненавидѣли даже за его добрыя качества, —потому что, въ сущности, онъ желалъ справедливости, если только не забывалъ о ней въ минуты своихъ вспышекъ, и порой его кары поражали тѣхъ, кто ихъ дѣйствительно заслуживалъ. Поэтому въ его царствованіе русскія должностныя лица менѣе злоупотребляли властью, были болѣе вѣжливы, болѣе сдержанны въ своихъ дурныхъ наклонностяхъ, меньше крали, отличались меньшей грубостью даже въ польскихъ провинціяхъ. Но эта справедливость императора, совершенно слѣпая, поражала безъ разбору; всегда пристрастная, часто капризная и жестокая, она безпрестанно висѣла надъ головами генераловъ, офицеровъ арміи, гражданскихъ чиновниковъ и заставляла ихъ втайнѣ ненавидѣть человѣка, передъ которымъ они застывали отъ ужаса и который держалъ ихъ въ вѣчной неизвѣстности относительно ихъ участи.

Однажды императоръ, глядя испытующимъ взглядомъ на Палена, сказалъ ему: „Я получилъ извѣщеніе, что противъ меня составляется заговоръ“.—„Это совершенно невозможно, Ваше Величество“,—отвѣтилъ генералъ, улыбаясь со свойственнымъ ему видомъ добродушія и откровенности,—„для этого надо было бы, чтобы участникомъ его былъ и я“.

Этотъ отвѣтъ успокоилъ Павла. Говорятъ, однако, что анонимныя увѣдомленія возбудили его подозрительность и что наканунѣ смерти онъ послалъ за генераломъ Аракчеевымъ, чтобы назначить его на мѣсто петербургскаго генералъ-губернатора, а Палена выслать. Если бы Аракчеевъ прибылъ во-время, Петербургъ сдѣлался бы театромъ самыхъ трагическихъ сценъ. Это былъ человѣкъ, одаренный чувствомъ порядка, способностью руководить дѣлами, разбираться во всемъ до мелочей съ энергіей доходившей иногда до свирѣпости. Съ его возвращеніемъ послѣдовало бы, вѣроятно, возвращеніе графа Растопчина, и императоръ Павелъ могъ бы быть спасенъ. Но повыславъ многихъ изъ столицы, Павелъ остался окруженнымъ лишь ничтожествами, которымъ онъ отдалъ главныя правительственныя должности. Князь Куракинъ, человѣкъ большой доброты и малаго ума, руководилъ еще внѣшней политикой. Нѣкто Обольяниновъ, не обнаруживавшій никакихъ признаковъ знаній и талантовъ, занималъ важный постъ генералъ-прокурора, стоялъ во главѣ полиціи и администраціи государства, единственно потому, что когда-то онъ былъ управляющимъ гатчинскимъ имѣніемъ.

Человѣкомъ, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ Павла и имѣвшимъ на него вліяніе, былъ графъ Кутайсовъ, бывшій раньше цирюльникомъ императора, а въ то время оберъ-шталмейстеромъ съ кавалерской голубой лентой, добродушный человѣкъ и bon-vivant. При его арестѣ, на слѣдующій день послѣ смерти его господина, нашли въ его карманѣ письма съ доносомъ о заговорѣ, о времени его осуществленія и объ именахъ заговорщиковъ. Но графъ Кутайсовъ оставилъ письма

нераспечатанными. Со словами: „Дѣла до завтра“, онъ положилъ ихъ въ карманъ, не подумавъ прочитать, чтобы не прерывать своихъ вечернихъ и ночныхъ удовольствій.

Императоръ Павелъ только что окончилъ съ огромными затратами постройку Михайловскаго дворца. *) Выстроенный по его идеѣ, онъ представлялъ изъ себя самую тяжелую, массивную постройку, какую только можно себѣ представить, нѣчто въ родѣ замка-крѣпости; здѣсь, по мнѣнію императора, имъ были приняты всѣ мѣры предосторожности, обезпечивающія ему полную безопасность.

„Я никогда не былъ такъ доволенъ, я никогда не чувствовалъ себя лучше и счастливѣе“, говорилъ онъ съ довольнымъ видомъ своимъ близкимъ, устроившись въ новомъ, едва оконченномъ дворцѣ. Онъ воображалъ, что тамъ онъ будетъ въ полной безопасности.

Въ то время, какъ графъ Панинъ былъ высланъ въ Москву, зачатки заговора оказались ввѣренными Палену и Зубовымъ, которые одни только и были посвящены въ тайну. Зубовы лишь недавно были возвращены Павломъ изъ ссылки. Павелъ былъ къ нимъ чрезвычайно предупредителенъ и осыпалъ ихъ милостями, считая, что въ своемъ новомъ замкѣ ему нечего ни бояться, ни остерегаться ихъ; онъ желалъ благодѣяніями пріобрѣсть ихъ расположеніе.

Графъ Панинъ и Зубовы, подъ разными предлогами, вызвали въ Петербургъ своихъ друзей, генераловъ и офицеровъ. Губернаторъ столицы не былъ строгъ къ отставнымъ, пріѣхав-

---

*) Никогда, ни при одной постройкѣ, не было такихъ безсовѣстныхъ кражъ. Главнымъ архитекторомъ былъ нѣкто по имени Б... итальянскій каменьщикъ, выписанный изъ Италіи графомъ Станиславомъ Потоцкимъ и перешедшій изъ Варшавы въ Гатчину, на службу къ великому князю Павлу. Б.... умѣлъ выгадывать огромные барыши со всѣхъ построекъ, которыми руководилъ, и оставилъ значительное состояніе мужу своей дочери и ихъ дѣтямъ, занявшимъ впослѣдствіи дипломатическіе посты на русской службѣ.

шимъ безъ разрѣшенія въ Петербургъ. Самъ императоръ Павелъ вызвалъ многихъ изъ высшихъ чиновниковъ и генераловъ для присутствованія на празднествахъ, которыя онъ хотѣлъ устроить по случаю предстоявшаго бракосочетанія одной изъ его дочерей.

Палену и Зубовымъ стоило лишь немного позондировать наиболѣе видныхъ изъ этихъ сановниковъ, чтобы, не открывая имъ ничего положительнаго, удостовѣриться въ ихъ настроеніи. Однако, такое положеніе вещей не могло долго продолжаться. Всякій доносъ, даже недостаточно обоснованный, всякая малѣйшая неосторожность могли навести императора на слѣдъ. Пугливый, подозрительный до крайности, онъ уже проявлялъ (по крайней мѣрѣ, такъ думали) въ словахъ, вырывавшихся у него, и въ манерѣ держать себя, тревожные признаки недовѣрія и безпокойства, которые съ минуты на минуту могли заставить его принять самыя ужасныя рѣшенія. Неизвѣстно было, послалъ ли онъ уже за Аракчеевымъ, и былъ ли призванъ вновь графъ Растопчинъ. Первый жилъ въ деревнѣ, недалеко отъ Петербурга, и могъ пріѣхать въ двадцать четыре часа.

Рѣшено было приступить къ выполненію замысла; для этого была назначена ночь 25 марта 1801 года.

Вечеромъ князь Зубовъ устроилъ большой ужинъ, пригласивъ всѣхъ генераловъ и старшихъ офицеровъ, образъ мыслей которыхъ приблизительно былъ извѣстенъ. Только здѣсь, за ужиномъ, нѣкоторые опредѣленно узнали, въ чемъ было дѣло и что именно имъ предстояло совершить по выходѣ изъ-за стола. Такой способъ веденія заговора, безъ сомнѣнія, былъ самый искусный: дать заговору созрѣть только среди двухъ—трехъ главарей и довести его до свѣдѣнія многочисленныхъ участниковъ драмы только тогда, когда наступитъ моментъ исполненія. Только такой образъ дѣйствій могъ обезпечить наилучшій успѣхъ и предотвратить доносы, случайности, ошибки въ разсчетахъ, которыя всегда угрожаютъ заговору до его осуществленія.

Князь Зубовъ изложилъ передъ приглашенными плачевное положеніе, въ какомъ находилась Россія, и развернулъ передъ ними картину опасностей, которымъ подвергалось государство и каждое частное лицо. Онъ напомнилъ о томъ, что безумный разрывъ съ Англіей, противный существеннымъ интересамъ русской націи, истощалъ источники ея богатствъ, подвергалъ самымъ большимъ бѣдствіямъ порты Балтійскаго моря и самую столицу, что, наконецъ, никто изъ тѣхъ, къ кому теперь онъ обращается, не могъ быть увѣренъ въ участи, которую готовитъ ему завтрашній день. Онъ распространился о добродѣтеляхъ великаго князя Александра, о блестящей судьбѣ, ожидающей Россію подъ скипетромъ молодого государя, подающаго большія надежды, котораго славной памяти императрица Екатерина считала своимъ настоящимъ преемникомъ; ему она хотѣла бы передать власть, и только внезапная смерть помѣшала ей выполнить это намѣреніе. Князь Зубовъ окончилъ свою рѣчь, заявивъ, что великій князь Александръ, придя въ отчаяніе отъ несчастій своего отечества, рѣшился спасти его, и что, слѣдовательно, дѣло было только въ томъ, чтобы низложить императора Павла, заставить его подписать актъ отреченія и, объявивъ императоромъ Александра, воспрепятствовать его отцу губить себя самого и довершать разореніе государства. Зубовы и Паленъ повторили это передъ собраніемъ и подтвердили, что планъ былъ одобренъ самимъ великимъ княземъ. Они поостереглись добавить, сколько понадобилось времени, чтобы добиться этого одобренія, и съ какой величайшей трудностью, оговорками и ограниченіями Александръ, наконецъ, согласился на это предпріятіе. Этотъ послѣдній пунктъ остался неяснымъ; вѣроятно, каждый истолковалъ его себѣ по-своему, не очень стараясь вникать въ него или же оставляя свои мысли при себѣ.

Колебанія исчезли. Въ ожиданіи событій опустошались бутылки шампанскаго; головы кружились. Паленъ, на минуту вышедшій по обязанностямъ генералъ-губернатора, возвра-

тился изъ дворца и объявилъ, что вечеръ и ужинъ прошли тамъ хорошо, что императоръ, повидимому, ничего не подозрѣваетъ, и что онъ, какъ всегда, отпустилъ императрицу и великихъ князей. Лица, бывшія за ужиномъ во дворцѣ, потомъ утверждали, что помнятъ, какъ Александръ (объ этомъ говорили, какъ объ одномъ изъ наиболѣе поразительныхъ доказательствъ чрезвычайнаго притворства, въ которомъ часто любили обвинять его), вечеромъ за ужиномъ, прощаясь съ отцомъ, не подалъ вида, не выказалъ ничѣмъ приближенія катастрофы, которая, онъ зналъ, приготовлялась на эту ночь. Никто, вѣроятно, не обратилъ тогда вниманія на его состояніе, потому что онъ часто разсказывалъ, какъ онъ былъ тогда взволнованъ, грустенъ и какъ страдалъ; конечно, въ такомъ настроеніи онъ и долженъ былъ находиться, при мысли объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, и той участи, которая ожидала его мать, его семью и многихъ другихъ, если бы замыселъ не удался. Къ тому же великіе князья по отношенію къ своему отцу должны были всегда вести себя сдержанно, не смѣя никогда выходить изъ рамокъ этой сдержанности. Эта постоянная привычка скрывать свои душевныя движенія и свои мысли, эта вынужденная безучастность, эта боязнь проявить свое намѣреніе,— объясняетъ, почему никто въ эту важную и послѣднюю минуту не замѣтилъ того, что происходило въ его душѣ.

У Зубовыхъ, среди возбужденнаго виномъ веселья, которымъ каждый хотѣлъ заразить и своего сосѣда, для нѣкоторыхъ изъ приглашенныхъ время прошло даже слишкомъ быстро. Назначенный для исполненія моментъ насталъ. Въ полночь двинулись въ путь. Стоявшіе во главѣ старались быть умѣренными и сохранить присутствіе духа, но большая часть гостей была навеселѣ, нѣкоторые даже не могли стоять на ногахъ.

Раздѣлились на два отряда, каждый человѣкъ въ шестьдесятъ генераловъ и офицеровъ. Оба Зубовы, Платонъ и Ни-

колай, и генералъ Беннингсенъ стали во главѣ перваго отряда, которому было назначено отправиться прямо въ Михайловскій дворецъ. Другой отрядъ былъ направленъ къ Лѣтнему саду, чтобы проникнуть во дворецъ съ этой стороны. Командованіе имъ принялъ на себя Паленъ. Плацъ-адъютантъ, знавшій всѣ проходные корридоры и двери дворца, гдѣ онъ по своимъ обязанностямъ бывалъ ежедневно, съ потайнымъ фонаремъ въ рукахъ, велъ первый отрядъ и привелъ его къ входу въ уборныя комнаты императора, смежныя съ его спальнеи. Молодой лакей, бывшій дежурнымъ, не хотѣлъ впустить заговорщиковъ и сталъ громко кричать: „Измѣна! убійство!“. Отбиваясь, онъ былъ раненъ и обезоруженъ. Крики его разбудили императора Павла. Павелъ бросился съ постели и подбѣжалъ къ двери, которая вела въ аппартаменты императрицы и закрывалась большой портьерой.

Къ несчастью для него, въ припадкѣ ненависти къ женѣ онъ велѣлъ запереть и заставить эту дверь; даже ключа не было отъ нея, потому ли, что его велѣлъ вынуть самъ Павелъ, или же потому, что имъ овладѣли его тогдашніе фавориты, бывшіе въ оппозиціи къ императрицѣ, изъ боязни, чтобы ему когда-нибудь не пришла фантазія вернуться къ женѣ. Въ эту минуту крика вѣрнаго слуги, единственнаго защитника, котораго имѣлъ въ минуту наибольшей опасности этотъ государь, больше чѣмъ когда-либо вѣрившій въ свое всемогущество и окруженный тройнымъ рядомъ стѣнъ и стражи, – крика этого было достаточно, чтобы внести ужасъ и смятеніе въ среду заговорщиковъ. Въ замѣшательствѣ они остановились на лѣстницѣ и стали совѣтоваться. Князь Зубовъ, предводитель отряда, оробѣлъ. Въ волненіи онъ предложилъ поскорѣе уйти, но генералъ Беннингсенъ, отъ котораго я слышалъ часть того, о чемъ здѣсь говорю, схватилъ его за руку и возсталъ противъ этого опаснаго предложенія. „Какъ, сказалъ онъ, вы довели насъ до этихъ дверей и теперь хотите отступить? Мы слишкомъ далеко зашли, чтобы послѣдовать вашему совѣту,

который всѣхъ насъ погубитъ. Бутылка откупорена, ее надо выпить; идемъ!"

Ганноверецъ Беннингсенъ рѣшилъ тогда судьбу дѣла, со всѣми его послѣдствіями для Россіи и Европы. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, кому только въ тотъ вечеръ сообщили о заговорѣ. Онъ становится во главѣ отряда; за нимъ первыми слѣдуютъ самые смѣлые или тѣ, кто былъ больше всего ожесточенъ противъ Павла. Они проникаютъ въ спальню императора и идутъ прямо къ его кровати; Павла тамъ не было: новая тревога для заговорщиковъ. Ищутъ съ фонаремъ въ рукахъ и скоро находятъ несчастнаго императора забившимся въ складки портьеры, за которой онъ старался спрятаться отъ нихъ. Ни живъ, ни мертвъ, въ одной сорочкѣ, онъ былъ вытащенъ оттуда. Это была расплата съ жестокой лихвой за всѣ ужасы, которые онъ когда-либо заставлялъ переживать. Страхъ сковалъ холодомъ его разсудокъ, лишилъ его способности говорить; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Его посадили въ кресло, передъ письменнымъ столомъ. Худая, длинная, блѣдная и угловатая фигура генерала Беннингсена, со шляпой на головѣ, съ обнаженной шпагой въ рукахъ, должна была ему показаться страшнымъ привидѣніемъ. *) „Ваше Величество", сказалъ ему генералъ, „вы—мой плѣнникъ, и ваше царствованіе окончено: откажитесь отъ короны, напишите и подпишите тотчасъ же актъ отреченія въ пользу великаго князя Александра". Императоръ былъ не въ состояніи отвѣчать; ему дали въ руки перо. Вѣроятно, приготовили заранѣе черновой набросокъ акта отреченія, чтобы дать ему его переписать. Дрожащій, почти безъ чувствъ, онъ уже собрался подчиниться ихъ требованію, когда опять послышались какіе-то крики.

Генералъ Беннингсенъ, вынудивъ у низложеннаго государя подпись, которую у него требовали, вышелъ, какъ онъ мнѣ

---

*) Обычное выраженіе чертъ его лица было, наоборотъ, скорѣе мягкое и добродушное.

часто говорилъ объ этомъ, чтобы узнать, что это были за крики, возстановить порядокъ и принять необходимыя мѣры для безопасности дворца и императорской фамиліи. Но едва только Беннингсенъ переступилъ порогъ двери, началась ужасная сцена. Несчастный Павелъ остался одинъ съ людьми, возбужденными противъ него безумной личной ненавистью за его несправедливости, преслѣдованія или только отказы въ ихъ просьбахъ. Вначалѣ они возмутительно издѣвались надъ нимъ и оскорбляли его. Повидимому, его смерть была заранѣе рѣшена между нѣсколькими самыми ярыми заговорщиками, можетъ быть, безъ вѣдома руководителей или, по крайней мѣрѣ, безъ ихъ формальнаго согласія. Эта ужасная катастрофа, почти неизбѣжная въ подобныхъ случаяхъ, была, безъ сомнѣнія, ускорена, благодаря крикамъ, заставившимъ выйти генерала Беннингсена и возбудившимъ у оставшихся въ комнатѣ заговорщиковъ тревогу и страхъ за самихъ себя. Графъ Николай Зубовъ, человѣкъ атлетическаго сложенія (котораго за его видъ прозвали Алексѣемъ Орловымъ изъ рода Зубовыхъ), говорятъ, первый поднялъ руку на своего государя. Разъ перешли эту границу, ничто уже больше не останавливало заговорщиковъ. Они видѣли въ Павлѣ только чудовище, тирана, непримиримаго врага; то, что онъ совершенно уничтоженъ, его полное подчиненіе — не только никого не обезоруживало, но дѣлало его въ ихъ собственныхъ глазахъ столь же презрѣннымъ и смѣшнымъ, какъ и ненавистнымъ.

Ему наносятъ удары. Одинъ изъ заговорщиковъ, имя котораго узнали позже и которое я теперь не могу вспомнить, развязываетъ свой форменный шарфъ и обматываетъ его вокругъ шеи императора. Императоръ отбивается. Чрезвычайная опасность, близость смерти, возвращаютъ ему способность говорить и нѣкоторую силу. Онъ всовываетъ руку, которую ему удалось вырвать изъ рукъ своихъ убійцъ, между роковымъ шарфомъ и шеей и кричитъ: „Воздуху, воздуху!“ Въ эту минуту онъ замѣчаетъ красную форму, которую носили тогда

офицеры конно-гвардейцы, и думаетъ, что это его сынъ Константинъ, полковникъ этого полка, распоряжается его убійствомъ. „Пощадите, Ваше Величество, пощадите, изъ состраданія! Воздуху, воздуху!!.“ Заговорщики овладѣваютъ рукой, которой онъ старался продлить свою жизнь. Шарфъ тянутъ за оба конца со страшной яростью. Несчастный императоръ испустилъ уже послѣдній вздохъ, а заговорщики все еще виснутъ на концахъ шарфа. Трупъ тащатъ, бьютъ ногами и руками. Тогда трусы присоединяются къ тѣмъ, кто совершилъ злодѣяніе, и превосходятъ ихъ въ жестокости. Возвращается генералъ Беннингсенъ. Не знаю, былъ ли онъ искренно пораженъ тѣмъ, что произошло въ его отсутствіе и въ чемъ онъ не принималъ никакого участія. Онъ удовольствовался тѣмъ, что прекратилъ страшное безобразіе этой сцены.

Тѣмъ временемъ крикъ: „Павла нѣтъ больше!“ услышанный всѣми запоздавшими заговорщиками, наполняетъ ихъ радостью, въ выраженіи которой они теряютъ чувства всякаго приличія и достоинства. Съ шумомъ, въ безпорядкѣ, они разсыпаются по корридорамъ и заламъ дворца, разсказывая другъ другу про свои воображаемые подвиги. Многимъ удается продолжать пьянство, начатое за ужиномъ: проникнувъ въ дворцовые погреба, они пьютъ за смерть того, кого уже не было больше въ живыхъ. . . . .

Паленъ, во главѣ второго отряда, повидимому, заблудился въ аллеяхъ Лѣтняго сада; онъ явился со своей шайкой во дворецъ въ ту минуту, когда преступленіе уже совершилось. Говорятъ, хотя я и не могу этого утверждать навѣрное, что онъ опоздалъ нарочно, чтобы, въ случаѣ неудачи плана заговорщиковъ, онъ могъ бы сдѣлать видъ, что прибѣжалъ арестовать ихъ и увѣрить императора Павла, что онъ былъ его спасителемъ. Какъ бы тамъ ни было, но, явившись на мѣсто дѣйствія, онъ тотчасъ началъ проявлять большую энергію, отдавалъ многочисленныя распоряженія во всю остальную часть ночи, однимъ словомъ,—ничего не упустилъ для того,

чтобы именно ему была приписана главная заслуга, усердіе и искусство, рѣшившія успѣхъ предпріятія. Легко видѣть, до какой степени выполненіе дѣла зависѣло отъ случайностей, несмотря на всѣ заблаговременно принятыя мѣры. Слѣдующія обстоятельства докажутъ это еще яснѣе.

Заговоръ, правда, былъ выраженіемъ почти единодушныхъ желаній высшихъ классовъ и большей части офицеровъ, но не такъ дѣло обстояло съ солдатами. Строгости, безрасудныя неистовства императора Павла обрушивались обыкновенно на чиновниковъ, на генераловъ и старшихъ офицеровъ. Чѣмъ человѣкъ былъ выше рангомъ, тѣмъ сильнѣе подвергался онъ всему этому. Но только въ очень рѣдкихъ случаяхъ прихотливая строгость Павла касалась солдатъ. Кромѣ того, солдамъ постоянно раздавали послѣ парада и ученія хлѣбъ, мясо, водку и деньги. Ужасъ, испытываемый офицерами, и наказанія, которымъ тѣ ежедневно подвергались, не заключали въ себѣ ничего непріятнаго для простого солдата. Наоборотъ, солдаты видѣли въ этомъ даже нѣкотораго рода удовлетвореніе за битье палками и дурное обращеніе, которое они постояно терпѣли отъ офицеровъ. Къ тому же ихъ самолюбію льстило то большое значеніе, которое придавалось солдатамъ, такъ какъ при Павлѣ не было ничего важнѣе парада, ученій. Нога, поднятая слишкомъ рано, плохо застегнутая пуговица привлекали къ себѣ наибольшее вниманіе. Солдатамъ нравилось, ихъ забавляло то, что ихъ императоръ, ихъ великій цѣнитель, подвергалъ наказаніямъ и строгостямъ офицеровъ, въ то же время при всякомъ случаѣ обильно награждая войска за работы, безсонныя ночи и всякія стѣсненія, которымъ они подвергались.

Однимъ словомъ, солдатъ, а въ особенности гвардеецъ,— изъ которыхъ многіе были женаты и жили съ ихъ семьями въ нѣкоторомъ даже довольствѣ,—при Павлѣ чувствовалъ себя хорошо, былъ доволенъ, привязанъ къ императору. Генералъ Талызинъ, одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, очень любимый

своимъ полкомъ, взялся привести во дворецъ одинъ изъ баталъоновъ перваго гвардейскаго полка, которымъ онъ командовалъ. По окончанiи ужина у Зубова, онъ собралъ полкъ и хотѣлъ объявить солдатамъ, что строгости и тяготы ихъ службы скоро кончатся, что наступаетъ минута, когда они будутъ имѣть государя снисходительнаго, кроткаго, добраго, отъ котораго имъ не придется ожидать тѣхъ жестокостей, какiя существуютъ въ настоящее время. Онъ скоро замѣтилъ, что слова его слушали недружелюбно; солдаты угрюмо молчали; ихъ лица приняли мрачное выраженiе, послышался ропотъ. Генералъ не думалъ уже больше о краснорѣчiи; онъ поторопился окончить свою рѣчь, произнеся коротко, обычнымъ тономъ, слова команды: „полъ оборота направо, маршъ!“ и кучка людей, превращенныхъ въ машины, тронулась, повернулась, дала повести себя въ Михайловскiй дворецъ и заняла тамъ всѣ аллеи.

Графъ Валерiанъ Зубовъ, лишившiйся ноги во время польской войны, не могъ присоединиться ни къ одному изъ отрядовъ заговорщиковъ. Онъ явился во дворецъ вскорѣ послѣ того, какъ распространилась вѣсть о смерти императора Павла, и счелъ нужнымъ войти въ залъ, гдѣ стояла гвардейская пѣхота, чтобы убѣдиться въ ея настроенiи. Онъ поздравилъ солдатъ съ новымъ, молодымъ императоромъ. Но это привѣтствiе было плохо принято, и графъ Зубовъ вынужденъ былъ поспѣшно уйти, чтобы не подвергнуться весьма непрiятной манифестацiи.

Эти обстоятельства какъ нельзя лучше доказываютъ, насколько легко было бы императору Павлу раздавить заговорщиковъ. Если бъ императоръ могъ вырваться отъ нихъ на одну минуту, если бъ онъ показался гвардiи, находившейся во дворѣ дворца, если бъ онъ имѣлъ хоть одного человѣка, котораго могъ бы послать къ гвардiи, заговорщики не избѣжали бы гибели. Они были обязаны удачей только внезапности нападенiя. Это доказываетъ только, насколько призра-

ченъ и невыполнимъ былъ составленный Александромъ планъ, держать своего отца подъ опекой. Если бъ императоръ Павелъ остался живъ, кровь залила бы эшафоты, наполнилась бы Сибирь, и, по всей вѣроятности, его ужасная месть распространилась бы и на многихъ изъ членовъ его семьи.

Разскажемъ теперь, что происходило въ эту ужасную ночь въ той части дворца, которую занимала императорская фамилія.

Великій князь Александръ зналъ, что приближалась минута, когда его отцу будетъ предложено отречься отъ престола, отказаться отъ власти. Взволнованный безпокойствомъ, сомнѣніями, тысячей неясныхъ тревогъ, онъ, не раздѣваясь, бросился на постель. Около часу ночи въ его дверь постучали, и онъ увидѣлъ вошедшаго графа Зубова, съ взъерошенными волосами, съ разгорѣвшимся отъ вина и отъ только что совершеннаго убійства лицомъ, безпорядочно одѣтаго. Онъ подошелъ къ великому князю, сѣвшему на постели, и сказалъ ему своимъ хриплымъ голосомъ: „Все сдѣлано“.— „Что сдѣлано?“ въ ужасѣ спросилъ великій князь. Онъ плохо слышалъ, а можетъ быть, боялся того, что ему скажутъ, въ то время, какъ графъ Зубовъ, съ своей стороны, боялся назвать то, что было сдѣлано. Это немного удлиннило разговоръ; великій князь былъ такъ далекъ отъ мысли о смерти своего отца, что не допускалъ возможности ея. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что графъ, не объясняя ясно, все говорилъ ему: „Государь“ и „Ваше Величество“, тогда какъ великій князь думалъ быть только регентомъ. Это обстоятельство не позволило ему дольше сомнѣваться. Великій князь предался самой сильной скорби, самому острому отчаянію.

Надо ли этому удивляться? Даже честолюбцы не могутъ удержаться отъ содраганій, совершая преступленія или хотя бы считая себя виновниками ихъ; великій князь совершенно не былъ честолюбцемъ ни въ то время, ни послѣ, по самымъ свойствамъ своего характера. Мысль, что онъ былъ причиной

смерти отца, была для него ужасна; онъ чувствовалъ, словно мечъ вонзился въ его совѣсть, и черное пятно, казавшееся ему несмываемымъ, навсегда связалось съ его именемъ.

Въ это время слухъ о мятежѣ и покушеніи на жизнь императора дошелъ до покоевъ императрицы. Она проснулась, вскочила и наскоро одѣлась. Извѣстіе о совершенномъ преступленіи привело ее въ неописуемое возбужденіе. Она была поражена. Ею овладѣлъ страхъ, ужасъ, жалость къ мужу, безпокойство за себя. Рѣдко бываетъ, чтобы императрицы, или даже просто иностранныя принцессы, связанныя родствомъ съ русскимъ царствующимъ домомъ, не мечтали, хотя бы временами, о возможности получить доступъ къ престолу, въ силу какихъ-нибудь неожиданныхъ поворотовъ судьбы; не таили въ сокровеннѣйшихъ своихъ мысляхъ грезы о томъ, что и на ихъ долю можетъ выпасть эта счастливая случайность, столь нерѣдкая въ Россіи, столь подходящая къ традиціямъ, воззрѣніямъ и даже склонностямъ русскихъ.

Императрица Марія, не владѣя собой отъ гнѣва и отчаянія, явилась передъ заговорщиками. Ея крики разносились по всѣмъ корридорамъ, примыкавшимъ къ ея комнатамъ. Замѣтивъ гренадеръ, она нѣсколько разъ повторяла имъ: „Итакъ, нѣтъ больше императора, онъ палъ жертвой измѣнниковъ. Теперь я —ваша императрица, я одна ваша законная государыня, защищайте меня, идите за мной!“ Генералъ Беннингсенъ и графъ Паленъ, приведшіе во дворецъ отрядъ испытанныхъ солдатъ, на которыхъ они могли положиться въ дѣлѣ возстановленія порядка, пробовали успокоить императрицу. Съ большимъ трудомъ имъ удалось насильно увести ее въ ея комнаты. Едва войдя туда, она тотчасъ снова хотѣла вернуться, не обращая вниманія на часовыхъ, поставленныхъ у дверей. Казалось, въ тѣ первыя минуты она рѣшилась на все, чтобы захватить въ свои руки власть и отмстить за убійство мужа. Но императрица Марія ни наружностью, ни характеромъ не была способна возбудить въ окружающихъ энтузіазмъ или безотчетную

преданность. Ея слова, ея многократные призывы не произвели на солдатъ никакого впечатлѣнія. Можетъ быть, этому способствовалъ иностранный нѣмецкій акцентъ, сохранившійся у нея въ русской рѣчи. Часовые скрестили оружіе. Она отошла въ отчаяніи и досадѣ. Къ ея страданіямъ прибавилось горькое сознаніе того, что она совершенно безуспѣшно, безъ всякой пользы для себя, обнаружила свое честолюбіе.

Я никогда ничего не слышалъ о первомъ свиданіи матери и сына послѣ совершеннаго преступленія. Что говорили они другъ другу? Какія могли они дать другъ другу объясненія по поводу того, что произошло? Позже они поняли и оправдали другъ друга, но въ эти первыя страшныя минуты императоръ Александръ, уничтоженный угрызеніями совѣсти и отчаяніемъ, казалось, былъ не въ состояніи произнести ни одного слова или о чемъ бы то ни было думать. Съ другой стороны, императрица, его мать, была въ состояніи изступленія отъ горя и злобы, лишавшихъ ее всякаго чувства мѣры и способности разсуждать.

Изъ членовъ императорской фамиліи, среди ужаснаго безпорядка и смятенія, царившихъ въ эту ночь во дворцѣ, только одна молодая императрица, по словамъ всѣхъ, сохранила присутствіе духа. Императоръ Александръ часто говорилъ объ этомъ. Она старалась утѣшить его, вернуть ему мужество и самоувѣренность. Она не оставляла его всю ночь и отходила отъ него лишь на минуту, чтобы успокоить свекровь, удержать ее въ ея комнатахъ, уговорить ее прекратить свои вспышки, которыя могли стать опасными теперь, когда заговорщики, опьяненные успѣхомъ и знавшіе, какъ они должны опасаться ея мести, являлись хозяевами во дворцѣ. Однимъ словомъ, въ эту ночь волненія и ужаса, когда всѣ были взволнованы, каждый на свой ладъ,—одни, гордясь побѣдой, другіе, охваченные скорбью и отчаяніемъ, —только императрица Елизавета сохранила самообладаніе и проявила моральную силу, которую всѣ признали. Она явилась тогда посредницей

между мужемъ, свекровью и заговорщиками и старалась примирить однихъ и утѣшить другихъ.

Въ первые годы своего царствованія Александръ очутился въ очень трудномъ и тяжеломъ положеніи по отношенію къ участникамъ заговора. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ считалъ себя въ ихъ власти и не находилъ возможности дѣйствовать свободно.

Какъ различить передъ лицомъ правосудія болѣе или менѣе виновныхъ? Вѣдь, къ послѣдней категоріи принадлежали всѣ знатнѣйшіе люди арміи, салоновъ обѣихъ столицъ, всѣ высшіе офицеры гвардіи. Никто изъ петербургскаго общества не избѣжалъ бы этихъ обвиненій. Какъ установить передъ закономъ различную степень виновности отдѣльныхъ участниковъ.

Генералъ Беннингсенъ никогда больше не показывался при Дворѣ. Онъ лишился своего мѣста литовскаго генералъ-губернатора, которое было отдано генералу Кутузову. Только въ концѣ 1806 года Беннингсенъ выдвинулся вновь, благодаря своей военной репутаціи, и Александръ поставилъ его во главѣ арміи, сражавшейся при Эйлау и Фридландѣ. Князь Платонъ Зубовъ, завѣдомый вождь заговора, несмотря на всѣ употребленныя имъ старанія, не получилъ никакого назначенія и, чувствуя, насколько императору было непріятно его видѣть, уѣхалъ въ свои помѣстья и тамъ пытался создать себѣ подходящія условія жизни запоздалой женитьбой на одной красивой полькѣ. Онъ скитался по Европѣ, не встрѣчая ни въ комъ къ себѣ уваженія, и вскорѣ умеръ, не вызвавъ ничьихъ сожалѣній.

Я говорилъ уже о томъ, какимъ образомъ былъ высланъ генералъ Паленъ. То же было и съ Панинымъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, передъ отъѣздомъ на коронацію, императоръ отрѣшилъ Панина отъ завѣдыванія иностранными дѣлами. Оба главные зачинщика заговора были отданы подъ надзоръ высшей полиціи и получили приказаніе не только не показываться при Дворѣ, но даже никогда не появляться тамъ,

гдѣ будетъ императоръ, и быть всегда вдали отъ того мѣста, куда онъ пріѣдетъ. Карьера ихъ была разбита и уничтожена. Имъ пришлось навсегда отказаться отъ сродной имъ общественной дѣятельности и влачить свою жизнь въ уединеніи и заброшенности, изъ которыхъ имъ уже не суждено было выйти.

Слѣдуетъ признать, что наказаніе, выпавшее на долю этихъ людей, такъ же какъ многихъ другихъ, было самымъ тягостнымъ, можно сказать, самымъ жестокимъ, какое только можно было бы наложить на нихъ. Но всего безпощаднѣе императоръ Александръ наказалъ самого себя. Трудно описать, какъ глубока была его скорбь, какъ трогательны были его сожалѣнія и угрызенія совѣсти, которыя онъ постоянно старался оживлять и растравлять въ своей душѣ.

Приближалось время коронаціи. Дворъ и вся петербургская знать отправилась въ Москву въ концѣ августа 1801 года. Ясно представляю себѣ, что творилось въ это время въ душѣ императора среди окружавшихъ его великолѣпныхъ, разнообразныхъ празднествъ, пышности, блеска, почестей и расточавшихся передъ нимъ выраженій любви и энтузіазма. Празднества, пріемы, обрядъ коронованія, безъ сомнѣнія, еще живѣе напоминали ему отца, всходившаго при такой же торжественной обстановкѣ по этимъ ступенямъ трона. Блестящій апоѳеозъ верховной власти, вмѣсто того, чтобы возбудить честолюбіе Александра, льстить его тщеславію или развлекать его, наоборотъ, увеличивалъ до крайности его внутреннюю муку. Я думаю, онъ никогда не чувствовалъ себя болѣе несчастнымъ. Цѣлыми часами оставался онъ одинъ, молча, съ угрюмымъ неподвижнымъ взглядомъ. Это повторялось ежедневно; онъ никого не хотѣлъ тогда видѣть подлѣ себя.

Со мной онъ чувствовалъ себя всего пріятнѣе, я всего менѣе стѣснялъ его: съ давнихъ поръ онъ довѣрялъ мнѣ свои тайныя мысли и страданія, поэтому мнѣ, не въ примѣръ другимъ, было дозволено входить въ его кабинетъ, когда онъ преда-

вался этому мучительному упадку духа, этимъ отчаяннымъ угрызеніямъ совѣсти. Иногда я входилъ самовольно, когда онъ слишкомъ надолго погружался въ страшную задумчивость. Я старался вывести его изъ этого состоянія, напомнить ему о его обязанностяхъ, о работѣ, къ которой онъ былъ призванъ. Александръ смотрѣлъ на эти обязанности, какъ на тяжелое бремя, которое надо было нести, но чрезмѣрныя угрызенія совѣсти, его строгость по отношенію къ самому себѣ, отнимали у него всякую энергію. На мои увѣщанія, на мои слова, съ которыми я къ нему обращался, желая поднять въ немъ энергію и надежду, онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ это невозможно; противъ этого нѣтъ лекарствъ, я долженъ страдать; какъ хотите вы, чтобы я пересталъ страдать? Этого измѣнить нельзя.“

Близкіе ему люди боялись не разъ, какъ бы онъ совершенно не лишился разсудка; и такъ какъ я былъ единственнымъ въ то время человѣкомъ, который могъ говорить ему все, не стѣсняясь, то меня постоянно просили объ этомъ, и я думаю, что мои заботы не были безполезны и помогли молодому императору не пасть подъ тяжестью преслѣдовавшей его страшной мысли. Нѣсколько лѣтъ спустя великія событія, въ которыхъ императоръ Александръ игралъ такую выдающуюся и славную роль, доставили ему удовлетвореніе и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ напрягли всѣ его способности; но я убѣжденъ, что впослѣдствіи та же ужасная мысль снова завладѣла имъ, и именно благодаря ей онъ впалъ съ теченіемъ времени въ такое уныніе, дошелъ до такого отвращенія къ жизни и поддался, быть можетъ, нѣсколько преувеличенной набожности, которая является единственно возможной и дѣйствительной опорой человѣка среди мучительныхъ страданій.

Не разъ, когда разговоръ переходилъ на эту грустную тему, императоръ Александръ повторялъ мнѣ подробности того, какъ онъ предполагалъ устроить отца въ Михайловскомъ дворцѣ, предоставивъ ему, по мѣрѣ возможности, пользованіе

загородными императорскими дворцами. „Вѣдь, Михайловскій дворецъ, говорилъ онъ, былъ любимымъ жилищемъ отца, ему было бы тамъ хорошо, онъ имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи весь Лѣтній садъ для прогулокъ верхомъ и пѣшкомъ.“ Александръ хотѣлъ выстроить тамъ манежъ и театръ. Онъ мечталъ о томъ, что ему удастся сосредоточить здѣсь все то, что могло бы доставить удовольствіе и развлеченіе его отцу и сдѣлать его счастливымъ. Онъ судилъ о немъ по себѣ.

Благородному характеру Александра всегда была свойственна какая-то женственность, со всѣми присущими ей пріятными, положительными и отрицательными чертами. Часто случалось, что онъ мысленно строилъ планы, которые ему нравились, но которыхъ нельзя было осуществить въ дѣйствительности. На этомъ идеальномъ фундаментѣ онъ возводилъ цѣлые фантастическіе замки, заботливо улучшая ихъ въ своемъ воображеніи. Планъ, придуманный имъ для устройства судьбы своего отца путемъ устраненія его отъ престола, былъ въ высшей степени непрактиченъ. Въ особенности, этотъ планъ былъ невыполнимъ въ Россіи. Александръ былъ тогда молодъ, неопытенъ, почти дѣтски довѣрчивъ, и эти природныя черты его характера ослабѣли лишь съ теченіемъ времени.

ГЛАВА IX.

1801—1802 г.

Характеръ Александра и его царствованіе. Неоффиціальный комитетъ. Министерскія комбинаціи. Реформы. Отношенія съ Франціей. Свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Мемелѣ. Преобразовательная дѣятельность. Внѣшнія сношенія.

Взгляды и чувства Александра, казавшіеся мнѣ столь прекрасными въ русскомъ великомъ князѣ, по существу не измѣнились и теперь; но когда, при императорѣ Павлѣ, Александръ ближе сталъ къ дѣламъ управленія, а затѣмъ получилъ въ свои руки неограниченную власть самодержавнаго монарха, его взгляды и чувства должны были получить иной оттѣнокъ. Однако, онъ попрежнему сохранялъ ихъ въ глубинѣ своего сердца. То было нѣчто въ родѣ многолѣтней тайной страсти, которую человѣкъ не рѣшается открыть равнодушному и неспособному понять свѣту, но которая неотступно держитъ человѣка въ своей власти, готовая увлечь его при первой возможности. Я еще часто буду имѣть случай возвращаться къ этой чертѣ, столь важной для выясненія характера Александра. Проникнутый сознаніемъ своего могущества и тѣхъ обязанностей, которыя оно на него возлагало, Александръ временами походилъ на человѣка, любящаго потѣшаться забавами дѣтства и лишь съ сожалѣніемъ оставляющаго любимое развлеченіе для обязательныхъ занятій текущей жизни.

О прежнихъ либеральныхъ мечтаніяхъ, доведенныхъ до крайнихъ предѣловъ, не было больше рѣчи. Императоръ уже не заговаривалъ со мной ни о своемъ намѣреніи отказаться отъ престола, ни о составленномъ мною по его требованію манифестѣ, которымъ онъ тогда остался такъ доволенъ. Я даже не знаю о дальнѣйшей судьбѣ этой бумаги. Но обо всемъ, что касалось проведенія въ жизнь практическихъ идей, —о преобразованіи суда, раскрѣпощеніи массъ, о реформахъ, удовлетворяющихъ соціальной справедливости, о введеніи либеральныхъ учрежденій,—обо всемъ этомъ онъ не переставалъ думать и заботиться: въ размышленіяхъ объ этихъ предметахъ онъ находилъ внутреннее удовлетвореніе. Онъ понималъ теперь, какія непреодолимыя препятствія стоятъ на пути даже самыхъ элементарныхъ преобразованій въ Россіи; но ему хотѣлось доказать своимъ близкимъ друзьямъ, что его прежнія, когда-то высказываемыя имъ стремленія нисколько не измѣнились, несмотря на перемѣну, происшедшую въ его положеніи; что онъ не считаетъ возможнымъ обнаруживать эти стремленія и открыто выставлять ихъ передъ публикой только потому, что общество слишкомъ мало способно оцѣнить ихъ по достоинству и всего скорѣе приняло бы ихъ съ чувствами изумленія и страха.

Тѣмъ временемъ правительственная машина продолжала дѣйствовать по старой рутинѣ, и императоръ вынужденъ былъ принимать участіе въ этой текущей работѣ. Чтобы найти исходъ этому тяжелому внутреннему разладу своей души, Александръ составилъ нѣчто въ родѣ тайнаго совѣта, изъ лицъ, которыхъ считалъ своими друзьями и единомышленниками. Молодой графъ Павелъ Строгановъ, Новосильцовъ и я—составили первоначальное ядро этого совѣта.

Мы всѣ уже давно были близки между собою; но съ этихъ поръ наши отношенія сдѣлались болѣе серьезными. Необходимость сгруппироваться вокругъ императора и не оставлять его одного въ борьбѣ за желанныя реформы связывала насъ

еще сильнѣе. Нѣсколько лѣтъ уже мы служили примѣромъ тѣсной, постоянной и непоколебимой дружбы. Девизомъ нашего союза было—стоять выше всякихъ личныхъ интересовъ и не принимать ни отличій, ни наградъ. Девизъ этотъ совершенно не согласовался съ обычаями страны, но онъ соотвѣтствовалъ идеямъ императора, и это внушало Александру особое уваженіе къ его друзьямъ. Я оказался единственнымъ, истиннымъ носителемъ этого девиза. Правда, онъ и подходилъ больше всего къ моему исключительному положенію; товарищамъ же моимъ нашъ девизъ не всегда приходился по вкусу, а въ концѣ концовъ, и самъ императоръ сталъ тяготиться сотрудниками, желавшими выдѣляться отказами отъ наградъ, къ которымъ всѣ такъ жадно стремились.

Выше было уже указано, какимъ образомъ возникъ нашъ союзъ въ Москвѣ во время коронованія императора Павла. Впрочемъ, еще задолго до этого мы уже коротко знали другъ друга, благодаря нашимъ ежедневнымъ встрѣчамъ у стараго графа Строганова.

Четвертымъ членомъ, допущеннымъ императоромъ въ тайный совѣтъ, былъ графъ Кочубей. Кажется, я уже упоминалъ, что онъ ранѣе всѣхъ насъ познакомился съ великимъ княземъ Александромъ.

Кочубей былъ племянникомъ графа Безбородко, министра, пользовавшагося большимъ уваженіемъ Екатерины. Еще очень молодымъ онъ получилъ назначеніе въ Константинополь, гдѣ съумѣлъ своей дѣятельностью заслужить одобреніе русскаго правительства. При императорѣ Павлѣ онъ былъ отозванъ изъ Константинополя, а на его мѣсто былъ назначенъ Тамара, о которомъ я поговорю въ другой разъ. Я встрѣчался съ Кочубеемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Вѣнѣ, передъ его отъѣздомъ на востокъ. Въ то время онъ былъ единственнымъ русскимъ въ Вѣнѣ, къ которому относились хорошо. То было въ царствованіе Леопольда, когда въ Польшѣ засѣдалъ великій сеймъ, и въ Австріи русскіе не всегда могли разсчиты-

вать въ салонахъ даже на любезный пріемъ дамъ. Я вспоминаю, какъ графиня Каролина, впослѣдствіи леди Гильфоръ, сказала весьма любимому вѣнскимъ обществомъ графу Чернышову, попросившему ее во время розыгрыша ея фанта сказать ему что-нибудь обидное: „Вы русскій“.

Но возвратимся къ графу Кочубею. Онъ выглядѣлъ европейцемъ и отличался прекрасными манерами и потому легко завоевалъ расположеніе и уваженіе. Онъ былъ тщеславенъ — слабость, общая почти всѣмъ людямъ, но въ особенности свойственная русскимъ и вообще славянамъ. Это вызвало нападки на него со стороны столь же тщеславныхъ людей; но по мягкости характера онъ оставлялъ подобные нападки безъ вниманія. Онъ имѣлъ навыкъ въ дѣлахъ, но ему не доставало широкихъ и дѣйствительныхъ знаній. Умъ у него былъ точный, но неглубокій; онъ отличался мягкостью характера, добротой, искренностью, которыя рѣдко можнс встрѣтить въ Россіи.

При всѣхъ этихъ свойствахъ въ его душѣ глубоко гнѣздились нѣкоторыя чисто русскія слабости, — жажда назначеній, отличій и, въ особенности, богатства, чтобы покрывать свои личныя издержки и расходы своей все увеличивающейся семьи. Кромѣ того, онъ съ чрезвычайной легкостью поддавался ходячимъ мнѣніямъ и всегда готовъ былъ слѣдовать тѣмъ воззрѣніямъ, которыя указывались высшей властью или же окружающей средой. Передъ нами онъ высказывалъ либеральные взгляды, но всегда съ какой-то недомолвкой, такъ какъ эти взгляды не могли совпадать съ его собственными убѣжденіями. Къ этимъ слабостямъ нужно прибавить еще его тщеславіе, которое ему при всемъ его желаніи никакъ не удавалось скрыть, за что два мои товарища преслѣдовали его насмѣшками; я старался воздерживаться отъ такихъ насмѣшекъ, насколько могъ, цѣня его добрыя свойства и его дружеское расположеніе, которое онъ мнѣ оказывалъ какъ въ то время, такъ и еще долго впослѣдствіи.

Мы пользовались въ то время привилегіей являться къ столу императора безъ предварительнаго приглашенія. Наши тайныя собранія происходили два или три раза въ недѣлю. Послѣ кофе и короткаго общаго разговора императоръ удалялся, и въ то время, какъ остальные приглашенные разъѣзжались, четыре человѣка отправлялись черезъ корридоръ въ небольшую туалетную комнату, непосредственно сообщавшуюся съ внутренними покоями ихъ величествъ, куда затѣмъ приходилъ и государь. Тамъ обсуждались различные преобразовательные планы; не было вопроса, который бы не затрагивался въ этихъ бесѣдахъ. Каждый несъ туда свои мысли, свои работы, свои сообщенія о текущемъ ходѣ правительственныхъ дѣлъ и о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ власти. Императоръ вполнѣ откровенно раскрывалъ передъ нами свои мысли и свои истинныя чувства. И хотя эти собранія долгое время представляли собой простое препровожденіе времени въ бесѣдахъ, не имѣвшихъ практическихъ результатовъ, все же, надо сказать правду, что не было ни одного внутренняго улучшенія, ни одной полезной реформы, намѣченной или проведенной въ Россіи въ царствованіе Александра, которыя не зародились бы на этихъ именно тайныхъ совѣщаніяхъ.

Тѣмъ временемъ настоящее правительство,—сенатъ и министры,—продолжали управлять и вести дѣла по-своему, потому что стоило лишь императору покинуть туалетную комнату, въ которой происходили наши собранія, какъ онъ снова поддавался вліянію старыхъ министровъ и не могъ осуществить ни одного изъ тѣхъ рѣшеній, которыя принимались нами въ неоффиціальномъ комитетѣ. Можно было подумать, что эта комната была масонской ложей, по выходѣ изъ которой люди возвращались къ своей обычной мірской жизни.

Наши таинственныя собранія не могли ускользнуть отъ вниманія Двора и вскорѣ стали всѣмъ извѣстны. Насъ прозвали „партіей молодыхъ людей." „Члены неоффиціальнаго комитета начинали уже выказывать нетерпѣніе и громко выражать

неудовольствіе на то, что ихъ роль сводилась къ нулю, что до сихъ поръ они не добились никакихъ практическихъ результатовъ. Они торопили императора съ приведеніемъ въ исполненіе высказанныхъ имъ взглядовъ и тѣхъ предложеній неоффиціальнаго комитета, которыя были имъ одобрены и признаны необходимыми. Разъ или два хотѣли убѣдить его приступить къ энергичнымъ дѣйствіямъ, заставить себѣ повиноваться, устранить людей съ устарѣлыми взглядами, служившихъ помѣхой всякимъ преобразованіямъ, и замѣстить этихъ людей молодежью. Но подобныя настоянія оказывались безуспѣшными по той причинѣ, что императоръ, вообще склонный къ уступчивости и не умѣвшій идти къ своей цѣли иначе, какъ путемъ частичныхъ соглашеній и осторожныхъ попытокъ, кромѣ того еще и не чувствовалъ себя настолько господиномъ положенія, чтобы отважиться на мѣропріятія, казавшіяся ему слишкомъ рѣшительными.

Въ нашемъ комитетѣ самымъ пылкимъ былъ Строгановъ, самымъ разсудительнымъ—Новосильцовъ, наиболѣе осторожнымъ и искренно желавшимъ принять участіе въ дѣлахъ—Кочубей; я же былъ самымъ безкорыстнымъ и всегда старался успокоить слишкомъ сильное нетерпѣніе другихъ.

Тѣ, кто побуждалъ императора принять немедленно энергичныя мѣры, мало знали его. Такія настоянія всегда вызывали въ немъ стремленіе отступить, поэтому они были совершенно нецѣлесообразны и только могли колебать его довѣріе. Но все же, въ виду того, что императоръ жаловался на своихъ министровъ и ни однимъ изъ нихъ не былъ доволенъ, неоффиціальный комитетъ, оставивъ пока въ сторонѣ вопросъ о смѣнѣ министровъ, занялся обсужденіемъ способовъ, при помощи которыхъ можно было бы выйти изъ области мечтаній и твердыми шагами вступить на почву практическихъ мѣропріятій. Рѣшено было, что Строгановъ возьметъ на себя обязанности прокурора перваго департамента правительствующаго сената. Новосильцовъ былъ назначенъ секретаремъ императора.

Положеніе это давало ему многія преимущества, такъ какъ теперь всякая бумага, поступавшая на имя государя, могла проходить черезъ его руки, и кромѣ того онъ получалъ право объявлять императорскіе указы. Впрочемъ, вначалѣ ему приходилось имѣть дѣло исключительно съ составителями разныхъ проектовъ. Между ними иногда попадались люди не безъ таланта, но большею частью то были авантюристы, весьма сомнительной честности, какіе въ изобиліи отовсюду стекаются въ Россію при каждой перемѣнѣ царствованія. Должность эта вполнѣ подходила Новосильцову, благодаря его разнороднымъ познаніямъ въ области финансовъ и промышленности; она явилась для Новосильцова въ свою очередь хорошей школой и помогла ему выработаться въ такого государственнаго дѣятеля, какимъ мы его знали впослѣдствіи. Былъ еще пятый членъ неоффиціальнаго комитета Лагарпъ, воспитатель Александра, пріѣхавшій навѣстить своего бывшаго воспитанника по его воцареніи.

Возвратившись изъ Италіи въ Россію, я засталъ Лагарпа уже въ Петербургѣ.

Лагарпъ не присутствовалъ на нашихъ послѣобѣденныхъ собраніяхъ, но имѣлъ съ императоромъ частныя бесѣды и постоянно подавалъ ему докладныя записки съ подробнымъ обзоромъ всѣхъ отраслей администраціи. Первое время мы читали ихъ на нашихъ тайныхъ засѣданіяхъ, но затѣмъ, благодаря нескончаемой длиннотѣ этихъ записокъ, мы стали поочередно брать ихъ къ себѣ на домъ, чтобы прочесть надосугѣ. Лагарпу было въ то время лѣтъ сорокъ съ лишнимъ; онъ былъ членомъ директоріи въ Гельвеціи и всегда носилъ форму, принадлежавшую ему въ силу званія, и большую саблю на вышитомъ поясѣ, поверхъ платья. Онъ казался намъ (я говорю—намъ, потому что это было наше общее мнѣніе) значительно ниже своей репутаціи и того мнѣнія, которое составилъ о немъ императоръ. Лагарпъ принадлежалъ къ поколѣнію, воспитанному на иллюзіяхъ конца восемнадцатаго вѣка,—

къ тѣмъ людямъ, которые воображали, что ихъ доктрины, какъ новый философскій камень, какъ новое универсальное средство, разрѣшали всѣ вопросы, и что однѣми сакраментальными формулами можно разсѣять всѣ многообразныя препятствія, выдвигаемыя практическою жизнью при осуществленіи отвлеченныхъ идеаловъ. У Лагарпа было для Россіи свое всеисцѣляющее средство, о которомъ онъ распространялся въ своихъ писаніяхъ такъ многорѣчиво, что у самого императора не хватало терпѣнія дочитывать ихъ. Я вспоминаю, между прочимъ, что онъ напалъ на выраженіе „регламентированная организація", которому онъ придавалъ, не безъ основанія, большое значеніе, но которое повторялъ безпрестанно и съ такой настойчивостью, что выраженіе это, въ концѣ концовъ, стало его прозвищемъ.

Императоръ, быть можетъ, самъ себѣ въ томъ не признаваясь, чувствовалъ, что его прежнее высокое мнѣніе о бывшемъ воспитателѣ начинаетъ колебаться, тѣмъ не менѣе онъ всегда изыскивалъ предлоги къ тому, чтобы возвысить репутацію Лагарпа въ нашихъ глазахъ. О личномъ характерѣ Лагарпа императоръ никогда не мѣнялъ своего мнѣнія.

Императоръ очень не любилъ насмѣшливыхъ отзывовъ о ничтожествѣ писаній Лагарпа, и наоборотъ, одобреніе какихъ-либо предложеній правителя Гельвеціи доставляло ему большое удовольствіе. Александру было пріятно, когда онъ могъ сообщить Лагарпу, что его идеи встрѣчены одобрительно и получатъ осуществленіе, какъ только будетъ приступлено къ выполненію намѣченныхъ преобразованій. Но несомнѣнно, что пребываніе Лагарпа въ Петербургѣ въ началѣ царствованія Александра не имѣло никакого значенія, какъ равно онъ не оказалъ никакого или почти никакого вліянія и на послѣдующія реформы этого царствованія.

У Лагарпа хватило такта не выказывать желанія присутствовать на нашихъ засѣданіяхъ. Я думаю, что и самъ императоръ предпочиталъ не допускать его туда, во избѣжаніе раз-

ныхъ толковъ по поводу того, что преобразованіемъ имперіи руководитъ правитель Гельветической республики и признанный революціонеръ. Тѣмъ не менѣе, самому Лагарпу всегда говорили, что онъ считается членомъ нашего комитета и что на нашихъ собраніяхъ для него всегда приготовлено мѣсто. Поэтому, уѣзжая, онъ увѣрялъ насъ, что мысленно всегда будетъ принимать участіе въ нашихъ совѣщаніяхъ.

Тотчасъ по восшествіи на престолъ императора Александра въ Петербургъ поспѣшила пріѣхать маркграфиня Баденская, мать императрицы Елизаветы, преисполненная счастья и нетерпѣливаго желанія увидѣть любимую дочь, съ которой была разлучена уже семь лѣтъ. Маркграфиню сопровождалъ ея супругъ, Баденскій маркграфъ, сынъ стараго, еще царствовавшаго герцога, и старшая дочь ихъ принцесса Амалія. Вліяніе этой семьи было прямо противоположно тѣмъ идеямъ, которыя тогда проповѣдывалъ Лагарпъ.

Маркграфиня была сестрой первой жены императора Павла, *) которая умерла въ Россіи въ расцвѣтѣ молодости и красоты. Императрица Екатерина, вся ея семья и весь Дворъ оплакивали ея смерть въ большей мѣрѣ, чѣмъ ея супругъ, узнавшій послѣ ея смерти, изъ неосторожно сохраненныхъ ею писемъ, что сердце ея принадлежало не только одному ему. **)

---

*) Третья сестра была замужемъ за великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ; ея дочь, вышедшая замужъ за герцога Мекленбургскаго, была матерью герцогини Орлеанской. Я припоминаю, что во время пріѣзда герцогини Орлеанской въ Парижъ, я былъ пораженъ сходствомъ съ тѣми ея родственниками, которыхъ я зналъ въ Россіи.

**) Это былъ графъ Андрей Разумовскій, въ то время блестящій молодой человѣкъ, привлекшій вниманіе великой княгини Наталіи Петровны. Графъ Андрей за свои успѣхи у женщинъ былъ высланъ изъ Петербурга и назначенъ посломъ въ Стокгольмъ, затѣмъ въ Неаполь, гдѣ съумѣлъ понравиться королевѣ Каролинѣ. Монархиня эта, разрѣшая себѣ любовныя связи, весьма добросовѣстно старалась никогда не имѣть другихъ дѣтей, кромѣ законныхъ,—особый родъ

Маркграфиня была выше средняго роста, имѣла важный видъ, во всѣхъ ея движеніяхъ было много достоинства; нельзя было сомнѣваться, что въ молодости она была красива и изящна.

Въ Германіи она, по справедливости, пользовалась репутаціей очень благоразумной и остроумной женщины, значительно выдававшейся по своему уму надъ обычнымъ уровнемъ принцессъ того времени. Пребываніе маркграфини во дворцѣ, видимо, оказало здѣсь вліяніе, противоположное тѣмъ принципамъ, выразителемъ которыхъ являлся Лагарпъ. Казалось бы, это обстоятельство должно было нравиться императрицѣ-матери, но вышло иначе. Императрица Марія Ѳеодоровна хмурилась и была недовольна. Слишкомъ было велико несходство между этими двумя государынями, чтобы онѣ могли понравиться другъ другу. Маркграфинѣ удалось выдать младшую дочь за шведскаго короля, отказавшагося отъ великой княжны Александры. Замужество это, считавшееся тогда въ Европѣ самымъ блестящимъ, было тріумфомъ, которымъ маркграфиня не могла не гордиться и который мало способствовалъ успокоенію ревности императрицы-матери, тѣмъ болѣе, что старшая сестра принцессы Амаліи (сестры были близнецы) вышла замужъ за курфюрста, сдѣлавшагося вскорѣ затѣмъ баварскимъ королемъ, тогда какъ ни одна изъ русскихъ великихъ княженъ еще не пріобрѣла въ замужествѣ такого высокаго положенія.

Съ своей стороны, маркграфиня съ огорченіемъ видѣла, что императрица Марія сохранила за собой всѣ преимущества царствующей императрицы, не уступая ни одного изъ нихъ своей невѣсткѣ. Ставъ императоромъ, Александръ, особенно желавшій успокоить свою мать, жалобы которой не

добродѣтели, отъ котораго многочисленные отпрыски этой вѣтви Бурбонскаго дома немало проиграли по части умственныхъ способностей и красивой внѣшности.

прекращались со времени катастрофы, пресѣкшей жизнь Павла, оставилъ ей ея прежній окладъ въ милліонъ рублей, назначенный ей Павломъ по восшествіи на престолъ, и ничего не прибавилъ къ тому скромному бюджету, которымъ пользовалась его жена, будучи великой княгиней. Императрица Елизавета съ готовностью подчинилась этому распоряженію, впослѣдствіи поставившему ее въ очень тяжелое положеніе и лишившему ее возможности удовлетворять просьбы о помощи, съ которыми къ ней постоянно обращались.

Императрица-мать продолжала единолично завѣдывать различными благотворительными, просвѣтительными и даже промышленными учрежденіями, которыя были поручены ея вѣдѣнію въ царствованіе Павла. Маркграфинѣ, конечно, хотѣлось, чтобы дочь имѣла возможность проявлять большую дѣятельность и распространять больше щедротъ и благодѣяній, которыхъ имѣютъ право ожидать и даже требовать отъ жены монарха.

Я былъ принятъ маркграфиней очень благосклонно, и позже, въ продолженіе многихъ лѣтъ, она оказывала мнѣ честь своимъ расположеніемъ. Нѣсколько разъ говорила она со мной съ самымъ живымъ интересомъ и всегда только объ императорѣ. Она опасалась, чтобы задуманныя имъ реформы не оказались несвоевременными, вредными и опасными по своимъ послѣдствіямъ, и хотѣла, чтобы его разубѣдили въ осуществимости его плановъ. Она не одобряла его стремленія уменьшить пышность публичныхъ церемоній и придворной обстановки. Въ особенности же ей не нравилась простота его манеръ, которая, по ея мнѣнію, слишкомъ распускала его приближенныхъ, что придавало Двору видъ, мало соотвѣтствовавшій царскому величію. Она проводила параллель между Александромъ и первымъ консуломъ, который, наоборотъ, зная лучше людей и то, что нужно, чтобы заставить себя любить, уважать и повиноваться себѣ, окружалъ себя блескомъ и не пренебре-

галъ ничѣмъ, что могло увеличить его престижъ, безъ котораго верховная власть не можетъ существовать.

Маркграфиня хотѣла бы разбудить въ своемъ зятѣ честолюбіе и заставить его воспользоваться уроками, которые давалъ тогда міру этотъ могущественный геній. Она хотѣла бы, чтобы Александръ, не ссорясь съ нимъ, сдѣлался бы уже съ этихъ поръ соперникомъ Наполеона и чтобы его дѣйствія, какъ правителя, были бы, какъ и дѣйствія перваго консула, постоянными доказательствами величія, силы, воли и рѣшимости. Русскіе, говорила она, нуждались въ этомъ такъ же, какъ и французы. Я постарался передать императору эти разговоры въ виду того, что высказанные въ нихъ правильные и справедливые взгляды могли оказать на него извѣстное полезное вліяніе. Но подобные совѣты не производили на Александра никакого дѣйствія. Онъ восхищался Наполеономъ, но не считалъ себя способнымъ слѣдовать ему, какъ образцу. У нихъ были двѣ противоположныя натуры; поэтому и пути ихъ были различны. Только много лѣтъ спустя, величайшая опасность, угрожавшая Россіи, безграничное честолюбіе властелина Франціи и его невѣроятныя ошибки доставили Александру случай обнаружить свои недюжинныя достоинства, и все-таки его дѣйствія всегда носили характеръ оборонительный, хотя, тѣмъ не менѣе, и доставили ему побѣду надъ соперникомъ.

Семья герцога Баденскаго, прогостивъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, уѣхала въ Стокгольмъ навѣстить шведскую королеву, младшую сестру императрицы Елизаветы. Во время этого путешествія ихъ постигло большое горе. Въ дорогѣ умеръ маркграфъ, благодаря несчастному случаю съ экипажемъ. Несчастье это лишило маркграфиню возможности править въ великомъ герцогствѣ и имѣло гибельныя послѣдствія для этой благородной семьи.

Лѣтомъ 1801 года неоффиціальный комитетъ продолжалъ собираться. До отъѣзда государя въ Москву на коронацію

единственнымъ результатомъ этихъ совѣщаній было удаленіе графа Палена. Императоръ чрезвычайно желалъ отъ него избавиться. Онъ стѣснялъ государя, былъ ему противенъ и подозрителенъ. Послѣ удаленія Палена очередь была за Панинымъ. Императоръ колебался лишь относительно времени и формы его удаленія. Вопросъ долго обсуждался; наконецъ, рѣшили Палена удалить и на его мѣсто назначить графа Кочубея. На этотъ разъ императоръ сдержалъ свое слово, такъ какъ выборъ этотъ былъ ему пріятенъ и, кромѣ того, оправдывался прошлымъ Кочубея. Было предположено временно оставить Панина въ Петербургѣ. Императоръ, желавшій избѣжать непріятныхъ объясненій съ Панинымъ, до послѣдней минуты не показывалъ даже вида о принятомъ по отношенію къ нему рѣшеніи. Тѣ, кто радъ былъ найти за Александромъ хотя какую-нибудь погрѣшность, по этому поводу вновь обвинили его въ двуличіи. Графъ Панинъ подчинился монаршей волѣ, сообщенной ему письменно, и Кочубей вступилъ въ должность, къ большому удовольствію императора и всего нашего комитета.

Все время, пока Панинъ оставался въ Петербургѣ, онъ былъ окруженъ шпіонами, не выпускавшими его изъ вида; по нѣсколько разъ въ день императоръ получалъ отчеты секретной полиціи, съ подробными донесеніями о всемъ, что дѣлалъ Панинъ съ утра и до вечера, гдѣ онъ былъ, съ кѣмъ останавливался на улицѣ, сколько часовъ провелъ въ томъ или другомъ домѣ, кто посѣщалъ его. Насколько было возможно, передавались даже и всѣ сказанныя имъ слова. Отчеты эти, читавшіеся въ неоффиціальномъ комитетѣ, были составлены на таинственномъ языкѣ секретной полиціи, которымъ агенты ея такъ прекрасно пользуются для того, чтобы казаться всегда необходимыми и придавать интересъ даже самымъ незначительнымъ своимъ донесеніямъ. Въ сущности, въ этихъ донесеніяхъ не было рѣшительно ничего особеннаго, но императора чрезвычайно безпокоило и мучило присутствіе въ сто-

лицѣ графа Панина. Императоръ всегда ожидалъ съ его стороны заговора и успокоился только тогда, когда Панинъ уѣхалъ изъ Петербурга. Постоянно преслѣдуемый шпіонами, ходившими за нимъ по пятамъ, и предупрежденный о впечатлѣніи, которое онъ производилъ на императора, графъ Панинъ самъ рѣшилъ удалиться изъ столицы. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ строгій приказъ никогда не появляться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ находиться императоръ. Приказъ этотъ никогда не былъ отмѣненъ, и Панинъ уѣхалъ въ Москву, затѣмъ въ деревню, гдѣ и жилъ съ тѣхъ поръ въ строгомъ уединеніи.

Такимъ образомъ, трое изъ „нашихъ", какъ называлъ ихъ императоръ, оказались въ сферѣ практическихъ дѣлъ и на опытѣ познакомились съ препятствіями и трудностями, съ которыми приходится имѣть дѣло, лишь только соприкоснешься съ правительственнымъ механизмомъ и попадешь въ число его колесъ. Я остался единственнымъ членомъ неоффиціальнаго комитета, не приставленнымъ ни къ какому реальному дѣлу. Это доставляло мнѣ большое удовольствіе. Честолюбіе русскаго человѣка было мнѣ чуждо. Я чувствовалъ себя экзотическимъ растеніемъ, лишь случайно пересаженнымъ на постороннюю почву, и въ моихъ душевныхъ переживаніяхъ всегда было нѣчто такое, что не могло вполнѣ совпадать съ наиболѣе задушевными помыслами людей, которые стали моими друзьями въ силу неожиданныхъ и совершенно исключительныхъ обстоятельствъ. Меня часто тяготило и утомляло мое положеніе, я тосковалъ по родинѣ, по роднымъ. Меня преслѣдовало весьма естественное желаніе вновь очутиться въ ихъ кругу и вернуть себѣ это счастье, въ которомъ я нуждался сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Меня удерживала лишь моя личная привязанность къ императору и надежда оказать пользу отечеству. Но надежда эта часто казалась мнѣ совершенно погибшей. И у меня, какъ у большинства людей, грезы первой юности разсѣялись, какъ

утренній туманъ при свѣтѣ дня. Кого обвинять въ этомъ? Свѣтъ? Но зачѣмъ было ожидать отъ него больше, чѣмъ онъ можетъ или умѣетъ дать? Истинными виновниками горькихъ разочарованій являются тѣ, чьи притязанія и ложныя надежды идутъ поверхъ дѣйствительности, заходятъ за предѣлы того, что могутъ дать намъ короткія минуты нашего земного существованія. Но, обманувшись въ несбыточныхъ мечтахъ, начинаешь желать хотя бы того, чтобы не остаться въ сторонѣ отъ возможнаго счастья. Это именно и выпадало всего чаще на мою долю. Потому-то я былъ очень утомленъ своимъ положеніемъ, и у меня постоянно мелькала мысль покинуть Петербургъ. Императоръ еще временами заговаривалъ со мной о Польшѣ, но все рѣже и рѣже. Когда онъ видѣлъ меня разстроеннымъ и озабоченнымъ, онъ возвращался къ этой темѣ, но это уже было не то, что раньше. Его утѣшенія принимали какой-то неопредѣленный характеръ, или онъ совсѣмъ умалчивалъ о вопросахъ, говорить о которыхъ становилось все труднѣе и труднѣе; а между тѣмъ они то и были единственнымъ дѣйствительнымъ звеномъ, которое насъ связывало.

Хотя онъ избѣгалъ опредѣленныхъ объясненій, но все же ему хотѣлось, чтобы я продолжалъ вѣрить въ то, что относительно Польши, такъ же, какъ и относительно многихъ другихъ вопросовъ, онъ не измѣнилъ своихъ намѣреній и воззрѣній. Но что могъ онъ сдѣлать въ своемъ положеніи? Что былъ я въ правѣ отъ него требовать?

По моемъ возвращеніи въ Петербургъ я уже не засталъ тамъ Дюрока, адъютанта перваго консула, пріѣхавшаго въ сопровожденіи другого офицера привѣтствовать императора по случаю его восшествія на престолъ. Смерть Павла, подобно удару молніи, поразила перваго консула, возлагавшаго большія надежды на покойнаго государя, столь властолюбиваго и не допускавшаго мысли, чтобы какого-либо изъ его приказаній нельзя было исполнить.

Бонапарту счастливо удалась попытка снискать расположеніе Павла I. Вѣсть о томъ, что Франція возвращаетъ Россіи плѣнниковъ въ новой обмундировкѣ, и о другихъ заигрываніяхъ съ Россіей, ловко продѣланныхъ Бонапартомъ, пришла въ Петербургъ въ тотъ моментъ, когда Павелъ былъ въ страшномъ раздраженіи противъ Австріи и Англіи изъ-за пораженія русской арміи въ Швейцаріи и Голландіи. Онъ приписывалъ вину этихъ пораженій своимъ союзникамъ. Другой причиной его раздраженія было взятіе англичанами острова Мальты. Бонапартъ хитроумно предлагалъ этотъ островъ Павлу, но англичане, ставъ хозяевами острова, отказывались передать его Павлу, несмотря на то, что Павелъ былъ уже провозглашенъ гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена.

Государь этотъ, пылкій въ своихъ рѣшеніяхъ и всегда способный на страшную непослѣдовательность, переходящій отъ одной крайности къ другой, доводящій свои взгляды до послѣдняго предѣла возможности, пока ихъ не смѣняло что-нибудь новое,—увлекся Наполеономъ и французскимъ правительствомъ, которое раньше ненавидѣлъ, и возненавидѣлъ теперь союзниковъ, которымъ выказывалъ раньше такъ много любви и расположенія. Чувства его въ этомъ направленіи, какъ это всегда съ нимъ бывало, шли crescendo. Послѣ рыцарскаго вызова, о которомъ мы уже упоминали, онъ заключилъ морской союзъ съ Даніей и Швейцаріей, имѣвшей цѣлью закрыть англичанамъ входъ въ Балтійское море и поддержать неприкосновенность нейтральнаго флота. Франція, Испанія и Голландія должны были присоединить свои суда къ флотамъ сѣверныхъ державъ, чтобы бороться съ морскимъ деспотизмомъ англичанъ. Павелъ приказалъ всѣмъ донскимъ казакамъ вооружиться и немедленно выступить въ походъ въ Индію подъ предводительствомъ атамана Платова. Хотя этотъ приказъ и привелъ всѣхъ казаковъ въ изумленный испугъ, и атаманъ не зналъ даже, какъ привести его въ исполненіе, тѣмъ не менѣе стали готовиться къ этому походу.

Императоръ нѣжно любилъ свою старшую дочь, бывшую замужемъ за эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ Венгріи. Въ Вѣнѣ у нея были непріятности, такъ какъ она была принята вѣнскимъ Дворомъ не такъ, какъ подобало. Это много способствовало обостренію вражды Павла къ Австріи. Онъ возненавидѣлъ эрцгерцога, какъ принца австрійской крови, рѣшилъ обратно вытребовать дочь и написалъ ей, чтобы она возвратилась въ Россію. Но эрцгерцогиня умерла почти одновременно съ своимъ отцомъ, избѣжавъ необходимости повиноваться его приказу. Она была очень красива и привѣтлива. Ея красота и доброта покорили ей сердца венгерцевъ. Зловѣщіе слухи, которые неминуемо распространяются при каждомъ случаѣ преждевременной смерти какого-нибудь важнаго лица, возникли также и на этотъ разъ. Смерть эрцгерцогини стали приписывать вліянію какой-то таинственной личности, которая, будучи обезпокоена успѣхами молодой эрцгерцогини и властью, пріобрѣтаемой ею надъ умами венгерцевъ, добилась того, что умышленно не были приняты всѣ мѣры, необходимыя для спасенія эрцгерцогини. Говорили еще и худшее. Какъ бы то ни было, остается фактомъ, что великая княгиня, супруга палатина, была очень холодно принята въ Вѣнѣ, что ея красота и привѣтливость возбудили подозрѣнія и не понравились императрицѣ, второй женѣ Франца, имѣвшей всегда большое вліяніе на своего супруга. Эта неаполитанская принцесса всегда отличалась завистливымъ и страннымъ характеромъ и необычайными привычками. Она любила все чудовищное и наполняла свои сады странными и безобразными статуями. Въ ея обращеніи было что-то скрытное, она всегда смотрѣла исподлобья и постоянно вращалась въ обществѣ своихъ слугъ. Только въ этомъ кругу она чувствовала себя хорошо, потому что была увѣрена, что ее никто не затмѣваетъ здѣсь ни красотой, ни умомъ; для нихъ она устраивала странные банкеты и любительскіе спектакли, въ которыхъ сама участвовала. Францъ, также не блиставшій умомъ и не подходившій къ

высшему и болѣе благородному обществу, въ свою очередь весьма хорошо принаравливался къ низкой средѣ, о которой въ Вѣнѣ разсказывали странныя вещи. Какъ бы тамъ ни было, образъ жизни и поведеніе неаполитанской принцессы придавали нѣкоторое правдоподобіе слухамъ о смерти эрцгерцогини, жены палатина.

Павелъ скончался, не узнавъ о внезапной смерти любимой дочери, которую надѣялся увидѣть въ скоромъ времени и которая умерла одновременно съ нимъ. Онъ былъ избавленъ отъ этого послѣдняго горя. Случись это при его жизни, вражда его къ Австріи разгорѣлась бы еще больше, и при его ожесточенности онъ, несомнѣнно, объявилъ бы ей войну.

Трудно въ такомъ краткомъ обзорѣ прошлыхъ событій съ ясностью представить себѣ все, что могло бы случиться, если бы Павелъ продолжалъ царствовать.

Экспедиція Нельсона въ Копенгагенъ, правда, помѣшала приведенію въ исполненіе плана морского союза. Но Нельсонъ только благодаря смѣлости и счастью выпутался изъ затруднительнаго и рискованнаго положенія, въ которое попалъ. Если бы у датчанъ хватило храбрости упорствовать, нельзя знать, къ чему бы могло привести такое смѣлое предпріятіе. Какъ бы то ни было, Данія объявила, что останется вѣрна союзу,—такъ великъ былъ ужасъ, наводимый на всѣхъ Павломъ. Павелъ отдалъ приказъ привести въ оборонительное положеніе русскіе берега и порты, и я думаю, что едва ли англійскій флотъ, въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, могъ бы безъ значительныхъ подкрѣпленій отважиться на атаку Кронштадта или Ревеля. А благодаря этому получился бы выигрышъ времени, и морской союзъ успѣлъ бы объединиться и окрѣпнуть.

Внезапная смерть Павла сразу разрушила всѣ затрудненія коалиціи, но зато создала ихъ для перваго консула. Судьба, противъ всякаго ожиданія, дала консулу могущественнаго

друга и потомъ тотчасъ же отняла его. Павелъ, увлеченный своей новой причудой,—любовью къ Наполеону,—думалъ, что можетъ совершенно не считаться съ законностью правъ претендента на престолъ Франціи, лишь бы только у него хватило силы заставить себѣ повиноваться. Павелъ изгналъ Людовика XVIII изъ предѣловъ Россіи (вернувшагося туда только при Александрѣ) и поддерживалъ Наполеона. Конечно, это скрѣпляло ихъ дружбу и поощряло Наполеона къ скорѣйшему захвату верховной власти. Павелъ разжигалъ его честолюбіе. Смерть Павла все измѣнила. Морской союзъ потерялъ силу и значеніе; берега и порты не зачѣмъ было больше держать вооруженными; пріостановившаяся было, къ большому ущербу владѣльцевъ рудниковъ и землевладѣльцевъ, торговля возобновилась. Донскіе казаки, крестясь и благодаря Бога, слѣзли съ лошадей, на которыхъ пробыли уже сутки по дорогѣ на Кавказъ. Смерть эрцгерцогини, жены палатина, имѣла теперь единственнымъ своимъ послѣдствіемъ придворный трауръ, тогда какъ, останься Павелъ въ живыхъ, она несомнѣнно осложнила бы и безъ того затруднительное положеніе Европы.

Первый консулъ, какъ я уже говорилъ выше, поспѣшилъ прислать своего адъютанта Дюрока въ сопровожденіи еще одного офицера, чтобы привѣтствовать Александра.

Непосредственнымъ результатомъ смерти Павла было примиреніе Россіи съ Англіей. Англія издавна была самымъ богатымъ потребителемъ русскаго желѣза, зерна, строительнаго лѣса, сѣры и пеньки, и приведеніе Россіи на военное положеніе по отношенію къ Англіи было одной изъ главныхъ причинъ недовольства общества императоромъ Павломъ. Послѣ его смерти необходимо было измѣнить положеніе вещей. На скорую руку, худо или хорошо, устроили сдѣлку, въ которой чувствовалась поспѣшность и желаніе столковаться во что бы то ни стало. Интересы морскихъ союзниковъ были недостаточно охранены и капитальные пункты о нейтральномъ флотѣ были или обойдены молчаніемъ или оставлены открытыми.

Единственно, чего желали добиться какъ можно скорѣе — это прекращенія враждебныхъ отношеній.

Въ сущности, императоръ Александръ въ то время еще не питалъ большого расположенія къ Англіи; наоборотъ, воспитаніе выработало въ немъ воззрѣнія и симпатіи совершенно расходившіяся съ тѣми, которымъ слѣдовала англійская политика въ лицѣ Питта. Дюрокъ и его сотоварищъ были приняты императоромъ съ бо́льшей предупредительностью и сердечностью, чѣмъ этого можно было ожидать въ минуту реакціи, направленной противъ недавнихъ увлеченій Павла Бонапартомъ. Но пріемъ, оказанный Дюроку, былъ исключительно слѣдствіемъ тѣхъ чувствъ, которыя тайно питалъ въ глубинѣ своей души Александръ къ принципамъ 89 г., внушеннымъ ему Лагарпомъ.

Александръ былъ въ восхищеніи оттого, что видѣлъ, наконецъ, французовъ, участниковъ знаменитой революціи, которыхъ считалъ еще республиканцами. Онъ смотрѣлъ на нихъ съ любопытствомъ и интересомъ: онъ такъ много наслышался о нихъ и такъ много о нихъ думалъ. Ему и великому князю Константину доставляло большое удовольствіе именовать ихъ „citoyen“ — „гражданинъ“, названіе, которымъ, какъ простосердечно думалъ Александръ, они гордились. Но это оказалось вовсе не по вкусу посланцамъ Бонапарта, и имъ нѣсколько разъ пришлось заявлять, что во Франціи больше уже нѣтъ обычая называться „гражданиномъ“, пока Александръ и его братъ не перестали такъ величать ихъ.

Главнымъ побужденіемъ, руководившимъ первымъ консуломъ при посылкѣ въ Петербургъ довѣреннаго адъютанта, было желаніе позондировать намѣренія молодого императора и предугадать заранѣе, чего Европа и Франція могутъ ждать отъ его царствованія. Дюрокъ, говорятъ, написалъ Бонапарту, что нѣтъ основаній ни для надеждъ, ни для опасеній. Въ тотъ моментъ этотъ отзывъ казался совершенно правильнымъ и вытекающимъ изъ вѣрной оцѣнки характера Александра, ка-

кимъ онъ представлялся въ началѣ царствованія. Однако, послѣдующія событія доказали полную ошибочность этихъ предположеній.

Графъ Панинъ, еще занимавшій тогда свой служебный постъ, заключилъ съ Дюрокомъ конвенцію, въ которой не было затронуто ни одного изъ спорныхъ вопросовъ, долгое время сѣявшихъ раздоръ и мѣшавшихъ согласію между обоими государствами. Въ условіи, подписанномъ въ Петербургѣ, былъ только одинъ достойный замѣчанія параграфъ: Россія и Франція давали другъ другу взаимное обѣщаніе не оказывать покровительства политическимъ эмигрантамъ и не помогать имъ въ ихъ усиліяхъ, направленныхъ противъ существующихъ въ ихъ странахъ порядковъ. Параграфъ этотъ имѣлъ въ виду легитимистовъ, но относился также и къ полякамъ. Такъ, первый же государственный актъ александровскаго царствованія заключалъ въ себѣ отказъ отъ тѣхъ чувствъ, которыя служили связью между нами. Императоръ ничего не сказалъ мнѣ объ этой статьѣ. Выраженное въ ней обязательство, конечно, было вполнѣ естественно въ договорѣ между двумя государствами, желавшими жить въ добромъ согласіи; то было необходимымъ слѣдствіемъ сближенія между Россіей и Франціей, всегда гибельно отзывавшагося на Польшѣ. Я съ грустью указалъ на это императору, но онъ, хотя и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, отвѣтилъ мнѣ, что это ничего не значитъ; что нельзя было не принять этой статьи, предложенной французами, такъ какъ графъ Панинъ раньше уже далъ имъ на это свое согласіе, но что это—только простая формальность, которая не должна меня тревожить, и что судьба Польши по-прежнему близка его сердцу. Впрочемъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ, даже самый могущественный и одушевленный самыми лучшими намѣреніями, пока обстоятельства не прійдутъ ему на помощь и не дадутъ возможности дѣйствовать и выполнить свои обѣщанія? Все же можно сказать съ увѣренностью, что въ то время среди всѣхъ монар-

ховъ только одинъ Александръ, хотя и не признаваясь въ этомъ открыто, помнилъ о полякахъ и кое-какъ еще занимался будущностью Польши.

Вся Европа, съ Франціей во главѣ, совершенно забыла въ это время о Польшѣ. Со времени люневилльскаго договора во Франціи не было больше польской арміи; легіоны были распущены и отосланы въ С. Доминго, съ тѣмъ, конечно, чтобы никогда больше оттуда не вернуться. Истинные польскіе патріоты, потерявъ всякую надежду добиться чего-нибудь отъ Франціи для своего отечества, ушли съ французской службы. Впечатлѣніе отъ славнаго паденія Костюшко и рѣзни въ Прагѣ потускнѣло подъ вліяніемъ несчастій и пораженій въ другихъ странахъ. Никто больше не думалъ о насъ. Можно ли было удивляться тому, что это общее забвеніе вліяло также и на намѣренія Александра?

Не имѣя желанія играть роль въ дѣлахъ Россіи и нерѣдко совершенно теряя поддерживавшую меня надежду быть полезнымъ моему отечеству, я то и дѣло впадалъ въ глубокое уныніе и не скрывалъ моей грусти и стремленія вернуться къ родителямъ. Императоръ отчасти по собственному благородному побужденію, отчасти, чтобы доказать мнѣ, что его понятія о справедливости не измѣнились, и что онъ остается при прежнихъ намѣреніяхъ относительно Польши,—принялся благодѣтельствовать отдѣльнымъ лицамъ польскаго происхожденія и разсыпать доказательства своего добраго расположенія передъ населеніемъ управляемыхъ имъ польскихъ провинцій. Временами это подымало мой духъ и доставляло мнѣ утѣшеніе въ моемъ горѣ, смягчало горечь сознанія невозможности осуществить болѣе заманчивыя надежды, утрата которыхъ должна была составить мученіе всей моей жизни.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ царствованія Александра я имѣлъ счастье оказать услуги многимъ изъ моихъ соотечественниковъ, сосланнымъ въ Сибирь Екатериной или Павломъ и забытымъ въ изгнаніи. Александръ вернулъ имъ свободу и

возвратилъ ихъ семьямъ. Дѣла о нихъ были прекращены, конфискованныя имѣнія возвращены имъ; въ тѣхъ же случаяхъ, если эти имѣнія были кому-нибудь отданы, императоръ приказывалъ вознаграждать разоренныхъ владѣльцевъ. Эмигранты, служившіе во Франціи и въ легіонахъ, получили разрѣшеніе вернуться домой. Каждый могъ жить у себя и пользоваться своимъ состояніемъ. Свою заботу о полякахъ императоръ простиралъ и за предѣлы Россіи: онъ интересовался тѣми, кто стоналъ въ темницахъ Австріи. Кочубей съ большой готовностью шелъ навстрѣчу желаніямъ государя. Аббатъ Коллонтай, считавшійся самымъ страшнымъ революціонеромъ среди поляковъ, получилъ свободу и жилъ до смерти въ польскихъ провинціяхъ, управляемыхъ Александромъ. Графу Огинскому и многимъ другимъ было предложено вернуться. Кромѣ почета и уваженія, имъ были возвращены и ихъ значительныя состоянія. Миновало время преслѣдованій, политическихъ процессовъ и розысковъ, секвестровъ, конфискаціи, недовѣрія и подозрительности. Настала, хотя и краткая, пора отдыха, довѣрія и успокоенія. Я еще буду имѣть случай поговорить объ этомъ.

Императоръ хотѣлъ также улучшить въ нашихъ провинціяхъ администрацію и урегулировать судопроизводство. Онъ отыскивалъ среди поляковъ людей, способныхъ занять высшіе посты въ польскихъ губерніяхъ, чего тщательно избѣгали его предшественники изъ недовѣрія къ полякамъ и изъ нежеланія лишать русскихъ чиновниковъ доходныхъ мѣстъ.

Судебныя дѣла стали заканчиваться скорѣе и велись съ соблюденіемъ большой справедливости какъ на мѣстахъ, такъ и въ Петербургѣ, въ третьемъ департаментѣ сената, гдѣ сосредоточено было высшее управленіе польскими провинціями и который служилъ для нихъ послѣдней судебной инстанціей. Нѣсколько мѣстъ въ этомъ департаментѣ императоръ предоставилъ полякамъ. Все это были прекрасныя и добрыя мѣры, заслуживавшія благодарность поляковъ. Но онѣ не могли замѣнить утраченной національной самостоятельности и далеко

не соотвѣтствовали тому, о чемъ мы бесѣдовали съ Александромъ въ годы юности.

Эти преимущества, выпадавшія на долю моихъ соотечественниковъ, на время утѣшали меня. Но затѣмъ я уже не видѣлъ никакой возможности сдѣлать еще что-нибудь для своей родины. Я испытывалъ безпрерывно мучительную борьбу между чувствомъ удовлетворенія по поводу кое-какихъ достигнутыхъ успѣховъ и сожалѣніями и даже упреками совѣсти при сознаніи вѣчной невозможности вполнѣ достигнуть своей цѣли и увидѣть конечное осуществленіе своихъ завѣтныхъ плановъ. Мнѣ казалось, что если мои надежды, основанныя на добромъ расположеніи Александра къ моей родинѣ, и не рушились еще цѣликомъ, то ихъ выполненіе во всякомъ случаѣ отодвинулось въ неопредѣленное будущее. Въ такія минуты меня охватывало уныніе, и я изнемогалъ подъ бременемъ непобѣдимаго отвращенія ко всему окружающему. Хотя я и близко связанъ былъ съ моими товарищами по неоффиціальному комитету, я все же не могъ вполнѣ имъ довѣриться; ихъ чувства, ихъ постоянно проявлявшійся чисто русскій образъ мыслей, слишкомъ разнились отъ того, что происходило въ глубинѣ моей души, и потому я могъ признаться безъ утайки въ причинахъ своей печали лишь одному государю.

Дѣйствительно, наша прежняя интимная дружба еще не порвалась, хотя и приняла теперь болѣе принужденный характеръ. Какъ ни мало значительна была моя роль въ текущихъ дѣлахъ, я все же болѣе, чѣмъ кто-либо другой, пользовался довѣріемъ императора. Со мной онъ чувствовалъ себя свободнѣе, мнѣ довѣрялъ больше, чѣмъ другимъ; я могъ лучше понять его мысли, и мнѣ было легче сказать ему правду о людяхъ, дѣлахъ и о немъ самомъ.

Поѣздка на коронацію прервала наши тайныя совѣщанія, остававшіяся до сего времени мало производительными. Дворъ, министры, вся знать поѣхали въ Москву. Это время, о которомъ я уже говорилъ, оставило во мнѣ тяжелыя воспоминанія.

Нѣтъ ничего непріятнѣе тѣхъ дней, когда все выбивается изъ своего обычнаго порядка. Празднества всегда оставляютъ послѣ себя какое-то чувство пустоты и скуки. Въ нихъ есть нѣчто дутое, преувеличенное, и это утомляетъ и вызываетъ сознаніе тщетности мірскихъ суетъ. Тамъ не бываетъ естественнаго веселья, потому что веселиться приходится по приказу, по принужденію. Утомительныя, долгія ожиданія даютъ достаточно досуга для размышленій о ничтожествѣ всѣхъ этихъ удовольствій; бездѣлье и праздность наполняютъ все время до пресыщенія. Въ Россіи подобныя празднества обставляются очень пышно. Русскіе умѣютъ устраивать безконечные маскарады, придворные балы, банкеты, иллюминаціи, фейерверки, обѣды для народа, для войскъ, мачты съ призами, фонтаны изъ вина и проч.

Я столько насмотрѣлся на эти праздники, что получилъ къ нимъ настоящее отвращеніе, и когда я слышу теперь о приготовленіяхъ къ праздничнымъ торжествамъ, или случайно стороной попадаю на нихъ, я испытываю великую радость отъ того, что не долженъ въ нихъ участвовать.

Какой-то оттѣнокъ грусти окрасилъ начало этого царствованія, въ полную противоположность съ блескомъ пышныхъ коронаціонныхъ торжествъ. Трагическая смерть отца, угрызенія совѣсти сына лишали празднества того подъема, силы и оживленія, которыми они должны были бы отличаться. За первой радостью, испытанной по случаю освобожденія отъ необычайной тираніи Павла, послѣдовалъ упадокъ силъ, обыкновенно порождаемый обманутыми ожиданіями; это, впрочемъ, обычныя явленія каждаго новаго царствованія, такъ какъ всѣ классы общества при этомъ случаѣ предаются преувеличеннымъ надеждамъ, которыя не могутъ выполниться и, слѣдовательно, вызываютъ потомъ чувство разочарованія.

Молодая и прекрасная чета, которую собирались короновать, не казалась счастливой и потому не могла вызвать и въ другихъ ни чувства радости, ни удовольствія, которыхъ сама,

повидимому, не испытывала, не могла такъ сильно увлечь людей, чтобы заставить ихъ забыть про свои личныя огорченія и думать только о предлагаемыхъ удовольствіяхъ.

Александръ не обладалъ умѣньемъ властвовать надъ умами, увлекать и наполнять довольствомъ тѣхъ, которыхъ онъ желалъ привлечь къ себѣ. Ему не доставало этой способности, столь необходимой монархамъ, въ особенности, въ первое время царствованія. Коронаціонныя торжества были для него источникомъ сильнѣйшей грусти. Никогда не предавался онъ столь сильно мученіямъ совѣсти изъ-за того, что хотя и невольно, но все же былъ причиной смерти своего отца. У него бывали минуты такого страшнаго унынія, что боялись за его разсудокъ. Пользуясь въ то время его довѣріемъ больше, чѣмъ кто-либо изъ его близкихъ, я имѣлъ разрѣшеніе входить къ нему въ кабинетъ въ то время, когда онъ затворялся тамъ одинъ. Я старался изо всѣхъ силъ смягчить горечь упрековъ, которыми онъ безпрестанно мучилъ себя. Я старался примирить его съ самимъ собой, съ той великой задачей, которая стояла передъ нимъ и ради выполненія которой онъ не долженъ былъ щадить никакихъ усилій. Мои увѣщанія оказывали далеко не полное дѣйствіе, хотя все же побуждали его владѣть собой, чтобы люди не могли слишкомъ ясно читать въ его душѣ. Но грызущій его червь не оставлялъ его въ покоѣ. Воспоминанія этого времени —самыя грустныя въ моей жизни, и я не могу возвращаться къ нимъ безъ тяжелаго сердечнаго волненія.

На зиму Дворъ возвратился въ Петербургъ, и все вошло въ обычную колею. Послѣобѣденныя совѣщанія возобновились и скоро получили большое значеніе. Они еще разъ были прерваны путешествіемъ императора весною 1802 г., которое было предпринято съ политической цѣлью.

Графъ Кочубей сталъ во главѣ русской дипломатіи. Съ этого же времени и Государь началъ посвящать спеціальное вниманіе дипломатическимъ дѣламъ. Кочубей избралъ для рус-

ской политики систему, которую считалъ вполнѣ отвѣчавшей воззрѣніямъ и планамъ императора и которая соотвѣтствовала также и его взглядамъ. Она заключалась въ рѣшеніи держать себя въ сторонѣ отъ дѣлъ Европы, возможно меньше вмѣшиваться въ нихъ, быть въ дружбѣ со всѣми, для того, чтобы имѣть возможность посвятить все свое время и вниманіе внутреннимъ усовершенствованіямъ. Таковы, дѣйствительно, были взгляды и желанія императора и близкихъ ему людей, но графъ Кочубей болѣе всѣхъ былъ проникнутъ сознаніемъ правильности и цѣлесообразности этой системы и готовностью поддерживать и проводить ее съ настойчивой рѣшительностью и несокрушимымъ постоянствомъ. Россія, говорилъ онъ, достаточно велика и могущественна по своимъ размѣрамъ, населенію и положенію; ей нечего бояться съ той или другой стороны, лишь бы она оставляла другихъ въ покоѣ. Она слишкомъ вмѣшивалась безъ всякаго повода въ дѣла, которыя прямо ея не касались. Ни одно событіе не могло произойти въ Европѣ безъ того, чтобы Россія не обнаружила притязаній принять въ немъ участія и не начинала вести дорого стоившія и безполезныя войны. Благодаря своему счастливому положенію, императоръ можетъ жить въ мирѣ съ государствами всего земного шара и отдаться исключительно внутреннимъ реформамъ, не опасаясь, что кто-либо осмѣлится помѣшать ему въ его благородной и полезной работѣ. Именно во внутренней своей жизни Россія можетъ достигнуть громадныхъ успѣховъ въ смыслѣ установленія порядка, экономическаго преуспѣянія и правосудія во всѣхъ частяхъ обширной имперіи, что вызоветъ процвѣтаніе земледѣлія, торговли и промышленности. Что приносили многочисленному населенію Россіи дѣла Европы и ея войны, вызывавшіяся этими дѣлами? Русскіе не извлекали изъ нихъ для себя никакой пользы, а только гибли на поляхъ сраженій и съ отчаяніемъ въ душѣ поставляли все новыхъ рекрутовъ, платили все новые налоги. Между тѣмъ, для дѣйствительнаго благосостоянія Россіи тре-

бовался продолжительный миръ и постоянныя попеченія умной и миролюбивой администраціи. Могъ ли императоръ, одушевленный преобразовательными стремленіями, совмѣстно съ своимъ либеральнымъ, неоффиціальнымъ комитетомъ придумать что-либо лучшее? Эта политическая система до извѣстной степени походила на ту, которой слѣдуетъ въ настоящее время, при Людовикѣ-Филиппѣ, Франція, не имѣющая тѣхъ преимуществъ географическаго положенія, какія имѣетъ Россія, а также на ученіе англійскихъ радикаловъ. Система эта, хотя во многихъ отношеніяхъ и правильная, имѣетъ тотъ недостатокъ, что слишкомъ послѣдовательное ея примѣненіе грозитъ черезчуръ принизить международное политическое положеніе страны. Страна рискуетъ сдѣлаться игрушкой и прислужницей болѣе предпріимчивыхъ и болѣе дѣятельныхъ правительствъ. Система эта, если хотятъ слѣдовать ей постоянно, требуетъ также много такта и способности твердо воздерживаться отъ вовлеченія въ какія-либо вредныя полумѣры. При современномъ состояніи политическихъ отношеній въ Европѣ очень трудно избѣжать этой опасности, и императоръ Александръ вскорѣ же не миновалъ ея. Государи Пруссіи и Россіи выразили обоюдное желаніе свидѣться другъ съ другомъ. Первый усматривалъ въ этомъ свиданіи непосредственную выгоду. Онъ надѣялся при помощи Россіи повернуть въ пользу Германіи весьма важное для нея дѣло о земельныхъ вознагражденіяхъ, которыми распоряжалась Франція. Александръ же просто желалъ лично сблизиться съ своимъ сосѣдомъ и родственникомъ. Онъ чувствовалъ къ пруссакамъ и къ королю ихъ особенную любовь, объяснявшуюся военнымъ воспитаніемъ, полученнымъ имъ въ Гатчинѣ. Для Александра было праздникомъ увидѣть прусскія войска, о которыхъ онъ былъ очень высокаго мнѣнія; онъ съ удовольствіемъ готовъ былъ воспользоваться удобнымъ случаемъ расширить свои познанія въ военномъ строѣ и парадахъ. Онъ придавалъ большую важность познаніямъ этого рода и обладалъ ими почти въ такой же степени, какъ и его братъ Кон-

стантинъ. Кромѣ того Александру очень хотѣлось познакомиться съ красивой прусской королевой, порисоваться передъ ней и передъ иностраннымъ дворомъ. Поэтому онъ съ радостью отправился въ Пруссію. Его сопровождали графъ Кочубей, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, и Новосильцовъ, въ качествѣ статсъ-секретаря. Кромѣ того при государѣ находились его адъютанты и оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, управлявшій дворомъ Александра еще въ бытность его великимъ княземъ и съ тѣхъ поръ оставшійся при немъ. Это былъ человѣкъ искренно преданный государю, усердный, но недалекаго ума и мало образованный. Императоръ вполнѣ довѣрялъ ему, хотя и смѣялся надъ нимъ нерѣдко.

Свиданіе происходило въ Мемелѣ, въ стѣнахъ котораго одни и тѣ же монархи появлялись въ разное время при весьма несходныхъ условіяхъ. Въ честь Александра было устроено много парадовъ, смотровъ и баловъ. Императоръ сдружился съ прусскимъ королемъ. Дружбѣ этой король былъ обязанъ впослѣдствіи сохраненіемъ своей монархіи. Король поспѣшилъ тотчасъ же воспользоваться этимъ свиданіемъ и дружбой съ русскимъ императоромъ, чтобы заручиться поддержкой Россіи, въ виду подготовлявшихся тогда Пруссіей и Франціей мѣръ, направленныхъ къ секуляризаціи въ Германіи.

Графъ Кочубей противился этому путешествію, политическія послѣдствія котораго онъ предвидѣлъ. Онъ отговаривалъ императора отъ поѣздки въ Мемель и сопровождалъ его противъ своего желанія. Вмѣшаться въ дѣло о земельныхъ вознагражденіяхъ—значило уклониться отъ принятой системы, ради служенія чужимъ интересамъ. Но, главнымъ образомъ, графъ Кочубей, не одобряя этихъ мѣропріятій, старался отклонить Россію отъ участія въ нихъ въ виду того, что важная роль здѣсь принадлежала первому консулу, который назначалъ размѣры для вознагражденій по своему усмотрѣнію. Но Кочубей не могъ ничего подѣлать, такъ какъ монархи вели переговоры помимо него и самолично обсуждали спорные пункты,—непри-

годный способъ рѣшенія политическихъ вопросовъ, благодаря которому люди дѣйствительно безкорыстные и благородные поневолѣ остаются одураченными.

Со времени этого перваго свиданія русскаго императора съ прусской королевой началось ихъ „платоническое кокетничанье.“ Такого рода отношенія особенно нравились Александру, и онъ всегда былъ готовъ посвящать имъ немало времени. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ добродѣтели дамъ, которыми интересовался этотъ монархъ, угрожала дѣйствительная опасность.

Королеву всегда сопровождала ея любимая сестра, принцесса Сальмская, теперешняя герцогиня Кумберландская, *) о которой скандальная хроника могла бы поразсказать многое. Присутствіе принцессы уменьшало строгость этикета, оживляло разговоръ и придавало болѣе интимный характеръ ихъ встрѣчамъ: принцесса была прекрасной повѣренной тайныхъ помысловъ своей сестры; она была бы готова и на болѣе существенную помощь сестрѣ въ этихъ дѣлахъ, если бы въ этомъ встрѣтилась надобность. После одного изъ свиданій съ прусскимъ Дворомъ, императоръ, въ то время сильно увлекавшійся кѣмъ-то другимъ, разсказывалъ мнѣ, что серьезно встревоженъ расположеніемъ комнатъ, смежныхъ съ его опочивальной, и что на ночь онъ запираетъ дверь на два замка, изъ боязни, чтобы его не застали врасплохъ и не подвергли бы слишкомъ опасному искушенію, котораго онъ желалъ избѣжать. Онъ даже высказалъ это обѣимъ принцессамъ, причемъ былъ болѣе откровененъ, нежели учтивъ и любезенъ.

Возвращаясь изъ Мемеля, императоръ проѣздомъ черезъ Литву оказалъ нѣсколько милостей, уничтожилъ нѣкоторыя несправедливости и вообще показывалъ видъ, что интересуется судьбой поляковъ и что его заботы о нихъ не остановятся на этомъ. Но все дѣлалось наспѣхъ, на ходу, какъ

*) Ставшая позже королевой Ганноверской.

обыкновенно совершаются путешествія монарховъ по ихъ владѣніямъ.

По возвращеніи императора стали извѣстны только что заключенныя условія о земельныхъ вознагражденіяхъ. Въ сущности, это былъ всеобщій грабежъ, изъ котораго наибольшую пользу извлекала Пруссія. Церковныя имущества рвали на части; доли продавали въ Парижѣ съ аукціона. Первый консулъ взялъ на себя общее руководство этими операціями, но ближайшимъ образомъ раздачей земель распоряжался Талейранъ, и, говорятъ, онъ гораздо охотнѣе удовлетворялъ не тѣхъ, за кѣмъ были дѣйствительныя права, а тѣхъ, съ кого онъ самъ получалъ большое вознагражденіе. Самыя неоспоримыя права приходилось подкрѣплять звономъ монетъ. Германія была перекромсана въ угоду Пруссіи, которой покровительствовалъ Наполеонъ, и къ выгодѣ тѣхъ, кто въ Парижѣ завѣдывалъ распредѣленіемъ земель.

Политическій престижъ Франціи замѣтно возросъ, между тѣмъ какъ значеніе Россіи очень упало, хотя она и играла въ этомъ дѣлѣ лишь второстепенную роль; ее уговорили дать согласіе на эту, въ сущности, вовсе не благородную сдѣлку, послѣдствія которой она сама едва ли одобряла. Графъ Кочубей былъ этимъ очень огорченъ и пристыженъ. Въ гостинныхъ злословили по поводу политическаго ничтожества, въ которое впала Россія. Франція гордилась. Прусскіе министры потирали руки. Все это вредило императору въ глазахъ высшихъ общественныхъ классовъ. Чтобы позолотить пилюлю, первый консулъ предложилъ нѣкоторыя привиллегіи Вюртембергскому и Баденскому домамъ, которые состояли въ родствѣ съ русской императорской фамиліей, но они все же поняли, что дарованіе имъ этихъ привиллегій зависѣло исключительно отъ доброй воли Франціи, и если она и дѣлала имъ эти милости, то только ради Россіи. Но не такъ великодушно поступила Франція съ герцогомъ Ольденбургскимъ, beau-frére'омъ императрицы-матери, и несмотря на всѣ свои жалобы, онъ не

могъ добиться лучшаго отношенія къ себѣ. Первый консулъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ его слишкомъ нѣмецкими взглядами и слишкомъ рѣзкимъ поведеніемъ.

По возвращеніи государя изъ Мемеля наши тайныя собранія возобновились. Неоффиціальный комитетъ пріобрѣлъ къ этому времени большее значеніе, благодаря участію трехъ его членовъ въ государственныхъ дѣлахъ, главнымъ образомъ Кочубея и Новосильцова. Пріемная Новосильцова стала все болѣе и болѣе наполняться. Онъ предоставлялъ служебныя мѣста людямъ съ новыми воззрѣніями. Множество дѣлъ проходило черезъ его руки, и на способѣ ихъ разрѣшенія чувствовался отпечатокъ преобразовательныхъ стремленій. Императоръ нашелъ въ его лицѣ человѣка, съ помощью котораго онъ могъ примѣнять на дѣлѣ къ русской жизни свои западно-европейскіе взгляды. Между-прочимъ молодые преобразователи находили поддержку и среди старыхъ, важныхъ сановниковъ имперіи. Первымъ изъ нихъ былъ графъ Строгановъ, отецъ графа Павла. Этотъ вельможа провелъ большую часть жизни въ Парижѣ, во время царствованія Людовика XV, бывалъ въ обществѣ Гриммовъ, Гольбаховъ, Даламберовъ. Онъ посѣщалъ салоны дамъ, блиставшихъ умомъ, гдѣ важные сановники сходились съ литераторами. Здѣсь онъ почерпнулъ многія изъ своихъ воззрѣній. Рѣчь его была пересыпана анекдотами и остротами того времени. По характеру это былъ человѣкъ легко воспламенявшійся и быстро успокаивавшійся. Онъ часто вспыхивалъ, но эта горячность спадала передъ любымъ малѣйшимъ препятствіемъ. Онъ представлялъ изъ себя странную смѣсь энциклопедиста и русскаго стараго боярина. Съ умомъ и рѣчью француза онъ соединялъ чисто русскій нравъ и привычки; онъ имѣлъ большое состояніе и много долговъ, обширный домъ, съ изящной обстановкой, прекрасную картинную галлерею, для которой самъ составилъ систематическій каталогъ, безчисленное множество слугъ-рабовъ, которымъ очень хорошо жилось у такого господина, и въ томъ числѣ,

нѣсколько лакеевъ-французовъ. Въ немъ было много безпорядочности: обкрадываемый своими людьми, онъ самъ же первый смѣялся надъ этимъ. Его столъ былъ открытъ для всѣхъ; каждый желающій въ опредѣленные дни недѣли могъ явиться къ нему въ домъ, къ обѣду. Но порядки у него въ этомъ отношеніи были нѣсколько иные, чѣмъ въ домѣ оберъ-шталмейстера Нарышкина: у послѣдняго бывало общество менѣе случайное и среди посѣтителей встрѣчалось больше ученыхъ и художниковъ.

Для довершенія набросаннаго мною портрета надо еще прибавить, что эта смѣсь энциклопедиста со старымъ московскимъ бояриномъ дѣлала домъ и общество графа Строганова чрезвычайно пріятнымъ своей непринужденностью и разнообразіемъ; сверхъ того, графъ выказывалъ ко всѣмъ необычайную доброжелательность, стремясь каждому доставить какое-либо удовольствіе и оберечь отъ какихъ-бы то ни было огорченій. Старый графъ питалъ ко мнѣ особую дружбу и сердился, если я пропускалъ его обѣды. Я былъ принятъ въ его домѣ, какъ родной.

Въ силу своихъ природныхъ наклонностей и благодаря убѣжденіямъ, заимствованнымъ у французовъ, графъ былъ либераленъ въ своихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ. Онъ стоялъ за то, чтобы каждому человѣку была дана возможность счастья и свободы. Но въ то же время онъ былъ въ полномъ смыслѣ придворнымъ куртизаномъ, т. е. царская милость, расположеніе и хорошій пріемъ при Дворѣ были ему необходимы. Не честолюбіе или какіе-нибудь разсчеты вызывали въ немъ это чувство; нѣтъ, просто холодный пріемъ, или видъ нахмуренныхъ бровей государя были ему невыносимы, дѣлали его несчастнымъ, лишали твердости духа и покоя. Графъ Строгановъ былъ на хорошемъ счету у Екатерины, у Павла, у императрицы Маріи, а въ особенности у теперешняго государя. Александръ питалъ дружбу къ его сыну, безконечно цѣнилъ общество молодой графини, которая, благодаря своей при-

вѣтливости и характеру, имѣла даже на него вліяніе, а общество стараго графа забавляло императора. Александръ хорошо чувствовалъ себя въ его домѣ, гдѣ собирались люди наиболѣе подходящіе къ нему и способные къ пониманію новѣйшихъ либеральныхъ идей, къ которымъ онъ питалъ въ то время тайное пристрастіе.

Это особое расположеніе, которымъ пользовалась въ началѣ царствованія Александра семья Строгановыхъ, доставило старому графу большее, чѣмъ когда-либо, значеніе; и такъ какъ онъ занималъ мѣсто сенатора и пользовался, благодаря своимъ русскимъ вкусамъ, большой популярностью среди дворянства своей губерніи, гдѣ онъ отправлялъ должность предводителя дворянства, то его сочувствіе зарождавшимся новымъ вѣяніямъ и горячее одобреніе образа мыслей Александра и его молодыхъ друзей оказывали цѣнную поддержку этимъ послѣднимъ.

Но еще гораздо болѣе цѣнную поддержку нашла молодежь въ лицѣ графа Александра Воронцова. Въ Россіи Воронцовъ считался самымъ опытнымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ и графъ Завадовскій были друзьями графа Безбородко. Оба приходили къ нему толковать о дѣлахъ. Разсказываютъ, что будто послѣ ихъ ухода, Безбородко приказывалъ растворять двери и окна, пыхтѣлъ, обмахивался, бѣгалъ по комнатамъ и восклицалъ: „Слава Богу, педагоги ушли“. Онъ называлъ ихъ такъ потому, что они всегда читали ему нравоученія и упрекали за лѣность, чрезвычайную безпечность и малый интересъ къ дѣламъ, участіе въ которыхъ могло бы принести пользу. Тѣмъ не менѣе оба они были для него цѣнными друзьями.

Я не знаю, что заставило графа А. Воронцова въ царствованіе Екатерины удалиться отъ дѣлъ. Временами онъ бывалъ очень капризенъ, его честолюбіе не довольствовалось малымъ. Въ царствованіе Павла онъ всегда благоразумно держался вдали отъ Петербурга, хотя Павелъ и былъ очень расположенъ

къ семейству Воронцовыхъ, изъ-за связи Петра III съ одной изъ ихъ сестеръ. Только съ восшествіемъ на престолъ Александра графъ Воронцовъ снова появился въ Петербургѣ, окруженный той же славой, какой ползовался при Екатеринѣ и которая еще увеличилась, благодаря его разумному поведенію и продолжительному отстраненію отъ дѣлъ.

Графъ не присоединился къ старымъ министрамъ, которые по познаніямъ и образу мыслей большею частью стояли ниже его; къ тому же для предоставленія ему мѣста министра пришлось бы удалить кого-нибудь изъ нихъ. Онъ занялъ болѣе высокое положеніе, взявъ на себя роль посредника между новыми идеями императора и старой русской рутиной и умѣрителя тѣхъ преобразованій, которыя, какъ онъ предвидѣлъ, должны были проистечь изъ стремленій молодого императора. Онъ былъ очень доволенъ, что благодаря такому положенію, могъ въ одно время и уступать желаніямъ государя и направлять ихъ и этимъ самымъ обезпечить себѣ царскую милость и власть. Онъ сталъ на сторону молодыхъ, а старыхъ предоставилъ ихъ собственной судьбѣ, зная, что во всякой новой организаціи за нимъ будетъ обезпечено первое мѣсто.

Графъ Семенъ Воронцовъ, послѣ долгаго отсутствія, также пріѣхалъ въ Петербургъ. Человѣкъ онъ былъ вполнѣ цѣльный, не признавалъ никакихъ оттѣнковъ и видоизмѣненій въ убѣжденіяхъ и чувствахъ; онъ былъ страстный, слѣпой приверженецъ разъ воспринятой имъ идеи или избраннаго имъ своимъ кумиромъ человѣка. Во время революціи, возведшей на престолъ Екатерину II, онъ былъ младшимъ офицеромъ гренадерскаго полка и гордо провозгласилъ себя сторонникомъ несчастнаго Петра III, что, однако, не помѣшало ему впослѣдствіи получить отъ Екатерины назначеніе посломъ въ Англію. Извѣстно, что одна изъ сестеръ Воронцовыхъ была фавориткой Петра III, въ то время какъ другая была довѣреннымъ лицомъ Екатерины. Преданность, выказанная въ молодости графомъ Семеномъ по отношенію къ Петру III, побудила Павла I вы-

звать его изъ Лондона въ Петербургъ и предложить ему важнѣйшія должности въ государствѣ; но онъ постоянно отказывался отъ нихъ и просилъ оставить его въ Лондонѣ. Благодаря своему благородному, положительному и открытому характеру, графъ Семенъ пріобрѣлъ себѣ друзей въ Англіи, прижился въ этой странѣ и былъ влюбленъ въ Англію, болѣе влюбленъ, чѣмъ самый коренной тори; онъ такъ преклонялся предъ Питтомъ, что все, что походило, я не говорю даже на критику, а на какое-нибудь простое замѣчаніе или сомнѣніе въ политикѣ, принципахъ или дѣйствіяхъ этого министра, казалось графу Семену абсолютной безсмыслицей, неизвинительнымъ извращеніемъ ума или чувства. Кромѣ этого обожанія Англіи и Питта, у него было еще одно чувство, болѣе ранняго происхожденія и болѣе естественное обожаніе своего старшаго брата. Въ немъ онъ видѣлъ самаго великаго и самаго добродѣтельнаго человѣка въ Россіи; его слова были для него евангеліемъ, его рѣшенія—пророчествами. Повиновеніе, уваженіе и преданность графа Семена брату были трогательны, потому что они вытекали изъ сердца, дѣйствовавшаго безъ разсчета. Отношенія двухъ братьевъ были настолько хороши, что они не дѣлили между собой полученнаго наслѣдства. Графъ Александръ, взявшій на себя завѣдываніе всѣми дѣлами по имуществу, отдавалъ брату все, что приходилось на его долю; между ними не возникало на этой почвѣ и тѣни какой-бы ни было распри, и никогда никому и въ голову не приходила мысль, что графъ Александръ можетъ обидѣть своего брата, проживавшаго заграницей.

Новосильцовъ во время своего пребыванія въ Англіи, въ царствованіе Павла, посѣщалъ домъ графа Семена, которому былъ представленъ старымъ Строгановымъ. Онъ пріобрѣлъ его дружбу и довѣріе и сталъ близкимъ членомъ его семьи. Новосильцовъ явился, нѣкоторымъ образомъ, звеномъ, связавшимъ графа Александра съ молодыми людьми нашего кружка. По пріѣздѣ въ Петербургъ стараго графа Воронцова, Ново-

сильцовъ тотчасъ же сталъ бывать у него въ домѣ, пріобрѣлъ его довѣріе и откровенно высказывалъ ему свои мысли. Пріѣздъ графа Семена еще болѣе способствовалъ укрѣпленію этихъ отношеній и сдѣлалъ ихъ болѣе дѣйствительными. Торійскія убѣжденія графа Семена являлись для Россіи крайнимъ либерализмомъ, и онъ не преминулъ повліять на брата въ смыслѣ сочувствія къ тѣмъ преобразовательнымъ планамъ, которые уже начали принимать болѣе ясныя очертанія въ умѣ императора.

Самъ графъ Александръ не былъ противникомъ нѣкоторыхъ либеральныхъ идей; по своимъ природнымъ склонностямъ онъ способенъ былъ и воспринять ихъ и сочувствовать имъ. Въ немъ осталась закваска той старой либеральной русской аристократіи, которая хотѣла, призывая на престолъ императрицу Анну, ограничить ея власть. Онъ разсказывалъ мнѣ, что въ молодости, отправляясь въ путешествіе по Европѣ и проѣзжая черезъ Варшаву, въ царствованіе Августа III, онъ не могъ представить для себя и для своего отечества ничего болѣе разумнаго и болѣе благодѣтельнаго, какъ если бы Россія стала тѣмъ же, чѣмъ была въ то время Польша, а ея подданные получили тѣ же права и преимущества, какими пользовались поляки. Русскій аристократизмъ одного брата и чистый „торизмъ“ другого сошлись на высокой оцѣнкѣ сената. Сенатъ сталъ ихъ idée fixe. Въ немъ они видѣли средство, основу и возможный источникъ всякихъ улучшеній безъ какихъ-либо опасностей для государства.

Императоръ продолжалъ устраивать свои тайныя совѣщанія; но, довольствуясь лишь обсужденіемъ разныхъ проектовъ, онъ по-прежнему не обнаруживалъ рѣшимости взять на себя починъ въ осуществленіи преобразованій. Даже оба брата Воронцовы были недовольны въ этомъ отношеніи императоромъ. Наконецъ, они совмѣстно съ молодыми друзьями Александра условились предпринять энергичное наступленіе на императора, чтобы вывести его изъ робкаго бездѣйствія.

Съ этой цѣлью графъ Строгановъ устроилъ у себя обѣдъ, на который пригласилъ императора и императрицу. Приглашены были также и оба Воронцовы. Каменноостровскій дворецъ, въ которомъ проводилъ лѣто императоръ, отдѣлялся отъ дачи графа Строганова лишь мостомъ, перекинутымъ черезъ рѣку Неву, и императоръ съ императрицей пришли къ Строганову пѣшкомъ. Послѣ обѣда, когда императоръ, гуляя по саду, вошелъ въ одинъ изъ павильоновъ, занимаемыхъ Новосильцовымъ, мы всѣ отправились туда же вслѣдъ за нимъ. Завязался разговоръ. Ораторомъ для этого случая избранъ былъ графъ Семенъ, который скорѣе другихъ могъ своими рѣчами произвести впечатлѣніе на императора. Вслѣдствіе того, что онъ жилъ въ Англіи и не желалъ оставаться въ Россіи, онъ являлся лицомъ, незаинтересованнымъ въ томъ, что происходило въ Петербургѣ; слѣдовательно, онъ могъ быть безпристрастнымъ и имѣлъ поэтому больше правъ быть выслушаннымъ, а также и откровенно высказать свой образъ мыслей. Но онъ оказался не такъ краснорѣчивъ, какъ мы предполагали. Императоръ, умѣвшій очень искусно ставить собесѣдника своими возраженіями въ затруднительное положеніе, часто приводилъ въ смущеніе графа Семена и его брата. Императору хотѣли доказать, что онъ долженъ былъ что-нибудь предпринять, что новое царствованіе возбудило извѣстныя надежды, и Европа не менѣе Россіи ждала отъ императора ихъ осуществленія. Но все это были лишь общія фразы, и когда императоръ задавалъ вопросъ, на что же, собственно, въ Россіи должны быть направлены преобразованія, и при помощи какихъ мѣръ надо было приступить къ ихъ выполненію, — графъ Семенъ и его братъ, не считаясь ни съ какими препятствіями и затрудненіями, полагали, что все достигнется черезъ сенатъ, при помощи его возстановленнаго авторитета.

По ихъ мнѣнію, учрежденіе это, будучи облечено должной властью и авторитетомъ, можетъ вполнѣ обезпечить выполненіе проектируемыхъ реформъ. Каждая фраза графа Семена

начиналась и кончалась сенатомъ, и когда онъ не зналъ больше, что говорить и что отвѣчать императору, то неизмѣнно возвращался къ одному и тому же, къ сенату. Сенатъ былъ въ эту минуту его кумиромъ, онъ повторялъ его названіе, какъ припѣвъ, за каждымъ словомъ. Мы думали, что императоръ даже во снѣ долженъ былъ слышать голоса, кричавшіе ему на ухо: „Сенатъ, сенатъ". Въ этой аффектаціи графа Семена было нѣчто смѣшное и неловкое, что не ускользнуло отъ нашего вниманія и что могло скорѣе охладить императора, чѣмъ воодушевить его.

Положеніе сената, дѣйствительно, очень измѣнилось со времени его учрежденія Петромъ I, и ему уже нельзя было приписывать той роли, которую онъ игралъ въ непосредственно слѣдовавшія затѣмъ царствованія. Хотя во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ и прибѣгаютъ къ сенату, но въ настоящее время сенатъ утратилъ свое значеніе настолько, что сталъ пустымъ именемъ, эхо, повторяемымъ еще обществомъ, тщетно ищущимъ въ немъ точки опоры. Состоящій большею частью изъ инвалидовъ, людей бездѣятельныхъ, попадающихъ туда лишь за непригодностью и неспособностью ни къ какому труду, сенатъ не былъ въ силахъ отвѣчать на требованія той или иной партіи, взять на себя роль посредника между ними и вообще имѣть надъ ними какую бы то ни было власть.

Наконецъ, удалось облечь въ болѣе или менѣе выполнимую форму смутныя и расплывчатыя желанія императора. Онъ отказался отъ своихъ крайнихъ взглядовъ, которые можно было бы сравнить съ холостымъ выстрѣломъ въ воздухъ и, въ силу необходимости, съузилъ свои желанія и планы, приспособивъ ихъ къ дѣйствительности и условіямъ даннаго момента. Но въ минуты досуга, которымъ онъ теперь пользовался все рѣже и рѣже, онъ увлекался и тѣшился надеждами на будущій успѣхъ, что давало ему возможность не отрекаться окончательно отъ грезъ юности, все еще не покидавшихъ его.

Александръ, съ волновавшими его въ юности столь дале-

кими отъ міра сего мечтами и планами, замѣнявшими ему холодный и здравый разсудокъ, представлялся мнѣ растеніемъ, съ тянущимся въ высь стволомъ, которое посадили въ сухую, безплодную почву, обрѣзавъ его молодые и обильные побѣги, вслѣдствіе чего оно стало давать лишь слабыя вѣточки и въ концѣ концовъ должно совершенно погибнуть, въ силу неблагопріятныхъ для его роста условій.

Первымъ результатомъ этихъ трудовъ явилось опубликованіе императорскаго указа, имѣвшаго цѣлью возстановленіе и расширеніе правъ и преимуществъ главнаго государственнаго учрежденія—сената. Такое начало было разумнымъ средствомъ для привлеченія общественныхъ симпатій на сторону дальнѣйшихъ преобразованій, которыя должны были слѣдовать за этимъ. Говоря о сенатѣ, говорили языкомъ понятнымъ гражданамъ русскаго государства и ласкавшимъ слухъ дворянства.

Сенатъ уже и раньше былъ въ Россіи высшей судебной инстанціей и высшимъ органомъ государственнаго управленія. Хотя каждое повелѣніе государя, какого бы рода оно ни было и въ какой бы формѣ ни выражалось, какъ равно и каждое его слово, имѣло силу закона и должно было быть исполняемо безъ всякаго обсужденія,—тѣмъ не менѣе, высочайшіе указы и рѣшенія, главнымъ образомъ тѣ, которые касались общихъ постановленій, гражданскихъ или уголовныхъ законовъ, проходили черезъ сенатъ, на обязанности котораго лежало обнародованіе ихъ и надзоръ за ихъ выполненіемъ.

Сенатъ долженъ былъ, въ разныхъ своихъ департаментахъ, не только представлять изъ себя высшую судебную инстанцію для всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, но на его обязанности лежало также и опредѣленіе наказаній за нарушеніе правительственныхъ распоряженій. Сенатъ пользовался правомъ, въ случаѣ надобности, издавать свои собственные указы на основаніи императорскихъ указовъ для разъясненій и подробнаго истолкованія этихъ послѣднихъ. Свои постановленія сенатъ представлялъ на высочайшее усмотрѣніе докладами. Губерна-

торы и начальники казенныхъ палатъ находились въ непосредственномъ вѣдѣнiи сената и должны были представлять ему регулярно и по установленной формѣ отчеты. Всѣ же сенатскiя рѣшенiя и заключенiя по этимъ отчетамъ подлежали санкцiи императора. Въ виду несомыхъ сенатомъ обязанностей онъ назывался „Правительствующимъ Сенатомъ". Не вполнѣ ясно опредѣленныя обязанности сената, соединявшiя и судебную и исполнительную власть, и порядокъ веденiя имъ дѣлъ, задерживавшiй и даже тормозившiй ходъ внутренняго управленiя страны,—все это не согласовалось съ преобразовательными идеями императора Александра. Но все было до того заѣдено рутиной, и подобное веденiе дѣлъ до того вошло въ привычки русскаго правительства, что не было возможности дотронуться до старой организацiи внутренняго государственнаго управленiя, не рискуя внести въ нее еще большаго безпорядка. Въ виду этого, преобразованiя не коснулись административныхъ обязанностей сената; онѣ остались пока неприкосновенными; предполагалось впослѣдствiи изъять ихъ изъ его вѣдѣнiя постепенно. По мысли графа Воронцова, императорскiй указъ въ весьма торжественныхъ выраженiяхъ, подтверждалъ прежнiя права и преимущества сената. Кромѣ этихъ правъ сенату давались еще новыя: предоставлялось право всеподданнѣйшихъ представленiй; въ то же время постановлялось, что всѣ министерства будутъ представлять подробные отчеты о своей дѣятельности въ сенатъ, получавшiй право дѣлать о нихъ свои заключенiя и представлять эти заключенiя докладами на высочайшее усмотрѣнiе.

Это было, —такъ, по крайней мѣрѣ, надѣялись въ то время,—первымъ шагомъ къ установленiю въ Россiи народнаго представительства, такъ какъ цѣлью реформы было освободить сенатъ отъ обязанностей исполнительной власти, оставить ему лишь власть верховнаго суда и, расширяя постепенно его полномочiя, преобразовать въ нѣчто подобное верхней палатѣ; для этого со временемъ хотѣли включить въ него депутатовъ,

которые бы избирались дворянствомъ. Депутаты должны были бы совмѣстно съ сенатомъ, или въ особыхъ засѣданіяхъ, устраивать совѣщанія и составлять доклады государю о дѣятельности министровъ и о томъ, поскольку уже дѣйствующіе или же еще находящіеся только въ проектѣ законы и уставы соотвѣтствуютъ потребностямъ государства. Всѣ эти реформы ни къ чему не повели. Какъ мы увидимъ, дѣла вскорѣ приняли совсѣмъ иное направленіе.

Если заграницей думаютъ, что русскій сенатъ имѣетъ голосъ или можетъ играть какую бы то ни было роль въ судьбахъ Россіи, то это мнѣніе совершенно ошибочно; оно только доказываетъ, что Россіи тамъ не знаютъ и не имѣютъ никакого понятія о томъ, что въ ней происходитъ. Изъ всѣхъ политическихъ учрежденій всего свѣта русскій сенатъ, въ своемъ настоящемъ видѣ, наименѣе способенъ внушить къ себѣ уваженіе или дѣйствовать самостоятельно, ибо онъ не только не въ состояніи проявить почина въ государственныхъ дѣлахъ, но даже не можетъ и воспринять чьей-либо чужой иниціативы. Это манекенъ, который можно и должно двигать по-своему, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ совсѣмъ перестанетъ дѣйствовать.

Всѣ, уставшіе отъ дѣловой жизни и желающіе удалиться отъ нея на покой, добиваются сенаторскихъ мѣстъ. Сенатъ сталъ пристанищемъ людей, неспособныхъ и негодныхъ ни на какую службу, всѣхъ инвалидовъ и лѣнтяевъ имперіи. Когда видятъ, что человѣкъ не можетъ больше работать, и не знаютъ, что съ нимъ дѣлать, его назначаютъ сенаторомъ. Сенатъ слѣпо повинуется государственнымъ чиновникамъ (наз. прокурорами), облеченнымъ въ сенатѣ полной властью. Прокуроры и секретари подготовляютъ сенаторамъ работу, вертятъ дѣлами и составляютъ рѣшенія по своему усмотрѣнію. Трудъ сенаторовъ заключается лишь въ подписываніи на бумагахъ своихъ именъ, что они дѣлаютъ, часто даже не перечитывая того, что подписали.

Благодаря установленной формѣ и русскому приказному языку, указы и резолюціи сената составляются чрезвычайно подробно и очень скучно,—болѣе подробно и скучно, чѣмъ въ какой бы то ни было странѣ; каждое дѣло представляетъ изъ себя томъ необъятной величины. Какую надо имѣть рѣшимость, чтобы одолѣть его? Съ восхищеніемъ называютъ имена нѣсколькихъ сенаторовъ,—какъ исключеніе и героическій примѣръ, которому никто не слѣдуетъ,—перечитывающихъ съ начала до конца то, что они должны подписать. Въ общемъ же, большинство отступаетъ передъ такой огромной работой и думаетъ, что достаточно выполнило свой долгъ, подписавъ бумаги не читая. Пусть судятъ поэтому, способно ли учрежденіе такого рода быть иниціаторомъ какихъ-нибудь реформъ въ государствѣ и настаивать на ихъ осуществленіи? Но такъ какъ въ Россіи нѣтъ другого учрежденія съ политическою властью, и только одинъ сенатъ носитъ имя, съ которымъ соединяется понятіе о политическомъ корпусѣ, то поэтому сенатъ и упоминается безпрерывно при всякихъ случаяхъ, и его неизбѣжно припутываютъ ко всякому дѣлу.

Наконецъ, указъ о сенатѣ былъ опубликованъ; правительство вступило на новый путь; императоръ началъ свое дѣло. Главныя государственныя учрежденія были поставлены въ новыя условія. Этимъ было бы сдѣлано уже очень многое, если бы составъ сената былъ инымъ. Заложивъ первый камень зданія правильной законодательной власти, создавъ зачатокъ ограниченія самодержавія, благодаря чему получалась возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдержать и урегулировать эту всемогущую и часто необузданную силу,—императоръ долженъ былъ заняться организаціей своего правительства для того, чтобы сдѣлать его работу болѣе просвѣщенной, болѣе правильной и систематической. Русскому правительству въ одинаковой степени недоставало всѣхъ этихъ свойствъ. Ни въ чемъ не было порядка, дѣла шли безъ всякой послѣдовательности. Администрація представляла полный хаосъ, въ которомъ

не было ничего урегулированнаго и ясно опредѣленнаго. Собственно говоря, въ Россіи изъ правительственныхъ учрежденій существовали только правительствующій сенатъ и слѣдовавшія за сенатомъ, въ порядкѣ правительственной іерархіи, коллегіи: военная, морская и иностранныхъ дѣлъ.

На первый взглядъ можно было подумать, что государство управлялось коллегіальными учрежденіями. На самомъ же дѣлѣ было не такъ. Одинъ изъ членовъ каждой коллегіи, обыкновенно президентъ, работалъ непосредственно вмѣстѣ съ государемъ, представлялъ ему доклады и передавалъ коллегіи готовые высочайшіе указы.

Въ сенатѣ была сосредоточена вся административная власть, и генералъ-прокуроръ, стоявшій во главѣ сената, совмѣщалъ въ своемъ лицѣ должности министровъ внутреннихъ дѣлъ, полиціи, финансовъ и юстиціи.

На ряду съ этими учрежденіями монархи заводили иногда отдѣльные департаменты, какъ напр. департаментъ коммерціи, и приказывали, чтобы доклады по дѣламъ этихъ департаментовъ дѣлались имъ лично ихъ предсѣдателями.

Точно также императрица Екатерина часто выдѣляла изъ вѣдѣнія сената покоренныя провинціи и временно поручала ихъ управленіе какому-нибудь избранному лицу, такому какъ напр. Потемкинъ, Зубовъ, которые представляли государынѣ свои доклады непосредственно.

Кромѣ того самодержавнымъ монархамъ докладывалось еще безконечное количество дѣлъ черезъ ихъ статсъ-секретарей. Высочайшіе указы по этимъ дѣламъ направлялись въ сенатъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Но монархи, принявъ доклады сената или коллегій, отъ министровъ или другихъ уполномоченныхъ чиновниковъ, часто вмѣсто того, чтобы санкціонировать ихъ тотчасъ же, откладывали ихъ въ сторону, а затѣмъ, по представленію кого-нибудь изъ секретарей, которому поручали разсмотрѣніе даннаго доклада, или измѣняли, или совсѣмъ отмѣняли представленный докладъ, или же дѣлали

постановленіе, совершенно противоположное тому, которое предлагалось въ докладѣ. Изъ этого ясно, какъ великолѣпно была приспособлена такая организація для процвѣтанія самаго полнаго произвола и какъ она поощряла своенравіе и причуды, отъ которыхъ такъ трудно избавиться тому, кто пользуется неограниченной властью.

Императоръ Павелъ, считавшій себя великимъ знатокомъ военныхъ дѣлъ и въ особенности ревниво охранявшій прерогативы своего единовластія въ арміи, передалъ всѣ дѣла, которыми должны были завѣдывать чиновники военнаго министерства, въ вѣдѣніе одного изъ своихъ адъютантовъ, того, къ которому онъ имѣлъ наибольшее довѣріе. Адъютантъ этотъ сообщалъ военному министру волю императора. Повышенія въ чинахъ, назначенія, доклады военной коллегіи, дѣла военнаго совѣта представлялись на высочайшее усмотрѣніе черезъ этого же адъютанта. Для морского вѣдомства императоръ имѣлъ другого адъютанта.

Дѣла по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ велись весьма странно. Формально считалось, что веденіе ихъ находилось въ рукахъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, состоящей обычно изъ трехъ членовъ, но каждый изъ членовъ работалъ съ государемъ самостоятельно, и на его обязанности лежала какая-нибудь особая корреспонденція или особое дѣло, хранившіяся въ тайнѣ отъ другихъ членовъ коллегіи. Естественно, что каждый дѣлалъ все возможное, чтобы занять такое мѣсто и добиться такого знака довѣрія. Фавориты Екатерины любили вмѣшиваться въ подобныя дѣла правительства, доставлявшія имъ богатые подарки иностранныхъ державъ. Для веденія съ державами переговоровъ, которые поручала имъ императрица, они пользовались однимъ изъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, обыкновенно такимъ, кто умѣлъ устраивать свою карьеру, благодаря способности угождать. Такъ поступали въ послѣдніе годы царствованія Екатерины князь Зубовъ и графъ Морковъ, главные виновники двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши.

(Графъ Остерманъ и графъ Безбородко въ совѣтѣ, собранномъ по этому поводу, высказались противъ раздѣла и уничтоженія Польши).

При Павлѣ внѣшней политикой часто руководили его любимцы-адъютанты. Вице-канцлеръ или старшій членъ коллегіи, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи лишь части административную, финансовую и текущую корреспонденцію. Понятно, что такая дѣльная и способная государыня, какъ Екатерина, не терялась среди подобной организаціи и могла, несмотря на многія неудобства и полный во всемъ безпорядокъ, въ конечномъ результатѣ придавать равномѣрный ходъ дѣламъ государства. Императоръ Павелъ также, при всей своей ужасной непослѣдовательности и постоянныхъ неожиданныхъ перемѣнахъ, въ нѣкоторые моменты проявлялъ самую рѣшительную и жестокую волю, которой должны были моментально повиноваться всѣ колеса правительственной машины. Но монархъ со слабымъ и неустойчивымъ характеромъ, какихъ встрѣчается не мало, въ подобнаго рода условіяхъ и при такомъ способѣ управленія дѣлами, можетъ создать только самыя серьезныя затрудненія и постоянно рискуетъ надѣлать массу ошибокъ. Не будучи въ состояніи схватить общее положеніе дѣлъ и всесторонне разсмотрѣть какой-нибудь вопросъ, онъ долженъ будетъ дѣйствовать слѣпо, наудачу, теряясь въ хаосѣ взглядовъ и мнѣній отдѣльныхъ лицъ, часто заинтересованныхъ въ томъ, чтобы скрыть отъ него правду. Онъ никогда не сможетъ идти впередъ, къ опредѣленной цѣли.

Итакъ, Россія должна быть благодарна императору Александру и тѣмъ, чьи совѣты онъ принималъ, за желаніе ввести больше порядка и системы въ правительственный механизмъ государства.

Реформа имѣла цѣлью учредить, по примѣру большей части европейскихъ государствъ, отдѣльныя министерства, точно опредѣлить область работы каждаго изъ министровъ, сосредоточить въ каждомъ министерствѣ всѣ подлежащія ему дѣла, сконцен-

трировать, такимъ образомъ, ихъ дѣятельность и этимъ увеличить отвѣтственность главныхъ государственныхъ чиновниковъ.

Кромѣ того, помимо разныхъ другихъ послѣдствій, которыхъ ждали отъ этой реформы, надѣялись, что она послужитъ также и дѣйствительнымъ средствомъ противъ злоупотребленій, взяточничества и безчисленныхъ хищеній, составлявшихъ страшную язву Россіи, и противъ которыхъ всѣ принимавшіяся до сихъ поръ мѣры были безсильны.

Итакъ, императоръ Александръ учредилъ впервые въ Россіи министерства—внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи,—до этого времени объединенныя въ лицѣ генералъ-прокурора сената, министерство народнаго просвѣщенія,—вѣдомство, которому въ Россіи не удѣляли никакого вниманія, вслѣдствіе чего оно было въ полномъ забросѣ, министерства коммерціи, иностранныхъ дѣлъ, морское и военное. По отношенію къ этому послѣднему Александръ, проникнутый принципами своего отца, не хотѣлъ отклоняться отъ его системы и оставилъ при себѣ адъютанта для веденія дѣлъ военнаго министерства. Все, что касалось арміи, вплоть до какого-нибудь малѣйшаго производства, должно было исходить непосредственно отъ императора, отъ его личной воли, и арміи это должно было быть извѣстно. Армія была кумиромъ; никто не долженъ былъ ея касаться, никто не долженъ былъ вмѣшиваться въ ея дѣла, развѣ только по иниціативѣ и при прямомъ участіи самого императора.

Должность этого адъютанта впослѣдствіи, изъ подражанія Наполеону, преобразована въ должность генералъ-майора, что служитъ доказательствомъ, что Россія считала себя всегда на военномъ положеніи и желала во всякую минуту быть готовой къ войнѣ.

Наконецъ, появился манифестъ, возвѣщавшій о преобразованіяхъ въ государственномъ управленіи. Помимо извѣщенія объ учрежденіи министерствъ, въ немъ объявлялось, что от-

нынѣ подпись императора на всѣхъ указахъ будетъ контрасигнована подлежащимъ министромъ. Это была еще одна новая попытка ввести въ Россіи отвѣтственность власти.

Для совмѣстнаго обсужденія министрами важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ различнымъ министерствамъ, былъ учрежденъ комитетъ министровъ.

Созданный этою реформою правительственный механизмъ какъ бы увѣнчивалъ собою государственное устройство, ставъ поверхъ механизма, ранѣе существовавшаго и оставленнаго въ прежнемъ видѣ, хотя, конечно, и подчиненнаго теперь всѣмъ послѣдствіямъ, вытекавшимъ изъ введенія новыхъ учрежденій. Сенатъ сохранялъ свои прежнія права и обязанности, къ нимъ были даже прибавлены еще новыя, весьма важныя. Но права его, относившіяся, собственно, къ области административной, должны были постепенно съуживаться и перейти въ простую формальность. Настоящая административная власть правительства, не имѣвшая до того времени конкретнаго и легальнаго выраженія, за исключеніемъ особы самого самодержца, сосредоточивалась теперь въ дѣятельности новыхъ министерствъ.

Совѣтъ оставался безъ перемѣнъ; въ немъ засѣдали разныя важныя лица, изъ которыхъ большая часть не попала въ члены новыхъ государственныхъ учрежденій. Императоръ продолжалъ еще, время отъ времени, отсылать нѣкоторыя непріятныя или запутанныя дѣла на обсужденіе этого, такъ называемаго „совѣта“, чтобы давать ему нѣкоторое время какую нибудь работу и не прекратить слишкомъ быстро его существованіе. Но вскорѣ совѣтъ утратилъ окончательно всякое значеніе и оставался въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока Александръ не нашелъ цѣлесообразнымъ пересоздать его по совершенно иному и гораздо болѣе широкому плану.

Преобразованія эти, могущія показаться политической азбукой въ другихъ странахъ, для Россіи были нововведеніемъ громаднѣйшей важности. Манифестъ объ учрежденіи министерствъ вызвалъ много шума во всей странѣ, а въ особен-

ности — въ гостинныхъ Петербурга и Москвы. Всякій судилъ о новомъ учрежденіи по-своему. Большинство разсматривало эту реформу не съ точки зрѣнія ея дѣйствительныхъ достоинствъ и пользы, которую она могла принести государству, а по тому, какъ она должна была отозваться на личной карьерѣ каждаго. Получившіе мѣста въ новыхъ учрежденіяхъ одобряли реформу; тѣ же, которые остались за штатомъ, порицали ее, какъ слѣпое увлеченіе молодости, направленное на измѣненіе древнихъ и уважаемыхъ учрежденій, подъ дѣйствіемъ которыхъ возвеличилась Россія. Важные сановники, съ которыми не совѣтовались и которые не ожидали такихъ значительныхъ преобразованій, чувствовали себя застигнутыми врасплохъ. Ихъ теперь заслонили тѣ, кто при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра держался въ сторонѣ. Обойденные старики старались излить свою желчь, съ сожалѣніемъ подсмѣиваясь надъ молодыми людьми, намѣревавшимися преобразовать государство, и надъ глупостью нѣкоторыхъ старцевъ, согласившихся играть роль орудія рабскаго и неискуснаго подражанія Европѣ. Снисходительность и доброта императора давала просторъ этимъ критическимъ нападкамъ, поскольку такая критика вообще допускается въ Россіи. Впрочемъ, эти нападки находили кромѣ того нѣкоторую поддержку въ императрицѣ-матери, которая въ душѣ была недовольна тѣмъ, что ея сынъ не обнаруживалъ особой склонности прибѣгать къ ея совѣтамъ, и что она не могла вліять на его рѣшенія. Она усматривала во всѣхъ этихъ новшествахъ пугавшій ее зародышъ либерализма, и ея салонъ сдѣлался средоточіемъ противниковъ реформъ, которые шли туда изливать свое недовольство.

Одновременно съ манифестомъ, возвѣщавшимъ преобразованіе государственнаго управленія, были обнародованы и назначенія на вновь учрежденныя должности. Замѣщеніе этихъ должностей было самой трудной стороной реформы. Салоны и общественное мнѣніе, — если только можно признать его существованіе въ Россіи, — удѣляли этой сторонѣ дѣла гораздо

больше интереса, нежели самимъ преобразованіямъ, которыя имѣли значеніе лишь для будущаго.

Во главѣ управленія сталъ графъ Александръ Воронцовъ, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ со званіемъ канцлера. Онъ давно уже пламенно желалъ получить это званіе, которое въ теченіе долгаго времени никто не носилъ. Графъ Кочубей безъ сожалѣнія и даже съ радостью оставилъ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, по его мнѣнію, нечего было дѣлать, въ виду необходимости придерживаться пассивной политической системы, которую онъ считалъ наиболѣе пригодной для России и наиболѣе соотвѣтствовавшей характеру, намѣреніямъ и желаніямъ императора. Съ горячимъ одушевленіемъ вступилъ онъ на новое поприще, открывавшееся передъ нимъ съ учрежденіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ.

Важные отдѣлы полиціи и администраціи, составившіе вѣдомство этого министерства, передъ тѣмъ совершенно затеривались среди массы обязанностей, возложенныхъ на сенатъ, генералъ-прокурора и случайно распредѣлявшихся между нѣсколькими секретарями государя. Графу Кочубею предстояло множество работы по упорядоченію издавна запущенной администраціи. Въ отдаленныхъ провинціяхъ правительственная власть дѣйствовала безъ всякаго надзора, никому не подчинялась, никѣмъ не направлялась и была предоставлена всѣмъ злоупотребленіямъ, какія только можетъ создавать невѣжество и алчность мелкихъ чиновниковъ. Передъ Кочубеемъ лежала благородная и трудная задача, которую ему предстояло выполнить или, по крайней мѣрѣ, положить начало ея выполненію.

Если графу Кочубею не удалось достигнуть желаемыхъ успѣховъ, то, конечно, не потому, что ему не хватило доброй воли и усердія. Онъ началъ съ устройства канцеляріи; раздѣлилъ ее на нѣсколько отдѣленій и каждому поручилъ опредѣленную часть дѣлъ обширнаго министерства. Онъ призвалъ

къ себѣ на службу всѣхъ свѣдущихъ и опытныхъ въ разныхъ отрасляхъ управленія людей, какихъ только могъ отыскать. Онъ старался поднять значеніе должности губернаторовъ и назначалъ на эти мѣста людей, личныя свойства и положеніе которыхъ могли служить ручательствомъ ихъ честности, и которые, хотя бы и при недостаточномъ знакомствѣ съ дѣлами, обѣщали быстро освоиться съ ними, благодаря служебной опытности и добросовѣстному желанію принести пользу службѣ. Казалось, порядокъ начиналъ понемногу устанавливаться среди того мрачнаго хаоса, который дотолѣ заволакивалъ горизонтъ русской жизни. Народъ немедленно ощутилъ кое-какіе благіе результаты этого порядка. Припоминаю, что снабженіе населенія солью, имѣющее столь важное значеніе въ обширной странѣ, получило болѣе правильную организацію. Въ то время въ Россіи существовала свободная торговля солью, но лишь одно правительство имѣло возможность снабжать солью всѣ части государства, эксплоатируя разбросанныя въ различныхъ мѣстностяхъ соляныя озера или выпаривая соль изъ морской воды. Графъ Кочубей принялъ мѣры къ тому, чтобы добываніе соли въ отдаленныхъ мѣстахъ и ея перевозка обходились какъ можно дешевле, съ такимъ разсчетомъ, чтобы населеніе могло покупать соль по болѣе сходной цѣнѣ, а правительство имѣло бы возможность покрывать свои расходы по соляной добычѣ. Я не могу припомнить сейчасъ всѣхъ нововведеній, предпринятыхъ Кочубеемъ; не думаю, чтобы многія изъ нихъ удержались долгое время.

До тѣхъ поръ въ Россіи не было министерства финансовъ. Теперь оно было учреждено, и во главѣ его сталъ графъ Васильевъ, бюрократъ, способный и честный человѣкъ, бывшій въ финансовыхъ дѣлахъ правой рукой князя Вяземскаго, единственнаго генералъ-прокурора временъ императрицы Екатерины, о которомъ отзывались съ похвалой. При всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ со времени смерти князя Вяземскаго,

послѣдовавшей, если не ошибаюсь, въ 1794 году, *) государственный казначей Васильевъ оставался необходимымъ человѣкомъ и его не смѣщали, т. к. безъ него не могли обойтись. Это былъ опытный, дѣловой работникъ, честный, неподкупный, понимавшій, какъ мнѣ кажется, новыя идеи и принимавшій ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ ему представлялись своевременными.

Всѣ отрасли государственныхъ доходовъ, водочные заводы, банки и проч. поступили въ вѣдѣніе новаго министерства финансовъ, такъ же, какъ и широко организованный горный департаментъ. Должность государственнаго казначея была временно поручена Г......., родственнику графа Васильева, занявшему послѣ его смерти мѣсто министра финансовъ. **)

До реформы обязанности министра юстиціи были выполняемы генералъ-прокуроромъ сената. Генералъ Беклешовъ не хотѣлъ оставить за собой это министерство, такъ какъ большая часть его дѣлъ отошла теперь къ министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. По учрежденіи министерства юстиціи министромъ былъ назначенъ сенаторъ Державинъ. То былъ личный выборъ императора, сдѣланный безъ нашего содѣйствія; тѣ, кто составлялъ ядро новой администраціи, не принимали въ этомъ назначеніи никакого участія. Державинъ былъ человѣкъ честный. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ талантливый поэтъ, написавшій нѣсколько лирическихъ произведеній, весьма цѣнившихся и дѣйствительно исполненныхъ поэтическаго одушевленія. Но онъ былъ мало образованъ и не зналъ иностранныхъ языковъ. Императора прельстили пылкія чувства и поэтическія мечты Державина, о которыхъ тотъ умѣлъ съ нимъ говорить. Александръ не могъ никогда устоять передъ тѣмъ, что называютъ „прекрасными фразами“; чѣмъ туманнѣе онѣ были, тѣмъ легче онъ ихъ воспринималъ, такъ какъ чувствовалъ въ

*) Вяземскій скончался въ 1796 г.
**) Это—Голубцовъ.

нихъ нѣчто сродное своимъ мечтамъ, отличавшимся тѣмъ же важнымъ недостаткомъ — неопредѣленностью. Императору нравились пылкія изъявленія либерализма, особенно же онъ былъ чувствителенъ къ преклоненію передъ его личностью за его преданность идеямъ гуманности.

Императоръ поддерживалъ съ нѣкоторыми лицами непосредственныя сношенія и иногда вводилъ такихъ людей въ наши собранія. Онъ любилъ покровительствовать имъ и защищать ихъ отъ нашей критики, на которую насъ вызывало иногда болѣе близкое знакомство съ ними. Ему нравилось завязывать такія особыя отношенія помимо друзей, у которыхъ онъ уже тогда подозрѣвалъ существованіе особаго согласія. Поэтому онъ заботился о томъ, чтобы съ самаго возникновенія министерства провести туда лицъ, стоявшихъ обособленно отъ его прочихъ друзей и связанныхъ только съ нимъ однимъ. Между тѣмъ надлежало подумать и о томъ, какія должности предоставить въ новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ молодымъ друзьямъ императора; вѣдь, именно на нихъ Александръ возлагалъ свои надежды, имъ предстояло ревностно продолжать начатое имъ дѣло и заботиться о выполненіи реформъ, столь дорогихъ его сердцу. Графъ Кочубей уже былъ пристроенъ, но что было дѣлать съ другими? Назначить ихъ министрами — это было бы слишкомъ много. Наконецъ, рѣшено было создать должности товарищей министровъ. Назначенные на эти мѣста молодые люди имѣли возможность направлять дѣйствія своихъ начальниковъ сообразно со взглядами императора, а императора держать непосредственно въ курсѣ дѣлъ.

Графъ Павелъ Строгановъ попросилъ назначить его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы работать вмѣстѣ съ графомъ Кочубеемъ. Новосильцовъ сдѣлался товарищемъ министра юстиціи, оставаясь въ то же время и секретаремъ императора. Его прежняя должность, какъ равно и новая, которую онъ получилъ, были однѣми изъ самыхъ важныхъ. Именно при его посредствѣ, императоръ долженъ былъ начать

реформу законодательства и суда. Новосильцовъ былъ свѣдущъ въ юриспруденціи и въ политической экономіи. Пребываніе въ Англіи не прошло для него безплодно, онъ тамъ много читалъ по этимъ вопросамъ и пріобрѣлъ извѣстныя познанія.

Въ Россіи въ то время никто не превосходилъ его познаніями по части государственнаго управленія, какія только можно было почерпнуть изъ современной французской и англійской литературы. Его практическій умъ не поддавался обольщеніямъ пустыхъ теорій и умѣлъ всегда останавливаться въ границахъ возможнаго. Онъ обладалъ искусствомъ и умѣніемъ обходиться не только съ отдѣльными личностями, но и со всѣмъ русскимъ обществомъ, которое прекрасно изучилъ. Это были его хорошія качества, дурныхъ же онъ тогда еще не проявлялъ. Къ его заслугамъ надо также отнести и то содѣйствіе, которое онъ оказывалъ стремленіямъ Александра улучшить положеніе крестьянъ; именно онъ редактировалъ первый указъ о крестьянахъ. Къ этому мы еще вернемся впослѣдствіи.

Новосильцовъ преобразовалъ комиссію составленія законовъ. Еще Екатерина занималась этимъ важнымъ вопросомъ, за что ее и прославляли Вольтеръ и Дидро, но работы эти не имѣли другихъ результатовъ, кромѣ опубликованія философско-филантропическаго Наказа, который былъ написанъ Екатериной для комиссіи по сочиненію проекта государственнаго уложенія. Комиссія эта вскорѣ была упразднена, и работы ея никогда не увидѣли свѣта. Новосильцовъ по желанію Александра вернулъ къ жизни это умершее и погребенное болѣе двадцати лѣтъ назадъ учрежденіе. При помощи нѣмецкаго юриста, барона Розенкампфа, онъ учредилъ комиссію для составленія законовъ по обширному и хорошо составленному плану, и ему удалось придать ея работамъ систематическій характеръ. Имѣлось въ виду собрать всѣ регламенты, указы и проч., всѣ существующіе русскіе законы, распредѣливъ ихъ по содержанію на отдѣлы, главы, статьи и проч. и составить, такимъ образомъ, сводъ законовъ гражданскихъ, уголовныхъ, административныхъ, законовъ о торговлѣ и т. д.

Итакъ, предстояло вести параллельно двѣ работы: 1) пересмотръ и классификацію всѣхъ русскихъ законовъ и указовъ, начиная съ самыхъ старыхъ; 2) редактированье систематической росписи, на основаніи которой нужно было распредѣлить матеріалъ, съ указаніемъ опредѣленнаго мѣста каждому указу, количество которыхъ было громадно. Такимъ путемъ надѣялись выяснить и удалить изъ свода всѣ столь частыя въ русскихъ законахъ повторенія и противорѣчія; исправить многія ошибки, восполнить пробѣлы, изгладить позорныя черты, свойственныя старому законодательству. Вся эта работа по измѣненію и улучшенію законовъ должна была быть произведена безъ нарушенія національныхъ началъ. Эти начала должны были озариться свѣтомъ новой юриспруденціи, но было заранѣе твердо рѣшено относиться съ уваженіемъ ко всему, издавна выработанному здравымъ народнымъ разумѣніемъ. Императоръ Александръ желалъ, чтобы именно въ этомъ духѣ производились работы по составленію новаго свода законовъ. Это напоминало систему, по которой былъ составленъ кодексъ Юстиніана, съ той только разницей, что собраніе римскихъ законовъ представляло собой сокровищницу мудрости и законодательной науки, и единственнымъ недостаткомъ его являлось, быть можетъ, чрезмѣрное богатство нѣсколько запутаннаго матеріала, тогда какъ въ Россіи основной матеріалъ, надъ которымъ предстояло работать, обильный по количеству, но находившійся въ большомъ безпорядкѣ, былъ скуденъ и бѣденъ истинно цѣннымъ содержаніемъ. Потому для этой работы требовались люди равные или даже превосходящіе тѣхъ, которые работали для Юстиніана, способные самостоятельно исправлять крупныя несовершенства матеріала и заполнять его пробѣлы, однимъ словомъ, истинные законодатели.

Кромѣ свода законовъ для Россіи, подобную же работу предстояло выполнить отдѣльно и для иноземныхъ или привиллегированныхъ ея провинцій, какъ напр. Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи, польскихъ провинцій Малороссіи, изъ которыхъ

каждая имѣла свой языкъ, свои обычаи и свои особые законы.

Эта большая работа, начатая по извѣстной системѣ, нѣкоторое время велась весьма энергично. Министръ юстиціи возложилъ ее на своего товарища Новосильцова, и тотъ занялся исключительно ею. Систематическія росписи были составлены Розенкампфомъ. Пока Новосильцовъ и Розенкампфъ оставались на своихъ мѣстахъ, работа подвигалась. Однако, насколько я знаю, ожидаемыхъ плодовъ она не принесла. Такъ всегда бываетъ въ Россіи, когда до завершенія предпринятыхъ работъ происходитъ смѣна лицъ, къ нимъ приставленныхъ.

Изъ молодыхъ людей, окружавшихъ императора, одинъ я остался безъ назначенія. Александръ предложилъ мнѣ постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Графъ Воронцовъ соглашался взять меня въ товарищи. Всѣ мои тогдашніе друзья, и въ особенности императоръ, побуждали меня принять это предложеніе. Я долго отказывался, выставляя на видъ, что мое назначеніе возбудитъ удивленіе и недовольство среди русскихъ. Но императоръ утверждалъ, что во время исполненія моей миссіи при Сардинскомъ королѣ я хорошо зарекомендовалъ себя донесеніями и образомъ своихъ дѣйствій, и что поэтому мое назначеніе никого не удивитъ; что къ тому же графъ Воронцовъ, единственный человѣкъ, имѣвшій въ этомъ дѣлѣ право голоса, выразилъ согласіе. На это я возразилъ императору, что ему лучше чѣмъ кому-либо другому, извѣстны мои чувства къ родинѣ, что они никогда не могутъ измѣниться, и что у меня есть нѣкоторыя основанія опасаться, что чувства эти, при первомъ же случаѣ, могутъ оказаться въ противорѣчіи съ обязанностями той службы, которую онъ желалъ довѣрить мнѣ, въ виду чего было бы гораздо правильнѣе и удобнѣе для меня отказаться отъ нея. Императоръ отвѣтилъ, что въ данную минуту онъ не видѣлъ ни одного изъ тѣхъ затрудненій, которыхъ я опасался, а если бы они и появились, то у меня всегда будетъ время удалиться, что онъ, наоборотъ, предвидѣлъ возможность иныхъ обстоятельствъ, болѣе отвѣчающихъ моимъ чувствамъ.

Ко всему этому императоръ прибавилъ еще и весьма лестныя для меня слова: „Надо“,—говорилъ онъ,—„платить свой долгъ человѣчеству; если обладаешь талантами, не слѣдуетъ отказываться примѣнять ихъ тамъ, гдѣ они могутъ быть наиболѣе полезны“.—Я долго сопротивлялся, но императоръ не сдавался на мои доводы. Онъ рѣшилъ назначить меня на этотъ постъ. Эта мысль стала одной изъ тѣхъ его непреодолимыхъ фантазій, которыя имъ овладѣвали и отъ которыхъ онъ излечивался только послѣ ихъ осуществленія. Онъ настаивалъ съ такой добротой и любезностью, что я, въ концѣ концовъ, согласился подъ строгимъ уговоромъ, что буду тотчасъ освобожденъ отъ моихъ обязанностей, лишь только онѣ окажутся несовмѣстимы съ моими чувствами поляка, которыя всегда останутся неизмѣнными. Я намѣревался, впрочемъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ, своимъ отношеніемъ къ дѣлу доказать императору свою искреннюю привязанность и благодарность за дружеское довѣріе, которое онъ оказывалъ мнѣ. Но я съ грустью принималъ предложеніе, такъ какъ это значило начинать новый путь, полный опасностей; къ тому же этотъ постъ удерживалъ меня въ Петербургѣ, гдѣ я всегда чувствовалъ себя, какъ птица на вѣткѣ, или какъ чужеземное растеніе, не могущее пустить тамъ корней. Я же стремился только къ тому, чтобы возвратиться къ своимъ, ибо вдали отъ нихъ жизнь меня не радовала.

Я не стану рисовать себя болѣе предусмотрительнымъ, болѣе глубокомысленнымъ, чѣмъ я былъ на самомъ дѣлѣ. Принимая мѣсто, я рѣшилъ не дѣлать ничего, что могло бы неблагопріятно повліять на будущія судьбы моего отечества. Но у меня не было опредѣленнаго представленія, опредѣленнаго плана относительно тѣхъ услугъ, которыя я смогу оказать Польшѣ въ моемъ новомъ положеніи.

Мнѣ было сдѣлано другое, дѣйствительно, заманчивое въ этомъ отношеніи предложеніе, какъ бы въ награду за то, что я, наконецъ, уступилъ желаніямъ императора. Императоръ по-

ручилъ мнѣ завѣдываніе учебными заведеніями въ восьми польскихъ губерніяхъ, т. е. во всей той части Польши, которая находилась подъ его скипетромъ.

Учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія было для Россіи замѣчательнымъ нововведеніемъ, богатымъ по своимъ важнымъ и полезнымъ послѣдствіямъ, истинное значеніе которыхъ я не возьмусь опредѣлить теперь, находясь вдали отъ этихъ дѣлъ. Какъ бы тамъ ни было, потомство должно быть благодарно императору Александру и тѣмъ молодымъ друзьямъ его, которые поддерживали его достохвальныя намѣренія и находили способы приводить ихъ въ исполненіе, хотя и были осыпаемы за это столькими упреками.

До царствованія Александра народное образованіе въ Россіи находилось въ самомъ неудовлетворительномъ, жалкомъ положеніи. Петербургская академія наукъ, если и пользовалась извѣстностью, то только, благодаря нѣкоторымъ иностраннымъ ученымъ, которыхъ правительству удалось привлечь въ Россію. Эйлеръ приглашенъ былъ въ академію уже старикомъ, почти передъ самой смертью. Академія эта, мемуары которой, большею частью, писались на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, не имѣла никакихъ связей съ страной и совершенно не вліяла на успѣхи русскаго просвѣщенія.

Московскій университетъ также стоялъ обособленно и посѣщался лишь сотней учениковъ, содержавшихся на казенный счетъ. Студенты, учившіеся на свой счетъ, появлялись тамъ весьма рѣдко.

Кромѣ этихъ двухъ учрежденій, стоявшихъ наверху ученой и литературной лѣстницы, въ Россіи не было никакихъ другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ школъ, называемыхъ народными. Въ нихъ довольно плохо преподавались первоначальныя свѣдѣнія по весьма немногимъ предметамъ. Эти школы находились въ рукахъ жалкихъ учителей, отъ праздности и скуки впадавшихъ въ пьянство. Никто не посылалъ своихъ дѣтей въ эти школы; никто не интересовался ими и не говорилъ о

нихъ. Послѣ учрежденія министерства народнаго просвѣщенія Россія измѣнила свой обликъ. Существовавшіе уже университеты московскій, виленскій и дерптскій были надѣлены большими средствами. Основаны были еще три новыхъ университета: петербургскій, харьковскій и казанскій. Каждый изъ этихъ университетовъ былъ поставленъ во главѣ определенной части России, составившей его округъ, и университетъ долженъ былъ руководить дѣломъ народнаго образованія во всемъ своемъ округѣ. Виленскій университетъ былъ вполнѣ польскимъ. Объ этихъ провинціяхъ я поговорю позже. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, будетъ полезнымъ замѣтить здѣсь, что въ послѣдующіе годы вся территорія Польши покрылась школами, гдѣ національное чувство могло развиваться вполнѣ свободно. Университетъ, въ который я пригласилъ извѣстнѣйшихъ мѣстныхъ ученыхъ и нѣсколькихъ знаменитыхъ иностранцевъ, руководилъ этимъ движеніемъ усердно и умно, какъ нельзя лучше. Никто не удивлялся этому, такъ какъ это являлось прямымъ слѣдствіемъ благородныхъ намѣреній императора, хотя впослѣдствіи русскіе много кричали и возставали противъ этихъ нововведеній. Въ Казани должно было сосредоточиться завѣдываніе просвѣщеніемъ татаръ и Сибири. Каждый университетъ имѣлъ своего попечителя. Собраніе попечителей составляло совѣтъ по народному образованію, въ которомъ предсѣдательствовалъ министръ. Императоръ назначилъ попечителями лицъ, подававшихъ надежду, что дѣло образованія не останется лишь на бумагѣ, но что оно усердно и съ успѣхомъ будетъ двинуто впередъ.

Дерптскимъ попечителемъ назначенъ былъ генералъ Клингеръ, начальникъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ. Это былъ порядочный человѣкъ, извѣстный нѣмецкій писатель, немного болтливый, либералъ до утопичности,—что не мѣшало ему состоять на службѣ у большихъ деспотовъ,—впрочемъ, человѣкъ благонамѣренный, преисполненный стремленія служить процвѣтанію и распространенію наукъ. Эксцентричные и хи-

мерическіе взгляды, высказываемые имъ въ очень рѣзкой формѣ, чисто по-нѣмецки, создали ему репутацію человѣка откровеннаго и энергичнаго. Всѣ эти качества расположили въ его пользу Александра.

Графъ Северинъ Потоцкій былъ назначенъ попечителемъ харьковскаго университета. Харьковская губернія находилась въ сосѣдствѣ съ Польшей, и ея населеніе проявляло большую склонность къ образованію. Графъ Северинъ въ качествѣ поляка былъ отмѣченъ великимъ княземъ Александромъ. Онъ наравнѣ съ нами былъ близокъ Александру, восторгался его качествами и долго считалъ его своимъ кумиромъ. Будучи харьковскимъ попечителемъ графъ кромѣ того состоялъ сенаторомъ третьяго департамента сената, въ которомъ рѣшались по апелляціи дѣла польскихъ провинцій. Какъ сенаторъ, графъ Северинъ пріобрѣлъ въ Россіи извѣстность, о чемъ мы поговоримъ позже.

Въ качествѣ попечителя, онъ съ усердіемъ и настойчивостью занимался своимъ университетомъ, пригласилъ въ него извѣстныхъ ученыхъ и часто объѣзжалъ ввѣренныя ему провинціи.

Наибольшихъ успѣховъ достигли университеты виленскій и дерптскій, послѣ нихъ—харьковскій. Дворянство Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи высказалось противъ дерптскаго университета, объявившаго себя защитникомъ крестьянъ и третьяго сословія. Одинъ изъ профессоровъ этого университета Парротъ былъ до крайности прямодушный человѣкъ, питавшій безграничную привязанность къ Александру. Онъ необычайно заботился о здоровьѣ императора и часто проявлялъ эти заботы. Я помню, между прочимъ, что г-жа Парротъ послала Александру связанный ею жилетъ, который, по ея словамъ, обладалъ свойствомъ сохранять жизнь императора. Парротъ умолялъ Александра носить этотъ жилетъ. Благодаря такой восторженной любви онъ съумѣлъ пріобрѣсть дружбу Александра. Во время частыхъ поѣздокъ Паррота въ Петербургъ императоръ приглашалъ его къ себѣ и много бесѣдовалъ съ нимъ.

Попечителемъ московскаго округа назначили Муравьева, бывшаго воспитателя и секретаря великаго князя, человѣка достойнаго, но чрезвычайно боязливаго и безъ всякой энергіи. Императоръ назначилъ его товарищемъ министра народнаго просвѣщенія для того, чтобы не говорили, что должности товарищей министровъ розданы были исключительно его молодымъ друзьямъ и чтобы не казалось, что эти должности созданы для нихъ. Новосильцовъ былъ назначенъ попечителемъ петербургскаго округа. Но такъ какъ въ Петербургѣ медицинская школа уже находилась въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а юридическій факультетъ не могъ быть открытъ, пока комиссія составленія законовъ не окончитъ свою работу, Новосильцовъ ограничился учрежденіемъ нормальной школы или философскаго факультета, съ спеціальной цѣлью приготовлять юношество къ преподавательской дѣятельности по наукамъ точнымъ, административнымъ и литературѣ.

Первые шаги этой школы были блестящи. Она дала, казалось, выдающихся по знаніямъ учениковъ. Но это продолжалось недолго; впослѣдствіи ученики эти не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ.

Школа эта закрылась, не давъ сколько-нибудь солидныхъ результатовъ. Настоящій университетъ, надѣленный привиллегіями и имуществомъ, вѣроятно, удержался бы лучше, что доказывается примѣромъ университетовъ московскаго и харьковскаго, которые, хотя и пришли въ упадокъ, однако, не прекратили своего существованія, какъ ни небрежно къ нимъ относились.

Графъ Завадовскій былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ былъ секретаремъ графа Румянцева одновременно съ княземъ Безбородко, и дружескія отношенія ихъ съ тѣхъ поръ не прерывались. Графъ Румянцевъ посовѣтовалъ Екатеринѣ взять ихъ обоихъ къ себѣ въ секретари, чему они и обязаны своей блестящей карьерой. Безбородко быстро выдвинулся своей смышленостью и способностью къ работѣ. Онъ пользовался довѣріемъ монархини и достигъ

высшаго сана. Увѣренный въ самомъ себѣ, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, не ухаживавшимъ за фаворитами и державшимся собственными заслугами. Завадовскій съумѣлъ добиться успѣха въ другомъ родѣ. Онъ сталъ фаворитомъ императрицы, привязался къ ней и чувствовалъ себя очень несчастнымъ, когда, черезъ шесть мѣсяцевъ, она удалила его отъ себя. Два его друга, Безбородко и Воронцовъ, старались уговорить его отнестись ко всему по-философски. Какъ бы въ утѣшеніе, онъ получилъ отъ императрицы подарки, даже болѣе значительные, чѣмъ тѣ, которые она всегда дѣлала своимъ отставляемымъ фаворитамъ, такъ какъ Екатерина видѣла въ немъ не только обыкновеннаго фаворита, но признавала за нимъ еще и другія достоинства. Впослѣдствіи онъ женился, и при Дворѣ къ нему продолжали относиться хорошо. Благодаря своему другу Воронцову а также и своей репутаціи человѣка, хорошо знавшаго русскій языкъ (имъ были написаны нѣкоторые манифесты временъ императрицы Екатерины), онъ получилъ постъ министра. Онъ жилъ на счетъ этой пріобрѣтенной имъ репутаціи и слылъ за ученаго.

Это былъ сговорчивый человѣкъ, съ добрымъ и справедливымъ сердцемъ, но немного топорный. Его умъ, такъ же, какъ и его фигура, могли поворачиваться только цѣликомъ. Онъ трудно соображалъ и не схватывалъ оттѣнковъ мысли; вмѣстѣ съ тѣмъ у него было желаніе и претензія разбираться въ реформахъ и новыхъ вѣяніяхъ и кромѣ того самолюбіе, благодаря которому онъ вовсе не хотѣлъ быть въ числѣ стариковъ, не умѣющихъ ничему учиться и ничего не забывающихъ. Все же это не мѣшало ему обладать самыми характерными чертами русскаго администратора: полной подчиненностью и глубокой покорностью всему, что шло свыше. Онъ охотно и съ восторгомъ говорилъ о классикахъ и цитировалъ отрывки, оставшіеся у него въ памяти. Родная литература его очень интересовала. По какому-то странному случаю, онъ учился въ польской іезуитской школѣ и зналъ латынь. Онъ

не забылъ польскаго языка и хвалился этимъ, съ восторгомъ отзываясь о нашемъ старомъ поэтѣ Иванѣ Кохановскомъ, нѣкоторыя стихотворенія котораго зналъ наизусть. Благодаря этому, въ немъ осталось нѣчто въ родѣ симпатіи къ Польшѣ и полякамъ, что отражалось даже на меню его обѣдовъ, на которыхъ постоянно подавались польскія кушанья.

Въ то время, какъ другіе попечители часто встрѣчали препятствія со стороны министра, не всегда расположеннаго слѣдовать преобразовательнымъ и прогрессивнымъ идеямъ, я, съ своей стороны, никогда не могъ на него пожаловаться. Мнѣ онъ выражалъ полное довѣріе. Достаточно было мнѣ внести какое-нибудь предложеніе, и онъ необычайно охотно поддерживалъ его. Я очень ему благодаренъ за ту снисходительность, откровенность и дружбу, съ которыми онъ всегда относился ко мнѣ.

ГЛАВА X.

1803 г.—начало 1804.

Дипломатія и придворныя интриги. Болѣзнь канцлера.

Какъ видно изъ предыдущаго, мнѣ очень посчастливилось съ русскими стариками, но больше всего съ канцлеромъ, сдѣлавшимся моимъ начальникомъ, когда я поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Онъ съ самаго же начала сталъ выказывать мнѣ дружбу и полное довѣріе, посвятивъ меня во всѣ безъ исключенія дѣла министерства.

Съ момента учрежденія министерства я сталъ принимать участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ графа Воронцова съ иностранными представителями, и графъ поручалъ мнѣ составленіе протоколовъ, представляемыхъ имъ на высочайшее усмотрѣніе. Работу эту я исполнялъ съ большой тщательностью, и онъ оставался ею доволенъ. Извѣстно, что въ хорошо составленномъ протоколѣ излагается въ болѣе точномъ и ясномъ видѣ то, что говорилось безъ особаго порядка на засѣданіяхъ. Канцлеръ былъ доволенъ моимъ изложеніемъ его взглядовъ, такъ какъ я точно передавалъ его мысли, выражая ихъ лишь болѣе полно. Я понималъ то, что онъ хотѣлъ сказать, и это очень ему нравилось. Работа эта давала мнѣ возможность упражняться въ редактированіи бумагъ, и потому была мнѣ чрезвычайно полезна.

Кромѣ того, засѣданія, на которыхъ я присутствовалъ, знакомили меня съ отношеніями Россіи къ иностраннымъ державамъ.

Мнѣ было еще поручено и составленіе депешъ, являвшихся результатомъ этихъ засѣданій, и рескриптовъ императора на имя русскихъ посланниковъ при иностранныхъ державахъ. Согласившись взять на себя эти обязанности, я отъ всей души съ необыкновеннымъ рвеніемъ отдался работѣ, желая этимъ отплатить императору за его дружбу и довѣріе ко мнѣ.

Мнѣ случалось работать по восьми или девяти часовъ безъ перерыва, послѣ чего я начиналъ чувствовать какія-то нервныя боли. Заставъ меня однажды въ такомъ болѣзненномъ состояніи, докторъ Роджерсонъ посовѣтовалъ мнѣ не утомлять себя до такой степени, предупредивъ, что это можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. По своей молодости, я не обратилъ тогда особеннаго вниманія на предостереженіе врача и теперь думаю, что, дѣйствительно, благодаря именно такой усиленной работѣ, я впослѣдствіи, во время моего пребыванія въ Россіи, такъ сильно страдалъ нервными болями.

Политика русскаго правительства при канцлерѣ Воронцовѣ въ главныхъ чертахъ оставалась той же, какой была и при графѣ Кочубеѣ; она пріобрѣла лишь больше достоинства и силы въ смыслѣ внѣшняго выраженія. Отвѣчавшая во всемъ характеру и стремленіямъ императора Александра, она сводилась къ прежнему принципу: быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми и совершенно не вмѣшиваться въ европейскія дѣла, чтобы не быть завлеченнымъ дальше, чѣмъ этого желали: однимъ словомъ, тщательно избѣгать всякихъ треній во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ то же время дѣлая видъ, что Россія нисколько не боится другихъ державъ. Итакъ, сущность ея осталась той же, измѣнилось лишь внѣшнее проявленіе. Русскій кабинетъ принялъ высокомѣрный тонъ, который вводилъ въ заблужденіе относительно его настоящихъ намѣреній и нѣсколько напоминалъ тонъ дипломатическихъ переговоровъ временъ Екатерины.

Канцлеръ, весьма остерегавшійся всякой ссоры и даже просто натянутыхъ отношеній съ какой-нибудь изъ сильныхъ

державъ, считалъ умѣстнымъ, когда къ этому представлялся удобный случай, внушать слабымъ страхъ передъ русскимъ могуществомъ и давить на нихъ всей его тяжестью. Такъ случилось со Швеціей. Оба правительства поспорили изъ-за одного ничтожнаго островка, расположеннаго на рѣкѣ, отдѣлявшей настоящую Финляндію отъ провинціи того же имени, принадлежавшей Россіи.

Споръ возникъ по поводу вопроса, на какомъ рукавѣ рѣки долженъ находиться мостъ, обозначающій границу. Вопросъ этотъ оставался нѣкоторое время открытымъ. Канцлеръ рѣшилъ сразу и круто покончить съ нимъ. Онъ принялъ по отношенію къ Швеціи сухой и дерзкій тонъ. Въ виду того, что депеши по этому дѣлу надо было писать на русскомъ языкѣ, составленіе ихъ не было поручено мнѣ, чему я былъ очень радъ. Благодаря этому обстоятельству, шведскій король и его правительство подарили меня впослѣдствіи своимъ довѣріемъ. Между тѣмъ русское правительство стало показывать видъ, что приготовляется къ разрыву со Швеціей. Генералы изслѣдовали шведскую границу. Самъ императоръ отправился туда же. Мы съ графомъ Павломъ Строгановымъ и Новосильцовымъ сопровождали его.

Мы объѣхали всю границу большею частью верхомъ на лошадяхъ. Въ этой странѣ гранитъ, составляющій основную подпочву, часто едва прикрытъ легкимъ слоемъ земли. Здѣсь встрѣчаются необычайные пейзажи, великолѣпные водопады, но страна мало заселена, и намъ часто приходилось ночевать въ рѣдко разбросанныхъ деревушкахъ и у пасторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые не знали никакого языка, кромѣ финскаго. При деревняхъ и пасторскихъ усадьбахъ есть луга, но общій видъ страны грустный и пустынный. Я говорю здѣсь только о территоріи, принадлежащей Россіи, такъ какъ другія части Финляндіи болѣе богаты и хлѣбородны.

Далѣе города Або мѣстность становится болѣе пріятной, и жители тамъ какъ будто болѣе зажиточны.

Императоръ осмотрѣлъ островъ и мостъ, изъ-за которыхъ былъ поднятъ такой шумъ. Маленькіе, жалкіе, они не казались стоющими того, чтобы изъ-за нихъ такъ горячо спорили. Затѣмъ мы отправились на осмотръ крѣпости и порта,—стратегическаго пункта, потерявшаго уже всякое значеніе, который теперь, въ случаѣ войны, долженъ былъ явиться центромъ русскихъ операцій, такъ какъ тамъ находилась стоянка канонерскихъ лодокъ. Производившимися въ этихъ мѣстахъ саперными работами руководилъ бывшій тогда начальникомъ саперовъ генералъ Сухтеленъ, назначенный впослѣдствіи русскимъ посломъ въ Швецію. Работы эти далеко еще не были окончены, хотя и подвигались впередъ. Сухтеленъ производилъ ихъ по новой системѣ своего изобрѣтенія, болѣе простой, чѣмъ системы Вобана и Коегорна, являвшейся комбинаціей этихъ двухъ системъ. Примѣненіе ея давало результаты, удовлетворявшіе всѣмъ требованіямъ.

Шведскій король, съ своей стороны, сильно заупрямился и не желалъ уступать требованіямъ Россіи, предъявленнымъ въ такомъ высокомѣрномъ тонѣ.

Шведскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Штедингъ, нѣсколько разъ по этому поводу выражалъ мнѣ свое удивленіе. Онъ пожималъ плечами, говоря объ оскорбительномъ для Швеціи тонѣ, съ какимъ велись переговоры объ этомъ, въ сущности, пустячномъ дѣлѣ. Швеція очень долго стояла на своемъ, въ виду чего Россія продолжала военныя приготовленія. Въ концѣ концовъ, Швеціи пришлось уступить и принять продиктованныя ей Россіей условія. Дѣло шло о столь маловажныхъ уступкахъ, что Швеція не могла совершить безумства и начать изъ-за этого войну. Никто въ такомъ исходѣ и не сомнѣвался. Канцлеръ все же гордился побѣдой, которую было такъ легко одержать и не прибѣгая къ униженію Швеціи, что на мой взглядъ было бы болѣе предпочтительнымъ политическимъ пріемомъ. Подобное поведеніе Россіи неизбѣжно должно было оставить горькій осадокъ въ сердцѣ

сосѣда, передъ которымъ уже много разъ были виноваты, и который, несмотря на свою относительную слабость, могъ при случаѣ причинить много вреда. Но канцлеръ Воронцовъ зналъ свой народъ или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, кто говорилъ отъ его имени. Онъ зналъ, что всякое проявленіе могущества, будь оно даже несправедливымъ, нравится русскимъ; что первенствовать, повелѣвать, подавлять—потребность ихъ національной гордости. Не будучи въ состояніи справиться съ сильными, канцлеръ нападалъ на слабыхъ, надѣясь этимъ выдвинуть правительство молодого императора. Я убѣжденъ, что это была одна изъ причинъ, побудившихъ его громко трезвонить о „побѣдѣ" надъ Швеціей; но русское общество не далось въ обманъ.

Въ обѣихъ столицахъ, среди чиновниковъ и военныхъ,—класса, который позднѣе сталъ во главѣ общественнаго мнѣнія,—чувствовалась общая неудовлетворенность, смутное желаніе чего-то лучшаго, какихъ-нибудь болѣе утѣшительныхъ радостныхъ событій, болѣе льстящихъ народному тщеславію. Надо сказать, что въ то время общественное мнѣніе въ Россіи далеко не было расположено въ пользу императора Александра, и вообще, въ теченіе всего этого царствованія императоръ лишь изрѣдка и на короткое время пріобрѣталъ популярность. Въ эти же годы его поведеніе въ особенности было слишкомъ безыскусственно, намѣренія слишкомъ чисты и слишкомъ клонились ко благу большей части подданныхъ, чтобы получить должную оцѣнку въ странѣ, высшіе классы которой вкусили уже извращенной цивилизаціи, и свыше всякой мѣры были охвачены алчностью и тщеславіемъ. Его доброта, мягкость, чистота намѣреній, всѣ эти качества, которыми въ молодости обладалъ Александръ, были совершенно недостаточны для того, чтобы создать ему популярность. Вопреки всѣмъ усиліямъ канцлера, общество не выражало большого удовлетворенія по поводу побѣды, одержанной надъ такимъ незначительнымъ противникомъ, какимъ была въ его глазахъ Швеція.

наоборотъ, скорѣе оно даже было недовольно старымъ министромъ за то, что онъ хотѣлъ пустить пыль въ глаза и поиграть на струнахъ его тщеславія.

Въ то время австрійскимъ посломъ въ Россіи былъ графъ Сованъ. Онъ являлся къ канцлеру всегда въ полной парадной формѣ и вносилъ большую торжественность въ ходъ засѣданій.

Тогдашняя политика Австріи велась въ жалобно-сантиментальномъ тонѣ, весьма непохожемъ на теперешній. Послѣ Люневилльскаго мира австрійскій дворъ искалъ утѣшенія и хотѣлъ вызвать къ себѣ сожалѣніе. Русское правительство старалось не отталкивать этихъ чувствъ, но взамѣнъ не предлагало Австріи ничего, кромѣ безплодныхъ увѣреній въ сочувствіи ея интересамъ и своемъ желаніи ей добра.

Представителемъ берлинскаго двора въ Петербургѣ являлся графъ Гольцъ. Изъ своей многолѣтней службы Гольцъ вынесъ лишь то, что можетъ дать хорошая память и навыкъ. Это былъ мягкій и добрый человѣкъ, сильно подчинявшійся своей женѣ, которая отличалась немного крикливой и рѣзкой живостью характера. Графъ Гольцъ занялъ въ Вѣнѣ мѣсто Люкезини въ то время, когда Пруссія, нарушивъ измѣннически договоръ, заключенный десять лѣтъ назадъ, забрала свою долю изъ остатковъ разграбленной Польши. Онъ выказывалъ мнѣ уваженіе, въ которомъ проглядывало сожалѣніе,—скажу, почти стыдъ,—за поведеніе своего правительства по отношенію къ моей родинѣ. Могу добавить здѣсь одно воспоминаніе, совершенно личнаго свойства. Предшественникомъ Гольца въ Петербургѣ былъ Тауенцинъ, прославившійся позже, какъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ прусскихъ генераловъ. Еще гвардейскимъ офицеромъ онъ бывалъ у моей матери въ Берлинѣ, во время ея пребыванія тамъ по случаю бракосочетанія моей сестры съ принцемъ Вюртембергскимъ. Онъ очень увлекался Констанціей Нарбутъ (впослѣдствіи г-жа Дебовская), просилъ ея руки и получилъ отказъ. Но это не имѣло другихъ по-

слѣдствій, кромѣ того, что въ Петербургѣ мы съ братомъ часто получали отъ него приглашенія на обѣдъ.

Отношенія съ Пруссіей держались всецѣло на близости двухъ монарховъ, такъ какъ кабинеты не питали другъ къ другу никакой симпатіи. Къ тому же и русская армія и русское общество также не были расположены къ Пруссіи. Русскіе смотрѣли неодобрительно на ея двусмысленное поведеніе, угодливое подчиненіе Франціи и пріобрѣтенія, полученныя цѣною этого подчиненія и не жалѣли для нея своихъ насмѣшекъ. Однако, императоръ оставался вѣренъ своей дружбѣ съ королемъ и тому высокому мнѣнію, которое у него составилось о прусской арміи. Это постоянство Александра, много разъ порицавшееся въ Петербургѣ, имѣло, тѣмъ не менѣе, очень выгодныя послѣдствія для Россіи; она достигла того, что привязала къ себѣ Пруссію и сдѣлала ее чѣмъ-то въ родѣ своей спутницы. Хотя связь эта неоднократно прерывалась, все же нельзя оспаривать выгодъ, весьма дѣйствительныхъ, пріобрѣтенныхъ этимъ временнымъ союзомъ.

Англія только что заключила Амьенскій миръ. Англійскимъ посломъ въ Петербургѣ былъ сэръ Джонъ Варренъ, превосходный адмиралъ, но посредственный дипломатъ. Онъ олицетворялъ собою ничтожество министерства Аддингтона, которое его назначило на этотъ постъ. Въ тѣ времена англійскому правительству рѣдко удавалось сдѣлать счастливый выборъ, потому что, хотя дипломатической карьеры многіе очень домогались, тѣмъ не менѣе среди англійскихъ дипломатовъ было мало людей способныхъ. На самые важные дипломатическіе посты тамъ назначались или по протекціи или по взаимному соглашенію политическихъ партій, съ цѣлью поддержать министерство или же получить нѣсколькими голосами больше въ палатѣ общинъ. Повышенія по службѣ производились только по выслугѣ лѣтъ; отсутствіе ума и хорошей подготовки не представляло къ этому никакого препятствія. Вслѣдствіе этого, тогдашніе англійскіе дипломаты, за малымъ исключеніемъ, не

отличались ни искусствомъ, ни усердіемъ. Теперь это положеніе вещей совершенно измѣнилось, и англичане могутъ считаться самыми искусными дипломатами Европы.

Немного раньше назначенія сэра Джона Варрена, въ Петербургъ пріѣзжалъ погостить герцогъ Глочестеръ, племянникъ короля Георга III.

Представителемъ Франціи былъ генералъ Гедувиль, пріобрѣвшій нѣкоторую извѣстность при усмиреніи Вандеи, но онъ оказался мало пригоднымъ для поддержанія репутаціи французской дипломатіи, умъ и искусство которой какъ будто еще больше возрасли во время консульства и при министерствѣ Талейрана. Выбирая министромъ человѣка съ такимъ добродушнымъ, мало выдающимся и, скажу даже, скучнымъ характеромъ, французское правительство имѣло, вѣроятно, намѣреніе успокоить общественныя опасенія и усыпить подозрѣнія тѣхъ, чью дружбу хотѣло пріобрѣсть. Въ дипломатіи наступилъ періодъ затишья, какое наблюдается послѣ грозы или непосредственно передъ ея наступленіемъ.

Въ отношеніяхъ Россіи съ другими вліятельными державами не было ничего сколько-нибудь важнаго, ни даже интереснаго. Они сводились къ незначительнымъ сношеніямъ, къ обмѣну громкими фразами, за которыми скрывалось лишь одно общее желаніе: „Будемъ сидѣть спокойно, избѣгать всякихъ треній и столкновеній.“ Настроеніе это раздѣлялось даже тѣми правительствами, которыя пострадали отъ заключенія мира; имъ было бы весьма желательно сдѣлать какіе-нибудь новые шаги въ надеждѣ вернуть проигранную партію, но они не смѣли признаться въ своихъ помыслахъ.

Сама Англія не предвидѣла еще близкаго разрыва. Австрія если и вздыхала, то потихоньку и только тамъ, гдѣ она надѣялась быть услышанной, не скомпрометировавъ себя своими жалобами. Пруссія же была довольна своимъ постоянствомъ въ сохраненіи нейтралитета, и видѣла въ этомъ для себя источникъ благосостоянія и прогресса. Даже Франція и та за-

стыла: первый консуль занялся организаціей внутренняго управленія страны и составленіемъ законовъ. Но взгляды всѣхъ обращались къ этой могущественной силѣ, которая, какъ думали всѣ, недолго будетъ довольствоваться доставшейся ей и уже использованной ею обширною властью.

Вся континентальная Европа страшилась Франціи. Россія, хотя и была попрежнему настроена миролюбиво, но принимала тонъ, доказывающій, что она сознаетъ свое равенство силъ съ Франціей и считаетъ себя лично независимой. Отношенія русскаго канцлера съ генераломъ Гедувилемъ свидѣтельствовали о дружественномъ расположеніи Франціи и Россіи, покоившемся на ихъ взаимномъ уваженіи. Былъ заключенъ даже какой-то русско-французскій договоръ, точное содержаніе котораго я не помню, и который, впрочемъ, не могъ заключать въ себѣ ничего важнаго. Канцлеръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить французскому послу обычный подарокъ, заключавшійся, если не ошибаюсь, въ 4000 дукатахъ и золотой табакеркѣ, усыпанной бриллiантами, съ портретомъ государя. Во время совершенія этого договора, канцлеръ былъ боленъ; онъ принялъ генерала Гедувиля въ постели. Приступили къ обмѣну подписей. Это происходило въ моемъ присутствіи. На постели, подлѣ табакерки, были разложены мѣшки съ дукатами. Я никогда не видѣлъ лица болѣе сіяющаго и возбужденнаго, чѣмъ лицо добраго генерала, при видѣ этихъ мѣшковъ. Онъ походилъ на лакомку, увидѣвшаго столъ съ прекрасными яствами. Картина эта запечатлѣлась въ моей памяти, и я не могу удержаться, чтобы не описать ее.

Генералъ, забывая весь decorum и то, что ему слѣдовало бы сказать по поводу подарка съ портретомъ императора, видѣлъ передъ собою только мѣшки съ золотомъ. Онъ завладѣлъ ими съ комичной любовью, не отрывалъ отъ нихъ глазъ, трогалъ руками. Это былъ очень добрый человѣкъ, и каждому было бы пріятно видѣть его такимъ довольнымъ, если бы къ этому счастью не примѣшивалось что-то мало достойное и

мало приличествовавшее даннымъ обстоятельствамъ. Бываютъ минуты, когда человѣкъ забывается и выказываетъ свою внутреннюю природу во всей ея наготѣ, увы! далеко не красивой. Это, вѣроятно, случалось съ каждымъ, такъ какъ каждый можетъ поддаться какой-нибудь слабости и быть захваченнымъ ею врасплохъ.

Среди лицъ, составлявшихъ русскій дипломатическій корпусъ, выше всѣхъ стоялъ шведскій посолъ баронъ Штедингъ. Онъ выдѣлялся и своимъ умомъ и благородствомъ образа мыслей. Очень простой по внѣшности, онъ также просто умѣлъ смотрѣть и на вещи. Поведеніе его отличалось при всякихъ обстоятельствахъ безукоризненной честностью, тактичностью и чрезвычайнымъ благородствомъ. Онъ обладалъ рѣдкой способностью всегда оцѣнивать по достоинству, и людей и событія. Въ молодости, состоя полковникомъ американской службы, онъ за отличіе на войнѣ получилъ крестъ св. Людовика, и какъ протестантъ, носилъ его на голубой лентѣ. Позже почтенный довѣріемъ Густава III и будучи поставленъ во главѣ арміи, онъ отличился въ сраженіяхъ съ русскими въ 1789 и 1790 гг. Послѣ подписанія мира былъ назначенъ посломъ въ Петербургъ, гдѣ уже былъ извѣстенъ военными заслугами. Постъ этотъ онъ занималъ въ продолженіе трехъ царствованій, оставаясь въ самыя трудныя минуты вѣрнымъ слугой своего отечества и никогда не теряя заслуженнаго имъ высокаго уваженія.

Изъ всѣхъ людей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, онъ казался мнѣ лучшимъ, наиболѣе достойнымъ уваженія, однимъ изъ тѣхъ, кого нельзя не любить и кого всегда хотѣлось бы имѣть своимъ другомъ. Я думаю, что онъ и былъ имъ для меня, постольку, конечно, поскольку это позволяли наши различныя положенія, благодаря которымъ мы впослѣдствіи должны были совершенно разстаться.

Положеніе мое въ министерствѣ, какъ лица второстепеннаго, позволило мнѣ совершенно не принимать активнаго

участія въ размолвкѣ, возникшей между Россіей и Швеціей. Къ тому же канцлеръ желалъ вести это дѣло лично самъ, чтобы имѣть возможность приписать исключительно себѣ заслуги той побѣды, которую полагали одержать надъ Швеціей. Эта спесь сильнѣйшаго, это оскорбительное выказываніе превосходства, способъ къ которому прибѣгли, чтобы вырвать у болѣе слабаго вещь, совершенно безцѣнную, желая овладѣть ею только лишь съ цѣлью унизить противника,—все это было мнѣ глубоко противно, и я не считалъ подобныхъ пріемовъ хорошей политической тактикой.

Мое мнѣніе о поведеніи русскаго правительства въ этомъ дѣлѣ дошло до свѣдѣнія шведовъ, и они выразили мнѣ свою благодарность и довѣріе. Тѣхъ, которые мнѣ это передали, я думаю, уже большею частью нѣтъ въ живыхъ.

Внутри Россіи административныя учрежденія продолжали развиваться и улучшаться, въ направленіи, о которомъ говорилось выше, пока одно обстоятельство неожиданно не прервало этого движенія по пути прогресса.

Графъ Северинъ Потоцкій, какъ я уже упоминалъ, былъ близокъ съ великимъ княземъ Александромъ; дружескія отношенія ихъ продолжались и послѣ воцаренія Александра. Графъ Северинъ преклонялся предъ качествами и убѣжденіями императора. Пользуясь его довѣріемъ, Потоцкій часто представлялъ ему памятныя записки по разнымъ вопросамъ. Помимо другихъ важныхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ императоромъ Александромъ сенату, онъ получилъ также и право всеподданнѣйшихъ представленій.

Правомъ этимъ сенатъ еще ни разу не воспользовался. Графъ Северинъ вполнѣ естественно былъ убѣжденъ въ искренности либеральныхъ воззрѣній императора. (Императоръ также считалъ себя въ этомъ отношеніи искреннимъ). Поэтому Потоцкій считалъ полезнымъ и похвальнымъ дѣломъ побудить сенатъ воспользоваться даннымъ ему правомъ всеподданнѣйшихъ представленій. Онъ даже думалъ, что это

будетъ пріятно государю, такъ какъ дастъ ему возможность увидѣть счастливые плоды его добрыхъ начинаній. Случай для этого скоро представился, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Хотя въ Россіи все дворянское сословіе и избирало себѣ военную карьеру, но военная служба была необязательна для дворянъ, и они могли, по желанію, оставлять ее во всякое время. Эта двойная привиллегія была дарована дворянству указомъ Петра III, за что его часто благословляли. Императоръ Александръ сохранилъ эту привиллегію лишь за дворянами, дослужившимися до оберъ-офицерскаго чина; для дворянъ же унтеръ-офицеровъ назначилъ обязательный двадцатилѣтній срокъ службы. Это было, конечно, нарушеніемъ правъ дворянскаго сословія, гарантированныхъ ему жалованной грамотой.

Указъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе на общество. Всѣ поголовно обвиняли въ этомъ военнаго министра, стараго чиновника, человѣка, какъ говорили, низкаго происхожденія, усматривая въ немъ автора указа, съумѣвшаго повліять на императора. Графъ Северинъ Потоцкій поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы дать сенату возможность примѣнить на дѣлѣ дарованныя ему права. Онъ приготовилъ рѣчь, въ которой, усматривая въ этомъ указѣ нарушеніе грамоты, предлагалъ сенату, какъ важнѣйшему государственному учрежденію, сдѣлать свои представленія императору.

Рѣчь эта была прочитана въ общемъ собраніи сената. Сенаторы, видя, что иниціаторомъ здѣсь является одинъ изъ приближенныхъ императора, и что его горячо поддерживаетъ старый графъ Строгановъ, думали, что они могутъ голосовать въ этомъ смыслѣ, не компрометируя себя. Сенатъ былъ даже радъ случаю попробовать впервые проявить свою независимость именно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ не усматривалъ никакого риска, такъ какъ всѣ были увѣрены, что, въ концѣ концовъ, все это было ничѣмъ инымъ, какъ маленькой комедіей, разыгранной съ вѣдома императора. Предложеніе графа Северина было принято, несмотря на протестъ генералъ-прокурора,

министра юстиціи; протестъ этотъ считали симулированнымъ съ цѣлью придать болѣе правдоподобности маленькой, нарочито устроенной исторіи. Графъ Строгановъ, избранный вмѣстѣ съ другими двумя сенаторами для врученія императору сенатскаго представленія, взялся за эту миссію съ удвоеннымъ усердіемъ и пыломъ, но его ожидало большое разочарованіе, такъ какъ дѣло приняло совершенно иной оборотъ.

Строгановъ и его товарищи были приняты императоромъ очень холодно. Графъ не вынесъ такого сухого пріема, смѣшался, не зналъ, что сказать и ушелъ совсѣмъ переконфуженный. Императоръ новымъ указомъ, въ которомъ дѣлалъ строгій выговоръ сенату, приказывалъ ему не вмѣшиваться въ дѣла, его не касающіяся, и подтвердилъ постановленіе, противъ котораго возставалъ сенатъ въ своемъ представленіи, сдѣланномъ по инициативѣ графа Северина. Къ моему большому удивленію, Новосильцовъ согласился пойти навстрѣчу несправедливому гнѣву императора и написать указъ, въ которомъ сенату объявлялся выговоръ. Такой неудачи въ первой либеральной попыткѣ было достаточно, чтобы обезкуражить людей, благородныя стремленія которыхъ, надо сказать, были не очень-то глубоки. Я не слышалъ съ тѣхъ поръ, чтобы сенатъ пытался вновь проявить независимость. Съ его правами, которыя онъ никогда не примѣнялъ къ дѣлу, въ концѣ концовъ, вѣроятно, совершенно перестали считаться.

При первомъ моемъ свиданіи съ императоромъ, послѣ этого случая, я не могъ удержаться, чтобы не посмѣяться надъ той чрезмѣрной тревогой, которую вызвала въ немъ попытка сената занять новое положеніе. Мои шутки не понравились Александру и, я думаю, что мои либеральныя наклонности вызвали тогда въ глубинѣ его души нѣкоторое безпокойство, которое, вѣроятно, онъ припомнилъ впослѣдствіи. Это была полоска свѣта, пролившагося на истинный характеръ Александра, представившійся мнѣ тогда въ новомъ и, къ несчастью, слишкомъ правдивомъ видѣ. Великія мысли объ общемъ благѣ,

великодушныя чувства, желаніе пожертвовать ради нихъ своими удобствами и частью своей власти и даже въ цѣляхъ болѣе вѣрнаго обезпеченія будущаго счастья людей, подчиненныхъ его волѣ, совсѣмъ сложить съ себя неограниченную власть,— все это искренно занимало нѣкогда императора, продолжало занимать его еще и теперь, но это было скорѣе юношескимъ увлеченіемъ, нежели твердымъ рѣшеніемъ зрѣлаго человѣка. Императору нравились внѣшнія формы свободы, какъ нравятся красивыя зрѣлища; ему нравилось, что его правительство внѣшне походило на правительство свободное, и онъ хвастался этимъ. Но ему нужны были только наружный видъ и форма, воплощенія же ихъ въ дѣйствительность онъ не допускалъ. Однимъ словомъ, онъ охотно согласился бы дать свободу всему міру, но при условіи, что всѣ добровольно будутъ подчиняться исключительно его волѣ.

Положеніе графа Северина, послѣ его либеральной попытки, уже больше не возстановлялось; его еще принимали при Дворѣ и относились къ нему попрежнему, но онъ уже не пользовался довѣріемъ и расположеніемъ государя.

Благодаря своему поступку, Потоцкій пріобрѣлъ большую популярность въ Москвѣ и другихъ провинціяхъ имперіи; на него смотрѣли какъ на настоящаго русскаго патріота и благороднаго защитника дворянскихъ привиллегій. Эта слава была такъ пріятна графу, что изъ-за нея онъ позабылъ свои прежнія польскія чувства. Въ молодости, на сеймѣ 3-го мая, человѣкъ этотъ былъ горячимъ польскимъ патріотомъ, въ старости же, забывъ о своей родинѣ, думалъ только о томъ, чтобы увеличить свое состояніе, пріятно пожить, и ради препровожденія времени причислялъ себя въ Россіи къ оппозиціи.

Въ концѣ концовъ, у него вошло въ обычай постоянно переѣзжать изъ своихъ имѣній въ Петербургъ, гдѣ онъ присутствовалъ въ сенатѣ, и обратно. Во время этихъ путешествій онъ много читалъ и приготовлялъ рѣчи, которыя ежегодно произносилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ...

Такъ какъ по свойству своего ума онъ склоненъ былъ скорѣе къ скептицизму, чѣмъ къ активности, то отъ него рѣдко можно было добиться какого-нибудь положительнаго мнѣнія. Чувство не играло никакой роли въ его рѣшеніяхъ; они всегда неизмѣнно диктовались лишь разсчетомъ. Однако, самолюбіе превозмогало у него опасенія за свою судьбу; впрочемъ, эти опасенія, по правдѣ, не могли слишкомъ удручать его, такъ какъ Александръ, въ особенности въ то время, никого не преслѣдовалъ. Можно было не нравиться императору, ничѣмъ не рискуя при этомъ. Графъ Северинъ сохранялъ за собой, пока хотѣлъ, мѣста сенатора и попечителя, дававшія ему возможность заниматься любимой дѣятельностью. Умный и образованный, въ глубинѣ души онъ вѣчно колебался во всемъ, за исключеніемъ лишь того, что касалось его матеріальныхъ интересовъ. Религіозное чувство было ему совершенно чуждо. Человѣкъ съ подобнымъ характеромъ долженъ былъ къ концу жизни совершенно очерствѣть. Я больше никогда съ нимъ не встрѣчался. Александръ далъ ему въ пятидесятилѣтнее пользованіе значительное количество земли. Я помогалъ ему, насколько могъ, устроить это дѣло. Позже я оказалъ также нѣкоторыя услуги и его сыну Льву. Благодаря этому, между нами установились хорошія отношенія, длившіяся во все время моего пребыванія въ Россіи и прервавшіяся потомъ, какъ прерывается шумъ дня при наступленіи ночи.

Если бы человѣческая натура могла довольствоваться только возможнымъ, Александръ долженъ былъ бы удовлетворить русскихъ, такъ какъ онъ доставилъ имъ спокойствіе, довольство, даже нѣкоторую свободу, чего они не знали до начала его царствованія; однимъ словомъ, во всей русской жизни чувствовался извѣстный прогрессъ. Но русскіе желали другого. Похожіе на игроковъ, жадныхъ до сильныхъ ощущеній, они скучали однообразіемъ благополучнаго существованія. Молодой императоръ не нравился имъ; онъ былъ слишкомъ

простъ въ обращеніи, не любилъ пышности, слишкомъ пренебрегалъ этикетомъ. Русскіе сожалѣли о блестящемъ дворѣ Екатерины и о тогдашней свободѣ злоупотребленій, объ этомъ открытомъ полѣ страстей и интригъ, на которомъ приходилось такъ сильно бороться, но вмѣстѣ съ тѣмъ можно было достичь и такихъ огромнѣйшихъ успѣховъ. Они сожалѣли о временахъ фаворитовъ, когда можно было достигать колоссальныхъ богатствъ и положеній, какихъ напр. достигли Орловъ или Потемкинъ. Бездѣльники и куртизаны не знали, въ какія переднія толкнуться, и тщетно искали идола, передъ которымъ могли бы курить свой ѳиміамъ. Обреченные отнынѣ на бездѣйствіе и скуку, они не знали, куда примѣнить всю свою пошлость. Ихъ низость оставалась безъ употребленія.

Московскіе „фрондеры“ были настроены не лучше по отношенію къ новому положенію, занятому Дворомъ, потому что они чувствовали себя выбитыми изъ колеи постояннаго критиканства и совершенно не радовались преимуществамъ, которыя могли бы имѣть отъ этихъ перемѣнъ. Впрочемъ, ихъ либерализмъ совершенно разнился отъ либерализма Александра, склонявшагося, подобно императору Іосифу, скорѣе на сторону демократическихъ идей и идей равенства. Но либерализмъ Александра стоялъ выше либерализма императора Іосифа въ томъ отношеніи, что отливался въ болѣе мягкія формы.

Только одна лишь императрица-мать старалась поддержать прежніе обычаи и блескъ при Дворѣ. Молодой Дворъ, напротивъ, отличался даже преувеличенной простотой, полнымъ отсутствіемъ этикета и принималъ у себя только интимное общество, гдѣ не было никакихъ стѣсненій. Императоръ и его семья являлись въ парадныхъ платьяхъ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, по возвращеніи отъ обѣдни... Обѣды и вечера давались большею частью во внутреннихъ покояхъ и ни въ чемъ не походили на то, чѣмъ были въ предыдущія царствованія. Впослѣдствіи императоръ полюбилъ блескъ и

пышность, но въ началѣ своего царствованія онъ придавалъ всему этому, можно сказать, даже слишкомъ мало значенія.

Въ то время, какъ Наполеонъ окружалъ себя пышностью и публичными церемоніями по образцу прежнихъ царствованій, Александръ любилъ стушевываться и держалъ себя, какъ частное лицо. Люди, желавшіе ему добра, упрекали его за это, между прочимъ, и упомянутая уже выше маркграфиня Баденская, его belle-mère, особа, обладавшая большими достоинствами, которая хотѣла бы, чтобы Александръ развилъ въ себѣ всѣ нужныя для государя способности и такимъ образомъ достигъ бы всѣхъ возможныхъ успѣховъ. Она старалась возбудить его примѣромъ Наполеона, но это ей не удалось. Оба императора слѣдовали во всемъ совершенно противоположнымъ направленіямъ. Одинъ разрушалъ, другой возстановлялъ силу старыхъ идей. Ихъ постоянно сравнивали между собой, и эти сравненія оказывались не въ пользу Александра въ глазахъ тѣхъ самыхъ русскихъ, для которыхъ онъ трудился. Поэтому въ первые годы своего царствованія Александръ вовсе не былъ популяренъ. А между тѣмъ, никогда онъ не былъ такъ преданъ служенію благу своего отечества, какъ въ то время. Но люди требуютъ, чтобы имъ импонировали, не останавливаясь передъ шарлатанствомъ. Ни въ комъ эта потребность не чувствуется такъ, какъ въ русскихъ. Александръ, въ началѣ своего царствованія, совершенно не обладалъ такой способностью,—онъ пріобрѣлъ ее впослѣдствіи; но даже и потомъ, несмотря на его большіе успѣхи, онъ никогда не могъ сравняться по степени популярности и моральнаго вліянія со своей бабкой. Та могла сказать о русскихъ то, что Бонапартъ сказалъ о французахъ,—что они были у нея въ карманѣ.

Такъ какъ императоръ поставилъ себѣ закономъ уважать чужія мнѣнія, разрѣшать всѣмъ открыто высказываться и никого не преслѣдовать, то не требовалось большой храбрости, чтобы порицать его и говорить ему правду. Потому на это рѣшались всѣ, а въ особенности, салоны обѣихъ столицъ.

Тамъ происходила безпрерывная критика всѣхъ дѣйствій правительства. Эта критика, подобно волнамъ бушующаго моря, то шумно вздымалась, то опадала на время съ тѣмъ, чтобы снова подняться при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра.

Таково было состояніе общественнаго мнѣнія въ Россіи въ первые годы царствованія Александра. Старые придворные, успокаивая молодыхъ, говорили, что всѣ новыя царствованія начинались одинаково. По ихъ словамъ, первые годы царствованія Екатерины были ознаменованы такими же преобразовательными стремленіями. Но одно обстоятельство, касавшееся частнымъ образомъ Александра, было предметомъ непрерывныхъ нареканій по его адресу и постоянной критики. Это мое присутствіе подлѣ него и назначеніе меня на очень высокій постъ. Чисто почетное званіе не смущало бы русскихъ, но они не могли свыкнуться съ тѣмъ, что я стою во главѣ государственныхъ дѣлъ. Полякъ, пользующійся полнымъ довѣріемъ императора и посвященный во всѣ дѣла, представлялъ явленіе оскорбительное для закоренѣлыхъ понятій и чувствъ русскаго общества.

Благосклонность ко мнѣ императора, надо признаться, дѣйствительно могла подавать поводъ къ подозрѣніямъ, злословію и наговорамъ со стороны общества, или—вѣрнѣе,—русскихъ салоновъ. Вѣдь, родители мои никогда не скрывали своего отвращенія къ русскому вліянію; у нихъ было даже отобрано состояніе за участіе въ польской революціи, гдѣ они дѣйствовали противъ русскихъ. Какимъ же образомъ молодой человѣкъ, сынъ ихъ, никогда не скрывавшій своей горячей преданности интересамъ родины, часто проявлявшій ее и безпрестанно доказывавшій эту преданность своимъ стараніемъ поднять въ чисто національномъ духѣ народное образованіе въ польскихъ провинціяхъ,— какимъ образомъ онъ могъ пользоваться довѣріемъ и расположеніемъ государя и имѣть вліяніе на его рѣшенія? Сколько основаній для сомнѣній и подозрѣній! Вѣдь, легко можно было предположить, что молодой полякъ

этотъ неискрененъ, что онъ измѣняетъ интересамъ Россіи, питаетъ заднія мысли въ пользу Польши и что, при случаѣ, онъ пожертвуетъ ради нихъ своимъ долгомъ друга и министра. Было что сочинять на эту тему, и пользоваться этимъ не упускали случая.

Всѣ честолюбцы, считавшіе себя болѣе достойными монаршаго довѣрія, чѣмъ подозрительный чужеземецъ, всѣ молодые придворные, окружавшіе Александра, не могли не примкнуть къ этимъ подозрѣніямъ. Но какъ ни естественно было ихъ безпокойство, оно, по правдѣ, имѣло мало основаній. Никто, я думаю, никогда такъ ревностно, такъ преданно не служилъ Александру, какъ я. Онъ, лучше чѣмъ кто-либо, зналъ мою привязанность къ родинѣ, и именно это мое чувство было источникомъ уваженія и дружбы, которыми онъ меня почтилъ, и первой основой, на которой возникли наши близкія отношенія.

Въ то время императоръ не думалъ, что дѣйствительное благо Россіи несовмѣстимо съ благомъ Польши, или же, быть можетъ, не отдавалъ себѣ хорошо отчета въ этомъ важномъ вопросѣ, и видя его разрѣшеніе лишь въ далекомъ будущемъ, не считалъ необходимымъ серьезно вникать въ него. Пока же принималъ мои услуги, которыя я искренно оказывалъ ему, и считалъ, что было справедливымъ и даже надлежало въ видѣ награды за нихъ предоставить мнѣ нѣкоторую свободу дѣйствій въ польскихъ провинціяхъ, находящихся подъ его скипетромъ. Конечно, я воспользовался этимъ добрымъ его расположеніемъ и посвятилъ свои заботы главнымъ образомъ развитію народнаго образованія, которое я велъ въ національномъ духѣ, и организовалъ болѣе широко и въ большемъ соотвѣтствіи съ требованіями времени. Русскіе не могли понять моихъ отношеній съ Александромъ. Эти отношенія дѣйствительно, можно было объяснить только нашей чрезвычайной молодостью, тѣмъ, что мы встрѣтились въ годы, когда охотнѣе поддаются благороднымъ порывамъ, нежели обдуманнымъ пла-

намъ. Чувства эти не исчезли въ насъ и въ послѣдующее время, но мы уже хранили ихъ безмолвно, не возобновляя взаимныхъ признаній, для чего у насъ болѣе не хватало и досуга. Притомъ же наша близость была окончательно закрѣплена. А когда она рушилась, мы разстались. Русскіе упорно не хотѣли признавать въ этихъ отношеніяхъ ничего, кромѣ честолюбія и притворства съ моей стороны и недальновидности со стороны молодого императора. Они подозрѣвали меня въ тайномъ сочувствіи Франціи, въ желаніи вовлечь Александра въ сношенія съ Бонапартомъ и держать его въ зависимости отъ Бонапарта, такъ сказать, подъ очарованіемъ его генія.

Петербургскіе салоны именно на меня возлагали преимущественную отвѣтственность за то, что Александръ немного стушевывался въ дѣлахъ европейской политики. Въ этомъ хотѣли видѣть, не смѣя этого высказывать, доказательство того, что я дѣйствовалъ заодно съ Франціей. Императрица-мать раздѣляла такое мнѣніе и передавала тѣ же опасенія кругамъ военной молодежи.

Положеніе мое было не легкое. Дѣйствительно, роль Россіи въ дѣлахъ Европы не была ни такой блестящей, ни такой значительной, какъ этого можно бы желать; она совершенно не соотвѣтствовала притязаніямъ русскаго тщеславія. Александръ затмевался первымъ консуломъ, который, достигнувъ вершины военной славы, вносилъ въ дипломатическія отношенія, до сихъ поръ всегда сдержанныя, такія же быстрыя и неожиданныя рѣшенія, которыя составляли секретъ его несравненныхъ успѣховъ на поляхъ сраженій. Идя впереди всѣхъ во всякомъ дѣлѣ Европы, онъ съ каждымъ днемъ бралъ надъ всѣми перевѣсъ, завоевывалъ все большее и большее значеніе и уже намѣревался стать скоро верховнымъ властителемъ европейскихъ судебъ. Я слышалъ постоянные упреки въ мягкости, въ недостаткѣ собственнаго достоинства и энергіи, которые дѣлались русскими своему правительству. Что можно было отвѣчать на это? Сводить причину этого на характеръ и воззрѣнія Александра, значило бы направить порицаніе на него одного.

Среди людей наиболѣе честолюбивыхъ и безпокойныхъ, наиболѣе раздраженныхъ, скажу — почти наиболѣе взбѣшенныхъ благосклонностью, которою я пользовался, былъ молодой князь Долгоруковъ. Его гнѣвъ противъ меня, его страстное желаніе выдвинуться и играть роль въ своемъ отечествѣ, въ которомъ какой-то чужеземецъ, подозрительной семьи и подозрительной націи, смѣлъ взять верхъ надъ нимъ, его злоба по поводу того, что этотъ иностранецъ вмѣшивается въ государственныя дѣла и втерся въ довѣріе государя, въ то время, какъ онъ самъ считалъ себя и достойнымъ этого довѣрія, и способнымъ получить его,—всѣ эти взволновавшія его страсти, въ концѣ концовъ, разбудили, къ удивленію многихъ, его умъ. Возмущеніе противъ меня стало въ то время исходной основой русской партіи.

Въ качествѣ генералъ-адъютанта императора онъ постоянно бывалъ во дворцѣ, и я встрѣчался съ нимъ тамъ очень часто. Онъ преслѣдовалъ меня разными упреками и насмѣшками по поводу слишкомъ сдержаннаго поведенія Россіи, повторяя безпрестанно, что ей надо было бы избрать новый путь. Выведенный однажды изъ терпѣнія, я предложилъ ему обращаться со всѣми своими разсужденіями не ко мнѣ, а къ канцлеру, стоявшему во главѣ кабинета. Этотъ отвѣтъ показался ему уверткой; онъ отвѣтилъ мнѣ, что мы съ канцлеромъ умышленно сваливаемъ другъ на друга отвѣтственность и отсылаемъ желающихъ получить объясненія другъ къ другу, чтобы избѣжать затрудненія, въ которое поставила бы насъ необходимость дать опредѣленный отвѣтъ. Разговоръ этотъ чуть было не перешелъ въ ссору, но вмѣшался императоръ и призналъ виновнымъ князя Долгорукова, который съ тѣхъ поръ больше не заговаривалъ со мной о политикѣ. Послѣ этого мои отношенія съ Долгоруковымъ окончательно порвались, но онъ продолжалъ свои интриги съ еще большимъ ожесточеніемъ. Но всѣ интриги его не удались, и это раздражило его еще болѣе. Однако, при Павлѣ отношенія наши были весьма хорошими.

Онъ выказалъ мнѣ большое довѣріе въ одномъ своемъ столкновеніи съ Винцингероде, о которомъ я уже упоминалъ и о которомъ еще поговорю. Это былъ очень честный, чопорный и очень щепетильный въ вопросахъ чести нѣмецъ. По поводу какого-то разговора съ княземъ Долгоруковымъ онъ рѣшилъ вызвать его на дуэль. Оба согласились имѣть секундантомъ меня одного. Дуэль происходила въ саду. Я зарядилъ оба пистолета и поставилъ противниковъ такимъ образомъ, чтобы было наиболѣе шансовъ на промахъ съ обѣихъ сторонъ. Все обошлось благополучно, такъ какъ оба промахнулись, и инцидентъ закончился полнымъ примиреніемъ обѣихъ сторонъ.

Здоровье канцлера начинало расшатываться. Онъ уже нѣсколько разъ былъ серьезно боленъ. Мысль отправиться къ себѣ, въ свои помѣстья, часто приходила ему въ голову, но онъ предполагалъ воспользоваться только временнымъ отдыхомъ и не имѣлъ никакого желанія удалиться отъ дѣла окончательно. Помню, какъ-то однажды, во время болѣзни, я сидѣлъ у его постели; у него былъ сильный жаръ; возбужденный, въ забытьи, онъ проговорилъ нѣсколько фразъ, открывшихъ мнѣ его настоящія мысли. „Эти молодые люди,“ говорилъ онъ, „хотятъ всѣмъ управлять, но я этого не позволю, я одинъ буду стоять во главѣ дѣлъ.“ Я рѣшилъ, что ему, вѣроятно, внушили подозрѣніе относительно тѣхъ, кого называли друзьями императора. А можетъ быть, подозрѣнія эти возникли въ его умѣ и сами по себѣ. Я убѣжденъ только, что меня онъ никогда не подозрѣвалъ и никогда не вѣрилъ наговорамъ на меня. Онъ сохранялъ полное и чрезвычайное довѣріе ко мнѣ до самой своей смерти. Меня это, дѣйствительно, удивляетъ, когда я вспоминаю, сколько людей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы насъ поссорить, старались добиться этой цѣли.

Канцлеръ Воронцовъ, на котораго часто клеветали, былъ способенъ на дружбу и довѣріе къ людямъ хотя рѣдко кого дарилъ ими. Деликатность и благородство его поступковъ граничили почти съ добродѣтелью, и хотя эти чувства и не по-

коились у него на строго опредѣленныхъ убѣжденіяхъ, тѣмъ не менѣе, вѣрно то, что они вытекали изъ добраго и мягкаго сердца. Всегда готовый всѣмъ услужить, онъ судилъ о другихъ съ большой снисходительностью. Никогда, даже въ минуты самыхъ откровенныхъ разговоровъ, я не замѣчалъ въ немъ ни чувства ненависти, ни мстительныхъ побужденій.

У императора составилось непоколебимое предубѣжденіе противъ графа Воронцова, которое возрастало съ каждымъ днемъ. Его немного устарѣвшіе пріемы, звукъ голоса, манера говорить нараспѣвъ, вплоть до привычныхъ жестовъ, все въ немъ было антипатично Александру. Часто болѣя, канцлеръ посылалъ меня съ докладами къ императору. Александръ радовался, что приходилъ не канцлеръ, а я. Несмотря на все хорошее, что я ему говорилъ о Воронцовѣ, императоръ высмѣивалъ своего стараго министра, передразнивалъ его и часто высказывалъ желаніе отъ него отдѣлаться. Это было время наибольшаго расположенія ко мнѣ со стороны императора и моего наибольшаго вліянія на дѣла.

Императоръ одобрялъ только тѣ депеши и рескрипты, которые составлялись мною. Желаніе канцлера удалиться на отдыхъ не встрѣтило поэтому никакого препятствія со стороны императора, который, наоборотъ, всѣми способами поддерживалъ его въ этомъ намѣреніи.

Тѣмъ временемъ отношенія между Россіей и Франціей начали портиться. Въ Парижъ былъ посланъ графъ Морковъ. Въ глазахъ русскихъ это былъ человѣкъ чрезвычайно искусный, прототипъ и, въ нѣкоторомъ родѣ, послѣднее живое воспоминаніе дипломатіи старыхъ екатерининскихъ временъ. Подвергшійся опалѣ въ царствованіе Павла, онъ былъ сосланъ въ Подолію, въ одно изъ тѣхъ имѣній, которыя были конфискованы у моего отца. По воцареніи Александра онъ примчался въ Петербургъ. Пріѣздъ его напугалъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Панина. Панинъ понялъ, какую опасность представитъ для него пребываніе близъ Двора такого умнаго

человѣка, какъ графъ Морковъ, на котораго съ минуты на минуту могъ пасть выборъ и расположенie императора.

Онъ задумалъ удалить Моркова. Въ тотъ моментъ было чрезвычайно важно возобновить добрыя отношенія съ Франціей. Въ виду этого посломъ къ первому консулу надо было назначить человѣка, способнаго контролировать его политику, сдерживать ее и умѣть поддерживать достоинство Россіи. Эту важную миссію возложили на графа Моркова, который съ радостью взялъ ее на себя. Онъ догадывался, что внушаетъ къ себѣ мало симпатіи со стороны Александра и не найдетъ въ Петербургѣ удовлетворенія своему честолюбію. Притомъ ему было очень пріятно вновь увидѣть Парижъ послѣ революціи, играть тамъ видную роль передъ Бонапартомъ и другими новыми знаменитостями.

Графъ Морковъ не всегда оправдывалъ свою репутацію искуснаго дипломата. Его легкомысліе было причиной ужаснаго недоразумѣнія, изъ-за котораго разстроилось бракосочетаніе шведскаго короля со старшей великой княжной, что ускорило смерть Екатерины. Несмотря на свое отвращеніе къ первому консулу и его министрамъ, графъ Морковъ не съумѣлъ ничѣмъ помѣшать расчлененію Германіи, совершенному ради вознагражденія князей, потерявшихъ часть своихъ земельныхъ владѣній, и для удовлетворенія жадности Пруссіи. Дѣло это было представлено на усмотрѣніе императора Александра въ совершенно законченномъ видѣ, когда уже было слишкомъ поздно и невозможно что-либо измѣнить. Моркову надлежало предупредить его и не допускать до этого. Россія должна была спѣшить выступить со своими условіями относительно качества и количества этихъ земель до тѣхъ поръ, пока всѣ статьи договора и размѣръ земельныхъ вознагражденій не были еще окончательно установлены Франціей, устроившей настоящій торгъ на эти земли.

Несомнѣнно, трудно было бы достичь хорошаго результата, но все же необходимо было употребить хотя какія-ни-

будь усилія для его достиженія. Графъ Морковъ ничего подобнаго не предпринялъ. Онъ не обезпечилъ для русскаго кабинета достаточно времени для того, чтобы дать ему возможность высказать свое мнѣніе и настоять на его выполненіи; благодаря этому Россія была вынуждена присоединиться къ этой сдѣлкѣ, какъ ребенокъ, котораго могутъ заставить дѣлать, что угодно.

Графъ Морковъ, давнее созданіе Зубовыхъ, сталъ на сторону Зубовыхъ въ ихъ ссорѣ съ Безбородко, что погубило его въ глазахъ Павла. Нужно ли добавлять, что онъ былъ врагомъ Польши и что вмѣстѣ съ Зубовымъ онъ высказался за ея разрушеніе, такъ какъ всѣ его воззрѣнія и чувства были въ соотвѣтствіи съ этимъ фактомъ. Онъ былъ воплощеніемъ духа государства и государственной дипломатіи, несправедливой и безжалостной.

Морковъ былъ расточителенъ и очень непріятенъ въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ любилъ подарки, но принималъ ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ увѣренъ, что это не задѣнетъ его гордости.

Нужно признаться, что назначеніе графа Моркова не могло способствовать прочному скрѣпленію согласія между двумя правительствами. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ полную противоположность съ добрымъ и тихимъ генераломъ Гедувилемъ. Его лицо, изрытое оспой, постоянно выражало иронію и презрѣніе. Круглые глаза и ротъ, съ опущенными углами, напоминали тигра. Онъ усвоилъ себѣ рѣчь и важныя манеры стараго версальскаго двора, прибавивъ къ этому еще большую дозу высокомѣрія. Въ его обращеніи было мало вѣжливости и ни слѣда учтивости. Онъ прекрасно говорилъ по-французски, но его слова были большею частью ѣдки, рѣзки и непріятны; въ нихъ никогда не проскальзывало и тѣни чувства. Этотъ-то перлъ русской дипломатіи былъ отправленъ во Францію, въ знакъ выраженія желанія Россіи остаться съ Бонапартомъ въ дружбѣ. Вначалѣ консулъ принялъ Моркова съ

большой предупредительностью и остался доволенъ его дѣйствіями при переговорахъ о земельныхъ вознагражденіяхъ и тѣмъ, что онъ допустилъ Францію осуществить раздѣлъ Германіи. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣкоторое время, презрительная манера обращенія и сарказмы, которые охотно позволялъ себѣ графъ Морковъ въ салонахъ, вызвали къ нему со стороны перваго консула сначала холодность, а затѣмъ привели и къ настоящимъ между ними столкновеніямъ. Одно изъ нихъ было настолько рѣзко, что русскій посолъ не могъ сомнѣваться въ томъ, къ чему оно клонилось.

Наполеонъ на одномъ собраніи рѣшилъ излить свою злобу на русскаго посла, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможно чувствительнѣе оскорбить въ его лицѣ представителя русскаго правительства. Онъ избралъ для этой цѣли перваго попавшагося поляка. Случайно онъ напалъ на человѣка самаго ничтожнаго, смирнаго и боязливаго. Можетъ быть, онъ выбралъ его умышленно, чтобы не оставить никакого сомнѣнія, что дѣлаетъ это съ намѣреніемъ уязвить самолюбіе Моркова. Однимъ словомъ, Бонапартъ, замѣтивъ въ толпѣ нѣкоего M. Z.........., человѣка глуповатаго и ничтожнаго, схватилъ его за пуговицу, растолкалъ скрывавшую его толпу и, обратившись къ нему, сталъ грубо и рѣзко говорить о раздѣлѣ Польши, нападая на тѣхъ, кто допустилъ и совершилъ этотъ раздѣлъ, послѣ чего покинулъ собраніе, даже не поклонившись Моркову.

Французскій кабинетъ въ одной изъ депешъ далъ почувствовать Россіи свое недовольство графомъ Морковымъ и желаніе имѣть отъ Россіи такого представителя, который болѣе способствовалъ бы поддержкѣ хорошихъ отношеній между двумя государствами. Дѣйствительно, насколько графъ Морковъ обладалъ всѣми качествами необходимыми для поддержанія, даже въ ущербъ сближенію между державами, славы и достоинства своего правительства, настолько же былъ мало пригоденъ для того, чтобы склонить на свою сторону умы и возстановить добрыя отношенія.

Это приключеніе на дипломатическомъ поприщѣ сослужило службу Моркову и привело его къ предмету его желаній: онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея. Канцлеръ полагалъ, что въ данномъ случаѣ надо было сдѣлать какой-нибудь эффектный и исполненный достоинства шагъ; императоръ раздѣлялъ это мнѣніе.

Вмѣсто выговора или отозванія изъ Парижа, Моркову былъ отправленъ съ курьеромъ орденъ св. Андрея. Морковъ явился на первую же аудіенцію къ Бонапарту, украшенный пожалованнымъ орденомъ, съ видомъ еще болѣе гордымъ и болѣе самодовольнымъ, чѣмъ обычно.

На этотъ разъ первому консулу не удалось поставить своего противника въ смѣшное положеніе.

Но, хотя самолюбіе графа Моркова и одержало побѣду онъ все же не захотѣлъ дольше оставаться въ Парижѣ и, считая свою карьеру оконченной, просилъ отозвать его.

ГЛАВА XI.

Отъѣздъ канцлера. Я остаюсь одинъ во главѣ министерства. Событія и переговоры 1804 г. Война 1805 г.

Я подхожу къ самому выдающемуся періоду моей жизни. До сихъ поръ я игралъ въ министерствѣ второстепенную роль, теперь отвѣтственность ложилась всецѣло на меня одного. Канцлеръ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ лишь временно; но императоръ подготовлялъ все къ его окончательному уходу. Александру непремѣнно хотѣлось имѣть меня министромъ иностранныхъ дѣлъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ капризовъ, какіе часто являлись у Александра, и онъ не могъ успокоиться, пока не удовлетворялъ ихъ. Если подобная фантазія приходила ему въ голову, онъ постоянно возвращался къ ней и всячески стремился къ ея достиженію; тогда онъ уже не разсуждалъ, насколько она была хороша или дурна, полезна или вредна, его занимала лишь мысль—устранить всѣ препятствія. Добившись успѣха, онъ успокаивался и часто начиналъ относиться равнодушно и даже враждебно къ тому, чего такъ горячо добивался.

Наконецъ, канцлеръ категорически объявилъ, что здоровье его требуетъ временнаго отдыха. Тогда явился вопросъ о его замѣстителѣ. Я спросилъ его, кого онъ думаетъ оставить на своемъ мѣстѣ. „Васъ, конечно", отвѣтилъ онъ мнѣ, „это въ порядкѣ вещей и иначе и быть не можетъ". Какъ извѣстно, таково же было и желаніе императора, исполненія котораго

онъ ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Что мнѣ было дѣлать? Долженъ ли я былъ принять на себя такой трудный и опасный постъ? Не лучше ли было мнѣ удалиться, отказавшись отъ всего? Но я думалъ объ этомъ слѣдующее: отстраняясь отъ дѣлъ, я ничего не выигрывалъ въ общественномъ мнѣніи; занявъ столь важный постъ, я буду подвергаться тѣмъ же подозрѣніямъ и клеветамъ не больше, чѣмъ раньше. Удалиться же сейчасъ, значило отступить передъ трудностями и доказать, что я не чувствую въ себѣ достаточно силъ на борьбу съ ними. Къ голосу самолюбія присоединилась еще и мысль высшаго порядка, успокаивавшая мою совѣсть: я льстилъ себя надеждой создать политическую систему, которая, основываясь на принципахъ справедливости, могла бы со временемъ оказать счастливое вліяніе на судьбы Польши. Я уже предвидѣлъ разрывъ съ Франціей. Русскіе всегда подозрѣвали меня въ желаніи склонить русскую политику къ тѣсной связи съ Наполеономъ, но я былъ далекъ отъ этой мысли, ибо для меня было очевиднымъ, что всякое соглашеніе между этими двумя государствами было бы гибельнымъ для интересовъ Польши. Итакъ, не было, слѣдовательно, ничего, что бы останавливало меня отъ вступленія на путь, уготованный мнѣ стеченіемъ обстоятельствъ.

Къ тому же, окружавшіе меня друзья со всѣхъ сторонъ настаивали, чтобы я принялъ на себя эту обязанность. Императоръ не допускалъ ни малѣйшаго возраженія по этому поводу. Молодые люди, мои коллеги, не хотѣвшіе, чтобы изъ-за моего ухода распадалась наша партія, и всѣ, до стараго канцлера включительно, казалось, будто сговорились заставить меня занять эту должность. Канцлеръ уѣзжалъ съ увѣренностью, что возвратится, но не прошло и года, какъ состояніе его здоровья, а можетъ быть, и прелести спокойной жизни заставили его измѣнить свое намѣреніе. Онъ написалъ мнѣ, что рѣшилъ оставить службу, но что не проситъ еще отставки изъ боязни отдать меня во власть всѣхъ интригъ, кото-

рымъ подвергнетъ меня его уходъ. Уѣзжая, онъ говорилъ мнѣ, что по его возвращеніи домъ его будетъ, какъ подобаетъ дому канцлера, открытъ для всѣхъ. До сихъ поръ онъ никогда не приглашалъ къ себѣ ни одного члена дипломатическаго корпуса. Онъ самъ говорилъ, что это неловко и строилъ большіе планы относительно того, какъ въ будущемъ исправить это нерадѣніе. Оставляя меня на своемъ посту, онъ былъ увѣренъ, что передаетъ свою должность человѣку, который будетъ сердечно радъ его возвращенію; поэтому, покидая Петербургъ, онъ употребилъ все свое вліяніе въ присутственныхъ мѣстахъ и среди нѣкоторыхъ старыхъ сенаторовъ, чтобы заручиться ихъ поддержкой въ мою пользу. Но большаго онъ сдѣлать не могъ. Онъ совершенно не пользовался вліяніемъ среди наиболѣе отзывчивой къ государственнымъ дѣламъ части русскаго общества.

Канцлеръ обѣщалъ часто писать мнѣ и наставлять своими совѣтами. Дѣйствительно, онъ завелъ со мной обширную переписку, которая меня очень тронула, какъ доказательство его дружбы ко мнѣ; но вскорѣ я не могъ ни поддерживать ее, ни даже внимательно читать всего, что онъ мнѣ писалъ, въ виду того небольшого количества свободнаго времени, которое у меня оставалось отъ дѣлъ.

Какъ я уже говорилъ, друзья мои всячески убѣждали и уговаривали меня остаться и занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Говорю—остаться,—такъ какъ было ясно, что, отказавшись, я не могъ бы не покинуть Двора. Въ виду намѣренія канцлера возвратиться на свой постъ, было весьма естественнымъ, что онъ не желалъ, чтобы временнымъ его замѣстителемъ былъ кто-либо иной, кромѣ меня. Что же касается императора, то, помимо его общаго ко мнѣ расположенія, онъ также находилъ, что наиболѣе спокойнымъ будетъ не производить въ министерствѣ никакихъ перемѣнъ и, за отсутствіемъ министра, предоставить вести дѣла товарищу министра.

Изъ-за тѣснаго кружка сплотившихся вокругъ меня, расположенныхъ ко мнѣ, я не слышалъ бѣшеныхъ криковъ, раздававшихся при одномъ только предположеніи, что мнѣ будетъ предоставлено управленіе дѣлами внѣшней политики.

Наконецъ, канцлеръ уѣхалъ. Я согласился замѣщать его, и императоръ радовался, какъ ребенокъ. Но партія русской молодежи не скрывала своего возмущенія и гнѣва. Даже сама императрица Елизавета усматривала въ моемъ согласіи дурныя намѣренія, или, по крайней мѣрѣ, неделикатность по отношенію къ императору; по ея мнѣнію, постъ этотъ, требовавшій такого огромнаго довѣрія, я согласился принять вопреки желанію общества (такъ, по крайней мѣрѣ, ей казалось); и она была убѣждена, что я отнимаю у императора любовь народа.

Императрица перестала послѣ этого со мной говорить, кланяться и даже смотрѣть на меня. Она употребляла всѣ мѣры, чтобы не оставить во мнѣ никакого сомнѣнія о причинахъ этой немилости, которая длилась болѣе года и прекратилась лишь послѣ возвращенія изъ Аустерлица. Такимъ образомъ, я имѣлъ дѣло съ сильнымъ противникомъ, но, разъ принявъ рѣшеніе, я ничѣмъ не смущался и думалъ только о томъ, чтобы какъ можно лучше справиться со своей задачей.

Случилось такъ, что какъ разъ во время перемѣны, поставившей меня во главѣ министерства, нѣкоторые извѣстные русскіе дипломаты находились въ Петербургѣ. Я говорилъ уже о графѣ Морковѣ; уходъ канцлера, повидимому, еще болѣе укрѣпилъ его рѣшеніе оставить дипломатическую карьеру. Назначенный членомъ совѣта, онъ удалился въ свои помѣстья въ Подоліи, подаренныя ему Екатериной, отдыхать на лаврахъ дипломата. Тамъ онъ только и дѣлалъ, что изливалъ желчь въ безконечныхъ процессахъ съ сосѣдями. Все время, какъ онъ былъ въ Петербургѣ, я вмѣнялъ себѣ въ обязанность совѣтоваться съ нимъ о текущихъ дѣлахъ и о затрудненіяхъ, возникавшихъ съ первымъ консуломъ. Онъ благоволилъ не отказывать мнѣ въ своихъ совѣтахъ, которые всегда давалъ съ

холоднымъ и презрительнымъ видомъ сознанія своего превосходства, и уѣхалъ, я думаю, убѣжденный въ томъ, что дѣла Россіи впадутъ въ полное разстройство, благодаря способу ихъ веденія. Онъ не всегда скрывалъ свое раздраженіе и показывалъ, что мало придаетъ значенія личности Александра, хотя это и не мѣшало ему падать ницъ передъ однимъ только словомъ своего властелина. Онъ умеръ, кажется, до войны 1812 года.

Прибывшій на короткое время изъ Вѣны графъ Разумовскій сказалъ мнѣ полушутливымъ, полупрезрительнымъ тономъ: „Такъ это вы руководите нами?“ — „Повидимому,“ отвѣтилъ я ему. Возвратившись на свой постъ, онъ рѣшилъ посылать мнѣ только депеши о текущихъ дѣлахъ, а болѣе важныя и болѣе секретныя оставлялъ для докладовъ, адресовавшихся лично Его Величеству. Этотъ образъ дѣйствій не удался ему. Александръ былъ оскорбленъ тѣмъ, что такимъ обходнымъ путемъ критикуютъ сдѣланный имъ выборъ. Ему не понравилось, что въ дѣлѣ, касающемся службы у него, позволяли себѣ не довѣрять лицу, которому онъ самъ оказывалъ довѣріе, и онъ отдалъ Разумовскому приказъ, чтобы всѣ бумаги безъ исключенія проходили черезъ мои руки. Съ тѣхъ поръ не было болѣе вопроса о какихъ-нибудь замалчиваніяхъ со стороны графа Разумовскаго, и между нами установилась частная переписка. То же было и съ графомъ Семеномъ Воронцовымъ, возвратившимся въ Англію на свой постъ. Но о немъ я долженъ поговорить особо.

Графъ Семенъ отличался честнымъ и открытымъ характеромъ, но имѣлъ обыкновеніе судить о вещахъ и людяхъ рѣзко, не допуская никакихъ оттѣнковъ между хорошимъ и дурнымъ, которыхъ по справедливости нельзя не принимать во вниманіе. Питая неограниченное довѣріе къ сужденіямъ своего брата, онъ всецѣло проникся его хорошимъ мнѣніемъ обо мнѣ. Имѣющаяся у меня въ рукахъ переписка съ нимъ свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, съ какимъ онъ защищалъ меня отъ клевет-

ническихъ нападокъ и поддерживалъ на посту, занимаемомъ мною по желанію императора и канцлера, своего брата. Не было такого вида поддержки, котораго бы онъ мнѣ не оказалъ.

Что же касается его взглядовъ на дѣла и вліянія на нихъ, то въ этомъ отношеніи ему можно было бы сдѣлать нѣкоторые упреки.

Но ошибки его вытекали изъ цѣльности характера, дѣлавшаго его безграничнымъ поклонникомъ Англіи, единственной въ то время страны, управлявшейся свободными учрежденіями. Графъ не только по-дружески привязался къ Питту, но, скажу прямо, почти безгранично преклонялся предъ нимъ и передъ нѣкоторыми изъ его коллегъ. Это слишкомъ острое чувство мѣшало ему безпристрастно разбираться въ ходѣ дѣлъ и сообразовать свою политику въ различныхъ случаяхъ съ истинными интересами и Россіи и всей Европы. Тѣ же недостатки встрѣчались и у представителей Россіи при дворахъ австрійскомъ и нѣмецкомъ, съ тою только разницей, что ни графъ Разумовскій, ни, въ особенности, Алопеусъ не искупали ихъ высокими достоинствами, отличавшими графа Семена.

Интимныя отношенія, завязанныя Разумовскимъ въ Вѣнѣ и раболѣпство Алопеуса передъ знатными берлинцами были причиной многочисленныхъ неточностей, попадавшихся въ присылаемыхъ ими рапортахъ. Озабоченные, больше чѣмъ слѣдовало, желаніемъ сохранить во что бы то ни стало хорошія отношенія Россіи съ этими державами, они часто совершенно уничтожали впечатлѣніе отъ нашихъ представленій, произвольно смягчая ихъ содержаніе. Чтобы избавиться отъ столь большого неудобства, императоръ рѣшилъ послать въ Берлинъ Винцингероде, о которомъ я уже упоминалъ. Винцингероде, скорѣе предубѣжденный противъ Пруссіи, чѣмъ расположенный къ ней, рѣшилъ ничего не замалчивать о военныхъ пріемахъ этой державы и о неустойчивой политикѣ ея государственныхъ людей. Сообщенныя имъ свѣдѣнія подавали мало надежды на то, что въ случаѣ разрыва Россіи съ Франціей можно ожидать содѣйствія отъ Пруссіи.

Невозможность полагаться вполнѣ на свѣдѣнія, даваемыя графомъ Семеномъ Воронцовымъ, вызвала посылку въ Англію еще одного лица. То былъ Новосильцовъ. Выборъ этотъ, одобренный канцлеромъ, удовлетворилъ также и графа Семена. Во время своего послѣдняго пребыванія въ Россіи, онъ ближе познакомился съ Новосильцовымъ и оцѣнилъ его умъ и политическіе взгляды. Новосильцовъ получилъ приказъ проѣхать черезъ Берлинъ, чтобы позондировать настоящія намѣренія этого двора, а затѣмъ отправиться съ этой же цѣлью въ Лондонъ. Онъ долженъ былъ, въ случаѣ необходимости, побывать также и въ Парижѣ, чтобы предложить тамъ условія, которыя наиболѣе способствовали бы сохраненію мира. Послѣ ухода графа Моркова самыми видными представителями русской дипломатіи остались графъ Разумовскій и графъ Семенъ Воронцовъ.

Дружба канцлера и высказанное имъ обо мнѣ хорошее мнѣніе весьма способствовали устраненію размолвокъ, которыя могли бы возникнуть между старыми русскими дипломатами и молодымъ полякомъ, обязаннымъ руководить ими.

Нѣкоторое время дѣла шли по-старому. Это было въ нѣкоторомъ родѣ продолженіе политики стараго министерства. Но эту пассивную систему мира и покоя, избранную графомъ Кочубеемъ, систему, къ которой канцлеръ присоединилъ самоувѣренность и чувство собственнаго достоинства, было трудно поддерживать. Страна, привыкшая къ постояннымъ успѣхамъ Екатерины и къ скачкамъ Павла, не могла довольствоваться второстепенной и незначительной ролью, даже если бы это и обезпечивало ей долгое и непрерывное внутреннее благополучіе. Къ тому же, на мой взглядъ, политика великой державы не должна быть ни пассивна, ни безразлична. Ея цѣлью не можетъ служить забота лишь о собственныхъ интересахъ, при полномъ равнодушіи къ задачамъ общаго блага. Такое узкое пониманіе политическихъ задачъ привело бы къ неподвижности и обезцвѣченію внѣшней политики, къ неизмѣнному

ограниченію ея круга одними домашними дѣлами, что не согласовалось бы съ сознаніемъ своего могущества и съ стремленіемъ къ благородной славѣ.

Неизмѣнные интересы, не возвышающіеся до болѣе широкихъ и потому болѣе благородныхъ плановъ, являются слишкомъ обманчивой основой и руководящей нитью политики. Такая система, замыкающаяся въ кругъ узкихъ, близорукихъ и робкихъ соображеній, открываетъ свободный просторъ честолюбивымъ стремленіямъ другихъ державъ, предоставляя имъ всѣ благопріятные шансы, которыми послѣдователи этой ложной системы не умѣютъ пользоваться для собственныхъ, болѣе благородныхъ цѣлей. Слишкомъ хорошо извѣстно, что не таковъ былъ до сихъ поръ духъ старой русской политики. Наоборотъ, никогда ни одно государство, исключая римскаго, не вело политики болѣе обширной, болѣе неспокойной и болѣе упорной. Къ этому надо прибавить, что она никогда не считалась съ принципами права и справедливости.

Съ самаго начала царствованія Ивана Васильевича Грознаго у московскихъ царей началъ проявляться инстинктъ завоеваній, и, прибѣгая поочередно то къ хитрости, то къ войнѣ, они умѣли съ рѣдкимъ искусствомъ увеличивать свои владѣнія за счетъ своихъ несчастныхъ сосѣдей; но главнымъ образомъ при Петрѣ I русская политика приняла рѣшительный и устойчивый характеръ, которому наслѣдники его уже не измѣняли. Россія не перестаетъ съ неумолимою настойчивостью преслѣдовать цѣль, которая заключается ни болѣе ни менѣе, какъ въ подчиненіи себѣ большей части Европы и Азіи и сосредоточеніи въ своихъ рукахъ возможности вязать и рѣшить судьбы соперничающихъ съ ней народовъ. Эта цѣль была ясно задумана и указана Петромъ I своимъ преемникамъ. Нѣтъ такого пути, на которомъ онъ не сдѣлалъ бы перваго шага, нѣтъ цѣли, которой не старался бы достичь съ энергіей и искусствомъ, могущими служить примѣромъ для его преемниковъ.

Петръ I нанесъ смертельные удары Швеціи и Польшѣ. Онъ

началъ борьбу съ Персіей и Турціей. Сталъ во главѣ грековъ и славянъ и создалъ для Россіи флотъ и армію европейскаго образца. Толчекъ, данный его желѣзной волей русской націи, продолжалъ дѣйствовать и теперь; начинанія, имъ предпринятыя, развиваются все въ томъ же направленіи. Цѣли, имъ поставленныя, къ которымъ Россія по счастливому стеченію обстоятельствъ подошла очень близко, преслѣдуются и теперь, и Европа не въ состояніи удержать Россію на этомъ пути. Внутреннія неурядицы могли на нѣкоторое время замедлить развитіе Россіи; но духъ Петра Великаго носится всегда надъ нею, и его чрезмѣрное честолюбіе заложено въ глубинѣ сердца каждаго русскаго.

Если нѣкоторыя колебанія, испытываемыя въ настоящее время Россіей и заставятъ ее пріостановить исполненіе своихъ плановъ, все же невѣроятно, чтобы она когда-либо отъ нихъ совершенно отказалась. На нѣкоторое время Россія уклонилась отъ столь могущественной политики. Это было въ началѣ царствованія Александра. Молодой, чистосердечный, безобидный, мечтающій только о любви къ людямъ и либерализмѣ, страстно преданный добру, къ которому всегда стремился, но котораго часто не умѣлъ отличить отъ зла, и которое, между прочимъ, такъ трудно достижимо,—онъ съ одинаковымъ отвращеніемъ смотрѣлъ и на кровавыя войны Екатерины, и на деспотическія безразсудства Павла и, достигнувъ трона, оставилъ въ сторонѣ жадность, лукавство, чрезмѣрное честолюбіе,—однимъ словомъ, всѣ тѣ идеи захвата, которыя составляли душу старой русской политики. Фантастическіе проекты были на время забыты; Александръ обратилъ всѣ свои заботы на внутреннія улучшенія и серьезно думалъ осчастливить, насколько возможно, своихъ подданныхъ, какъ русскихъ, такъ и инородцевъ. Впослѣдствіи, почти противъ своего желанія, онъ былъ увлеченъ на обычный путь, свойственный русской политикѣ, но въ первое время царствованія объ этомъ не было и рѣчи, и въ этомъ заключалась дѣйствительная причина непопулярности Александра въ Россіи.

По характеру Александръ не походилъ на русскаго; онъ отличался отъ соотечественниковъ и достоинствами и недостатками, и казался среди нихъ какимъ-то экзотическимъ растеніемъ, далеко не чувствуя себя счастливымъ.

Какъ бы тамъ ни было, поставленный судьбой во главѣ внѣшней политики Россіи, я находился въ положеніи солдата, заброшеннаго въ силу дружбы или случайности въ чужіе ряды и потому сражающагося съ особымъ усердіемъ изъ-за чувства чести и изъ-за того, чтобы не оставить своего товарища, друга или господина. Александръ, смѣю сказать, былъ для меня въ то время и товарищемъ, и другомъ, и господиномъ. Его безграничное довѣріе ко мнѣ обязывало меня, какъ честнаго человѣка, служить ему какъ можно лучше, и вызывало во мнѣ желаніе привести, насколько было возможно, въ блестящее состояніе дѣла Россіи, пока они находились въ моихъ рукахъ. Къ тому же я твердо вѣрилъ, что мнѣ удастся примирить стремленія, свойственныя русскимъ, съ гуманными идеями, направивъ жажду русскихъ къ первенству и славѣ, на служеніе общечеловѣческому благу. Это была великая, но и далекая цѣль, къ которой надо было идти съ большой послѣдовательностью и настойчивостью. Планъ былъ громаденъ; необходимо было хорошо обдумать его и проявить много терпѣнія и искусства при его выполненіи. Я воображалъ, что все задуманное мною въ этомъ направленіи въ достаточной степени удовлетворитъ національную гордость русскихъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы Александръ сдѣлался, въ нѣкоторомъ родѣ, верховнымъ судьей и посредникомъ для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ міра, чтобы онъ былъ заступникомъ слабыхъ и угнетаемыхъ, стражемъ справедливости среди народовъ; чтобы, наконецъ, его царствованіе послужило началомъ новой эры въ европейской политикѣ, основанной на общемъ благѣ и соблюденіи правъ каждаго.

Мысль эта не покидала меня; я постоянно былъ занятъ ею и старался найти для нея формы, примѣнимыя на практикѣ.

Съ этой цѣлью я составилъ собственный политическій планъ, который и разослалъ циркулярно всѣмъ нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ. Въ циркулярѣ этомъ, который долженъ былъ служить введеніемъ къ моей новой политической системѣ, имъ предписывалось поведеніе, полное сдержанности, справедливости, честности и безпристрастнаго достоинства.

Я долго работалъ надъ достиженіемъ этого политическаго плана, въ основу котораго вложилъ принципы, подробно изложенные мною позже въ трудѣ „Опытъ о дипломатіи" (Essai sur la diplomatie). Я упорно разрабатывалъ свой планъ наряду съ занятіями текущими дѣлами. Но я не пожалъ плодовъ; этому помѣшали безчисленныя трудности, вставшія на моемъ пути, и быстрый ходъ тѣхъ событій, которыя привели къ моему паденію. Но все то время, какъ я оставался у дѣлъ, направленіе ихъ было тѣсно связано съ этими принципами, хотя и не всегда въ такой степени, какъ бы мнѣ хотѣлось.

Жизнь нерѣдко заставляетъ насъ медлить съ осуществленіемъ своихъ идей и видоизмѣняетъ ихъ примѣнительно къ теченію событій... Приходится соглашаться на уступки ради избѣжанія многочисленныхъ затрудненій, которыя обнаруживаются на каждомъ шагу; уступки печальныя и часто совершенно разбивающія самые дорогіе, долго обдумывавшіеся наши планы.

Моя политическая программа пришлась по душѣ Александру, въ виду тогдашняго направленія его мыслей. Планъ мой касался далекаго будущаго, оставлялъ открытое поле воображенію и всякаго рода комбинаціямъ и не требовалъ немедленнаго рѣшенія, немедленныхъ дѣйствій. Александръ былъ единственнымъ человѣкомъ въ своемъ государствѣ, способнымъ до извѣстной степени понять важное значеніе подобной системы, и разумомъ, скажу вѣрнѣе—совѣстью, воспринять ея принципы. Но все же и онъ воспринималъ ихъ только поверхностно.

Удовлетворяясь высказанными въ моей программѣ общими принципами и формой, въ которой я предлагалъ ихъ осуществить, онъ не помышлялъ о томъ, чтобы глубже вникнуть въ суть вещей и дать себѣ отчетъ въ тѣхъ обязательствахъ, которыя налагала на него подобная политическая система, въ тѣхъ трудностяхъ, которыя возникли бы при приведеніи ея въ исполненіе. Мои коллеги, какъ казалось, во многомъ раздѣлявшіе мои взгляды, благосклонно слушали представленный имъ мною бѣглый очеркъ моей политической программы, въ которую я включилъ освобожденіе грековъ и славянъ, и пока я развивалъ идею той первенствующей роли, которую должна будетъ играть Россія, говорилъ о могущественномъ вліяніи, которое она пріобрѣтетъ въ дѣлахъ Европы, моя аудиторія была за меня; но лишь только я затронулъ цѣли и обязательства, вытекавшія для Россіи изъ этого первенствующаго положенія, какъ только я заговорилъ о правахъ другихъ народовъ, о принципахъ справедливости, которые должны сдерживать честолюбіе, я замѣтилъ, что одобренія стали рѣже, холоднѣе и сдержаннѣе.

Моя политическая программа, основнымъ принципомъ которой была справедливость и законность, необходимо вела и къ постепенному возстановленію польскаго королевства. Но, чтобы не подходить прямо къ тѣмъ затрудненіямъ, которыя должно было встрѣтить это новое направленіе дипломатіи, столь противное укрѣпившимся идеямъ, я избѣгалъ произносить имя Польши. Идея ея возстановленія вытекала сама по себѣ изъ моей программы и того направленія, которое я хотѣлъ дать русской политикѣ. Я говорилъ только о постепенномъ освобожденіи народовъ, несправедливо лишенныхъ ихъ политической самостоятельности; я не боялся говорить о грекахъ и славянахъ, ибо подобная мысль не шла въ разрѣзъ со взглядами и желаніями русскихъ; однако, по логической послѣдовательности тѣ же принципы естественно должны были быть примѣнены и къ Польшѣ. Относительно этого между

нами какъ бы существовало нѣчто въ родѣ безмолвнаго соглашенія, но также безмолвно понималось и то, что временно надо было еще избѣгать опредѣленнаго упоминанія о моемъ отечествѣ. Я чувствовалъ, какъ необходима была эта осторожность. Среди русскихъ не было людей, расположенныхъ къ Польшѣ. Позже я убѣдился, что правило это не имѣло исключеній, и что ни одного русскаго нельзя было бы переубѣдить въ этомъ вопросѣ.

Какъ-то разъ зашелъ разговоръ о превратностяхъ судьбы, перенесенныхъ Польшей. Новосильцовъ разсказалъ при этомъ, что, проѣзжая черезъ Польшу въ эпоху возстанія Костюшко, онъ былъ остановленъ крестьянами, потребовавшими отъ него паспортъ. Такъ какъ паспортъ былъ написанъ на нѣмецкомъ языкѣ, и никто не могъ его прочесть, то послали за однимъ нѣмцемъ, жившимъ неподалеку. Новосильцовъ воспользовался своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка и сталъ умолять явившагося нѣмца спасти его. Нѣмецъ, расчувствовавшись, увѣрилъ крестьянъ, что къ пропуску нѣтъ никакихъ препятствій, и отпущенный Новосильцовъ получилъ возможность свободно присоединиться къ принцу Нассаускому, участвовавшему въ осадѣ Варшавы. Я сталъ самымъ рѣшительнымъ образомъ порицать поведеніе нѣмца. „Какъ“, возразили на это мои коллеги, „вы не помогли бы спасти Новосильцова?“—„Конечно, нѣтъ“, отвѣчалъ я. Мой отвѣтъ, повидимому, очень удивилъ ихъ, изъ него они могли заключить, что наши взгляды весьма расходились. Подобные случаи повторялись за время нашихъ постоянныхъ сношеній очень часто. Я не имѣлъ никакихъ основаній скрывать моихъ мнѣній и моихъ чувствъ. Никто не былъ о нихъ освѣдомленъ лучше самого императора, который зналъ вполнѣ образъ моихъ мыслей.

Хотя новая система и подвергалась упрекамъ въ томъ, что она теряется въ туманныхъ очертаніяхъ отдаленнаго будущаго, въ мечтахъ и утопіяхъ, тѣмъ не менѣе, вскорѣ не замедлили обнаружиться ея серьезные практическіе результаты.

Нельзя было играть выдающуюся роль въ дѣлахъ Европы, брать на себя задачи судьи и посредника, препятствовать жестокостямъ, несправедливостямъ и хищеніямъ, не встрѣтившись при первыхъ же шагахъ съ Франціей. Если бы Франція захотѣла играть ту же благодѣтельную роль, она явилась бы опасной соперницей Россіи. Но руководимая огромнымъ талантомъ и безграничнымъ честолюбіемъ Бонапарта, она стремилась дѣлать какъ разъ обратное тому, чего желали мы. Поэтому, рано или поздно, столкновеніе между нею и Россіей было неминуемо.

Наполеонъ не выносилъ соперниковъ на своемъ поприщѣ. Всѣ попытки стать съ нимъ въ этомъ отношеніи на равной ногѣ кончались неудачей. Каждый его союзникъ долженъ былъ либо подчиниться его волѣ, либо вскорѣ превратиться въ противника и объявить ему войну. При первыхъ же намекахъ на примѣненіе новой системы само собой наступило охлажденіе въ нашихъ отношеніяхъ съ первымъ консуломъ. Наши сношенія приняли такую окраску, изъ которой ясно было видно, что обѣ стороны не расположены къ взаимнымъ уступкамъ.

Явилась необходимость сговориться съ Англіей, единственной, кромѣ Россіи, державой, чувствовавшей себя въ силахъ бороться съ Франціей, узнать по возможности ея настроеніе, намѣренія, принципы ея настоящей политики, а также и то, чего можно было отъ нея ожидать въ случаѣ успѣшнаго выполненія нашихъ плановъ.

Присоединеніе къ нашимъ планамъ вліятельнаго кабинета могущественной державы, возможность идти съ нимъ рука объ руку къ общей цѣли,—давало бы намъ громадное преимущество. Но прежде всего предстояло удостовѣриться не только въ наличномъ настроеніи Англіи, но и въ ея планахъ относительно будущаго, взвѣсить всѣ случайности, которыхъ можно было ожидать въ случаѣ смерти Георга III или перемѣны министерства Питта. Необходимо было, чтобы Англія

поняла, что одного желанія сражаться вмѣстѣ противъ Наполеона было недостаточно для установленія неразрывной связи между ея правительствомъ и правительствомъ Россіи, что связь эта для дѣйствительнаго своего упроченія должна была основываться не на общей непріязни, но на самыхъ возвышенныхъ принципахъ справедливости и человѣколюбія.

Это была трудная и деликатная миссія. Она была поручена Новосильцову, который, какъ членъ министерства и неоффиціальнаго комитета, былъ въ курсѣ всѣхъ нашихъ воззрѣній и плановъ и, казалось, лучше, чѣмъ кто-либо другой, понималъ и раздѣлялъ ихъ. Новосильцовъ уже раньше жилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи и имѣлъ тамъ обширныя знакомства; онъ не только въ совершенствѣ зналъ англійскій языкъ, но что было главное, изучалъ экономическое и финансовое положеніе Англіи. Кромѣ того, онъ былъ очень близокъ съ англійскимъ посломъ (щепетильность котораго надо было щадить). Въ виду всего этого выборъ его казался намъ подходящимъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Уѣзжая, Новосильцовъ получилъ двѣ инструкціи: одну оффиціальную, другую секретную. Въ этой послѣдней я старался изложить всѣ пункты, которыхъ нужно было добиться, или по поводу которыхъ надо было позондировать почву и вывѣдать взгляды британскаго правительства. Я далъ ему также письмо и къ Фоксу. Принцъ Уэльскій, которому предстояло наслѣдовать послѣ своего отца или замѣнить его въ качествѣ регента, питалъ полное довѣріе къ этому государственному человѣку и его партіи.

Новосильцовъ нашелъ Питта очень мало подготовленнымъ къ принятію нашихъ предложеній и всецѣло поглощеннымъ своей собственной точкой зрѣнія на дѣла Европы. Графъ Семенъ, преклонявшійся передъ узкой системой англійскаго кабинета, всегда былъ готовъ бороться противъ тѣхъ перемѣнъ, которыя мы хотѣли ввести. Въ силу ли затрудненій, вытекавшихъ изъ такого положенія вещей, по другимъ ли

причинамъ, но Новосильцовъ не справился достойнымъ образомъ съ своей важной миссіей. Она требовала большой осторожности, сдержанности и твердости въ слѣдованіи даннымъ ему инструкціямъ. Онъ же едва упомянулъ о тѣхъ условіяхъ, которымъ мы придавали наиболѣе важное значеніе, даже не произнесъ названія Польши и совершенно не коснулся вопроса о настоящемъ положеніи Европы, ставящемъ ее въ зависимость отъ случайности,—положеніи, въ какое она попала, благодаря проявленіямъ беззаконія, которое было необходимо искоренить.

Кромѣ того, относительно нѣкоторыхъ пунктовъ Новосильцову дана была инструкція не принимать никакихъ рѣшеній, не снесясь предварительно съ своимъ правительствомъ. Мы требовали, чтобы Англія, согласно своему обязательству, очистила Мальту. Впослѣдствіи вопросъ этотъ обсуждался въ парламентѣ, и лордъ Нельсонъ поддерживалъ то положеніе, что Англія, дѣйствительно, обязалась это сдѣлать и что выполненіе этого обязательства не подвергало бы ее никакому серьезному неудобству. Какъ бы тамъ ни было, высокомѣрный отказъ Англіи давалъ намъ право тотчасъ же прекратить едва начавшіеся переговоры. Наше достойное поведеніе должно было послужить доказательствомъ нашего искренняго намѣренія идти по пути права и истиннаго добра, котораго мы желали Европѣ. Впрочемъ, нашъ образъ дѣйствій не замедлилъ произвести и на самое Англію большое впечатлѣніе, показавъ ей, съ какимъ вниманіемъ она должна была бы отнестись къ нашимъ справедливымъ требованіямъ. Намѣченный нами планъ имѣлъ за собой еще и то преимущество, что облегчалъ Новосильцову возможность заѣхать въ Парижъ. Но онъ не воспользовался этимъ и поспѣшилъ возвратиться въ Россію, оставивъ дальнѣйшее направленіе событій на волю Англіи.

ГЛАВА XII.

Подготовка къ войнѣ. Убійство герцога Энгіенскаго. Отношенія Россіи и Франціи. Разрывъ. Переговоры съ Пруссіей. Поѣздка въ Берлинъ. Война. Аустерлицъ.

Отношенія, создавшіяся между Россіей и Франціей, были таковы, что достаточно было малѣйшаго повода для жесточайшаго столкновенія между этими державами, одушевленными столь разнородными стремленіями. По дѣйствіямъ перваго консула было ясно, что поводъ къ тому не замедлитъ представиться. Событіе, послужившее такимъ поводомъ, имѣло ту особенность, что оно сводилось всецѣло къ нарушенію началъ справедливости и права, безъ всякаго отношенія къ чьимъ-либо матеріальнымъ интересамъ.

Захватъ герцога Энгіенскаго французскимъ отрядомъ, имѣвшій мѣсто на территоріи свободной страны, съ которой Франція находилась въ мирныхъ отношеніяхъ, судъ надъ герцогомъ и послѣдовавшая немедленно за этимъ казнь, поразили Европу и вызвали повсюду изумленіе, ужасъ и негодованіе. Для тѣхъ, кто не былъ свидѣтелемъ этого волненія, трудно и представить себѣ степень его силы. Событіе это произвело на императора и на всю императорскую семью сильнѣйшее впечатлѣніе, которое они не только не скрывали, а наоборотъ, выказывали не стѣсняясь. Извѣстіе о казни герцога Энгіенскаго привезено было курьеромъ въ субботу. На слѣдующій же день Дворъ облекся въ трауръ; императоръ и императрица, проходя послѣ обѣдни

черезъ залъ, гдѣ ожидали члены дипломатическаго корпуса, совершенно игнорировали присутствіе тамъ французскаго посланника, разговаривая въ то же время съ лицами, находившимися подлѣ него.

Дѣйствительно, Россія не могла остаться безучастной зрительницей такого попранія справедливости и международнаго права, въ виду той роли, которую она намѣтила для себя въ европейскихъ дѣлахъ. Я составилъ ноту, произведшую тогда нѣкоторое впечатлѣніе. Она была передана въ Парижъ французскому министерству черезъ Убри, который былъ въ то время нашимъ представителемъ въ Парижѣ.

Россія громко протестовала противъ поступка перваго консула, служившаго доказательствомъ полнаго забвенія самыхъ священныхъ началъ. Россія требовала объясненія, которое могло бы ее удовлетворить, хотя и было ясно, что подобнаго объясненія Франція дать не могла. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ былъ рѣзокъ и оскорбителенъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ, чтобы доказать неумѣстность выступленія Россіи по поводу казни герцога Энгіенскаго, напоминалъ, что во время смерти императора Павла Франція не позволила себѣ спрашивать какого-либо объясненія. Помимо этой оффиціальной депеши, генералъ Гедувиль сообщилъ мнѣ еще содержаніе частнаго письма къ нему Талейрана, въ которомъ тотъ старался подсластить горечь депеши. Въ этомъ письмѣ Талейранъ рекомендовалъ ему обратиться частнымъ образомъ ко мнѣ, говоря, что первый консулъ довѣряетъ мнѣ и моимъ знаніямъ и потому увѣренъ, что, умѣя пользоваться моимъ положеніемъ, я не захочу довести оба государства до расторженія между ними согласія, не только полезнаго для нихъ, но и необходимаго для блага всей Европы. Это заигрываніе не произвело, конечно, на меня никакого впечатлѣнія; я даже видѣлъ въ немъ нѣкоторое для себя оскорбленіе. Очень сухо я отвѣтилъ, что все будетъ представлено на усмотрѣніе императора, и я не могу ничего сказать раньше, чѣмъ узнаю его

волю, но что мнѣ кажется яснымъ, что если бы Франція дѣйствительно желала поддержать доброе согласіе между обоими государствами, то ей слѣдовало бы дать иной отвѣтъ.

Сношенія между обоими кабинетами не могли долѣе продолжаться. Графъ Морковъ еще раньше покинулъ Парижъ. Генералъ Гедувиль взялъ отпускъ, подъ предлогомъ устройства личныхъ дѣлъ, оставивъ уполномоченнымъ Рейнваля. Насчетъ того, какое рѣшеніе долженъ былъ принять русскій императоръ сомнѣній быть не могло; впрочемъ, неизбѣжность такого рѣшенія предвидѣли уже при отправленіи въ Парижъ первой ноты. Въ моментъ полнаго разрыва сношеній съ Франціей, императоръ созвалъ совѣтъ изъ всѣхъ министровъ и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ лицъ. Мнѣ поручили меморіалъ, съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла и указаніемъ способа его разрѣшенія.

Въ виду неотложной спѣшности дѣла и поведенія французскаго правительства, не позволявшаго никакого промедленія въ принятіи предполагавшихся мѣръ, меморіалъ этотъ я долженъ былъ написать въ одну ночь. Въ немъ я доказывалъ, что захватъ и казнь герцога Энгіенскаго, совершенные первымъ консуломъ, являются нарушеніемъ народнаго права, что отвѣтъ его на сдѣланныя по этому поводу Россіей представленія, не только неприличенъ, но и оскорбителенъ; что и въ настоящее время онъ продолжаетъ свои захваты, не считаясь ни съ какимъ правомъ, ни съ чьими интересами, кромѣ собственныхъ; поэтому является излишнимъ, даже недостойнымъ, поддерживать сношенія съ правительствомъ, которое настолько не уважаетъ само себя, что не можетъ воздержаться отъ наиболѣе вопіющихъ правонарушеній и которое не можетъ внушать никакого довѣрія, потому что попираетъ ногами всѣ принципы справедливости въ отношеніи другихъ государствъ. Далѣе я говорилъ, что, быть можетъ, и удастся, выразивъ энергичное порицаніе, заслуживаемое такимъ поведеніемъ, нѣсколько смягчить вытекающія изъ него слѣдствія, но если это окажется

невозможнымъ, то Россія обязана отклонить отъ себя всякую тѣнь солидарности, не поддерживать сношеній съ державой, не отступающей передъ подобными злодѣяніями.

Меморіалъ я кончилъ предложеніемъ объявить Франціи о разрывѣ съ ней всякихъ дипломатическихъ сношеній, отозвать изъ Парижа русское посольство и послать паспорта французскому посольству въ Петербургѣ, съ требованіемъ немедленно покинуть предѣлы Россіи. Французовъ же, проживавшихъ въ Россіи, не подвергать никакимъ притѣсненіямъ, торговли съ Франціей не прекращать и консуловъ оставить на своихъ постахъ.

На изложеніи меморіала, конечно, отразились волненія ночи, проведенной за работой, я не могъ придать выраженіямъ необходимую умѣренность, смягчить рѣзкости, которыя могли закрасться въ первую редакцію, такъ какъ пришлось писать съ большой поспѣшностью. Ознакомившись съ содержаніемъ меморіала, императоръ, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ, предложилъ каждому изъ присутствовавшихъ свободно высказать свое мнѣніе, прибавивъ, что желалъ бы, чтобы вопросъ былъ обсужденъ всесторонне. Поощреніе это, однако, не вызвало очень оживленныхъ дебатовъ. Большая часть министровъ совершенно не занималась внѣшней политикой; считая, что намѣренія государя ими предугаданы, они совершенно не чувствовали желанія переутомлять свои мозги возраженіями и критикой. Для этого у нихъ не было ни рѣшимости, ни способностей. Только одинъ графъ Кочубей высказалъ свое мнѣніе. Онъ зналъ заранѣе о готовившихся мѣропріятіяхъ. Онъ высказался въ томъ смыслѣ,—и всѣ чувствовали правдивость его мнѣнія,—что для Россіи не представляло ничего опаснаго прервать сношенія съ Франціей, что, наоборотъ, устраненіе отъ сношеній съ нею спасетъ Россію отъ многихъ непріятностей, хлопотъ и огорченій, которыя являются неизбѣжными, если имѣть дѣло съ правительствомъ, претендующимъ на единоличное господство въ Европѣ.

Существенныя возраженія противъ принятія подобныхъ мѣръ сдѣлалъ лишь графъ Румянцевъ, бывшій въ то время министромъ коммерціи, а позже министромъ иностранныхъ дѣлъ и канцлеромъ. Онъ не симпатизировалъ Англіи и питалъ склонность къ Бонапарту.

Это былъ дипломатъ екатерининской школы, способный своими абсолютными теоріями привести кабинетъ Александра къ прежней русской политикѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, ему, дѣйствительно, и удалось достичь этого.

Графъ Румянцевъ признавалъ, что послѣ всего происшедшаго трудно воздержаться отъ такого шага, который указалъ бы міру на нашу рѣшимость не давать спуска оскорбительнымъ дѣйствіямъ Франціи и не оставлять за нею послѣдняго слова. Тѣмъ не менѣе графъ находилъ, что было бы лучше отъ такого шага воздержаться.

Высоко цѣня руководившіе императоромъ въ данномъ вопросѣ мотивы чести, уваженія къ справедливости и народному праву, онъ считалъ, однако, что не слѣдовало также пренебрегать и реальными выгодами, и что, объявляя въ такой категорической формѣ свое окончательное рѣшеніе, надо раньше быть увѣреннымъ въ благопріятныхъ для себя результатахъ, т. е. въ томъ, что все кончится въ пользу Россіи и что можно разсчитывать на поддержку другихъ державъ; что Россія во всякое время свободна принять то и другое рѣшеніе, но что какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, оно должно быть принято не изъ-за отвлеченныхъ принциповъ, но въ предвидѣніи тѣхъ выгодъ и безопасности, которыя послужили бы къ его оправданію. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ надо идти инымъ путемъ, предвидѣть другую цѣпь событій, добиваться иныхъ выгодъ. Онъ спрашивалъ, сознаетъ ли русское правительство всѣ послѣдствія шага, который собирается сдѣлать, идетъ ли на этотъ рискъ, ясно представляя себѣ всѣ его результаты и, наконецъ, имѣются ли гарантіи того, что государство дѣйствительно воспользуется тѣми выгодами, какія сможетъ из-

влечь изъ этого, и ограждено ли оно отъ опасностей, которыя можетъ вызвать подобное рѣшеніе.

На это я возразилъ, что государству не угрожаетъ никакая опасность, что цѣлью предполагаемаго шага было исключительно удовлетвореніе чувства чести и справедливости, безъ всякаго намѣренія извлечь какія-либо выгоды, въ которыхъ совершенно не нуждались, ибо императоръ довольствовался лишь выполненіемъ долга благородства и честности по отношенію остальной Европы и что, благодаря своему благопріятному положенію, онъ имѣетъ полную свободу обдумать мѣры, необходимыя для огражденія интересовъ и безопасности своего государства, если бы понадобилось предпринять таковыя.

На этомъ пренія окончились. Государь утвердилъ изложенныя въ меморіалѣ представленія и повелѣлъ ихъ выполнить.

Я пригласилъ Рейнваля, передалъ ему ноту, съ объясненіемъ мотивовъ рѣшенія императора, а также и паспорты для немедленнаго отъѣзда посольства изъ Петербурга. Рейнваль отнесся къ этому сообщенію съ большимъ спокойствіемъ, не пытаясь дѣлать никакихъ возраженій, которыя, дѣйствительно, при данномъ положеніи дѣла, явились бы совершенно излишними. Считая справедливымъ смягчить непріятность столь внезапнаго отъѣзда всего посольства изъ Петербурга, я, по возможности, постарался устранить всякаго рода затрудненія. Впослѣдствіи, онъ благодарилъ меня за это, равно какъ и генералъ Гедувиль, которому я также старался оказать зависѣвшія отъ меня услуги.

Современные историки, по моему мнѣнію, не представили этого событія въ надлежащемъ свѣтѣ. Характеръ отношеній, установившихся тогда между Франціей и Россіей, не имѣлъ себѣ примѣра въ исторіи. Чисто моральный мотивъ разрыва,—ибо жертвой Наполеона былъ вовсе не русскій князь императорской крови, и петербургскій кабинетъ отнюдь не имѣлъ прямого повода выражать неудовольствіе,—былъ чѣмъ-то совершенно новымъ въ дипломатическихъ лѣтописяхъ. Наше вы-

ступленіе было вызвано нарушеніемъ народнаго права и международныхъ законовъ. Но это не было объявленіемъ войны, и подданнымъ обоихъ государствъ не угрожали проистекающія отъ нея несчастья; то было простое заявленіе о невозможности продолжать сношенія съ державой, совершенно не уважавшей самыхъ существенныхъ принциповъ, тѣмъ прекращеніемъ сношеній съ человѣкомъ, оскорбляющимъ своимъ образомъ дѣйствій наши убѣжденія, къ какому прибѣгаютъ и въ частной жизни, но которое, тѣмъ не менѣе, не обязываетъ насъ вызывать его на дуэль.

Ни одна изъ державъ не послѣдовала примѣру Россіи. Правда, что эта послѣдняя находилась тогда въ исключительно благопріятномъ положеніи. Только она одна на континентѣ съумѣла сохранить свою независимость и могла охранять свое достоинство. Недоступная для Франціи, съ тѣхъ поръ, какъ та не имѣла больше флота, она была въ своемъ презрительномъ спокойствіи грозна, какъ неподвижно нависшая туча, заряженная грозой и бурями. Россія должна была бы сохранять какъ можно дольше это импонирующее положеніе. Со всѣхъ сторонъ къ ней направлялись просьбы о поддержкѣ, о союзѣ съ ней, со всѣхъ сторонъ ей выражали знаки уваженія. Выйти изъ этого единственнаго въ своемъ родѣ положенія Россія должна была бы только вслѣдствіе весьма основательныхъ причинъ, и лишь вполнѣ убѣдившись въ томъ, что и ея собственные и общіе интересы побуждаютъ ее къ активному выступленію. Но вышло иначе.

Чтобы понять ходъ тогдашней политики и то ожесточеніе, которое проявила вся Европа въ борьбѣ съ Бонапартомъ, несмотря на наносимыя имъ пораженія, надо вспомнить состояніе общественнаго мнѣнія въ Европѣ въ то время.

Восхищавшіеся французской революціей въ ея первые моменты видѣли въ Бонапартѣ героя либерализма. Онъ казался имъ предназначеннымъ самимъ Провидѣніемъ для того, чтобы доставить торжество справедливости, и своими великими и

успѣшными дѣлами разрушить безчисленныя препятствія, выдвигаемыя жизнью на пути желаній угнетенныхъ народовъ.

По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ обманывалъ эти ожиданія, симпатіи къ нему охлаждались. Французская республика и Директорія, безъ сомнѣнія, поступали преступнымъ и безразсуднымъ образомъ, но правительство это, ошибаясь въ средствахъ, не измѣняло, однако, цѣли. Оно нанесло наибольшій вредъ своему дѣлу, но не ушло отъ него. Возможно, что къ правительству Директоріи вернулся бы разсудокъ, что оно научилось бы лучше служить принципу, который всегда объявляло своимъ, принципу освобожденія народовъ и всеобщей справедливости. Но всякая иллюзія, всякая вѣра въ это сдѣлалась невозможной, какъ только Бонапартъ сталъ во главѣ Франціи. Каждое его слово, каждый поступокъ показывали, что онъ хотѣлъ дѣйствовать только силой штыка и численностью войскъ. Въ этомъ была главная ошибка царствованія Наполеона; благодаря ей, онъ лишился огромной власти. Онъ пересталъ быть оплотомъ справедливости и надеждой угнетенныхъ народовъ, а отказавшись отъ этой роли, которая составляла всю силу республики, несмотря на всѣ ея пороки и безразсудства, Бонапартъ сталъ въ ряды честолюбцевъ и обыкновенныхъ монарховъ. Онъ выказалъ себя человѣкомъ величайшихъ талантовъ, но безъ всякаго уваженія къ правамъ личности, человѣкомъ, желавшимъ все поработить и подчинить своему капризу.

Поэтому-то, когда насталъ моментъ начать съ нимъ борьбу, на это пошли безъ малѣйшихъ колебаній, ибо въ этомъ видѣли походъ противъ силы, переставшей служить справедливости и добру. Это мнѣніе, охватившее всю Европу, перешло и на русское общество и увлекло русскій кабинетъ на такой путь, гдѣ онъ не имѣлъ возможности,—грѣша, быть можетъ, излишней поспѣшностью,—точно опредѣлить роль, подходившую Россіи при данныхъ условіяхъ. Амьенскій миръ, встрѣченный съ одинаковымъ энтузіазмомъ по обѣ стороны пролива, былъ нарушенъ событіемъ, вокругъ котораго Наполеонъ под-

нялъ шумъ съ обычной ему рѣзкостью; но въ данномъ случаѣ права были на его сторонѣ. Онъ потребовалъ немедленнаго очищенія Мальты, занятой англичанами, подъ строгимъ условіемъ—уйти оттуда тотчасъ же по заключеніи мира. Судьба этого острова по общему согласію должна была рѣшаться всѣми державами сообща. Англія высокомѣрно отказалась отъ выполненія этой статьи, и война загорѣлась немедленно. Новое министерство отправило въ Петербургъ посломъ лорда Говеръ. Говеръ въ то время былъ еще молодымъ человѣкомъ; онъ обладалъ не только природной осторожностью, но и тактичностью, сказывавшеюся въ каждомъ его словѣ и въ манерѣ обсуждать дѣла. Мнѣ онъ выражалъ полное довѣріе, а часто даже и искреннюю дружбу. Его сопровождалъ Карлъ Стюартъ, имѣвшій случай научиться дипломатическому искусству, занимая уже нѣсколько лѣтъ постъ секретаря посольства. Впослѣдствіи оба они стали очень извѣстны въ Парижѣ, гдѣ они нѣсколько разъ смѣняли другъ друга, когда лордъ Говеръ, сдѣлавшись лордомъ Гренвиль, присоединился къ вигамъ, между тѣмъ какъ Карлъ Стюартъ остался въ рядахъ тори. Лордъ Говеръ пріѣхалъ въ Россію съ важнымъ порученіемъ,—склонить императора къ союзу съ силами, направленными противъ Франціи и оказать имъ активное содѣйствіе. Австрійское правительство, во главѣ котораго стоялъ Кобенцель, также прислало новаго посла, графа Стадіона, съ порученіемъ проникнуть въ истинныя намѣренія Россіи. Поскольку рѣшительно дѣйствовало англійское правительство, постольку дѣйствія австрійскаго были проникнуты робостью и скрытностью. Австрія постоянно опасалась скомпрометировать себя преждевременнымъ обнаруженіемъ ея дѣйствій передъ Англіей, такъ что намъ пришлось скрывать нѣкоторое время отъ Англіи наши сношенія съ Австріей, чѣмъ Англія была недовольна, и графъ Семенъ, быть можетъ, съ чрезмѣрнымъ рвеніемъ передавалъ намъ ея упреки.

Выступая на міровой аренѣ, Наполеонъ отбросилъ все,

что могло заставить повѣрить въ его высокую и благородную миссію. Это былъ Геркулесъ, не думавшій больше о гуманности, а стремящійся употребить свою силу на порабощеніе міра. Всѣ его желанія сводились къ возстановленію всюду неограниченной власти въ ея прежнемъ видѣ и со всѣми ея злоупотребленіями. Онъ превратился въ обыкновеннаго узурпатора, и было вполнѣ справедливо бороться съ нимъ его же средствами. Борьба съ нимъ сводилась теперь уже не къ сопротивленію силѣ—освободительницѣ міра, а къ сопротивленію силѣ, не руководившейся никакими принципами, а желавшей все поработить своему капризу. Поэтому во все время его правленія передъ его честолюбіемъ и несправедливостью блѣднѣли всѣ остальныя честолюбія и несправедливости, угнетавшія человѣчество; ихъ скрывало зловѣщее всепожирающее пламя, поднимавшееся надъ головой Европы.

Вотъ почему во всѣхъ странахъ, безъ исключенія, всѣ принципіальные и сильно чувствующіе люди, всѣ, кто дорожилъ достоинствомъ своего отечества, кто былъ проникнутъ чувствомъ независимости, атакже честолюбіемъ и мужествомъ,— всѣ единодушно составили оппозицію Наполеону.

Спрашивается, какая партія стояла тогда на его сторонѣ? На это можно отвѣтить, что такой партіи вовсе не существовало. Наполеона поддерживали лишь тѣ, у кого страхъ пересиливалъ всѣ другія соображенія и кого всюду заклеймило общественное мнѣніе. Сторонниковъ Наполеона становилось больше въ такіе моменты, когда укрѣплялась мысль о безполезности какой бы то ни было оппозиціи, о томъ, что противодѣйствіе Наполеону повлечетъ за собою лишь новыя бѣдствія. Но,—повторяю еще разъ,—партія Наполеона держалась лишь страхомъ передъ нимъ. Какъ только ослабѣвалъ этотъ страхъ и дѣйствительныя чувства прорывались наружу, эта партія тотчасъ разсѣивалась, и всѣ голоса сливались въ общій протестъ противъ человѣка, который превратился въ обыкновеннаго тирана и всюду стремился поработить всѣхъ и каждаго подъ свое иго.

Съ самаго начала царствованія Александра роль Россіи, какъ мы уже говорили, благодаря образу мыслей государя, могла быть только ролью примирительницы между партіями и державами, политика которыхъ носила всѣ признаки взаимнаго ожесточенія. Подъ вліяніемъ тѣхъ же побужденій, императоръ склонился на уговоры Пруссіи и согласился принять участіе въ запутанномъ вопросѣ о земельномъ вознагражденіи Германій. Въ этомъ дѣлѣ представители заинтересованныхъ партій позволили себѣ разнаго рода пристрастныя и корыстныя дѣйствія, мало приличествовавшія ихъ званію. Это не соотвѣтствовало чистымъ намѣреніямъ императора, который, хотя и поддерживалъ требованія родственныхъ ему принцевъ и относился немного пристрастно къ Пруссіи, все же не имѣлъ другой цѣли, какъ съ соблюденіемъ возможно большей справедливости вывести Германію изъ запутаннаго положенія, въ которое ее ввергли революція и войны Франціи.

Русское правительство, въ силу одушевлявшихъ его тогда идей, способно было заставить взволнованную Европу прислушаться къ голосу мира и къ призыву къ общему соглашенію. Характеръ государя и его министровъ, всегда оказывающій большое вліяніе на ходъ событій, долженъ былъ придать еще болѣе твердости образу дѣйствій русскаго правительства и расположить всѣхъ съ готовностью и съ довѣріемъ откликнуться на его призывы.

Графъ Панинъ своимъ образомъ мыслей и всей своею личностью, вплоть до наружности, могъ внушить иностранцамъ одно лишь недовѣріе. Но замѣнившій его гр. Кочубей и, въ особенности, канцлеръ гр. Воронцовъ обладали въ высокой степени тѣми свойствами характера, которыя располагаютъ къ себѣ даже наиболѣе враждебно настроенныя партіи. Канцлеръ искренно желалъ устранить затрудненія, успокоить вражду, поступать справедливо, вникая въ доводы каждаго. Онъ говорилъ всегда спокойно, мягко, съ достоинствомъ, не раздражаясь возникавшими непріятностями. Каждый разъ, когда въ

Европѣ загоралась вражда, не перестававшая вызывать войны, Россія всегда предлагала свое посредничество, на которое никто искренно не откликался и которое всегда отклонялось, въ особенности—Франціей.

„Исторія Консульства и Имперіи“ заключаетъ въ себѣ исторію Европы до конца царствованія Наполеона. Это, поистинѣ, громадное произведеніе всегда возбуждаетъ интересъ, поддерживаемый искуснымъ изложеніемъ; оно полно подробностей, включенныхъ въ разсказъ, съ цѣлью заинтересовать и освѣдомить читателя, невольно удивляющагося такому обилію глубокихъ практическихъ знаній по разнымъ отраслямъ администраціи и политики. Приступая къ составленію своего прекраснаго труда, Тьеръ былъ влюбленъ въ своего героя, но это не помѣшало автору по мѣрѣ разработки предмета отнестись къ нему безпристрастно и даже строго. Тьеръ всегда стремится къ безпристрастію, и большею частью это ему удается; но я все же позволю себѣ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ не слѣдуетъ до конца столь важному для историка долгу безпристрастія.

Нѣсколько пренебрежительный тонъ, которымъ онъ говоритъ о молодыхъ друзьяхъ русскаго императора, кажется мнѣ не вполнѣ справедливымъ. Эти люди не всѣ ужъ были такъ юны. Графъ Кочубей, Новосильцовъ и новые министры были въ такомъ возрастѣ, который нельзя назвать крайней молодостью. Какъ бы то ни было, этому кружку принадлежитъ большая заслуга, такъ какъ онъ вывелъ Россію изъ роковой бездны. Безпорядокъ и распущенность были замѣнены благоустроеннымъ и точно опредѣленнымъ управленіемъ, и русская имперія сравнялась, наконецъ, съ другими правильно организованными европейскими странами. Что же касается внѣшней политики, то желаніе направить русское честолюбіе къ достойной и справедливой цѣли, мнѣ кажется, не заслуживаетъ той немного строгой критики, которой подвергаетъ его Тьеръ.

Наполеонъ, на мой взглядъ, былъ наиболѣе великъ во

время своего консульства; онъ былъ великъ, какъ администраторъ, какъ искусный возстановитель финансовой силы Франціи; онъ былъ великъ и своими побѣдами и своей политикой, направленной на утвержденіе мира. Однако, и тогда уже онъ позволялъ себѣ безполезныя строгости и жестокости. Менѣе великимъ представляется онъ мнѣ за то время, когда онъ облекся въ императорское достоинство, накрылся короной и занялся придворнымъ церемоніаломъ, титулами, стариннымъ этикетомъ. Все, что походитъ на тщеславіе, умаляетъ истинное величіе. Но восхищеніе передъ Наполеономъ автора „Исторіи Консульства“ отъ этого не уменьшается, какъ видно по тому благожелательному краснорѣчію, съ которымъ онъ описываетъ все это. Тѣмъ не менѣе, онъ предвидитъ, что Наполеонъ, ступивъ на покатую плоскость, уже болѣе не сойдетъ съ нея и роковымъ образомъ будетъ стремиться къ послѣдней цѣли безграничнаго честолюбія и тщеславія.

Я спрашиваю теперь: какая изъ двухъ политическихъ системъ была добросовѣстнѣе, нравственнѣе, мудрѣе? Та ли, которая была внушена безумнымъ желаніемъ создать единую всемірную имперію, или та, которая была порождена неосмысленнымъ, если такъ можно назвать его, стремленіемъ къ миру и справедливости?

Своими побѣдами Наполеонъ создалъ новый порядокъ вещей, но недолговѣчность и быстрое разрушеніе этого порядка ясно доказали, что его первоначальные планы не отличались большей практичностью, чѣмъ и тѣ послѣдующіе, которые самъ Тьеръ называетъ „химерическими грезами“; но тѣ, по крайней мѣрѣ, могли быть оправданы благородными и пылкими стремленіями, тогда какъ его завоевательныя мечты являлись лишь результатомъ страстей и личныхъ интересовъ, доведенныхъ до крайней степени.

Тьеръ зналъ объ участіи, какое принималъ аббатъ Піатоли въ начавшихся тогда переговорахъ. Хотя онъ и признавалъ за этимъ лицомъ нѣкоторыя заслуги, но по-моему, онъ былъ къ нему не вполнѣ справедливъ.

Аббата Піатоли вызвала въ Польшу моя тетка, княгиня Любомірская. Она поручила ему воспитаніе усыновленнаго ею Генриха Любомірскаго. Подружившись съ Генрихомъ Любомірскимъ, я во время моего перваго путешествія въ Парижъ, въ 1776 и 1777 г., естественно находился подъ вліяніемъ аббата Піатоли. Вліяніе это могло послужить мнѣ только на пользу. Аббатъ Піатоли, какъ и многіе носящіе это званіе, велъ жизнь свѣтскаго человѣка. Это былъ человѣкъ весьма ученый. Онъ поочередно отдавался различнымъ наукамъ и обладалъ даромъ легкаго изложенія. Помимо всего этого, у него было пылкое, способное къ самопожертвованію сердце. Тьеру остается не вполнѣ понятнымъ, что человѣкъ можетъ отдаться охватившей его идеѣ по одному лишь порыву великодушія. Это именно и случилось съ аббатомъ Піатоли. Лишь только онъ ознакомился съ положеніемъ Польши и тѣмъ, какъ она управлялась, онъ задумалъ работать для ея освобожденія и предавался этому дѣлу до тѣхъ поръ, пока въ немъ жила надежда на возможность осуществленія этой идеи.

Тогдашнее положеніе моей родины, еще не испытавшей тѣхъ потрясеній, черезъ которыя она прошла впослѣдствіи, весьма отличалось отъ теперешняго. Это было затишье послѣ шторма. Воспоминаніе о Барской конфедераціи, несомнѣнно, жило въ народѣ. Противорусская партія, конечно, существовала, но она была слаба и безсильна оказать какое-либо сопротивленіе произвольнымъ дѣйствіямъ русскаго посольства. Люди съ наиболѣе высокой репутаціей, имена которыхъ произносили съ наибольшимъ уваженіемъ, выдвинулись на Барской конфедераціи, какъ, напримѣръ, генералъ Ржевусскій. У этого человѣка должны были учиться тѣ, кто желалъ работать надъ подготовкой болѣе свободнаго существованія для польскаго народа.

Подъ диктовку Піатоли я написалъ по этому поводу меморіалъ, который и послалъ съ вѣрной оказіей моимъ родителямъ, зная ихъ образъ мыслей, а также маршалу Игнатію По-

тоцкому и генералу Ржевусскому, зятьямъ моей тетки, княгини, жены маршала. Была надежда, что люди этого круга сообща окажутъ полезное вліяніе на ходъ дѣла и добьются нѣкоторыхъ практическихъ результатовъ. Я помню, что провелъ всю ночь надъ перепиской этого меморіала; онъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, и мнѣ очень жаль, что не могу теперь найти его копіи. Піатоли болѣе не разлучался съ поляками и ихъ дѣломъ. Онъ продолжалъ заниматься воспитаніемъ князя Генриха и сопровождалъ княгиню въ Англію, Вѣну и Галицію. По пріѣздѣ его въ Варшаву, во время великаго сейма, ему предложено было мѣсто секретаря короля Станислава. То было время, когда король, освободившись отъ русскаго ига, присоединился къ національной партіи. Своимъ вліяніемъ и совѣтами Піатоли помогалъ удерживать короля на новомъ, искренно избранномъ имъ пути. Позже, когда этотъ несчастный король, поддавшись совѣтамъ канцлера Хрептовича, конституціоннаго министра иностранныхъ дѣлъ, подчинился роковому рѣшенію Торговицкой конфедераціи, аббатъ Піатоли, потерявъ надежду служить доброму дѣлу, отказался отъ занимаемаго имъ положенія.

Піатоли обладалъ большимъ воображеніемъ, помогавшимъ ему выходить изъ затрудненій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда отличался и большимъ здравымъ смысломъ, безкорыстіемъ и способностью легко примѣняться къ создавшемуся положенію. Послѣ паденія Польши онъ нашелъ себѣ убѣжище у герцогини Курляндской, познакомившейся съ нимъ въ Варшавѣ. Это было въ то время, когда она явилась требовать отъ великаго сейма возвращенія своихъ правъ на Курляндію. Она отличалась сильно развитымъ чувствомъ пылкаго патріотизма, которому не измѣняла никогда. Курляндскія дѣла заставили герцогиню пріѣхать въ Петербургъ. Піатоли сопровождалъ ее. Встрѣча съ нимъ доставила намъ большое удовольствіе; онъ не только не забылъ нашихъ прежнихъ отношеній, но, напротивъ, старался ихъ возобновить. А я съ своей стороны былъ въ восторгѣ отъ того, что въ его лицѣ получалъ себѣ такого

надежнаго и способнаго помощника. Достаточно было намѣтить ему основные пункты какой-нибудь системы или дипломатической комбинаціи, и онъ тотчасъ же предусматривалъ всѣ возможныя ея слѣдствія. Обыкновенно онъ предлагалъ слишкомъ много различныхъ способовъ и пріемовъ, но зато онъ отлично умѣлъ ограничивать и съуживать свои предложенія, сообразно сдѣланнымъ ему замѣчаніямъ.

Тьеръ пользовался черновыми набросками нашихъ первыхъ совмѣстныхъ бесѣдъ о нашихъ проектахъ и способахъ ихъ выполненія. Составлять сужденія по столь неполнымъ матеріаламъ, которые явились лишь первоначальнымъ наброскомъ нашихъ идей, было бы не только чрезмѣрно строго, это было бы и несправедливо; и, несомнѣнно, Тьеръ былъ далекъ отъ несправедливыхъ побужденій. Разумѣется, я нисколько не обманывался насчетъ многихъ затрудненій, которыхъ намъ слѣдовало ожидать и которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли оказаться непреодолимыми. Захватъ Гибралтара англичанами не оправдывался соображеніями справедливости; то было, наоборотъ, насиліемъ надъ международнымъ правомъ. Отказавшись отъ этого, Англія могла бы отдѣлить Испанію отъ Франціи и связать ее съ общими интересами Европы. Отправляясь въ Мадридъ къ своему посту, баронъ Строгановъ, проѣзжая черезъ Лондонъ, долженъ былъ коснуться тамъ этого вопроса съ возможно большей осторожностью, считаясь съ британской обидчивостью. То была, такъ сказать, попытка приступить къ измѣненію политики англійскаго кабинета; попытки эти и до настоящаго времени не дали удовлетворительныхъ результатовъ.

Хотя и отвергнутый въ цѣломъ, планъ этотъ, однако, заключалъ въ себѣ пункты, всплывавшіе на поверхность всякій разъ, когда подымался вопросъ о возстановленіи политической карты Европы. Германія, Нидерланды и Италія неоднократно возвращались къ этой идеѣ, занимавшей еще Карно въ то время, когда онъ былъ членомъ Директоріи. Къ ней, дѣйствительно, и должны были возвращаться при разныхъ обстоя-

тельствахъ, такъ какъ идея эта лежала въ самой природѣ вещей.

Предложенія Россіи могли удовлетворить Францію. Но плохой пріемъ, оказанный имъ Англіей, въ особенности ея рѣшительный отказъ очистить Мальту, давали Россіи право и основаніе выступить изъ коалиціи. Такое рѣшеніе, при твердомъ его проведеніи, придало бы иной характеръ переговорамъ и повело бы къ инымъ результатамъ.

Общее направленіе умовъ въ Европѣ отразилось и на Россіи и увлекло за собой императора и его неоффиціальный комитетъ. Воспротивиться этому общему направленію значило бы навлечь на себя подозрѣніе въ готовности уступить внушеніямъ Франціи. Австрія уже вооружилась; она настаивала на составленіи общаго плана военныхъ дѣйствій, съ цѣлью обезпечить себя отъ опасности чужеземнаго вторженія. Надлежало подумать о подготовкѣ къ выполненію этого общаго плана, на случай, если бы война стала неизбѣжной. Къ этому и приступили въ Петербургѣ, съ одной стороны, совмѣстно съ Австріей, съ другой—съ Англіей. Англія обязалась доставить деньги для вооруженія Европы. Переговоры длились нѣкоторое время и представляли большія затрудненія. Англійскіе дипломаты находили требованія Австріи чрезмѣрными. Наконецъ, при помощи взаимныхъ уступокъ пришли къ соглашенію. Часть субсидій была предназначена на долю Пруссіи, которую мы не переставали воодушевлять и держать въ курсѣ дѣлъ депешами, тонъ которыхъ принималъ все болѣе настойчивый характеръ. Долженъ признаться, что маловѣроятность вступленія Пруссіи въ составъ коалиціи не особенно огорчала меня. Я, конечно, не упускалъ ни одного довода, способнаго склонить ее къ участію въ союзѣ, но съ удовольствіемъ предвидѣлъ необходимость, въ случаѣ ея отказа, пренебречь ея требованіями, такъ какъ тогда Царство Польское возстановилось бы подъ скипетромъ Александра. Это было бы встрѣчено съ энту-

зіазмомъ, ибо въ то время не было другихъ способовъ воскресить Польшу, оставленную даже Франціей.

Между тѣмъ Наполеонъ, какъ будто нарочно желая устранить всякую возможность мирнаго исхода, короновался королемъ Италіи, совершенно не считаясь съ правомъ престолонаслѣдія. Овладѣвъ генуэзской республикой, угрожая Неаполю и лишивъ всякой будущности Савойскій домъ, онъ этимъ еще болѣе увеличилъ общее осужденіе и, кромѣ того, отнялъ у Россіи всякую надежду добиться тѣхъ условій, отказаться отъ которыхъ ей не позволяла честь.

Такимъ образомъ, не могло быть и рѣчи о чемъ-либо другомъ, кромѣ подготовки къ борьбѣ, казавшейся неизбѣжной. Очень трудно было добиться согласія Англіи на выдачу субсидіи въ размѣрахъ, требуемыхъ Австріей. Это было дѣломъ нелегкимъ. Однако, благодаря нашему вмѣшательству, соглашеніе состоялось. Три милліона фунтовъ стерлинговъ рѣшено было дать Австріи, другіе три милліона предназначались на устраненіе колебаній Пруссіи. Для этой же цѣли было пущено въ ходъ все дипломатическое искусство, и цѣль была достигнута. Армія изъ русскихъ и шведскихъ войскъ направилась къ острову Рюгену и Стралзунду. Русскими войсками командовалъ генералъ Толстой. Корпусъ русской арміи, находившійся въ Корфу, долженъ былъ плыть къ Неаполю. Другая армія, подъ начальствомъ генерала Кутузова, направилась къ австрійской границѣ, чтобы имѣть возможность оказать помощь генералу Макку, сосредоточившему свои силы близъ Ульма. Наконецъ, генералъ Михельсонъ выступилъ къ прусской границѣ съ цѣлью положить конецъ нерѣшительности берлинскаго кабинета. Всѣ эти передвиженія произведены были по плану, предложенному Австріей и обсужденному сообща всѣми союзниками. Планъ этотъ, казалось, отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ положенія. Если онъ и не удался, то лишь по винѣ самихъ австрійцевъ. Въ случаѣ, если бы Пруссія не согласилась присоединиться къ коалиціи, мы должны были, не останавливаясь, идти дальше и обойтись безъ ея согласія.

Для императора Александра настала пора явиться на театръ событій. Я замѣчалъ, что по мѣрѣ того, какъ приближался часъ дѣйствій, его рѣшимость ослабѣвала. Тѣмъ не менѣе мы двинулись въ путь; во время путешествія курьеры Алопеуса привозили намъ рапорты, преисполненные тревогъ, по поводу сильнаго впечатлѣнія, которое произвело на прусскаго короля и нѣкоторыхъ его генераловъ, весьма цѣнимыхъ императоромъ, движеніе русскихъ войскъ. Александръ рѣшилъ остановиться въ Пулавахъ у моихъ родныхъ.

Планъ пройти черезъ Пруссію безъ ея разрѣшенія не былъ оставленъ. Императоръ продолжалъ также твердо стоять на мысли объявить себя королемъ Польши. Я написалъ объ этомъ графу Разумовскому, чтобы приготовить австрійскій дворъ къ этой комбинаціи. Австрія не высказалась противъ этого плана, но поставила условіемъ сохраненіе прежнихъ границъ Галиціи.

По пути мы встрѣтили лорда Говера, возвращавшагося изъ Англіи, который объявилъ намъ, что въ случаѣ, если Пруссія не дастъ своего согласія, Англія передастъ Россіи субсидію, предназначенную прусскому королю. Кромѣ того, онъ увѣдомилъ насъ, что въ случаѣ возстановленія Польши, Англія изъявитъ на это свое согласіе.

Я выѣхалъ изъ Бржезе съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы пріѣхать въ Пулавы сутками раньше императора. Тамъ я засталъ всѣхъ въ волненіи и хлопотахъ по пріему императора. Майору Ортовскому были спеціально поручены всѣ нужныя приготовленія, и онъ вошелъ для этого въ сношеніе съ австрійскими властями и сосѣдями Пулавъ. Кромѣ императора и его свиты, ожидали еще прохода двухъ корпусовъ: корпуса генерала Михельсона и генерала Бугсгевдена. Князя Понятовскаго предупредили о намѣреніи императора возстановить Польшу. Понятовскій долженъ былъ стать во главѣ движенія и придать ему національный характеръ. Тотчасъ по моемъ пріѣздѣ въ Пулавы польскіе агенты отправились въ Варшаву, чтобы возвѣстить о

готовящемся прїѣздѣ императора. На слѣдующій день императоръ прибылъ къ моимъ роднымъ. Онъ выказалъ имъ чувства дружескаго расположенія, которыя ихъ чрезвычайно тронули. Императоръ казался счастливымъ, что находится въ мѣстности съ болѣе мягкимъ климатомъ, среди лицъ искренно ему преданныхъ. Онъ наслаждался преимуществами этого климата, такъ сильно отличавшагося отъ климата Петербурга. Моя мать, сестра и братъ старались, насколько было возможно, сдѣлать ему пріятнымъ это его двухнедѣльное пребываніе въ Пулавахъ.

Однако, рѣшеніе императора пройти черезъ Пруссію безъ ея согласія сильно поколебалось. Онъ попросилъ свиданія съ королемъ, для чего послалъ къ нему князя Долгорукова, охотно взявшаго на себя миссію, идущую въ разрѣзъ съ моими надеждами.

Въ это время императоръ Наполеонъ, мало обращавшій вниманія на препятствія, которыя считалъ маловажными, прошелъ безъ всякаго разрѣшенія Пруссіи черезъ одну изъ ея провинцій, загораживавшую путь и мѣшавшую его планамъ.

Оскорбленный такимъ поведеніемъ прусскій король разрѣшилъ свободный переходъ и русскимъ войскамъ, и торжествующій князь Долгоруковъ явился съ приглашеніемъ императора въ Берлинъ для переговоровъ съ прусскимъ королемъ о ближайшихъ мѣропріятіяхъ. Такой исходъ уничтожилъ на этотъ разъ надежду на возрожденіе Польши, но этотъ рухнувшій планъ доказалъ Наполеону, что Польша не переставала существовать и что было необходимо заняться ея судьбой, о чемъ онъ, казалось, совершенно забылъ со времени Люневильскаго договора и съ тѣхъ поръ, какъ императорскій санъ поглощалъ все его вниманіе.

Императоръ уѣхалъ изъ Пулавъ, пообѣщавъ побывать у насъ еще разъ. Мы отправились въ Варшаву, нигдѣ не останавливаясь. Исключеніе сдѣлали только для Вилановы, гдѣ хозяинъ дома, князь Понятовскій, предложилъ намъ завтракъ. Послѣ завтрака многіе находившіеся въ замкѣ лица провожали

императора нѣсколько верстъ за Варшаву верхомъ. Они возвратились въ грустномъ настроенiи, убѣдившись въ томъ, что погасъ первый лучъ надежды на счастье ихъ родины.

Въ Познани мы встрѣтили мою старшую сестру, возвращавшуюся въ Пулавы въ сопровожденiи своихъ двухъ воспитанниковъ. Императоръ сдѣлалъ ей визитъ и былъ съ ней, по обыкновенiю, весьма любезенъ. Позже она говорила мнѣ, что была поражена его красотой. Дѣйствительно, его прекрасное лицо, свѣтившееся радушiемъ, сразу располагало къ себѣ всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался.

Получивъ согласiе прусскаго короля на проходъ русской армiи, императоръ чувствовалъ видимое облегченiе. Мы прибыли въ Берлинъ, и намъ оказанъ былъ тамъ самый блестящiй прiемъ. Королева употребила все обаянiе своего ума, чтобы сдѣлать императору пребыванiе въ Берлинѣ прiятнымъ и устранить затрудненiя, созданныя Гаугвицемъ. Одному изъ министровъ, Гарденбергу, влiянiе котораго возрастало по мѣрѣ того, какъ дѣла вступали въ новую фазу и котораго поддерживала королева, удалось добиться благопрiятнаго окончанiя переговоровъ. 3 ноября 1805 г. былъ подписанъ Потсдамскiй договоръ. Союзъ двухъ монарховъ былъ подтвержденъ клятвой Александра, данной на могилѣ Фридриха Великаго. Пруссiи данъ былъ одинъ мѣсяцъ для подготовки къ войнѣ. Назначили день и даже часъ начала непрiятельскихъ дѣйствiй, на случай если предложенiя Гаугвица не будутъ приняты Наполеономъ. Но въ это время прибылъ эрцгерцогъ Антонъ съ самыми зловѣщими извѣстiями объ успѣхахъ Наполеона. Императоръ со свитой поспѣшно покинулъ Берлинъ и отправился навстрѣчу императору Францу, который направлялся къ армiи, находившейся подъ командой генерала Кутузова. Кутузовъ, слѣдуя плану, присланному изъ Вѣны, вступилъ черезъ Галицiю въ австрiйскую Силезiю.

Излишне вновь пересказывать здѣсь событiя, такъ прекрасно описанныя авторомъ „Исторiи Консульства и Имперiи“.

Упомяну только о тѣхъ фактахъ, которые не могли дойти до свѣдѣнія этого автора, а также выскажусь по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ я расхожусь съ Тьеромъ. Сдѣлаю это не безъ сожалѣнія. Тьеръ относился ко мнѣ очень снисходительно, я сказалъ бы даже, что онъ выказывалъ мнѣ большое расположеніе, которое живо трогало меня, и мнѣ хочется выразить ему здѣсь мою благодарность.

Изъ Берлина императоръ направился въ Веймаръ, гдѣ хотѣлъ навѣстить свою сестру. Старый великій герцогъ былъ еще живъ; несмотря на преклонныя лѣта, онъ все еще былъ полонъ жизни и силъ. Хорошій наѣздникъ, онъ когда-то проѣхалъ верхомъ большое разстояніе отъ Карлсбада до Веймара. Повидимому, онъ хотѣлъ подражать своему предку, отличившему въ тридцатилѣтней войнѣ.

Въ Веймарѣ насъ приняли съ истиннымъ радушіемъ. Тамъ мы познакомились съ нѣкоторыми знаменитыми писателями: Гете, Шеллингомъ, Гердеромъ, Виландомъ, жившими при Веймарскомъ дворѣ, и затѣмъ продолжали путь, такъ какъ Александръ торопился пріѣхать въ Ольмюцъ, гдѣ его ожидалъ императоръ Францъ. Этотъ монархъ, на долю котораго выпали наибольшія лишенія и опасности, старался утѣшить своихъ союзниковъ, указывая на то, что ему уже приходилось переживать подобныя бѣдствія, но онъ не поддался имъ.

Короткое пребываніе въ Ольмюцѣ ушло на переговоры относительно предстоящихъ дѣйствій. Полковникъ Вейротеръ, назначенный начальникомъ генеральнаго штаба, провелъ съ нами нѣкоторое время въ Пулавахъ и съумѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе на образъ мыслей Александра. Это былъ очень храбрый и свѣдущій въ военномъ искусствѣ офицеръ, но, какъ и генералъ Маккъ, слишкомъ полагался на свои часто сложныя комбинаціи и не допускалъ мысли, что онѣ могутъ быть разрушены ловкостью врага. Пребываніе въ Ольмюцѣ Вейротера и Долгорукова, пылъ котораго дѣйствовалъ заразительно на императора, немало способствовали его воодушевленію

шевленію. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ графъ Кобенцель. Онъ проронилъ нѣсколько неосторожныхъ фразъ о томъ, что въ трудныя минуты монархамъ необходимо становиться самимъ во главѣ войскъ.

Императоръ рѣшилъ, что въ этихъ словахъ заключался совѣтъ или, быть можетъ, упрекъ. Не обращая больше никакого вниманія на наши совѣты, онъ не придавалъ значенія нашимъ настоятельнымъ указаніямъ на то, что его присутствіе при арміи лишитъ Кутузова возможности осторожно руководить дѣйствіемъ войскъ, чего приходилось опасаться, въ особенности, въ виду робкаго характера Кутузова и его привычекъ придворнаго. Итакъ, императоръ отправился къ арміи. Я же задержался на нѣсколько часовъ въ Ольмюцѣ для отсылки корреспонденціи. Окончивъ это дѣло, я также пустился въ путь. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ольмюца мнѣ повстрѣчался императоръ Францъ и его свита, завтракавшіе на травѣ. Императоръ пригласилъ и меня къ завтраку, но я отказался, спѣша присоединиться къ Александру. Проѣхавъ добрыхъ четыре мили, я добрался до Вишау, который былъ уже занятъ русскими войсками. Они только что одержали небольшую побѣду надъ однимъ французскимъ отрядомъ, который, отступая, оставилъ нѣсколькихъ плѣнниковъ. Императоръ двинулся впередъ. Вся главная квартира торжествовала. Теперь шелъ вопросъ о томъ, что предпринять по отношенію къ французской арміи. Наполеонъ подошелъ къ Брюнну; его аванпосты шли параллельно съ нашими. Я нашелъ императора почти у самыхъ передовыхъ постовъ, окруженнаго военной молодежью и очень довольнаго одержанной имъ при Вишау побѣдой.

Обсуждался вопросъ, слѣдовало ли движеніемъ налѣво подойти къ эрцгерцогамъ Карлу и Іоанну, отодвинувъ принца Евгенія къ Италіи или же было бы удобнѣе повернуть направо и соединиться съ прусской арміей, которая должна была въ опредѣленный моментъ принять участіе въ дѣйствіяхъ союзныхъ армій. Верхъ одержало первое мнѣніе. Здѣсь сказалось вліяніе Вейротера и другихъ австрійскихъ офицеровъ.

Самымъ важнымъ тогда было воздержаться отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій, такъ какъ это могло вызвать опасныя случайности. Надо было выждать время, пока подойдутъ эрцгерцоги и, главное, пока проявитъ себя Пруссія, двинувъ свою армію, весьма желавшую приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Было сомнительно, чтобы Наполеонъ отошелъ отъ Брюна, гдѣ находились его резервы и продовольствіе. Если же бы онъ и сдѣлалъ эту ошибку, русская армія все-таки должна была отказаться отъ сраженія и отступить навстрѣчу подходившимъ къ ней подкрѣпленіямъ. Императоръ и его тогдашніе совѣтчики допустили большую ошибку, вообразивъ, что Наполеонъ находился въ опасномъ положеніи и что онъ собирался отступать. Французскіе аванпосты, дѣйствительно, казались робкими и нерѣшительными: это поддерживало въ русскихъ войскахъ иллюзію, и съ нашихъ аванпостовъ ежеминутно приходили донесенія, сообщавшія о готовящемся отступленіи французской арміи. Забыли о чрезвычайно важномъ значеніи настоящаго момента и отдались всецѣло желанію не упустить такого прекраснаго случая уничтожить французскую армію и нанести, какъ предполагали, рѣшительный и роковой ударъ Наполеону.

Во время нашего фланговаго движенія мы видѣли на высотахъ, скрывавшихъ отъ насъ французскія позиціи, офицеровъ, появлявшихся одинъ за другимъ для наблюденія за нашимъ передвиженіемъ, которое выполнилось въ полномъ порядкѣ. Наша армія заняла желаемое положеніе, и мы могли теперь отступить въ порядкѣ и приблизиться къ эрцгерцогамъ даже въ случаѣ, если бы Наполеонъ захотѣлъ насъ преслѣдовать, что было мало вѣроятно.

Перваго декабря къ Наполеону прибылъ графъ Гаугвицъ съ ультиматумомъ, въ случаѣ отклоненія котораго Пруссія должна была немедленно присоединиться къ коалиціи. Въ этотъ же день русскій императоръ утромъ получилъ письма

Долгорукова, который щедро осыпалъ Александра похвалами, говоря, что онъ своимъ присутствіемъ и доблестью подымаетъ мужество войскъ.

Французская армія подавала всѣ признаки скораго отступленія. Поэтому у насъ рѣшено было наступать, чтобы воспользоваться положеніемъ врага. Хотя и не ожидали встрѣтить сопротивленія, все же на всякій случай рѣшили опредѣлить движеніе каждаго корпуса. Это было поручено полковнику Вейротеру, такъ какъ онъ прекрасно зналъ мѣстность, которую много разъ объѣзжалъ и даже измѣрялъ. Я не присутствовалъ при этихъ совѣщаніяхъ, ибо былъ совершенно иного мнѣнія. Я не знаю, былъ ли допущенъ къ этимъ совѣщаніямъ генералъ Кутузовъ, но если онъ тамъ и былъ, то, конечно, его мнѣніе во вниманіе принято не было.

Инструкціи, которыми долженъ былъ руководствоваться каждый генералъ, получены были ими, кажется, только утромъ второго декабря. Вечеромъ перваго декабря, въ сумрачную и холодную погоду, императоръ, окруженный наиболѣе приближенными лицами, шагомъ ѣхалъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ на слѣдующій день должно было начаться сраженіе. Мы встрѣтили отрядъ кроатовъ, которые затянули одну изъ своихъ національныхъ пѣсенъ, протяжныхъ и меланхоличныхъ. Пѣніе это, холодъ и хмурое небо привели насъ въ грустное настроеніе. Кто-то сказалъ, что завтра понедѣльникъ, день, считавшійся въ Россіи несчастливымъ; въ тотъ же моментъ лошадь императора поскользнулась и упала, онъ же самъ былъ вышибленъ изъ сѣдла. Хотя это приключеніе и окончилось благополучно, все же нѣкоторые увидѣли въ немъ дурное предзнаменованіе.

На слѣдующій день на разсвѣтѣ, около семи часовъ, императоръ, окруженный друзьями, отправился на мѣсто, которое, по общему плану, должно было служить центромъ дѣйствій. Союзная армія состояла изъ корпусовъ Бугсгевдена, авангарда подъ командой князя Багратіона, изъ гвардейскаго

корпуса подъ начальствомъ Милорадовича, одного резерва, который долженъ былъ бы оставаться подъ непосредственной командой генерала Кутузова и, наконецъ, изъ одного австрійскаго корпуса подъ начальствомъ принца Іоанна Лихтенштейна, который долженъ былъ участвовать въ сраженіи, въ случаѣ, если бы таковое состоялось.

Когда мы прибыли къ этому мѣсту, я оглянулся кругомъ и увидѣлъ большую равнину. Колонна австрійской инфантеріи, показавшаяся мнѣ мало надежной, готовилась стать въ боевой порядокъ. Тревога виднѣлась на лицахъ австрійскаго генерала, офицеровъ и даже солдатъ; одни только артиллерійскіе офицеры не поддавались общему угнетенному настроенію и выражали безусловную вѣру въ дѣйствіе своихъ пушекъ. Наши фланги, казалось, были лишены всякой защиты; справа виднѣлась гвардія, которая по плану должна была продвинуться еще дальше, что затрудняло помощь съ этой стороны, а съ лѣваго фланга дѣлало ее и совсѣмъ невозможной.

Утромъ наши аванпосты безуспѣшно атаковали французовъ. Вдругъ мы увидѣли французскія колонны, быстро мчавшіяся впередъ и отбрасывающія выставленные противъ нихъ отряды. Когда я увидѣлъ быстроту, съ какой мчались французскія войска, я почувствовалъ въ этомъ плохое предзнаменованіе для исхода этого дня. Императоръ былъ также пораженъ быстротой ихъ движенія, произведшаго настоящую панику въ австрійскихъ рядахъ.

Надо замѣтить, что на этомъ важномъ пунктѣ, который долженъ былъ быть центромъ военныхъ дѣйствій, не было кавалеріи.

Минуту спустя стали кричать, что необходимо подумать о безопасности императора. Каждый поворачивалъ свою лошадь и бросался скакать, куда попало. Я послѣдовалъ примѣру другихъ и прискакалъ къ возвышенію, съ котораго могъ видѣть все, что дѣлалось тамъ, гдѣ находился русскій гвардейскій корпусъ и вся кавалерія. Я отчетливо видѣлъ атаки, произво-

димыя двумя линіями непріятельской кавалеріи, изъ которыхъ каждая поочередно нападала, а затѣмъ возвращалась обратно, натыкаясь на укрѣпленія, которыя, казалось, мѣшали движенію. Атаки эти, повторенныя нѣсколько разъ, задержали меня нѣкоторое время на холмѣ. Приблизившись въ слѣдующую минуту къ правой сторонѣ, къ мѣсту, гдѣ шла борьба между гвардіей и французами, я встрѣтилъ принца Шварценберга. Я убѣждалъ его возстановитъ порядокъ въ находившихся подлѣ него отрядахъ и остановить ихъ отступленіе. Вначалѣ онъ какъ будто уступилъ моимъ настояніямъ, но черезъ минуту спохватился и сказалъ, что боится вмѣшиваться въ планъ дѣйствій, когда все уже было въ полномъ разгарѣ. Почти въ ту же минуту мнѣ попалась многочисленная батарея русской артиллеріи, которую ея командиръ, совершенно сбитый съ толку, направлялъ въ противоположную отъ мѣста сраженія сторону. Я заставилъ его вернуться назадъ и идти на помощь отрядамъ, находившимся впереди. По счастливой случайности мнѣ удавалось находить императора въ различныхъ пунктахъ, куда онъ попеременно являлся; онъ часто посылалъ меня впередъ, чтобы видѣть, что тамъ дѣлалось. Иногда же я случайно оставался совершенно одинъ.

Надо было думать объ отступленіи, и императоръ направился къ Аустерлицу, еще занятому отрядомъ Багратіона, превратившимся теперь въ аріергардъ. Туда собрались и его адъютанты: генералъ-адъютантъ Ливенъ, генералъ Милорадовичъ, князь Михаилъ Долгоруковъ, младшій братъ князя Петра, гораздо умнѣе, чѣмъ тотъ. Онъ былъ раненъ въ бедро, что, однако, не помѣшало ему продолжать сражаться. Я замѣтилъ среди нихъ также и несчастнаго Вейротера, который былъ на всѣхъ пунктахъ сраженія и подвергалъ себя риску съ большимъ мужествомъ, желая помочь бѣдѣ, однимъ изъ главныхъ виновниковъ которой былъ онъ самъ. Онъ падалъ отъ усталости, былъ въ отчаяніи и поспѣшилъ исчезнуть, даже не пытаясь оправдаться. Нѣкоторые офицеры, которымъ удалось

взять нѣсколькихъ плѣнниковъ, представляли ихъ императору, увѣряя его въ своей преданности и повторяя, что они готовы пролить свою кровь для славы и спасенія имперіи.

Я не знаю, что сталось съ нашими друзьями, но ни одинъ изъ нихъ не явился на это собраніе. Раздѣленные смятеніемъ, происшедшимъ на всѣхъ пунктахъ, они не могли найти императора и, кажется, растеряли свои экипажи.

Въ то время, какъ всѣ мы находились подлѣ императора, генералъ Милорадовичъ довольно страннымъ образомъ обратился ко мнѣ со словами: „Какъ это вы можете быть такъ спокойны"? При этомъ онъ взглядомъ указалъ мнѣ на генералъ-адъютанта графа Ливена, лицо котораго выражало страшное безпокойство и глубокое уныніе.

Было крайне необходимо принять мѣры для поддержанія сношеній съ Багратіономъ, который одинъ остался на мѣстѣ передъ торжествующими войсками Наполеона, такъ какъ можно было опасаться, что замѣшательство можетъ произойти и въ его отрядѣ. Генералу Винцингероде поручили доставить Багратіону приказъ отступить къ Аустерлицу и продержаться тамъ насколько возможно дольше, не подвергая себя, тѣмъ не менѣе, какой-либо опасности.

Вскорѣ мы услышали крики французскихъ солдатъ. Ими возвѣщалось прибытіе къ арміи Наполеона. День склонялся къ вечеру. Генералы вернулись на свои посты, а императоръ, для безопасности, долженъ былъ отправиться въ Голичъ. Проѣхавъ впередъ, чтобы видѣть, что дѣлалось на нашемъ лѣвомъ флангѣ, я встрѣтилъ бѣжавшія въ полномъ разстройствѣ колонны генерала Бугсгевдена. Бѣдный генералъ потерялъ шляпу, платье его было въ безпорядкѣ. Завидя меня еще издали, онъ закричалъ: „Меня покинули, меня принесли въ жертву". Онъ продолжалъ свое отступленіе, а я поспѣшилъ къ императору.

Настала ночь, и мы шагомъ брели по шоссе, ведущему въ Голичъ. Императоръ былъ чрезвычайно подавленъ. Страшное волненіе, перенесенное имъ отозвалось на его здоровьѣ. Я

былъ съ нимъ одинъ и кое-какъ помогалъ ему. Мы провели такъ два дня и три ночи, прежде чѣмъ добрались до Голича. Проѣзжая черезъ деревни, мы только и слышали несвязные крики солдатъ, искавшихъ въ винѣ забвенія превратностей судьбы. Мѣстнымъ жителямъ приходилось отъ этого очень плохо, и вокругъ насъ постояно происходили безпорядочныя сцены. Проѣздивъ нѣсколько часовъ, мы прибыли, наконецъ, въ болѣе значительное селеніе. Тамъ я нашелъ комнату для императора, и мы немного отдохнули. Лошади наши все время были наготовѣ, на случай преслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы нѣсколько французскихъ эскадроновъ были посланы докончить наше пораженіе, я не знаю, къ чему бы это привело.

Въ союзныхъ войскахъ не было больше ни полковъ, ни главнаго корпуса; это были просто толпы, бѣжавшія въ безпорядкѣ, грабившія и тѣмъ еще больше увеличивавшія безотрадность этого зрѣлища. Я хотѣлъ соединить обоихъ императоровъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы лучше обезпечить ихъ безопасность, но это мнѣ не удалось. Императоръ Францъ брелъ своей дорогой, поручая мнѣ иногда передать отъ его имени утѣшеніе Александру. Оно заключалось всегда въ одномъ и томъ же: онъ увѣрялъ насъ, что уже переживалъ подобнаго рода несчастья и, хотя въ данный моментъ зло обрушивалось непосредственно на него, онъ все же далеко не терялъ надеждъ. *) . . . .

. . . .

---

*) Мемуары князя Адама Чарторижскаго оканчиваются на этой датѣ, 1805 г. Князь продолжалъ еще диктовать ихъ во время своей послѣдней болѣзни, но смерть скоро прервала его работу. Замѣтки, оставленныя имъ о своей послѣдующей жизни и дѣятельности, при всемъ своемъ интересѣ, не могутъ замѣнить связно изложеннаго разсказа. Слѣдующая глава о революціи въ Швеціи была продиктована гораздо раньше, вскорѣ послѣ описанныхъ событій.

ГЛАВА XIII.

Лѣто 1809 года. Революція, заставившая Густава-Адольфа отказаться отъ трона. Свѣдѣнія, полученныя отъ весьма освѣдомленныхъ шведовъ, замѣшанныхъ въ этихъ событіяхъ.

Давно уже поведеніе шведскаго короля приняло такой характеръ, благодаря которому онъ не могъ разсчитывать на расположеніе своихъ подданныхъ. Его не любили за произволъ и властолюбіе, проявленное имъ на Норкопингскомъ сеймѣ и въ разныхъ другихъ случаяхъ. Даже люди самые умѣренные и миролюбивые опасались его склонности заниматься одними лишь крупными общественными вопросами, совершенно не считаясь съ выгодами и интересами своей страны, которые требовали, наоборотъ, чрезвычайно осторожной, скорѣе даже пассивной политики, могущей предохранить Швецію отъ вмѣшательства въ какую-нибудь разорительную войну. Со времени разрыва съ Россіей опасенія шведовъ еще болѣе возрасли. Однако, факты показываютъ, что король могъ бы удержаться на тронѣ. При умѣломъ направленіи военныхъ дѣйствій и правильномъ употребленіи тѣхъ средствъ, какія давала ему Швеція, онъ не потерялъ бы Финляндіи. Но для этого требовались умъ и умѣнье пріобрѣсти любовь народа.

Поставленный въ критическое положеніе политикой короля народъ думалъ, что король самъ станетъ во главѣ войскъ, какъ это дѣлали его предшественники, пріучившіе къ тому шведовъ; но Густавъ-Адольфъ поступилъ совершенно иначе: вмѣсто

того, чтобы дѣйствительно стать во главѣ войскъ и воодушевлять ихъ своимъ присутствіемъ, онъ остался въ Стокгольмѣ, и дѣятельность его выразилась лишь въ томъ, что онъ руководилъ военными дѣйствіями издали и для продолженія войны выжималъ послѣдніе рессурсы страны. И въ самомъ дѣлѣ, у него была армія численностью до 120000 человѣкъ,—цифра, которой трудно повѣрить, принявъ во вниманіе, что все населеніе Швеціи, выставившее это количество солдатъ, не превышало двухъ милліоновъ. Но войска большею частью не получали жалованія, были плохо вооружены, плохо одѣты и еще хуже обучены. Поэтому въ неуспѣшности войны съ русскими Швеція, дѣйствительно, могла обвинять только короля.

Въ то время, когда русская армія дошла уже до Наза, а шведскій генералъ Сандельсъ шелъ къ Куопіо, сообразуя свой путь съ движеніемъ отряда Клингспора, завоеванные Россіей берега, такъ же, какъ и берега русской Финляндіи, оставались почти безъ охраны, благодаря неудачнымъ распоряженіямъ Бугсгевдена. Шведы составили три экспедиціи, по 3000 человѣкъ каждая, которымъ было назначено высадиться у береговъ Або. Соединившись съ отрядомъ Сандельса, экспедиціи эти могли бы нанести непріятелю большой ущербъ. Но король, находившійся въ это время на Аландскихъ островахъ, послалъ приказъ начальникамъ экспедицій ожидать его дальнѣйшихъ распоряженій; распоряженій этихъ онъ не прислалъ, и одинъ изъ начальниковъ, храбрый и талантливый генералъ, не получая никакой инструкціи, пришелъ въ отчаяніе и, въ концѣ концовъ, самовольно высадился съ своимъ отрядомъ на берегъ, успѣшно вступилъ въ бой, но достигъ лишь того, что пробилъ себѣ дорогу къ Клингспору.

Король, разсерженный поступкомъ генерала, въ дѣйствительности заслуживавшимъ только одобренія, и видя въ этомъ недостатокъ повиновенія себѣ, отдалъ генерала подъ судъ; генералъ былъ осужденъ и получилъ свободу лишь благодаря вспыхнувшей въ Швеціи революціи. Два другіе генерала, на-

качавшись вдоволь въ волнахъ залива, вернулись въ Стокгольмъ съ экипажемъ, умиравшимъ отъ усталости и стужи.

Въ Стокгольмѣ разыгрались одна за другой ужасныя сцены. Пароходы, которые король посылалъ съ солдатами новаго набора, плохо одѣтыми и снабженными плохимъ провіантомъ, возвращались въ порты съ замерзшими тѣлами, и трупы эти приходилось топорами отдирать отъ мѣстъ, къ которымъ они примерзли, и сбрасывать въ море.

Одной изъ экспедицій, посланныхъ на Аландскіе острова, король приказалъ употребить всѣ усилія, чтобы удержаться на этихъ островахъ и дать скорѣе перебить всѣхъ солдатъ до послѣдняго, чѣмъ уступить непріятелю хоть одну пядь земли.

На зло нелюбимымъ имъ жителямъ Стокгольма, король устроилъ госпиталь въ оперѣ и приказалъ хоронить мертвыхъ въ полдень, чтобы населеніе Стокгольма не было избавлено отъ удручающихъ зрѣлищъ.

Для усиленія средствъ онъ произвольно увеличилъ налоги въ четыре или пять разъ, и тѣмъ довелъ обложеніе до такого уровня, при которомъ населеніе, при всемъ желаніи, не могло аккуратно выплачивать налоги, такъ какъ ихъ общая сумма превышала количество денегъ, находившееся въ обращеніи во всемъ королевствѣ. Совѣтъ, которому по закону принадлежало право обнародывать приказы короля, отказался опубликовать этотъ приказъ и послалъ своего президента, генерала Дронара графа Вахтмейстеръ, къ королю съ соотвѣтствующими представленіями. Король былъ чрезвычайно разгнѣванъ этимъ поступкомъ и приказалъ, не переча его волѣ, черезъ два часа объявить объ увеличеніи налоговъ. Члены совѣта думали было подать въ отставку, такъ какъ мѣра эта нарушала конституцію, но затѣмъ рѣшили повиноваться, чтобы не запутывать и не ухудшить еще болѣе положеніе дѣлъ. Несмотря на это, король сохранилъ вражду къ тѣмъ, кто всего болѣе настаивалъ на этомъ протестѣ, и въ особенности къ барону Штедингу.

Кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ экспедицій король послалъ еще и четвертую, составленную изъ гвардейцевъ, съ приказомъ высадиться въ Финляндіи и идти къ русской границѣ, къ Выборгу. Такъ какъ экспедиція эта была послана совершенно отдѣльно отъ другихъ войскъ и состояла всего изъ 2000 человѣкъ, то она, въ концѣ концовъ, была вынуждена возвратиться въ Стокгольмъ. Король пришелъ въ ярость, осыпалъ гвардейцевъ оскорбленіями и раскассировалъ ихъ полки, оставивъ для себя только два нѣмецкихъ полка. Напрасно командовавшій экспедиціей генералъ представилъ ему меморіалъ, доказывавшій, что идти дальше было невозможно, что онъ ушелъ только послѣ того, какъ потерялъ третью часть солдатъ, и что если кто долженъ былъ нести въ этомъ случаѣ наказаніе, то только онъ одинъ, потому что гвардейцы лишь повиновались его приказаніямъ,—все было совершенно безполезно,—король наградилъ генерала, но гвардіи наказанія не уменьшилъ.

По мѣрѣ того, какъ дѣла принимали все болѣе и болѣе плохой оборотъ, ярость короля увеличивалась. Онъ поклялся скорѣе пролить послѣднюю каплю шведской крови, чѣмъ согласиться на миръ, называлъ измѣнниками всѣхъ, кто осмѣливался говорить о мирѣ, трусами—кто живымъ возвращался съ поля битвы, самъ же распоряжался военными дѣйствіями, руководясь текстомъ Апокалипсиса и теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, описаннымъ въ астрологическихъ альманахахъ. Столь безразсудное и самовластное поведеніе все сильнѣе раздражало умы. Въ маѣ организовался заговоръ съ цѣлью вывести королевство изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ оно очутилось. Дворяне, оскорбленные выходками короля на норкопингскомъ сеймѣ и вслѣдствіе этого сложившіе съ себя дворянское званіе, были самыми дѣятельными членами этого заговора. Но было необходимо, чтобы ударъ нанесла одна изъ армій. Всего скорѣе могла это сдѣлать армія, находившаяся на Аландскихъ островахъ, но она считала безчестнымъ оставить

свой постъ въ моментъ ожиданія битвы. Поэтому за это взялась западная армія, находившаяся въ Норвегіи. Подполковникъ Адлерспарре, арестовавъ прежде всѣхъ старшихъ офицеровъ, въ которыхъ не былъ увѣренъ, съ отрядомъ въ 6000 или 7000 человѣкъ направился къ Стокгольму. Король былъ такъ мало любимъ, что узналъ о приближеніи арміи лишь тогда, когда она находилась уже близъ самой столицы. Первымъ извѣстилъ его объ этомъ баронъ Штедингъ, но король не повѣрилъ своему бывшему слугѣ. Онъ все еще сердился на барона за инцидентъ въ совѣтѣ. Преданность, выказанная барономъ при сообщеніи столь важнаго извѣстія, о которомъ никто не смѣлъ заговорить съ королемъ, только разгнѣвала короля. Этому монарху невозможно было служить преданно. Онъ не довѣрялъ тѣмъ, кто былъ наиболѣе къ нему привязанъ. Онъ заподозрѣлъ, что Штедингъ хитритъ съ нимъ съ цѣлью заставить его заключить миръ, такъ какъ тотъ часто давалъ ему совѣты въ этомъ духѣ. Король обращался съ Штедингомъ то сурово, то съ притворнымъ расположеніемъ, но всегда питалъ къ нему вражду, такъ какъ никогда никому не прощалъ даже воображаемыхъ обидъ. Офицера, принесшаго барону Штедингу это извѣстіе, онъ велѣлъ предать военному суду. Наконецъ, одинъ курьеръ, бѣжавшій отъ инсургентовъ, разсѣялъ всѣ сомнѣнія короля. На мгновеніе онъ отдалъ справедливость барону Штедингу и хотѣлъ послать его навстрѣчу возставшей арміи, но баронъ отвѣтилъ, что возьметъ это на себя лишь въ томъ случаѣ, если король обѣщаетъ заключить столь желанный для Швеціи миръ и объявитъ созывъ сейма. Тогда король пришелъ въ полную ярость, усмотрѣвъ въ этихъ условіяхъ стремленіе предписывать ему законы, сталъ грозить Штедингу отдачей подъ судъ, на что тотъ отвѣтилъ, что его невинность и законы Швеціи защитятъ его. Кажется, это произошло въ утро послѣдняго дня, за нѣсколько минутъ до начала революціи.

Король, вмѣсто того, чтобы принять мѣры для успокоенія

умовъ, или же стать во главѣ войскъ, которыя онъ успѣлъ бы еще собрать вокругъ себя, и идти навстрѣчу бунтовщикамъ, рѣшился на бѣгство изъ Стокгольма въ Сконію, предоставивъ административную власть и защиту столицы бургомистру. Для перевозки всего, что ему хотѣлось взять съ собой, онъ велѣлъ выставить на каждой станціи по 2000 лошадей и по 1500 лошадей для артиллеріи.

Удалившись въ Сконію, онъ намѣревался собрать тамъ армію и начать дѣйствія противъ инсургентовъ.

Въ два часа утра къ королю позвали главнаго директора банка, гофмаршала Ферзена. Его величество, желая взять съ собою всѣ деньги, находившіяся въ банкѣ, приказалъ Ферзену выдать ихъ ему. По существующимъ въ Швеціи законамъ банкъ находится подъ охраной государства, и король не имѣетъ права самолично распоряжаться правительственными деньгами. Графъ Ферзенъ вначалѣ указалъ его величеству на невозможность исполнить это приказаніе, но, въ концѣ концовъ, объявилъ, что ничего не можетъ рѣшать безъ своихъ коллегъ, и потому находитъ, что требованія его величества должны быть предъявлены правленію банка. Король отпустилъ Ферзена, сказавъ, что такъ и сдѣлаетъ. Пока происходило все это, Стокгольмъ еще не спалъ. Случилось такъ, что въ этотъ день давался большой балъ, на который собрались всѣ наиболѣе извѣстныя лица; поэтому намѣреніе короля бѣжать, его приказы и дѣйствія тотчасъ же стали всѣмъ извѣстны. Поднялась всеобщая тревога. Думали, что уже настала минута полнаго разоренія страны; каждый былъ убѣжденъ, что если бы королю удалось исполнить свой планъ, гражданская война стала бы неизбѣжной. Въ виду наступившей крайности признали необходимымъ, чтобы министры, совмѣстно съ наиболѣе знатными лицами, отправились къ королю, обрисовали ему положеніе вещей и убѣдили его отказаться отъ своего намѣренія. Но заговорщики, чувствуя всю несостоятельность подобной попытки, отправились къ генералу Адлеркрейцу съ

заявленіемъ, что онъ долженъ спасти отечество. Наканунѣ генералъ былъ у барона Штединга и откровенно говорилъ съ нимъ. Но видя, что баронъ, хотя и не оправдываетъ поведенія короля, все же преданъ ему, онъ умолчалъ о своихъ намѣреніяхъ. Адлеркрейцъ ничего не обѣщалъ заговорщикамъ, заявивъ имъ, что рѣшитъ, какъ надо дѣйствовать, смотря по тому, къ какимъ результатамъ приведутъ уже принятыя другими попытки.

На слѣдующій день утромъ сенешалъ Вахтмейстеръ, больной семидесятилѣтній старикъ, не встававшій съ постели, велѣлъ отнести себя къ королю, желая вмѣстѣ съ маршаломъ Клингспоромъ представить его величеству всю опасность его положенія. Король принялъ его чрезвычайно дурно и велѣлъ уйти, говоря, что не нуждается въ его совѣтахъ, и что онъ долженъ заботиться лишь о своихъ дѣлахъ, не вмѣшиваясь въ дѣла короля.

Къ ночи заговорщики запаслись эскадрономъ гвардейскихъ кирасиръ, чтобы въ случаѣ надобности занять подъѣздныя ко дворцу дороги.

Явившись утромъ въ переднюю короля съ четырьмя своими адъютантами, генералъ Адлеркрейцъ встрѣтилъ тамъ полковника Сильверспарре. Генералъ горячо сталъ говорить ему о дѣлахъ, объ ужасномъ положеніи, въ которомъ очутилась Швеція, и необходимости спасти отечество отъ угрожавшаго ему разоренія. Такъ какъ полковникъ Сильверспарре оказался одного съ нимъ мнѣнія, то онъ сообщилъ ему свой взглядъ на единственно оставшееся средство помочь злу и спросилъ, можетъ ли онъ разсчитывать на его помощь въ нужную минуту. Полковникъ отвѣтилъ на это утвердительно, и они протянули другъ другу руки, еще за минуту до того не зная, что между ними состоится такой уговоръ.

Немного спустя, когда Клингспоръ и Вахтмейстеръ, несмотря на всѣ сдѣланныя ими попытки заставить короля отказаться отъ принятыхъ имъ рѣшеній, вышли изъ его кабинета, не до-

бившись никакого результата, Адлеркрейцъ рѣшилъ не откладывать долѣе выполненія своего плана. Въ сопровожденіи четырехъ адъютантовъ и полковника Сильверспарре онъ вошелъ къ королю. Король, чрезвычайно удивленный тѣмъ, что къ нему явились люди, не имѣвшіе права входа, спросилъ, какъ они смѣли это сдѣлать и что имъ нужно. Заговорщики стали на колѣни, заклиная его величество внять мольбамъ всей Швеціи и не губить самого себя. Въ отвѣтъ на это король закричалъ, что хотѣлъ бы видѣть того, кто осмѣлится помѣшать ему поступать такъ, какъ онъ хочетъ. Тогда, потерявъ всякую надежду уговорить его, заговорщики поднялись съ колѣнъ со словами: „Мы“. Король пришелъ въ страшную ярость и, крича объ измѣнѣ, хотѣлъ выхватить свою шпагу, но полковникъ Сильверспарре вырвалъ ее у него. Послѣ этого король впалъ въ совершенно безучастное состояніе, сѣлъ на стулъ и сидѣлъ, опустивъ глаза и не произнося ни слова.

Однако, распространившійся въ замкѣ слухъ о покушеніи вызвалъ большое волненіе. Гвардія и драбанты устремились къ кабинету короля во главѣ съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Миленомъ. Въ тотъ же моментъ Адлеркрейцъ отворилъ обѣ половинки дверей кабинета, и всѣ увидѣли короля, смиренно сидѣвшаго и не выказывавшаго никакого сопротивленія. Увѣреннымъ тономъ Адлеркрейцъ закричалъ на солдатъ, какъ они смѣли позволить себѣ такое нарушеніе дисциплины, и вырвалъ изъ рукъ Милена адъютантскій жезлъ, дающій въ Швеціи большую власть; поднявъ его, онъ отъ имени короля, скомандовалъ солдатамъ удалиться, что они тотчасъ же и исполнили. Затѣмъ двери кабинета закрыли, полагая, что король никуда не уйдетъ оттуда. Выйдя съ адъютантами въ пріемную и встрѣтивъ тамъ министра Дугласа, генералъ Адлеркрейцъ предложилъ ему и его коллегамъ, находившимся здѣсь же, пойти успокоить короля. Войдя въ кабинетъ, министры оставались тамъ нѣкоторое время. Одинъ изъ офицеровъ, желая посмотрѣть, что тамъ дѣлается, подошелъ къ

двери и увидѣлъ, что король шпагой Дугласа открываетъ потайную дверь, о существованіи которой заговорщики не знали и черезъ которую разными корридорами король могъ выйти во внутренніе дворы замка.

Заговорщики тотчасъ же бросились за нимъ въ погоню. Видя себя окруженнымъ и почти что настигнутымъ, вмѣсто того, чтобы защищаться шпагой, король бросилъ часы въ лицо одного изъ заговорщиковъ. Но на этотъ разъ онъ бы отъ нихъ ускользнулъ, если бы не нѣкій маіоръ Грюннъ, бывшій когда-то охотникомъ. Зная всѣ проходы во дворцѣ, Грюннъ съ сообразительностью охотника бросился прямо во внутренній дворъ, куда вели выходы изъ потайныхъ корридоровъ. При появленіи короля, онъ обхватилъ его сильными руками и принесъ обратно, не давая возможности ни вырваться, ни поранить его шпагой. Въ то время, какъ онъ несъ его черезъ дворъ, отбивавшійся король закричалъ одному изъ стоявшихъ на караулѣ часовыхъ, чтобы тотъ стрѣлялъ. По-шведски приказаніе это передается словомъ „schout". Грюннъ, не растерявшись, закричалъ почти то же слово, что сказалъ король, но измѣнивъ „schout" на „schouk", что означаетъ „боленъ". Это, вѣроятно, и заставило часового подумать, что король боленъ и что его надо отнести въ его покои.

Съ этого момента для охраны короля приняли самыя строгія мѣры. Онъ находился всегда на виду у поставленныхъ для его охраны офицеровъ. Къ этому же времени всѣ заговорщики уже собрались во дворецъ. Они отправились къ герцогу Зюдерманландскому, прося его принять на себя регентство. Герцогъ, повидимому, ничего не знавшій о заговорѣ, такъ какъ въ виду его слабохарактерности остерегались посвятить его въ это дѣло, вначалѣ отказывался, но затѣмъ уступилъ. Король, несмотря на выказанное сопротивленіе, былъ перевезенъ въ замокъ Гринсгольмъ. Его удалось уговорить попросить для себя именно этотъ замокъ, такъ какъ остальные находились якобы на пути западной арміи, направ-

лявшейся къ столицѣ, и еще потому, что по расположенію комнатъ Гринсгольмъ представлялъ возможность лучшей охраны.

Герцогъ Зюдерманландскій принялъ на себя регентство. Каждый занялся своими дѣлами, и утреннія происшествія оставили такъ мало впечатлѣнія, что въ тотъ же вечеръ театръ былъ открытъ при переполненномъ зрительномъ залѣ.

Если бы у короля было больше рѣшимости и мужества, или же, если бы Миленъ не растерялся и сталъ во главѣ гвардіи и драбантовъ, успѣхъ заговора былъ бы сомнителенъ, или, по крайней мѣрѣ, вызвалъ бы кровопролитіе, во время котораго король могъ и ускользнуть.

Говорятъ, будто въ критическую минуту Сильверспарре подошелъ къ королю и сказалъ ему на ухо, что если онъ произнесетъ еще хотя одно слово или же сдѣлаетъ хотя одно движеніе, его убьютъ, и что будто эта-то угроза парализовала окончательно всѣ способности короля. Позже для него уже не было спасенія, такъ какъ заговорщики успѣли собраться, подняли городъ и заняли всѣ пути. Поэтому, если бы королю и удалась попытка убѣжать изъ дворца, онъ, вѣроятно, былъ бы убитъ: такъ мало было у него друзей, какъ среди военныхъ, такъ и среди дворянъ и буржуазіи.

Говорили даже, что и нѣмецкія войска болѣе не выказывали ему преданности, потому что отданный еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ приказъ зарядить ружья пулями не былъ исполненъ. Такимъ образомъ Грюннъ, дѣйствительно, можетъ считаться спасителемъ короля и, пожалуй, именно поэтому король—какъ это ни странно на первый взглядъ—въ настоящее время любитъ этого офицера болѣе всѣхъ другихъ и называетъ его своимъ лучшимъ другомъ. Грюннъ состоитъ теперь въ охранѣ Гринсгольма.

Королева-мать была чрезвычайно удручена всѣми этими событіями, но не вышла изъ той пассивной роли, которой держалась во время царствованія супруга и сына. Царствующая же королева, когда ей сообщили обо всемъ происшедшемъ,

говорятъ, воскликнула: „Со стороны шведовъ меня это не удивляетъ.“ Слова эти, быстро разнесшіяся по всей Швеціи, укрѣпили въ народѣ мысль, что королева ненавидитъ и Швецію, и шведовъ, и что ненависть къ шведамъ, замѣчавшуюся въ королѣ, а также и его привязанность къ Германіи и нѣмцамъ, можно приписать отчасти и ея вліянію.

Говорили, что королева убѣдила своего супруга продлить въ 1804 году свое пребываніе въ Германіи и поддерживала въ немъ странную мысль, что онъ, сидя въ Швабіи, можетъ управлять королевствомъ.

Можетъ быть, именно благодаря такому мнѣнію о королевѣ, которое она не заботилась разсѣять, несмотря на всѣ рѣдкія и прекрасныя черты своего характера, рѣшено было отстранить отъ престола и наслѣдника, такъ какъ помимо того, что онъ былъ ребенкомъ слабымъ *) и не подавалъ большихъ надеждъ, онъ былъ несовершеннолѣтній, а во время несовершеннолѣтія сына, по законамъ, правомъ регентства пользовалась бы королева. У шведовъ же были основанія опасаться, что переходъ власти къ королевѣ повлечетъ за собой возвращеніе къ правительственной системѣ короля, а въ особенности боялись того, что въ этомъ случаѣ всѣ участники революціи подвергнутся мести.

Король съ того времени остался въ Гринсгольмѣ и, кажется, отлично себя тамъ чувствовалъ, въ особенности потому, что туда позволили переѣхать и королевѣ. Большую часть времени онъ проводилъ за чтеніемъ библіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился престола, нерасположеніе къ нему стало

---

*) Такъ говорили тогда всѣ, или по крайней мѣрѣ, всѣ шведы, изъ желанія оправдаться въ несправедливости по отношенію къ молодому королевичу, въ которой ихъ упрекали. Дѣйствительность доказала противное. Съ лѣтами королевичъ сталъ, какъ говорятъ, весьма интереснымъ молодымъ человѣкомъ, и кто его знаетъ, тотъ не можетъ не принять самаго живого участія въ его судьбѣ и не пожалѣть, что у него отняли престолъ предковъ.

безграничнымъ. Увѣряли, будто онъ уже три раза терялъ разсудокъ: первый разъ еще до совершеннолѣтія, второй—послѣ своего путешествія въ Россію и въ третій—передъ низложеніемъ. Правда, иногда казалось, что онъ страдаетъ припадками маніи, свидѣтелями которыхъ бывали не только его подданные, но порою также и иностранные послы. Такъ, напримѣръ, Ниртонъ, Торнтонъ и Мэри *) часто подвергались его вспышкамъ. Торнтона, не желавшаго обѣщать ему сумму больше той, которую хотѣло дать англійское правительство, онъ прогналъ отъ себя самымъ оскорбительнымъ образомъ и недовольный твердостью его характера, потребовалъ отъ Англіи его отозванія и назначенія на его мѣсто Мэри, который, какъ извѣстно было королю, отличался болѣе слабымъ характеромъ и которымъ было легче вертѣть. Но по пріѣздѣ Мэри, во время перваго же съ нимъ разговора, не найдя въ немъ ожидаемой сговорчивости, король вдругъ повернулся и ушелъ, чрезвычайно удививъ министра такимъ пріемомъ.

Тотчасъ по взятіи на себя управленія страной, герцогъ Зюдерманландскій написалъ Адлерспарре письмо, въ которомъ говорилъ о счастливомъ окончаніи революціи и о возможности вернуть западную армію къ границѣ, въ виду достиженія той цѣли, ради которой она была призвана въ Стокгольмъ. Адлерспарре отвѣтилъ въ такомъ родѣ: „Западная армія, которой онъ имѣлъ честь командовать, съ восторгомъ привѣтствуетъ счастливый для страны переворотъ, а въ особенности предоставленіе герцогу перваго правительственнаго поста; но что онъ и его товарищи по оружію поклялись разстаться только лишь послѣ полнаго достиженія поставленной себѣ цѣли, заключавшейся въ созывѣ сейма и установленіи порядка вещей, обезпечивающаго свободу и счастье Швеціи; что ихъ собственная безопасность требовала, чтобы они не разъединялись и

*) Англійскіе послы.

продолжали свое дѣло до тѣхъ поръ, пока цѣль эта не будетъ достигнута, и пока изъ совѣта новаго правительства не будутъ удалены лица, способствовавшія своими взглядами гибели Швеціи.“ Такъ какъ западная армія продолжала придвигаться къ Стокгольму, регентъ поспѣшилъ удалить изъ государственнаго совѣта Эрентейна, Дугласа и Зибета, бывшихъ при королѣ Густавѣ-Адольфѣ IV министрами иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи.

Въ виду того, что наиболѣе выдающуюся роль въ этой революціи игралъ Адлерспарре, не лишнее будетъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Военная карьера и литературная дѣятельность интересовали его съ самой ранней юности. Нѣсколько разъ изъ-за несправедливаго отношенія къ нему онъ бросалъ военную службу и отдавался литературѣ. Онъ издавалъ журналы, считавшіеся въ Швеціи лучшими. Его слогъ отличался замѣчательной ясностью, изяществомъ и силой, затрагивавшіеся имъ вопросы свидѣтельствовали о его разнообразныхъ познаніяхъ въ исторіи, политической экономіи и финансахъ. Король Густавъ-Адольфъ, всегда недовольный всѣмъ, что только способствовало распространенію просвѣщенія въ Швеціи, запретилъ передъ войной Адлерспарре изданіе журнала. Приказъ этотъ былъ данъ черезъ Зибета, бывшаго тогда министромъ юстиціи. Предполагаютъ, что, настаивая на отставкѣ Зибета, Адлерспарре руководился отчасти личной местью.

Его рѣчи въ качествѣ депутата норкопингскаго сейма были замѣчательны по силѣ и краснорѣчію и считались лучшими изъ всѣхъ рѣчей, тамъ произнесенныхъ. Онъ постоянно находился въ оппозиціи и былъ наиболѣе выдающимся ея членомъ, но не послѣдовалъ примѣру депутатовъ, сложившихъ съ себя дворянское званіе.

Онъ съ отличіемъ участвовалъ въ первой шведской войнѣ, въ качествѣ адъютанта герцога Зюдерманландскаго, и перенесъ отъ герцога несправедливости, на которыя имѣлъ право жало-

ваться. Во время послѣдней войны Адлерспарре пожелалъ быть вновь принятымъ на службу и былъ зачисленъ въ чинѣ подполковника. Есть предположеніе, что у него были болѣе обширные планы, и что онъ нашелъ бы достаточно смѣлости, настойчивости и таланта для ихъ выполненія. Хотя онъ умѣетъ, когда нужно, владѣть собою, но, по слухамъ, онъ человѣкъ очень сильныхъ страстей и главная изъ нихъ—честолюбіе и желаніе властвовать. Кромѣ того, онъ не легко забываетъ полученныя обиды. Однимъ словомъ, его причисляютъ къ такимъ людямъ, которые способны быть господами самыхъ трудныхъ положеній, выдвигаются въ революціяхъ и умѣютъ достигать даже верховной власти.

Подозрѣваютъ, что и Адлерспарре имѣлъ такіе же виды и хотѣлъ сыграть роль Наполеона въ миніатюрѣ. Поведеніе его, дѣйствительно, могло возбудить подобное подозрѣніе. Его торжественный въѣздъ въ Стокгольмъ, во главѣ западной арміи, носилъ характеръ тріумфа. Онъ составилъ себѣ конвой изъ пятидесяти солдатъ и двухъ пушекъ. Затѣмъ, потребовавъ отставки старыхъ министровъ, заставилъ назначить себя въ совѣтъ, а впослѣдствіи -- въ законодательную комиссію сейма. Онъ особенно заботился о поддержаніи установившагося при его содѣйствіи въ войскахъ согласія. Подобное поведеніе вызывало многихъ на размышленіе и почти никому не нравилось. И снова короля обвиняли въ слабости за то, что онъ переносилъ все это. Но общее неудовольствіе противъ Адлерспарре возрасло еще больше, когда въ день коронаціи новаго короля онъ появился на торжествѣ во главѣ многочисленной кавалькады изъ всѣхъ офицеровъ своей арміи.

Догадавшись, повидимому, о составившемся о немъ въ обществѣ мнѣніи, онъ принялъ вдругъ рѣшеніе сложить съ себя всѣ должности и уѣхать въ свои имѣнія. Тамъ онъ выгодно женился на богатой и красивой женщинѣ и жилъ, какъ частное лицо, занимаясь исключительно хозяйствомъ.

Поведеніе его по отношенію къ русскому посланнику также

слѣдуетъ отмѣтить. Тотчасъ послѣ революціи и шаговъ, сдѣланныхъ новымъ шведскимъ правительствомъ къ примиренію съ Россіей, въ Стокгольмъ былъ посланъ Алопеусъ разузнать все, что тамъ происходитъ и выяснить положеніе вещей. Адлерспарре, бывшій до войны въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ Алопеусомъ, сталъ по его пріѣздѣ избѣгать его до такой степени, что сказался даже больнымъ, чтобы не присутствовать на одномъ обѣдѣ, на который были приглашены всѣ члены совѣта и русскій посланникъ. Точно также, будучи однажды въ гостяхъ у лица, къ которому пріѣхалъ и Алопеусъ, онъ попросилъ хозяина дома выйти къ Алопеусу, самъ же видѣться съ нимъ отказался. Люди обыкновенно склонны усматривать въ поступкахъ другихъ слѣды какого-нибудь личнаго интереса. Хотя въ большинствѣ случаевъ такая оцѣнка и оказывается вѣрной, но все же нельзя отрицать и возможности ошибокъ. Такъ какъ поведеніе человѣка, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, не вполнѣ выяснено, а дѣйствія его не могутъ служить вѣрнымъ ключемъ къ разгадкѣ его подлинныхъ побужденій, то лишь близкіе къ Адлерспарре люди могли бы разъяснить намъ, дѣйствительно ли имъ руководили въ данномъ случаѣ приписываемыя ему намѣренія.

Возможно, что онъ былъ просто человѣкъ талантливый, съ характеромъ, искренно желавшій спасти отечество и положить конецъ господствовавшему тамъ самовластію. Но, прибѣгнувъ для этого къ мѣрамъ наиболѣе соотвѣтствовавшимъ, по его мнѣнію, данному положенію вещей, и, добившись, насколько это было возможно, задуманной цѣли, онъ увидѣлъ, что его поступки оцѣниваются несправедливо. Поэтому, желая уйти на покой съ почетомъ, онъ удалился въ свои помѣстья, въ то же время будучи всегда готовымъ въ случаѣ надобности вновь начать служить отечеству. Отношеніе же его къ русскому посланнику можно объяснить тѣмъ, что цѣлью революціи, зачинщикомъ которой онъ являлся, было прекращеніе произвольнаго и гибельнаго правленія короля, но отнюдь не жела-

ніе дѣйствовать на пользу иностранной державы, погубившей Швецію своей политикой. Впослѣдствіи Адлерспарре былъ вновь призванъ въ Стокгольмъ на прежнее мѣсто въ совѣтѣ, гдѣ въ настоящее время играетъ главную роль.

Новое шведское правительство кажется еще не вполнѣ прочно установившимся. Оно все еще находится въ періодѣ революціи и, вообще думаютъ, что въ нѣдрахъ Швеціи и до сего времени кроются элементы, могущіе вызвать новыя волненія. Вновь избранный король по натурѣ своей страшно слабохарактеренъ, а годы еще больше увеличиваютъ въ немъ этотъ недостатокъ. Онъ оказывается игрушкой въ рукахъ то одной, то другой партіи. Желая въ одинаковой степени угождать всѣмъ партіямъ, онъ поочередно поддается той изъ нихъ, которую считаетъ въ данный моментъ наиболѣе вліятельной. Личный составъ совѣта совершенно неспособенъ восполнить то, чего недостаетъ въ характерѣ короля. Совѣтъ состоитъ большей частью изъ никуда негодныхъ и больныхъ стариковъ. Остальная часть его членовъ или люди нуждающіеся, несвободные даже отъ подозрѣній во взяточничествѣ, или же безпокойные и несогласные другъ съ другомъ изъ-за различія партійныхъ воззрѣній.

Къ первымъ надлежитъ причислить маршала Клингспора, человѣка хитраго, осторожнаго, скрытнаго и большого корыстолюбца. Онъ постоянно жаловался на понесенныя имъ во время этой войны потери и на затруднительность своего матеріальнаго положенія. По всей вѣроятности, онъ былъ бы очень доволенъ, если бы какой-нибудь иностранный принцъ пожелалъ воспользоваться его услугами и за это устроилъ его денежныя дѣла. Затѣмъ слѣдуетъ Лагербиль, прежній секретарь короля Густава-Адольфа, бывшій также однимъ изъ зачинщиковъ революціи. Отличительными свойствами Лагербиля являются талантливость, большая способность къ работѣ, столь же большое легкомысліе и безпринципность. Съ этимъ у него соединяется и большая нужда въ деньгахъ, а слѣдовательно, и желаніе достать ихъ даже цѣной измѣны своему долгу.

Къ числу вторыхъ можно отнести Адлерспарре, который, послѣ временнаго удаленія отъ дѣлъ, теперь снова вернулся къ нимъ, затѣмъ генерала Адлеркрейца. Но Адлеркрейцъ, хотя и считается человѣкомъ достойнымъ уваженія, рѣшительнымъ и талантливымъ, стремящимся къ добру, но все же къ нему, какъ финну, несправедливы, ибо между финнами и шведами спо-конъ вѣковъ существуетъ вражда. Адлеркрейцъ или предвидя такое къ себѣ отношеніе, или же не желая рисковать своими финляндскими помѣстьями, далъ понять Алопеусу, во время его пребыванія въ Стокгольмѣ, что будетъ считать себя шведомъ, пока будетъ длиться война, но послѣ заключенія мира намѣренъ возвратиться въ Финляндію и раздѣлить судьбу своего отечества. Желая вознаградить Адлеркрейца за оказанныя имъ услуги, новый король хотѣлъ передать ему свой полкъ, но офицеры этого полка явились къ королю въ полномъ составѣ и стали умолять не обижать ихъ и попрежнему оставаться ихъ шефомъ. Король согласился. Этотъ вполнѣ естественный со стороны офицеровъ поступокъ, однако, былъ, повидимому, принятъ Адлеркрейцомъ за личную обиду, и надо полагать, еще болѣе увеличилъ его неудовольствіе. Швеція понесетъ въ его лицѣ истинную потерю. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, бывшій шведскимъ посланникомъ въ Варшавѣ и Берлинѣ, человѣкъ вполнѣ изысканный, съ пылкимъ сердцемъ, но не слышно, чтобы за нимъ числилось много высокихъ талантовъ. Долгое время его считали благосклонно настроеннымъ къ французамъ и врагомъ Россіи. Онъ женился на полькѣ и всегда выказывалъ себя весьма преданнымъ сторонникомъ этой страны. Бывшій шведскій посланникъ въ Петербургѣ Штедингъ теперь также назначенъ членомъ совѣта. Онъ искренно привязанъ къ королю, хотя тотъ часто обращается съ нимъ дурно. Говорятъ, что эта его привязанность дѣлаетъ его подозрительнымъ въ глазахъ товарищей и что даваемые имъ въ послѣднее время королю совѣты, а также и тотъ фактъ, что онъ первый сообщилъ ему объ ожидаемомъ прибытіи въ Сток-

гольмъ западной арміи, уменьшили то всеобщее доворіе, какимъ онъ пользовался, благодаря своимъ заслугамъ, благородству и безкорыстію, ибо на политику короля, страна смотрѣла, какъ на самое большое для себя бѣдствіе, и прекращеніе этого правленія считала своимъ спасеніемъ. Говорятъ, что годы произвели на Штединга обычное вліяніе и отразились на его способностяхъ и характерѣ. Огорченіе, причиненное ему несчастіями, постигшими его родину, конечно, болѣе всего способствовало тому, что онъ опустился. Его упрекаютъ также въ томъ, что онъ согласился подписать гибельный для Швеціи миръ съ Россіей, но, вѣдь, онъ вынужденъ былъ взять на себя эти переговоры по настояніямъ короля. Его считали наиболѣе способнымъ добиться для Швеціи хорошихъ условій въ виду имѣвшихся у него въ Россіи связей и уваженія, которое онъ тамъ пріобрѣлъ. Но всѣ его усилія не привели ни къ чему. Послѣ этого онъ сталъ стремиться уѣхать изъ Стокгольма съ тѣмъ, чтобы возвратиться туда позднѣе уже въ качествѣ частнаго лица. Не удивительно, что при такомъ составѣ правительства въ Швеціи ожидаютъ еще дальнѣйшихъ перемѣнъ. Въ моментъ заключенія мирнаго трактата королевство это находилось въ послѣдней крайности. Походъ противъ генерала Каменскаго, подъ предводительствомъ Вреде и Вахтмейстера, былъ послѣднимъ усиліемъ Швеціи. Не получивъ ожидаемаго результата, Швеція принуждена была согласиться на самыя тягостныя условія, такъ какъ у нея хватило бы средствъ на продолженіе войны не болѣе, какъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Конечно, если бы въ тѣхъ же условіяхъ находился Фридрихъ II, то онъ, несомнѣнно, продолжалъ бы войну. Лишь одинъ путь намѣчался для Швеціи къ тому, чтобы хотя до нѣкоторой степени поправить свои дѣла. То была надежда на присоединеніе Норвегіи. Но въ Фридрихсгамскомъ договорѣ не было ни одного секретнаго параграфа, который затрогивалъ бы этотъ вопросъ, въ возмѣщеніе Швеціи ея огромнѣйшихъ потерь, доходившихъ до трети всѣхъ

ея владѣній. Впрочемъ, Швеція, повидимому, за свои жертвы добилась, по крайней мѣрѣ, того, что въ договоръ не была включена Данія, и вопросъ о Норвегіи былъ обойденъ глубокимъ молчаніемъ. Данія не будетъ въ состояніи однѣми своими силами защитить Норвегію отъ шведовъ, а установившійся въ Швеціи республиканскій порядокъ скорѣй расположитъ норвежцевъ къ соединенію со Швеціей, тѣмъ болѣе, что въ Норвегіи недовольны господствомъ Даніи; къ тому же по нраву и обычаямъ норвежцы болѣе приближаются къ шведамъ.

Шведскій король началъ войну изъ-за Норвегіи по весьма неудачному плану. Армфельдъ, поставленный во главѣ арміи, разбросалъ на большомъ разстояніи свои войска и, неосторожно подвигаясь впередъ, всюду былъ разбитъ по частямъ. Храбрые, полные сознанія своего достоинства норвежцы отлично сражались подъ предводительствомъ принца Гольштейнъ-Августенбурга, хорошаго генерала, пользовавшагося ихъ довѣріемъ. При выборѣ его наслѣдникомъ престола, помимо различныхъ другихъ мотивовъ, руководствовались и желаніемъ самихъ норвежцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ видѣли средство подготовить соединеніе Швеціи и Норвегіи. Если война будетъ продолжаться до будущаго лѣта, возможно, что шведы опять попытаются овладѣть Норвегіей, развѣ только эта послѣдняя отдѣлится отъ Даніи и, по примѣру Ирландіи, станетъ подъ покровительство Великобританіи, или же отказъ принца Августенбургскаго принять тронъ измѣнитъ планы шведовъ. По слухамъ, новый наслѣдникъ обладаетъ военными и администраторскими талантами. Его считаютъ сторонникомъ французовъ. Быть можетъ, самый его выборъ былъ внушенъ Франціей, потому что вначалѣ шведы хотѣли было предложить корону одному изъ великихъ князей или же принцу Ольденбургскому, для великой княгини, его супруги.

Шведскіе депутаты, прибывшіе въ Петербургъ тотчасъ послѣ революціи, заговорили объ этомъ, но въ Швеціи скоро отказались отъ этой мысли. Она также не встрѣтила сочув-

ствія и въ Россіи, вѣроятно, какъ въ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ новый король получилъ шведскій престолъ, такъ и въ виду готовящейся новой конституціи, ограничивавшей власть короля, а также и того революціоннаго броженія, которое предполагали въ странѣ. Все это вмѣстѣ дѣлало шведскій престолъ мало привлекательнымъ. Тотъ фактъ, что въ новомъ сеймѣ большинство оказалось на сторонѣ крестьянскаго сословія, обнаружившаго мятежное настроеніе, вызывалъ опасеніе, что Швеція будетъ театромъ еще новыхъ волненій. Среди крестьянскаго сословія имѣются люди, выдающіеся своей талантливостью и здравымъ смысломъ. Крестьянство добилось уже большихъ уступокъ отъ дворянства и духовенства. Кромѣ того, говорятъ, что существуетъ еще партія, желающая возвратить престолъ наслѣдному принцу. Вообще, въ Швеціи есть люди, настроенные мятежно, а наличныя условія способны волновать ихъ еще больше.

Но самымъ безпокойнымъ среди шведовъ считается Армфельдъ. Подпавшій подъ опалу при королѣ Густавѣ-Адольфѣ, за ошибки, сдѣланныя имъ во время военныхъ дѣйствій въ Норвегіи, онъ сталъ однимъ изъ любимцевъ теперешняго короля и засѣдаетъ въ совѣтѣ. А между тѣмъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ за границу Норвегіи, онъ высказывалъ мысль, что слѣдовало бы посадить на престолъ наслѣдника, и что онъ готовъ стать во главѣ его партіи и немедленно приступить къ дѣйствіямъ. Но въ Швеціи Армфельдъ совершенно не пользуется довѣріемъ и не можетъ имѣть тамъ приверженцевъ. Повидимому, онъ самъ останется въ Швеціи, но постарается сохранить имѣющіяся у него въ Финляндіи земли и пенсіи.

Всю жизнь Армфельдъ былъ человѣкомъ безпринципнымъ. Былъ ли онъ вообще безнравственнымъ, этого я утверждать не могу. Наряду съ недостатками онъ обнаруживалъ и хорошія качества, былъ преданъ своему начальству и справедливъ.

Что бы ни случилось, Швеція, повидимому, рано или поздно

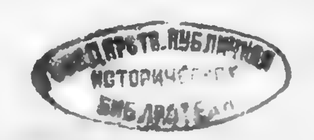
бросится въ объятія Франціи или, по крайней мѣрѣ, вернется къ той политикѣ, которой она нѣкогда слѣдовала и которая, кажется, наиболѣе отвѣчаетъ ея интересамъ.

Понесенныя ею потери, неизвинительное и жестокое по отношенію къ ней поведеніе русскаго кабинета, полная безпощадность, выказанная къ ней Россіей при заключеніи мира,— все это вмѣстѣ взятое необходимо должно внушить этому гордому и воинственному народу жажду мести и желаніе возстановить свою честь и интересы.

Чувство это, ослабленное теперь несчастіемъ и безсиліемъ, когда-нибудь воскреснетъ. Державы, и главнымъ образомъ Россія, полагаютъ, что Швеція стала слишкомъ ничтожной, чтобы изъ-за нея стоило дѣлать большія затраты, сызнова создавать въ ней партіи и вести интриги, послѣ того, какъ она почти вернулась къ старой системѣ правленія. Жалость, почти презрѣніе, которыя вызываетъ въ настоящее время Швеція при видѣ ея разрушенныхъ силъ, весьма послужатъ ей на пользу, если спасутъ ее отъ разрушительной политики, которая явилась главной причиной ея несчастій. То былъ единственный недостатокъ этого народа, но имъ парализовались всѣ его доблести.

Республиканскій духъ, утвержденіе котораго считается опаснымъ для Швеціи, можетъ послужить ей на пользу, если онъ будетъ правильно направляемъ, и если вмѣсто того, чтобы съ нимъ бороться и стремиться къ его истребленію, будутъ заботиться объ упорядоченіи всѣхъ его проявленій. При этомъ условіи развитіе республиканскаго духа будетъ содѣйствовать не ослабленію, а укрѣпленію Швеціи и, можетъ быть, обстоятельства еще сложатся такимъ образомъ, что Швеція начнетъ играть роль и явится весьма неудобнымъ и вредоноснымъ врагомъ Россіи.

Конецъ перваго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

